

ОБЩЕСТВО - СРЕДА - РАЗВИТИЕ

www.terrahumana.ru

№ 1(38)'16

Выходит 4 раза в год

Входит в «Перечень ведущих рецензируемых научных журналов...» ВАК Минобрнауки РФ

ОБЩЕСТВО

От редакции.....	3
Эффективное управление	
Гладкий Ю.Н., Гладкий И.Ю., Махова И.П. О пространственных издержках рыночной урбанизации в России	4
Соломин В.П., Султанов К.В., Воскресенский А.А. Концептология экономических знаний: к вопросу об основаниях	10
Глобализация: полемика цивилизаций	
Weissman M.G., Alimov A.A. Time of Troubles: Smutnoe Vremia.....	14
Мясников С.В., Ань Яньхуэй. Российско-китайское экономическое и политическое партнерство. Лесная политика России.....	26
Феномены социального развития	
Бороноев А.О., Захарова Е.М. Пятьдесят лет Научно-исследовательскому институту комплексных социальных исследований (НИИКСИ).....	31
Тхакахов В.Х. П.Г. Мижуев – социолог-урбанист	35
Харитоновна Е.Г. Особенности развития «третьего сектора» в России: профессионализация кадров НКО-сообщества.....	38
Языки культуры	
Кисиленко А.П. Особенности символического подхода в исследовании культурного ландшафта города.....	42
Орлова Н.Х. Путевые заметки по Норвегии: тексты и контексты.....	47
Мир художественной культуры	
Забродина Г.Д., Сазина И.В. От символа – к художественному образу: структурно-семиотический подход к проектно-эстетической проблематике	51
Федотова А.В. Маркетинг в сфере художественной культуры	60
Культурное наследие	
Хлезов А.А. Корабль в культуре Скандинавии бронзового века: географический аспект	65
Правдин К.Г. Эвристика и каталогизация экслибриса (книжного знака) в фондах Государственного мемориального музея А.В. Суворова	70
Ценностный опыт	
Султанов К.В., Федорин С.Э. Социокультурная и мировоззренческая идентичности молодого специалиста: горизонты манипулятивного воздействия.....	77

СРЕДА ОБИТАНИЯ

Осмысление ноосферы

Малофеевская Н.А. Социально-экономический статус человека как фактор формирования злокачественных новообразований (обзор зарубежных исследований) 82

Никитчук К.Л. Перспективы внедрения традиционных экологических знаний коренных малочисленных народов в практику охраны окружающей среды и рационального природопользования 87

Глобальный экологический кризис: мифы и реальность

Кондратьев С.А., Шмакова М.В., Брюханов А.Ю., Чичкова Е.Ф., Маркова Е.Г. Оценка возможного снижения биогенной нагрузки, сформированной на речном водосборе, в результате внедрения наилучших доступных сельскохозяйственных технологий 92

Природная среда

Кублицкий Ю.А., Харин Г.С., Субетто Д.А., Арсланов Х.А. Реконструкция формирования озер и болот Виштынецкой возвышенности (Калининградская область) и их седиментационных процессов 100

Городская среда

Федулова С.И. Опыт Финляндии в вовлечении населения в городское планирование 106

Забродина Г.Д., Волошинов А.В. Пространственная символика как архетипическое основание культурного ландшафта 111

НОВОСТИ

Субетто А.И. Ноосферизм как новая научно-мировоззренческая система в XXI веке (в контексте императива выживаемости) 116

Алимов А.А., Немчинова Т.С., Стецко Е.В. Россия в мире и мир в России 118

Алимов А.А., Тулупов Д.С., Лексютина Я.В., Стецко Е.В. Арктическая тематика на берегах Невы. Обзор основных научных мероприятий 2015 г. 121

Акимов С.С. Секция искусствоведения на 40-х Добролюбовских чтениях. Международная конференция, Нижний Новгород, 11 февраля 2016 г. 124

Руцкин Д.А. Религиозная ситуация на Северо-Западе: проблемы социокультурных идентичностей. Международная научная конференция, С.-Петербург, 9–10 марта 2016 г. 127

Дробышева М.Н. Основные театральные события января, февраля, марта 2016 года в Мариинском и Александринском театрах 130

Бороноев А.О. Книга о неосуществленных мечтах. Рецензия на книгу В.И. Антонова «Мечты, погребенные в атомном пекле» 132

Мельникова А.А. Образовательная практика: кейс-стади в анализе конфликтов. Рецензия на коллективную монографию «Психология конфликта. Компендиум кейсов» ... 133

Алимов А.А. Что будем делать и как будем жить? Рецензия на книгу С. Викторова «Экологическая безопасность в Балтийском регионе в контексте морской деятельности» 134

Contents 135

Summary & References 137

Правила направления, рецензирования и опубликования научных статей 152

Редакционный совет 156

ОТ РЕДАКЦИИ

Уважаемые читатели и авторы!

2016-й год – юбилейный для журнала «Общество. Среда. Развитие». С 2006 года на его страницах публикуются результаты научных исследований, докторских и кандидатских диссертационных работ, критические обзоры, рецензии, организуются дискуссии по современным научным проблемам, освещаются результаты исследований по отдельным научным направлениям и работы междисциплинарного характера. С 2010 г. журнал входит в «Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук».

С 1 декабря 2015 г. действует новый «Перечень...» ВАК и, согласно требованиям ВАК к рецензируемым изданиям, каждый журнал может иметь не более трех профильных областей научного знания, публикации по которым учитываются при рассмотрении диссертаций и присвоении ВАК ученой степени.

Обращаем ваше внимание, что журнал «Общество. Среда. Развитие» входит в «Перечень...» ВАК 2015-го года по следующим отраслям науки: культурология (24.00.00), социологические науки (22.00.00) и науки о Земле (25.00.00).

Однако если вы не связаны ограничениями, налагаемыми на соискателей научной степени, и желаете донести до научной общественности результаты своих исследований в других областях научного знания, журнал по-прежнему принимает к рассмотрению также материалы по специальностям: философские науки (09.00.00), исторические науки и археология (07.00.00), искусствоведение (17.00.00), экономические науки (08.00.00), биологические науки (03.00.00).

Желаем вам творческих свершений!

УДК 91 (075.8)
ББК 26, 8я73

Ю.Н. Гладкий, И.Ю. Гладкий, И.П. Махова

О ПРОСТРАНСТВЕННЫХ ИЗДЕРЖКАХ РЫНОЧНОЙ УРБАНИЗАЦИИ В РОССИИ

Критически осмысливается процесс жилищного строительства в России в условиях рыночных отношений, ассоциирующийся с Москвой, Санкт-Петербургом и крупными городами. Высказывается опасение об уменьшении плотности населения в периферийных регионах. Отмечается ничтожно малая роль в процессе жилищного строительства органов местного самоуправления, что противоречит опыту развитых стран. Жители должны иметь возможность сами создавать собственное пространство, адаптировать город под себя.

Ключевые слова:

жилищное строительство, муниципалитеты, расширение Москвы, расширение Санкт-Петербурга, реформа местного самоуправления, спальная территория.

Гладкий Ю.Н., Гладкий И.Ю., Махова И.П. О пространственных издержках рыночной урбанизации в России // Общество. Среда. Развитие. – 2016, № 1. – С. 4–9.

- © Гладкий Юрий Никифорович – доктор географических наук, профессор, член-корреспондент Российской академии образования, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, заведующий кафедрой экономической географии, Санкт-Петербург; e-mail: Gladky43@rambler.ru
- © Гладкий Игорь Юрьевич – доктор географических наук, доцент, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, Санкт-Петербург; e-mail: Gladkiy68@rambler.ru
- © Махова Ирина Петровна – кандидат географических наук, доцент, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, Санкт-Петербург; e-mail: mahova@herzen.spb.ru

Жилищная проблема, ассоциирующаяся россиянами с извечным «квартирным вопросом» – одна из ключевых в поддержании социальной стабильности в стране, обязательное условие надежного функционирования государственного организма. Тщетно надеяться на повышение благосостояния населения, увеличение рождаемости и темпов его прироста (что бы в этой связи ни утверждали отдельные демографы!) без прогресса в обеспеченности жильем и облегчения его доступности для всех слоев населения. Важность ускорения темпов жилищного строительства в стране отражена в целом ряде правительственных инициатив и постановлений [1–3 и др.], что не случайно, так как кроме всего прочего, обладание достойным жилищем является одним из конституционных прав граждан.

Однако в условиях рыночных отношений реализация данного конституционного права сильно осложняется произошедшим после 1991 г. обвальным сокра-

щением как государственного жилищного строительства, так и возведенного жилья предприятиями и организациями. Теперь главным источником средств для приобретения долгожданного жилья становятся личные накопления граждан (включая индивидуальное и кооперативное строительство), на что уходят, как известно, многие годы жизни. Пропагандируемая же властями и банками система ипотечного кредитования мало облегчает многолетний трудный режим экономии, к которому вынуждены прибегать граждане.

Попытки критически осмыслить декларируемую некоторыми авторами так называемую «стратегию» жилищного строительства в стране наталкиваются на, казалось бы, «железный» аргумент оппонентов, фиксировавших еще совсем недавно второе место России в Европе по скорости строительства жилья (в соответствии с результатами исследования, проведенного консалтинговой компанией Deloitte). Но даже беспре-

цедентные в постсоветской истории темпы ввода жилья не привели к существенному уменьшению остроты жилищной проблемы в подавляющем большинстве регионов, и тот самый «железный» аргумент в каком-то смысле напоминает приснопамятный аналог со «среднеболничной температурой».

Заметим: более 80% жилищного строительства в России – это многоэтажные дома, при этом отечественная практика возведения так называемых *микрорайонов* из железобетонных многоэтажек практически нигде в Западной Европе (откуда пришел к нам этот концепт застройки) давно уже не используется. Многие постсоветские новостройки в крупных городах представляют собой, в сущности, советские микрорайоны многоэтажек, с той лишь разницей, что увеличилось число этажей (до 24-х и выше) и расширилась цветовая гамма зданий. Как известно, идея сооружения микрорайонов в СССР оказалась весьма востребованной – в свое время она дала мощный толчок панельному домостроению, отличаясь сравнительно высокой экономической эффективностью. Однако со временем пришло осознание того, что настоящего уюта в микрорайонах достичь не удастся (кто-то в этой связи остроумно заметил: «*микрорайон – не среда жизни, а пространство выживания*»), что время благоустроенных «капиталистических» кварталов рано списывать со счетов. Ощущение пространственной свободы внутри микрорайонов за счет хаотичного расположения домов оказалось мифическим – многоэтажные «монотонные коробки», по признанию многих, давят на сознание, обширные, часто неухоженные «пустыри» остаются чужими, их трудно освоить психологически. Микрорайон не объединяет, а отчуждает людей друг от друга, в нем не возникают комьюнити, а, напротив, по мнению многих социологов, создается благоприятная атмосфера для роста криминала и проявления вандализма. Не случайно, модернистская градостроительная идея микрорайона в странах Западной Европы исчерпала себя еще в 1970-е годы, а к концу XX века микрорайоны начали вообще сносить.

«Победившая» квартальную структуру, с системой небольших улочек, «микрорайонная» градостроительная парадигма, широко востребована в России и сегодня, поскольку массовое панельное домостроение продолжает приносить немалые «барыши» бизнесу, не требуя особой модернизации российского стройкомплекса. При этом типы и места застройки, равно как и архитектурные формы градостроительства, отданного на откуп бизнесу, похоже, не являются сферой первостепенного внимания

государства. Между тем, во многих странах наблюдается настоящий «ренессанс» именно классической «квартальной застройки» невысокой этажности (с территорией в среднем один га), комфортной для жителей, с наличием приватного пространства, доступного лишь для них, с кафе, ателье и торговыми точками на первых этажах.

Ясно, что в условиях социально-экономических «передраг» многие альтернативы микрорайону (вроде американской *коттеджной* застройки) вряд ли доступны абсолютному большинству россиян. Но имеется, к примеру, *высокоплотная малоэтажная застройка* – градостроительное англосаксонское «дитя», ориентированное на блокирование трехэтажных зданий. Думается, в некоторых регионах России (Центр, Северо-Запад, Юг и т. д.) подобная высокоплотная массовая застройка встретила бы самое благожелательное отношение наших граждан, однако она невозможна хотя бы из-за существующих в стране градостроительных и санитарных нормативов, которые последний раз корректировались еще во времена... Хрущева. Немногие, например, знают о том, что дома от дороги должны находиться на расстоянии 24 м, в сумме 48 м с обеих сторон, вне зависимости от того, о каком населенном пункте идет речь: о Москве или небольшом поселке.

Конечно, в стране есть регионы, которые и в условиях рыночной урбанизации реализуют вполне достойные духу нашего времени градостроительные проекты. Чтob у читателя не создалось впечатление, что на «просторах Руси» вообще никто не пытается уйти от микрорайона как основной модели жилой застройки, приведем пример белгородских властей, успешно проводящих свою градостроительную политику, например, по *массовой малоэтажной* застройке. (Акцент на термин «массовость» важен, потому что возведение в некоторых регионах коттеджей состоятельными гражданами плохо вписывается в серьезную градостроительную политику властей). Именно Белгородчина до последнего времени занимала лидирующие позиции в стране по темпам жилищного строительства на тысячу жителей, причем две трети вводимого в строй жилья – индивидуальное строительство.

Практика строительства малоэтажного жилья не вызывает особого энтузиазма у представителей строительной «касты» по причине трудностей внедрения индустриального метода строительства и снижения доходности у бизнесменов, в том числе у владельцев предприятий строительных материалов. На вопрос, почему Белгородская область избрала нестандартный и не-

6 | дешевый путь малоэтажного строительства, губернатор Е.С. Савченко в свое время объяснил следующим образом: «Индивидуальное жилищное строительство в нашем регионе является приоритетным, потому что здесь всегда были сильны крестьянские традиции. Проведенные социологические опросы показали, что большинство населения области, в том числе и горожане, отдают предпочтение усадебному домостроению. ... Это “сам себе хозяин на своей земле”, это чувство собственности, чувство родового гнезда, это возможность решить жилищно-коммунальные и демографические проблемы, укрепить физическое здоровье, это возможность формировать основы культурного, духовно-нравственного поведения людей и многое другое» [4].

Сама по себе идея многоэтажного строительства в любой стране неизбежно вступает в противоречие с уровнем *автомобилизации*, даже в случае обязательного сооружения подземных паркингов, которые у нас все еще являются редкостью. Зато обеспеченность автомобилями у нас стремительно растет, которыми подчас запружено все «околодомовое» пространство. Похоже, нынешние власти уже не ведают о распространенном в СССР пропагандистском «штампе», когда строительство малоэтажных пригородов в странах Запада объяснялись отсутствием у них общественного транспорта и вынужденной автомобилизацией, т.е. их «нравами». (Кстати, подсчитано, что стоквартирный дом в городе – это примерно 400 человек и 200 автомобилей, при этом каждый автомобиль требует 30 м² только под стоянку, без учета территории под проезды. А еще нужны квадратные метры под детские площадки и т.д. – в сумме 5–6 тыс. м². Разумеется, строительство подземных паркингов способно внести коррективы в эту арифметику, но много ли у нас их строится?).

Речь идет не только о Москве, Петербурге и городах-«миллионниках», но и поселенной меньшего ранга. Так, в слабозаселенной Калининградской области центр Калининграда давно превратился в одну большую автомобильную пробку. В другом конце России, во Владивостоке практически уже каждый взрослый человек имеет автомобиль (как правило, подержанный японский). В результате заставленный автомобилями город «задыхается» – по нему не только трудно проехать, но уже и пройти. В этих условиях продолжающаяся («точечная», «уплотненная» и т.д.) многоэтажная застройка без подземных паркингов равносильна вредительству.

Не станем вдаваться в вопросы технологии строительства многоэтажных железобетонных зданий (например, расходы бето-

на в России, лишь отчасти из-за климатических условий составляют 0,7–0,8 м³ на один м² жилья, против 0,3 м³ в ведущих странах мира), а также в тонкости земельного права, касающиеся перевода земель из категории в категорию, что служит предметом коррупционных сделок и беззакония региональных властей. Нас интересуют, прежде всего, пространственные аспекты строительства и благоустройства жилых массивов.

Внимательный географический анализ масштабов жилищного строительства (без учета возведения частных домов) показывает, что почти 90% нового жилья в стране вводится в строй в *крупных городских поселениях*. Создается впечатление, будто Россия вообще лишена не только малых и средних городов, но и сельской местности. Поэтому само понятие «жилищное строительство» во многом ассоциируется с понятием «урбанизация».

Стремительное территориальное расширение российских столичных центров – Москвы и Санкт-Петербурга – неоднократно ассоциировалась нами с весьма эффективным методом «обезлюдения» России со всеми вытекающими отсюда геополитическими, социально-экономическими, этнокультурными и экологическими последствиями [5–7, 10 и др.]. На уровне здравого смысла понятно, что вдохновителями территориальной экспансии столиц вовсе не преследуется цель справиться с *проблемами* уродливого «разбухания» мегалополисов, а лишь делается неудачная попытка смягчить последствия такого разбухания, попутно преследующая цель удовлетворить «аппетиты» аффилированных с властью финансовых групп. Устранять же постыдный для цивилизованного государства колоссальный диспаритет в уровне социально-экономического развития регионов, в частности городских и сельских (именно это привело бы к зримому сокращению притока мигрантов в столицы) государство не готово. Даже неспециалисту ясно, что расширение территории мегалополиса с неизбежностью влечет за собой не только дальнейший механический рост его населения, но и ведет к дальнейшему обострению негативных демографических тенденций на остальной территории страны, к неконтролируемому росту столичных территорий с многомиллионным населением, которые становятся центрами масштабной трудовой миграции.

Главная цель бизнес-структур в *условиях неоллиберальной экономики* – получение максимальной прибыли. Наши застройки не «сильны» ни в архитектуре, ни в урбанистике вообще, и строительство для

них – финансовая операция: деньги, стройматериалы, плотность и высота застройки, количество квадратных метров – вырученные деньги. Максимизация прибыли продолжает оставаться не только одной из фатальных причин наблюдающейся тотальной деградации природной среды городских территорий, прогрессирующего социального расслоения граждан, но и геополитическим фактором, способствующим нежелательному оттоку населения из пограничных регионов и обостряя проблему национальной безопасности.

Вследствие лучшего состояния инфраструктуры, более высокой оплаты труда и т.п. столицы и города-«миллионники» выигрывают и будут и дальше выигрывать в жилищном строительстве – более интенсивно привлекать капиталы и наиболее профессионально обученную рабочую силу из регионов депрессивных и отстающих, способствуя «запустению» последних и росту социальных контрастов. Создается впечатление, что инициаторы проектов расширения Москвы и Санкт-Петербурга вовсе не отягощены мыслями о вопиющем межрегиональном социальном неравенстве, о живущих за пределами московских кольцевых дорог миллионах обездоленных граждан, наконец, о явной *геостратегической* ущербности проектов неконтролируемого «разбухания» столиц из-за гипертрофированной концентрации населения в самой обширной по территории стране.

Критике известного проекта расширения Москвы один из авторов статьи посвятил несколько публикаций. В сознании жителей расширение столицы ассоциируется с одним из самых масштабных инвестиционных *проектов жилищного строительства* в России, с одной стороны, сулящий баснословные барыши застройщикам, с другой – гарантирующий ухудшение состояние социальной и экологической среды Москвы и вносящий свою лепту в *обезлюдение остальной России*. К тому же увеличение численности населения Москвы не концентрируется в их экономический «вес» и лишь способствует увеличению «паразитического» капитала. А то, что сторонники «Новой Москвы» всячески рекламируют ее в качестве ультрасовременного европейского центра со своей инфраструктурой, социальной сферой и т.д., это не удивительно: под рекламой скрываются обыкновенные «пиарходы», сопровождающие любую продажу жилья в строящемся микрорайоне.

Как и в Москве, важнейшее градостроительное решение в Петербурге о строительстве города-спутника (микрорайона) Южный было принято фактически кулуар-

но, без адекватного научного обоснования, без глубокого анализа возможных последствий, при непонятной устранимости градоведов-урбанистов, и лишь известный общественный резонанс вызвало протестное движение *экологов*. «Афера», «город-фантом», «мыльный пузырь» – так образно называют проект противники строительства, опасаясь, что масштабная стройка, в частности, уничтожит Кондакопшинский лес, Кондакопшинское болото, обмелит р. Кузьминку, повредит Таицкий водовод и т.д. Утверждается, что будущая «строительная территория» питает водой пруды Царского села и Павловска, что она превратит живописные пригороды Петербурга в густонаселенный спальный район, из которого будет не выехать по перегруженной дорожной сети и т.д. и т.п. Конечно, обоснованная тревога граждан время от времени сопровождается перехлестывающими через край эмоциями, отражающими скорее эгонистические интересы жителей Пушкина, Павловска и Санкт-Петербурга, чем реальные риски, возникающие для системы расселения российского государства «в целом».

В случае удачного согласования проектной документации строительство города-спутника в Пушкинском районе Петербурга планировалось начать в середине 2015 г. Однако в любом случае маховик строительства запущен раньше, поскольку премьер-министром в феврале 2014 г. подписано распоряжение о включении нового поселения в перечень так называемых *приоритетных* проектов Северо-Западного федерального округа. Согласно широко публиковавшимся в прессе сведениям, владельцем компании «СТАРТ Девелопмент», готовящейся возвести город, является миллиардер Захар Смушкин – владелец офшорной компании на британских Виргинских островах Codals Business S.A. (BVI) (Кодалс Бизнесс С.А. (БВИ)), совладелец фирмы «Илим Палп Интерпрайз» – целлюлозный монополист на российском рынке. А поскольку коммерческим компаньоном Смушкина в 90-е годы выступал известный российский политик, многие местные жители убеждены, что успех проекта объясняется именно этим обстоятельством, и это при том, что «Старт-Девелопмент» не имеет в своём багаже ни одного реализованного проекта [8].

По плану вышеназванного инвестора, Южный должен расположиться на площади 3,5 тыс. га – 2 тыс. га в пределах Петербурга и 1,5 тыс. га в Ленобласти, на бывших землях сельскохозяйственного (между федеральными трассами М20 и М10). На севере границы нового микрорайона города пройдут

8 | от Киевского шоссе до проектируемой объездной дороги вокруг Пушкинского аэродрома, с востока – вокруг Гатчинского шоссе, на юге и западе – вдоль границы Санкт-Петербурга и Ленинградской области. Изначальная ориентировочная стоимость проекта – 180 млрд рублей, из которых 33 собирался выделить городской бюджет (это при том, что затраты на инженерии еще не определены, пока застройщик совместно с КГА готовит проект планировки). Деньги налогоплательщиков пойдут на транспортную систему и дорожную инфраструктуру.

Известно, что проект предусматривает строительство 4,5 млн м² жилья и рассчитан на 171,5 тыс. человек. Заметим, рассчитан, исходя из более 26 м² на человека, что в российских условиях означает одно: в городе будет жить никак не меньше 300–400 тыс. человек!). Сегодня же в Пушкинском районе проживают около 140 тысяч жителей, и поэтому понятны опасения тех, кто считает, что одно из наиболее ярких достопримечательностей РФ будет «поглощено» типовой новостройкой.

Кстати, парламент Петербурга с большим «скрипом» принял изменения в генеральный план города, которые позволяют возвести город-спутник «Южный». В первом чтении за проект проголосовали всего 27 из 50 депутатов, причем 13 (из фракций КПРФ, «Яблоко» и «Справедливой России») вообще проголосовали «против», что лишний раз свидетельствует о неоднозначности проекта. Некоторыми независимыми экспертами высказывается мнение, что коррективы в Генеральный план города были внесены с грубым нарушением процедур рассмотрения и внесения поправок, с нарушениями Водного и Градостроительного Кодексов РФ, закона о границах зон охраны объектов культурного наследия на территории Санкт-Петербурга (Закон СПб № 870-7).

Сторонники петербургской новостройки также рекламируют ее в качестве ультрасовременного европейского центра со своей инфраструктурой, социальной сферой и промышленной зоной, куда, дескать, придет «Роснано», филиал «Сколково», где разместятся фармацевтические предприятия, некое сборочное производство, склады, логистические терминалы и т.д. В этой связи интересно было бы уточнить названия конкретных фирм и компаний, уже давших свое согласие на сооружение индустриального парка («Нанобурга») в Южном.

Критики проекта отмечают, что он почему-то не предусматривает ни специальных кварталов для размещения органов власти, ни церкви, ни кладбища, ни вузов, ни системы паркингов, ни достойных центров досуга

местных жителей. Вероятно, потому что подобные расходы грозят негативно отразиться на совокупной прибыли застройщика, заинтересованного лишь в сооружении коммерческого жилья, а не в развитии «социалки». Утверждение же, что строительство будет сопровождаться масштабным развитием системы общественного обслуживания населения, не должно никого вводить в заблуждение: сервисная экономика сама найдет инвесторов, а что касается строительства социальной инфраструктуры, то эти расходы почти целиком лягут на плечи налогоплательщиков Санкт-Петербурга. Трудно не согласиться с мнением председателя РОО «Экологическая вахта Санкт-Петербурга» И. Агафонова, что при решении вопроса застройки города-спутника «Южный» фактически игнорируются «три «краеугольных камня», три составляющие: четкое соблюдение требований законодательства, учет мнений ученых и результатов соответствующих экспертиз, общественный резонанс» (9).

Уточним нашу позицию: если бы город-спутник «Южный» на самом деле превратился в инновационный центр Санкт-Петербурга, если бы в нем сформировалась принципиально новая комфортная среда для жизни людей и если бы он действительно помог улучшить экологическую обстановку в Пушкинском районе (что голословно обещали представители управляющей компании «СТАРТ Девелопмент»), то и в этом случае место строительства города выбрано *вопреки экономическим, экологическим и геостратегическим интересам новой России*. Ей нужны сегодня не «пригороды-спальники» для Москвы и Петербурга, строительство которых связано с «элементарным» обогащением частных компаний, а реальные проекты с созданием новых рабочих мест для депрессивных и периферийных регионов, с тем, чтобы облегчить жизнь миллионов россиян за пределом кольцевых дорог мегалополисов.

Важной, но прискорбной деталью практики жилищного строительства в России остается ничтожно малая роль в этом процессе органов *местного самоуправления*, которые не хуже государственной власти осведомлены о жилищной ситуации на местах, о том, какие типы застройки и архитектурные формы им нужны. Но, как и в СССР, они, за исключением некоторых агломераций, бедны и по-прежнему являясь властью во многом декоративной, не способной влиять на жилищную застройку.

В соответствии с Градостроительным кодексом любой генеральный план градостроительного освоения территории распространяется на муниципальные образования, объединенные в городские округа.

(Кстати, территория Санкт-Петербурга разделена на 18 районов, в каждом из которых имеются округа и муниципальные образования, а что касается Москвы, то в ней муниципальные округа отсутствуют вообще – они были преобразованы в 125 районов, сгруппированных в 10 административных округов). Важно подчеркнуть, что муниципальные образования не компетентны переводить земли из категории в категорию и, тем более, изменять функциональное использование земель федерального значения – за это отвечает субъект Федерации и Правительство. Отчасти это правильно, однако на практике возникает масса проблем, например, с коммунальными сетями, что ставит муниципальные образования в положение сторонних наблюдателей.

Существует масса лимитирующих факторов, не позволяющих надеяться на быструю «муниципальную революцию» в стране и более активную участь местного самоуправления в решении жилищной проблемы. Успешное функционирование института МСУ теснейшим образом коррелирует с уровнем доходов населения, криминогенной обстановкой, инвестиционными рисками, клановостью на местах и т.п. Главные источники собственных доходов муниципальных образований – единый налог, взимаемый по упрощенной системе, и налог на имущество физических лиц, особенно плохо собираемый. Это «крохи», которые не позволяют МО освободиться муниципалитетам от финансовой зависимости от исполнительной власти. И даже то, что в некоторых субъектах Федерации муниципалитеты частично оставляют себе налог на доходы физических лиц, земельный налог и налог на имущество предприятий, картину

принципиально не меняет. Муниципальные образования в России неопределенно долго будут сидеть на бюджетной «игле», а это означает одно – в этих условиях МСУ еще долго будет представлять собой сугубо административный, а не политический институт. В условиях же экономического кризиса дискуссия о судьбе местного самоуправления вообще преждевременна.

Экспертное обсуждение в последние годы положений законопроекта «Об общих принципах организации местного самоуправления в РФ», а также подготовленного Институтом приоритетных региональных проектов аналитического документа «Новый формат местного самоуправления: некоторые подходы к реформе экономической модели» ни к чему не привело. Если по политической и институциональной частям законопроекта консенсус находить удавалось, то по экономической части, касающейся наделения территорий финансовой самостоятельностью и функционалом развития, согласия достичь не удалось [2]. И это не удивительно, поскольку «самонадеянные» авторы реформы местного самоуправления покушаются на «святое», предлагая создавать стимулы для развития муниципальных образований, оставив на местах поступления от налогов на бизнес и увеличив отчисления по НДФЛ (налог на доходы физических лиц).

Существует еще один аспект реформы МСУ, который, к сожалению, игнорируют власти, и он сугубо *географического* свойства: в России должны существовать разные модели организации местного самоуправления для разных территорий, обладающих природной, политической, общественной, экономической спецификой.

Список литературы:

- [1] О мерах по обеспечению граждан Российской Федерации доступным и комфортным жильем и повышению качества жилищно-коммунальных услуг. – Указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2012 г., № 600.
- [2] Стратегия развития ипотечного жилищного кредитования в Российской Федерации до 2020 года / Утв. распоряжением Правительства Российской Федерации от 8 ноября 2014 г., № 2242-р.
- [3] Обеспечение доступным и комфортным жильем и коммунальными услугами граждан Российской Федерации. – Программа Российской Федерации, утвержденная постановлением Правительства Российской Федерации от 15 апреля 2014 г., № 323.
- [4] Белгородское чудо: малоэтажное строительство как путь жилищной реформы // Федеральный строительный рынок. – 2006, № 49. – С. 3–11.
- [5] Гладкий Ю.Н. Об оптимизации межрегиональных пропорций в России // Общество. Среда. Развитие. – 2014, № 2. – С. 169–173.
- [6] Гладкий Ю.Н. Роль ренты столичного статуса в усилении межрегионального неравенства // Вестник ЗабГУ. – 2014, № 10. – С. 107–115.
- [7] Гладкий Ю.Н. Экологические детерминанты территориальной экспансии Москвы и Санкт-Петербурга Экологическое равновесие: проблемы развития территории. – Пушкин: ЛГУ им. А.И. Пушкина, 2014. – С. 15–19.
- [8] Нам не нужен Нанобург. Петербуржцы против возведения Южного. – Интернет-ресурс. Режим доступа: <http://www.spb.aif.ru/society/science/950397>
- [9] ЭКСПОЦЕНТР. Мониторинг СМИ. 19.06.201. – Интернет-ресурс. Режим доступа: <http://www.tpp-inform.ru/userdata/2013/1371622809>
- [10] Gladkiy Yu.N. Moscow in the Mirror the Regional Pathologies // Donish Journal of Geography and Regional Planning (an international online, open access and peer reviewed journal). – 2015.

КОНЦЕПТОЛОГИЯ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ЗНАНИЙ: К ВОПРОСУ ОБ ОСНОВАНИЯХ*

Делается анализ феномена экономических знаний, которые являются основой для экономики и общества, основанного на знаниях. В рамках социально-экономических подходов экономические знания не рассматриваются в качестве самостоятельного феномена, имеющего отчетливые основания.

Ключевые слова:

знание-власть М. Фуко, кризис экономического человека, неформальная экономика, парадигма социального развития, экономика знаний, экономическая модель, экономические знания.

Соломин В.П., Султанов К.В., Воскресенский А.А. Концептология экономических знаний: к вопросу об основаниях // Общество. Среда. Развитие. – 2016, № 1. – С. 10–13.

© Соломин Валерий Павлович – доктор педагогических наук, профессор, Заслуженный работник высшей школы РФ, Почетный работник науки и техники РФ, ректор, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, Санкт-Петербург; e-mail: rector@herzen.spb.ru

© Султанов Константин Викторович – доктор философских наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, Санкт-Петербург; e-mail: child2000@bk.ru

© Воскресенский Алексей Александрович – кандидат философских наук, доцент, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, Санкт-Петербург; e-mail: voscres@gmail.com

---

В начале XXI столетия проблема взаимосвязи экономического мышления, формирующего национальную и глобальную культуру, образовательные модели, хозяйственную этику, т.е. экономическую рациональность с одной стороны, и национальной философии с другой, становится поистине глобальной. Ключевой категорией, связывающей экономику с философией, становится категория знания. Сегодня мы являемся не только свидетелями, но и во многом авторами изменений во всей системе международных социокультурных отношений.

Термин «экономика знаний» впервые появился и затем был введен в широкое научное и практическое употребление в 1962 г. Фрицем Махлупом для описания одного из секторов экономического роста постиндустриального общества, в котором информация, знания и технологии, базирующиеся на широком использовании человеческого и интеллектуального капитала, стали играть доминирующую роль, превратившись в главный источник роста современного общества. Показательно в этом отношении, что с конца 1990-х годов, инвестиции в человеческий капитал, производящий новые, социально востребованные знания, растут значительно быстрее, чем инвестиции в любой другой сектор экономики. Так, из всего измеренного на настоящий момент объема знания, более 90% получено за последние 40 лет развития человечества. Это является главным крите-

рием перехода от добывающей, «сырьевой» модели экономического развития к новой стадии экономической и социальной жизни, в которой знания и информация начинают играть определяющую роль.

При этом предельно актуальным остается проблема того, действительно ли экономика, основанная на знаниях, сменяющая аграрную и индустриальную модели, является принципиально новой фазой общественного развития. В частности, ряд экспертов полагает, что экономика знаний существенно отличается от прежних моделей, где технологический аспект играл главную роль [1; 2]. На смену им теперь формируются новые «точки роста», где основным ресурсом развития становятся такие качества человеческого капитала, как креативность, воображение, инновационные и гуманитарные технологии, умение решать задачи в условиях высокой неопределенности, творческое моделирование социальных процессов. По мнению других, некорректно говорить об экономике знаний как об отдельной эпохе социально-го и экономического развития, поскольку основной продукт этого типа общественных отношений неотделим от конечного продукта, в виде технологии, продукта, товара и т.д. соответственно, корректней говорить о «реиндустриализации» экономической жизни, в которой фактор материального производства блага по-прежнему находится на первом месте, а различные

---

* Исследование поддержано грантом РГНФ 15-06-10698 «Антропология инновационной деятельности и технологии формирования человеческого капитала в современном российском образовании»

нематериальные активы – человеческий и социальный капиталы, компетенции, и т.д. выступают в значении факторов, повышающих конкурентность производимой продукции, но не более того [3, с. 55–94].

Тем не менее, в рамках методологических и социально-философских исследований экономических практик хозяйствующих субъектов в XX веке существенную роль играли такие понятия как «действия», «рациональность решений», «практики», «институты», «структуры», «система» и т.д. Однако в последнее время появляется категория, не формализуемая вполне средствами экономической теории, социологии, истории. Речь идет о главном ресурсе современного общественного развития: «экономическом знании». При этом, и это важно особо подчеркнуть, речь не идет о сравнении экономических моделей как об определенном наборе убеждений, информации, которые придают смысл различным экономическим явлениям и фиксируются в поступках экономических агентов. Основанием подобной часто совершаемой ошибки является убеждение в том, что экономическое знание – это информация, которая позволяет экономическим агентам действовать максимально эффективно, в то время как фундаментальный слой знания значительно глубже традиционных о нем представлений как о знании академическом, технологическом, прагматическом, научном и т.п.

Один из фундаментальных подходов, предопределивших многие современные исследования этой проблемы, был выдвигнут классиком «неформальной» экономики – Карлом Полаanyi, предложившим рассмотрение знания в широком социокультурном контексте, вне которого, согласно его мысли, знания попросту не могут быть поняты и восприняты реципиентом. В этом отношении любая экономическая система фундирована соответствующими ей социальными, культурными, геополитическими и цивилизационными факторами, будучи порождением последних.

В частности, именно К. Полаanyi впервые в новейшей истории предложил исследование экономических институтов сквозь призму знания. Опираясь на «Политику» Аристотеля, американско-канадский эксперт предположил, что современная исследователю экономическая модель может быть понята и воспринята не в терминах институционального анализа, а исходя из способа мышления и мировоззрения, присущего конкретной эпохе. Отталкиваясь от работ К. Полаanyi, можно утверждать,

что та или иная модель общественного сознания, обуславливая специфику межсубъектных отношений, приобретает характер *социокультурной парадигмы*, рациональности, которая, в свою очередь, формирует не только познавательную активность, но и всю систему норм повседневной общественной жизни. Таким образом, социокультурная парадигма представляет собой не просто модель, образец познания и практической деятельности человека, а то, что является фундаментом, основанием для нормотворчества, т.е. мало зависящая от действий отдельного субъекта разработка правил, законов, принципов, концептов, норм, регулирующих поведение всех агентов экономической и социокультурной сферы.

В этом отношении совершенно очевидно, что определение сущности знания не может вестись без учета его философских оснований, задающих определенный вектор понимания мировоззрения конкретного общества, поскольку смысл любой деятельности, в том числе и экономической, неотделим от субъекта этой деятельности, более того, им смысл и привносится, в зависимости от ценностно-ориентированных, смыслопорождающих и целевых установок, что было подробно проанализировано в работах отечественных психологов и философов [5, с. 97–114]. При этом следует особо отметить, что представления об экономическом знании как о единстве не только материальных, но и социально-психологических и духовных ресурсах личности, всегда актуализируются в связи с конкретными условиями жизни, закрепляясь тем самым в импактивном капитале, значимость которого заключается в способности производить качественное время, т.е. формировать возможность ощущать стратегию и видеть перспективу социального и экономического развития.

В частности, В.О. Ключевский, И.В. Киреевский, А.С. Хомяков, Н.А. Бердяев и др., определяя ключевые ментальные особенности, характерные для России, особо выделяли два фактора, формирующих национальную идентичность: *географический* (пространственную протяженность, рассеянность населения по территории) и *гипертрофированную государственность*. Таким образом понятие экономическое знание играет крайне важную роль в жизни современного общества. В зависимости от того, на базе каких ценностей и смысложизненных конструктов оно отражает и оценивает

действительность, именно знание выступает локомотивом или же тормозом экономического развития. Общественного и культурного выделяются: осознаваемые потребности (в т.ч. социальные), целевые установки и ценностные ориентиры субъекта.

Таким образом, исходной предпосылкой и важнейшим основанием любого знания являются осознаваемые человеческие потребности, которые, развиваясь со временем, порождают новые виды и типы заинтересованного поведения, ставят новые вопросы и приводят к необходимости искать ответы, что, в конечном итоге, приводит к интенсификации познавательного процесса.

Что касается «знаниевой» модели экономического развития, то здесь, хотя контекстуальный момент имеет место, необходимо разграничивать информационную экономику и экономику знаний. «Знаниевая» экономика в большей степени направлена на производство тех неявных и слабоформализованных знаний, которые оказывают непосредственное воздействие на формирование и развитие человеческого капитала.

Отсюда вытекает необходимость расширить фундаментальные предпосылки экономики знаний на несколько больших групп:

1. Психологические аспекты экономической деятельности, поскольку основой для производства новых и внедрения уже имеющихся знаний является познавательная деятельность человека.

2. Философские аспекты, включающие методологические и ценностно-смысловые конструкты, находящие свое выражение в целевых установках, ментальных особенностях, что приводит к повышению осмысленности экономических знаний и включение/введение их в широкий социокультурный контекст.

3. Аспекты социально-коммуникативного взаимодействия. Поскольку деятельность экономических агентов всегда предполагает выбор из множества имеющихся информационных ресурсов, этот выбор осуществляется людьми в процессе их коммуникации и «конфликта идей».

4. Экономические аспекты институтов и хозяйственной деятельности, что составляет традиционное «поле работы» экономистов.

Как видим, в начале XXI века становится невозможно говорить об «экономическом человеке», постоянно осуществляющем рациональный выбор, руководствуясь

лишь принципом максимизации прибыли при минимизации издержек. Современная модель «знаниевого» экономического развития имеет явно выраженную тенденцию не к индивидуалистической, но к социо-антропологической парадигме, поскольку человек из средства (способа) создания материальных и нематериальных благ превратился в главную цель и самое важнейшее условие экономического развития. В этом отношении цели, ценности, смыслы, интересы и желания человека являются необходимым условием воспроизводства самой методологической модели экономики знаний.

Здесь уместно будет вспомнить концепцию М. Фуко, который ввел в гуманитарные и социальные науки XX века понятия «дискурса»: «Дискурсивная практика способна формировать группы объектов, совокупности высказываний, игру понятий, последовательности теоретических решений. Этот набор элементов, регулярно формируемых дискурсивной практикой... можно назвать знанием» [7, с. 238]. Знание, согласно Фуко, является не просто фактором исторического развития культуры и общества, но создает особую контекстуальную структуру смыслов, играющую главную роль во всех сферах общественного развития.

Знание не принадлежит определенной группе или классу людей. Его невозможно монополизировать или перераспределить, поскольку распространяется, пронизывая все сообщество в целом, и каждого человека в отдельности. Таким образом, Фуко подчеркивает, что знание перестает быть строго институциональным, юридическим, или экономическим, но само становится властью. Исходя из этого, Фуко утверждает, что не существует знания и власти как двух самостоятельных социальных институций, но есть фундаментальное отношение «знание-власть», которое, принимая различные формы, проходит сквозь всю историю европейской культуры. В этом отношении, можно говорить о рождении нового типа «экономического человека» – если первый homo oeconomicus, появившийся на свет в классической философии и политической экономии XVIII столетия, преследовал во всех экономических практиках исключительно личный интерес, то «экономический человек», появляющийся в знаниевой парадигме, становится, прежде всего, свободным предпринимателем, чье **управляемое предприятие – он сам**, что находит свое выражение в императиве состоян-

ных инвестиций в человеческий, социальный и культурный капитал.

Таким образом, данный подход меняет соотношение между экономикой и гуманитарным знанием, после работ Фуко невозможным оказывается говорить о концентрации на экономических, либо же на социальных критериях экономического мышления и экономических знаний.

Подводя итог, необходимо выделить следующие характеристики экономических знаний:

– дискретность (производится и потребляется весь объем знаний – экономических, социальных, технологических и т.д.),

– доступность (экономические знания предполагают не только производство, но и потребление, причем, будучи раз созданы, они как идеи у Платона, становятся доступными для всех без исключения),

– информационный характер (знания не исчезают после того, как их употребили, в отличие от материальных благ).

При этом ключевым конструктом знаний является смысл. Именно поэтому для появления новых, прогрессивных знаний необходимо постоянное обновление конструкта социального смысла, т.е. новые потребности, цели, ментальные установки. В результате *экономическое знание можно определить как актуальную, ценную, систематизированную информацию, которая является следствием сознательной познавательной активности экономического агента на основе уже имеющихся сведений, а также умений, навыков, ментальных установок и жизненного опыта, используемую для активного и целенаправленного преобразования действительности в целях удовлетворения меняющихся сознательных потребностей субъектов экономической деятельности.*

Список литературы:

- [1] Бурдые П. Формы капитала // Экономическая социология. Т. 3. – 2005, № 5. – С. 60–74.
- [2] Иноземцев В.Л., Кричевский Н.А. Экономика здравого смысла. – М.: Эксмо, 2009. – 238 с.
- [3] Корчагин Ю. Российский человеческий капитал теряет качество, деградирует, обесценивается и требует повышенных и приоритетных инвестиций. Воронеж. ЦИРЭ.2010. – Интернет-ресурс. Режим доступа: <http://www.lerc.ru/?part=articles&art=1&page=70>
- [4] Коулман Дж. Капитал социальный и человеческий // Общественные науки и современность. – 2001, № 3. – С. 120–139.
- [5] Леонтьев Д.А. Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности / 3-е изд., доп. – М.: Смысл, 2007. – 280 с.
- [6] Укусова Е. «Идеепровод» как основа экономики // Наука и технологии РФ. – Интернет-ресурс. Режим доступа: http://www.strf.ru/organization.aspx?CatalogId=221&d_no=26234
- [7] Фуко М. Археология знания. – Киев, 1996. – 238 с.

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ: ПОЛЕМИКА ЦИВИЛИЗАЦИЙ

УДК 94(47).045

ББК 63.3(2)45

M.G. Weissman, A.A. Alimov

TIME OF TROUBLES: SMUTNOE VREMIA

Статья отражает сотрудничество американских и российских историков и показывает, что обе страны и их историки должны определить, какое прошлое мы не хотим в нашем будущем. Дается общая характеристика политического и социально-экономического состояния России на переломе XVI–XVII вв. Особое внимание уделено периоду «Смуты», когда, по мнению многих историков, в России развернулась масштабная гражданская война, сопровождавшаяся попытками иностранного вмешательства в борьбе за российский трон. При подготовке статьи авторы использовали и русско- и англоязычные работы по этому этапу истории Российского государства. Такой подход к работе отражает взаимный интерес американских и российских историков к более глубокому пониманию истории наших стран.

Ключевые слова:

бояре, гражданская война, заговор, Земский собор, иностранные захватчики, история, казачество, ложный царь, опричники, поляки, российский престол, царь, шведы.

Weissman M.G., Alimov A.A. Time of Troubles: Smutnoe Vremia // Общество. Среда. Развитие. – 2016, № 1. – С. 14–25.

© Вайсман Мелвин – PhD, профессор, Университет штата Колорадо, Колорадо Спрингс, Колорадо, США; e-mail: mweissman22@g.com

© Алимов Андрей Алексеевич – кандидат исторических наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет; руководитель, Научная программа «Международное сотрудничество в области окружающей среды и развития, Санкт-Петербург; e-mail: alimovandrey@yandex.ru

Each country has its own history reflecting multiple factors that include political and economic forces as well as nature. Domestic and foreign policy is a barometer of the pressure of these forces.

The article is aimed at understanding the main features of political, economical and other characteristics of life and historical development which can put any country in a very problematic situation and come to a challenge of losing its sovereignty and independence.

If, as in the case of Russia, these forces become unwieldy, as they did at the end of the 16th century, tragedy awaits. That Russia overcame the challenges presented from 1584 to 1613 is a testament to the resiliency and endurance of its people.

The trauma of those frightful years are engrained in Russia and influenced its entire future into its present modern Russian Federation. This period is known as the Time of troubles as it is used in British and American language. The beginning of that period started with the death of Ivan IV or Ivan the Terrible in 1584. Why are these years called “The time of troubles” or

“Smutnoe Vremia?” In the Russian language there are two ways to translate and understand that period of Russian history. It can be translated as “dim period” when it was difficult to see and to understand what was happening.

The other translation was connected with the many troubles that occurred at the beginning of the 17th century that included civil war, political and economic upheaval, and peasant violence. (Two centuries earlier Europe had undergone similar traumas.)

This period, from the death of Ivan IV who was also known as Ivan the Terrible in 1584 to the election of Michael Romanov in 1613, witnessed the complete and total collapse of Russian society. Provinces fell away as military commanders deserted.

One of the main reasons (or roots) for the instability resulted from Ivan IV’s domestic and foreign policy. From the middle of the 16th century Russian foreign policy was closely connected with military operations. The first steps were taken in 1552 and 1556 when Ivan attacked and defeated Kazan and Astrakhan khanates that were controlled by the Tatars.

These Tatars were the remnants of the Golden Horde that had split into several khanates at the end of 15th century when Ivan III, the Great, the grandfather of Ivan IV, the first Prince of all the Russian lands ended the period of the Mongol Yoke. Even though defeated by Ivan III they continued to raid the territory of Muscovy in search of booty and slaves.

Ivan IV was successful in these military campaigns against the two khanates. Defeating the Tatars brought Ivan and Muscovy into the Caspian Sea where he was able to initiate trade relations with Persia and the Orient.

As a result he became overly confident and pursued a lengthy Livonian War that began auspiciously but soon turned to a series of defeats and protracted hostilities that extended decades. As already stated the Livonian knights were a military order in a small state on the shores of the Baltic Sea. Ivan IV, as all Russia's rulers, recognized that their country had no access to warm water ports. To gain that access the tsars exerted their resources. Russia, however, would have to wait for Peter the Great to finally realize that success. The war was started in the 1560's and at first Russian military forces were successful. But when Poland and Sweden realized the extent of Muscovy's objective they entered the war on the side of Livonia. Russia would eventually sue for peace at a frightful price. Vast territories of Russia were occupied by Poland and Sweden, thousands perished, peasants left their landowners and fled to the southern regions of the country.

Ivan IV died in 1584. The successor of Ivan was his son, Feodor and the Rurik's dynasty would not be able to withstand his incapacity and would end with his reign. The Tsar was mentally compromised and not fit to assume responsibilities. In autocracy, power is concentrated at the top. From there it is parceled to individuals and groups who are to be servitors to their benefactor. Never must they forget that their positions are tenuous. If there is weakness at the apex of power, it encourages a hornet's nest of power brokers. Weakness at the top creates a vacuum of power. This is evident in the events within Muscovy from 1584–1613.

Feodor's wife Irina was a strong influence over the Tsar. Her brother Boris Godunov acted as the power broker inside the court. The road to power for Boris was through his influence over the Tsar. Theoretically speaking Feodor had a brother – Dmitri, Ivan IV's son from his seventh wife. But he was a very young boy, given an appanage and sent with his mother to a small town of Uglich, where he died mysteriously.

After Feodor died, his wife Irina chose the convent to being regent. This provided Boris Godunov the opportunity to become the

power behind the throne. Eventually, with the death of Feodor in 1598; Boris became Tsar. His elevation was not a forgone conclusion as it required all his Machiavellian skill. At last he managed to be elected by the Landed Assembly, the state institution set by Ivan IV in the middle of the XVI century. Boris, however, was not popular among the boyars and nobility, thus from the outset of his reign he faced overt and covert opposition to both his domestic and foreign policies. Boris was a son of an "oprichnik" whom Ivan IV used in the second part of his reign. Boris did not use the same policy as Ivan IV did, but he sent his opponents out of Moscow, executing, exiling, and tonsuring others for the monasteries. It happened that Feodor Romanov, the future patriarch of Russia and the father of the first tsar of Romanov's dynasty was one among them.

During Boris Godunov's reign not only social and political powers influenced the situation in Muscovy but natural forces played their negative role in the history of the country. At the onset of the seventeenth century in 1602 there was a mini-ice age leading to starvation on a grand scale, the situation becoming intolerable as famine and disease were rampant, this led to a complete breakdown in interpersonal relations as people fed on one another, both figuratively and literally [2, p. 216; 3, p. 28]. With the death of Ivan IV in 1584 a dynasty was to come to an end, and a generation of turbulence was about to begin. Conditions in Muscovy portend greater turmoil. This is not the advantage of hindsight, for with Ivan's death his feeble minded son Fedor became the Tsar.

Who was it who said that "the best laid plans of mice and men often go awry"? The specter of chaos and famine soon became reality. Thousands, possibly a third of Russia's people died of starvation. It was a famine of biblical dimension. The casualties in an agrarian society where 90% were peasants, was dramatic. The starving ate grass, bark, fetid animals and their own dead. According to Charles Dunning, "More than one hundred thousand people died in Moscow during the famine (fifty thousand in just seven months during 1602) and were buried in three huge common graves" [3, pp. 17, 99].

Until the reign of Peter the Great Muscovy's rulers had not instituted a workable system of succession. Upon the death of the Tsar, the problem of who should be next fanned intrigue as the lure of power haunted contenders for the crown. As Fedor was incapable of ruling, Boris Godunov, whose father was an oprichnik – a pillar of Ivan IV rule and confidant of Ivan IV. De facto he became regent but there was no document confirming the fact. Thus the immediate ques-

16 tion became “Who was to rule?” Between 1584 and 1598 when on 6 January Fedor died, Regent Godunov became Tsar on 3 September 1598. During these years of Feodor’s reign, Godunov, as regent, addressed the usual “house cleaning” with political purges, arrests and some mysterious deaths. Godunov, however, was capable, intelligent, and resourceful as he faced a myriad of potentially impossible tasks. The treasury was in crisis and taxes were not to be had. The land suffered famine brought about by poor harvests, and estates abandoned. Godunov’s response was to lower taxes, exempt the lower nobility who served in the cavalry, and reclaim runaway peasants, while denying their traditional opportunity to relocate on St. George’s Day. (This policy of tying the peasant to a specific location was the policy of Ivan III in 1497.) Godunov also began a program of expanding military recruitment. Unfortunately, the result was a failure as Russia proved unprepared for the more sophisticated world of European diplomacy and war that harkened the beginning of the seventeenth century. Old enemies Sweden, Poland-Lithuania, and Germany, had incorporated that new technology that would prove so disastrous when used against Russia before the death of Tsar Boris Godunov in 1605.

In 1590 there began a five year war with Sweden. This was the opening moment of a future of major foreign intervention and meddling by Russia’s enemies. Russia became the ground upon which Poland-Lithuania fought to extend their influence. The Polish king, Sigismund III, influenced by the Jesuits, was a Catholic zealot who considered the East to be peopled by heretics awaiting conversion. To the south there were rivers – the Terek, the Don, where Zaporozhian Cossacks were staying, (Cossacks were a very specific social layer in Russia – mainly they were former peasants who left their landowners and managed to flee south where they hoped for freedom and no meddling from Muscovy. At first the Government tried to find and return them to their landowners, and even severely punished them. In the future, however, Cossacks were used as border guards defending the southern borders of the country) and Tatars of the Crimea, whose raids continued to be a sharp thorn for Russia. In spite of this, Moscow continued its expansion into Siberia and the Crimea where fortified military outposts were built along the Volga and farther to East. (During the reign of Ivan IV there is the story of the brigand Yermak Timofeevitch and his Cossacks who began the military expansion into and across Siberia.)

From 1425 to 1825 violence and murder accompanied each succession to the throne and this would be no different. With the death of

Fedor on 6 January came the end of 700 years of the Rurik dynasty. During his reign, Russian society experienced total fragmentation. Central authority became stultified, loyalty was forgotten, and provinces fell away. There was the desertion of *pomesticki* (land lords or land owners – a NEW word which appeared somewhere in the XV century, they were PUT on the land – in Russian pomeschat and they had to serve the court. If they avoided service they would lose the land. Many of them became “dvoryane” – the nobles. But nobility in Russia was not the same as in Europe. It was a specific Russian feature of formation of a new pillar for the power).

But nature became an actor which put the nation to a tragedy. Hundreds of thousands of ordinary people died because of starvation and famine that led to cannibalism. These are an indication of the depth of the chaos. With Godunov as Tsar, Moscow began to experience a depth of agonies that are heart rending; it is the beginning of Moscow’s despair. A hornet’s nest of disaffected boyars began to spread rumors that questioned the new Tsar’s legitimacy, and gossip can be a deadly weapon. Godunov was thus faced with a series of crises: his legitimacy, the disaffected of Moscow, and the foreign enemies ready to exploit Moscow’s weakness. By the end of the sixteenth and beginning of the seventeenth century Muscovy was clearly fracturing. It was a society that had lost it way and whatever continuity that it had possessed. The question might be asked: What were the ties that bound great boyars, priests, lesser nobles, peasants, Cossacks, and merchants?

As pointed out, with the death of the gentle yet mentally weak Tsar Fedor in 1598, he was succeeded by the son of an oprichnik Boris Godunov; and so began a tableau of every manner of violence coupled with starvation and the appearance of Pretenders. The mysterious death of the *appanage* Tsarevich Dimitrii led to the question of Godunov’s legitimacy and produced a stew of conflict exploited by the boyars. These conditions furnished them an opportunity to recast their role in Muscovy’s power structure. Boyar interests were promoted by the *Boyaraskaia Duma* (this Duma appeared long ago – it was a specific state institution and one of the pillars of the Prince power) and intrigue. The objectives of the boyars centered in the Duma while those of the lesser classes was the *Zemskii Sobor* (the landed Assembly was established by Ivan IV to decrease the power of boyars). A constitutional monarchy in Russia may have germinated among some of the boyars during the Smutnoe Vremia, but it was too soon following the death of Tsar Fedor to adopt such a challenging alternative to the traditional system. In any case it was too soon following the death of Tsar Feodor to predict

change. Society was rent with too much trauma of indentured slavery and famine that proved fertile soil for all elements of society to embrace violence. The Romanovs led a knot of boyars, who had in common, the greatest antipathy against Godunov. Another intriguer in the opposition clique was Prince Vasilii Shuiskii. Uncomfortable with the new tsar, they feared him as another Ivan IV. They believed that only with the power of the tsar, circumscribed by an election process, could boyar power be restored and assured [4, p. 26–27]. Godunov responded with secret police, arrests, and intimidation, thereby gaining leverage against the boyars.

Ivan IV had been a nemesis to the greater boyars. The *oprichniki* were his means to weaken their internecine plotting that made court life a veritable morass of intrigue, murder, imprisonment, and assassination. Ivan utilized the *Oprichniks* to ferret out those he suspected of traitorous behavior, or who might contemplate treason in the future. Boyars who refused to take the oath to the tsarevich when Ivan was ill were sacrificed to the Tsar's wrath. Godunov, however, owed his elevation to tsar on 3 September 1598 to his election by the *Zemski Sobor*. As suggested earlier Godunov (advisor to Ivan IV) was intelligent and capable. Noting the technological weakness of Russia, he sent thirty students to European universities. Unfortunately for Russia, the lure of the west proved stronger than that of their homeland as only two of their number returned. To those boyars who opposed him he was implacable in punishment. A. F. Platonov observed that: "His love of justice had no price. He mercilessly killed those given to all sorts of bribery so loathsome was it to him" [6, p. 47]. The eminent Russian historian V.O. Kluchevsky was not complimentary to the Godunov clan.

"Although he succeeded in interning the boyar order, with its age long traditions, in town mansion, country house, and sequestered goal, it was not long before there stepped into its place, from hole and crevice, the obscure family of the Godunov's, who surrounded the throne and thronged the palace of their kinsman with a jealous retinue" [4, p. 28].

The drama, however, was only in its infancy with the appearance of a series of pretenders to the throne. It was the onset of pretendership that would continue into the nineteenth century. On May 15, 1591 the son of Ivan IV, the Tsarevich Dimitrii died of a knife wound to the throat. Dimitrii had been given an *appanage* (assigned territory to provide a living) in Uglich. While suspicion fell on Godunov, a commission appointed to investigate cleared him of any complicity in Dimitrii's death. The commission, in investigating, hypothesized that Dimitrii suffered from epilepsy, had a gran mal (violent

epileptic fit), and accidentally stabbed himself while playing in the yard of the house where he lived. Moscow's agony was to grow apace as doubts concerning Godunov's legitimacy opened a hornet's nest of cross purposes. The case against Godunov, the commission finding him innocent of murder, had failed to allay suspicion. The horrors of famine, cannibalism, and civil war were viewed as God's punishment for the crime. The argument then and later, was that Godunov had appointed the commission. Its spokesman, Vasilii Shuiskii, who became Tsar after Godunov had died, and the First Pretender was murdered, changed his position as to the guilt or innocence of Godunov, claiming that the initial verdict was a fraud. The temperament of contemporary and later narratives saw God's wrath in the catastrophe of the *Smutnoe Vremia*. As Robert Crummey observes "for Godunov's murder of Dimitrii and his subjects' quiet acquiescence in the crime... Boris was overthrown by a pretender..." [2, p. 210].

Robert Crummey opines that Muscovy was faced with three crises: Dynastic, Societal and National. How was Muscovy to address the issue of the Tsar's legitimacy, with the alienated and disaffected people of Moscow, and the enemies anxious to exploit Muscovy's weakness? Poland-Lithuania, Sweden, Cossacks, Crimean Tatars, all or any could prey on Muscovy [2, p. 211].

Skrinnikov, a contemporary Russian historian in his book Mikhail Romanov agrees that the foreign presence had already been set in motion by the weaknesses of Muscovy. The result was the *Smutnoe Vremia*: civil war, foreign invaders, pretenders, Cossacks, those who supported boyars, peoples militias, but to name main actors.

Exacerbating the chaos was the appearance of the first pretender in 1604. Claiming to be the *appanage* holder Tsarevich Dimitrii Ivanovich, and supported in his claim by Poland, the defrocked monk Grishka Otrepiev challenged Godunov for the throne. In October 1604, Otrepiev, with Cossack and Polish support, invaded Russia with 3500 to 4000 troops, moving into the valley of Seversk on the Donets River, with additional support from Ukraine. A rag tag and motley assortment as these should have been easily dealt with, but unfortunately, the opposite occurred. The few thousand of this force grew with the addition of Zaporozhian Cossacks, so that his force grew to 10,000. In addition to Cossacks there were the poorest representatives of the nobility and forever disaffected peasantry who joined his banner, as many of them had fled the harsh regime of Muscovy with its onerous taxes. These areas were occupied by Cossacks, free men who had a grievance against Tsar Boris, and the

18 government's attempts to make them the Tsar's servants. It made small difference that in the famine of 1601–1603 Godunov had done what he could to alleviate their suffering, he even tried to distribute bread and money among the citizens of Moscow that led to more displaced peasantry arriving in hopes of food. Disaffection was especially the case in the Borderlands in the south. Here resided the “belligerent people” who opposed the encroachment of central government [6, p. 204]. Russia's people were prepared to embrace stories of the miraculous, the belief that the Tsar was a Christ figure, with the addition of a horrific famine, was seen as ushering in the end of days, the end of the world. The burden on Muscovy's peasantry witnessed their status eroded from free to serf, tied to the land. By the beginning of the seventeenth century, Muscovy's expansion had transformed free land into crown lands, *ochina* of the tsar. Peasants had escaped one form of slavery only to find another; the State was to blame. The disaffected were permanent members of Russian society, ready, as time would show, to answer the call to insurrection [6, p. 197]. Then Boris died on 13 April 1605. Ill since 1602, suffering a possible stroke, dizziness, loss of motor functions, he was dead at 53, poison may have hastened his death. Troops thought to be loyal now turned against the Godunovs and on 10 June 1605 Godunov's widow, son Tsar Fedor Borisovich were murdered and his daughter raped while Vasilii Vasilievich Golitsyn a well-known of one of the richest families watched and enjoyed the moment [4, p. 27, 74].

The boyars now had the opportunity to reassert their authority while establishing parameters on that of the tsar. They pursued this goal until the end of the *Smutnoe Vremia*. From the death of Ivan IV, boyars plotted to achieve a renewal of their powers. Kluchevsky points out that Boris failed to appreciate the historic moment. The *Zemskii Sobor* could have been altered from “a gathering of service officials into a permanent, popular, and representative parliament of the kind we have seen glimmering as an idea in Muscovite minds as early as the reign of Ivan IV.” They made “more than one attempt to establish a State order that was founded upon a written agreement with the Tsar-i.e. upon a formal limitation of the supreme power” [4, p. 28].

The Pretender's appearance, and the sudden death of Boris Godunov in April 1605, resulted in the False Dimitri being proclaimed Tsar. The Pretender had first appeared in the Polish-Lithuanian Commonwealth in 1603. There was a long history of enmity between Moscow and the commonwealth Catholic Poland looked to the east where the Russian Orthodox should be subjected and converted from their “heresy”.

The history of the cultural and religious divide between the Slavic east and Western Europe had its origin in the conversion of the Slavs to eastern Orthodoxy in the tenth century. The Teutonic and Livonian Knights had attacked Russia in the thirteenth century without any success. There had been the lengthy and exhausting conflict (Livonian War 1558–1583) with Ivan IV, another conflict with Sweden 1590–1595. Diplomacy had failed and whatever the origin of the Pretender, whether the Russian Grishka Otrepiev, who served the family of Fedor Romanov the father of the future Tsar Mikhail Romanov, or someone else, he was acknowledged by the Polish court as the miraculously saved young son of Ivan IV, Tsarevich Dimitrii Ivanovich. When the first false Dmitry entered Moscow the mother of the real Dmitry, dead for many years, recognize Grishka Otrepiev as her son; miraculously escaped from death His acknowledgement only increased tensions, spawned civil war, and did nothing to relieve the famine. Kluchevsky comments that a probability supporting the idea of a pretender originated with a clique of boyars led by the Romanovs. “Though it was baked upon a Polish stove, it was mixed in Moscow” [6, p. 192–194]. Grishka's life, or what is thought to be his life, began as a servant to the Romanovs. From that status he was able to enter the priesthood, where he either learned to read and write or brought that skill with him. Whether delusional or not, he declared that he would be Tsar. His behavior was brought to the attention of Tsar Godunov, and Otrepiev left the monastery and escaped to Lithuania. Godunov did not believe that the Poles bore sole responsibility for selecting and training the pretender. Suspicion fell upon a clique of boyars led by the Romanovs. In 1605 Godunov declared that the pretender had been one of the servants and even a slave in the Romanov household, a thief, and a defrocked monk. The potential for further chaos was Grishka's relationship with the Jesuits and his apostasy to Catholicism in 1604. Boris met the threat with his own forces led by trusted princes Trubetskoi, Mstislavsky, Shuskii and Golitsyn [6, p. 197]. For the malcontents within Muscovy their objective was clear, “to destroy the hated dynasty of the Godunovs” [8, pp. 1–2, 4, 7]. At this point the story becomes foggy as there is the question of verification; was Grishka Otrepiev the First Pretender? Physically unremarkable, he proved bright and capable. Surrounded by a guard of boyars, mercenaries and Cossacks, Otrepiev warily advanced into Moscow. Once settled in the Kremlin the behavior of the Pretender quickly dispelled any doubts other than he was a fraud. Polish fusiliers and mercenaries did not enforce order but plucked what they would from the Muscovites. As a result,

plots were hatched, plots were thwarted, but the boyars were not deterred, and were eventually successful. In his short and violent career he shocked many of the Russian Orthodox clerics, boyars, and townspeople by discarding many traditions of Muscovite ceremonials, being approachable rather than aloof. As a result he was popular with the masses outside Moscow. Within Moscow it was a different story as whispering grew branding him a fraud. There were several witnesses that impugned the claim of the First Pretender, among them were two monks and an uncle. Their testimony, however, was unsubstantiated and thus, during the reign of Boris Godunov, no competent witness came forward. The Pretender, in favoring his family, itinerant Poles, Cossacks, and Catholics led to serious plotting against him by 1606. Shuiskii and Golitsyn sent a secret message to the Polish king Sigismund III suggesting that his son Wladyslav might be considered as Tsar. Sigismund III at first agreed and then changed his mind, offering himself as candidate [7, pp. 164–176].

Muscovy's weakness created a vacuum of power between her and rapacious neighbors. Wasting no opportunity, Poland, Sweden and the Crimean Tatars either threatened or occupied Muscovite territory. Platonov examines the unrelenting social and economic chaos from 1598 to 1613 [7]. Hindsight suggests that it is remarkable that Muscovy survived and avoided irreparable social and economic disintegration.

These years of internal chaos and external predations gave the boyars an opportunity to regain autonomy lost to Ivan IV. The *Zemskii Sobor*, it was thought, would resist autocracy and replace it with limited monarchy. This system would marginalize those classes below the boyars. In England the opposition of the baron led to the Magna Carta of 1215, a document placing limits on monarchical power. A *Boyaraskaia Duma*, a reflection of boyar interests, might attempt the same in Russia. Some may consider this to be a "stretch" but it is worth considering. A major dilemma for Russia was how to choose a tsar. Should it be election by a Boyar Duma or primogeniture and the rights of birth? This conundrum plagued and fed the 14 years of chaos. If the boyars were to have their way, tsarist autocracy, so violently and relentlessly imposed by Ivan IV, would be curtailed, replaced by partnership with the boyars.

Those that the Pretender took as confidants alienated an increasingly broad components of Moscow. His apostasy to Catholicism was especially damning as Jesuits occupied their residence below the Kremlin Walls, where they had ready access to Otrepiev. Conditions within Muscovy and Moscow were unsettled and on the cusp of violence. R.G.Skrinnikov, an expert on

the *Smutnoe Vremia*, describes the Pretender succumbing to the aura of being Tsar becoming embroiled in international adventurism. Deciding to be King of the Polish *Rzecz Pospolita (Republic)*, he encouraged disaffected Polish Protestants and Orthodox with a promise of 100,000 florins to depose Sigismund III and offer the throne to the Pretender. (In today's dollars one gold florin is worth 140.00.) "The king was beside himself when he learned about this....The chancellor of Lithuania told members of the parliament in Warsaw that the king's enemies had offered the Polish crown to Tsar Dimitrii and were in clandestine contact with him" [8, p. 13]. There were other avenues for Sigismund and he was quick to have them investigated. The boyars sent Ivan Osechka Bezobrazov to Warsaw in December 1605. Ostensibly the mission was to prepare the coming of Moscow ambassadors. The boyars, however, used Bezobrazov to deliver a secret message to the king. "...tell the king they intended to get rid of the Deceiver and offer the throne to Sigismund's son Wladyslav." It becomes obvious that the Pretender would not long be the tsar [8, p.17–18].

According to Pskovian Chronicle there was no written document but an oath by Michael Romanov that protected the boyars. Kluchevsky investigated this thorny issue and pointed out that the possibility of a written charter without knowledge of the *Zemskii Sobor*, was not possible. Whether such a document did exist or not, it eventually made little difference as Peter the Great would ensure that autocracy was uncompromised [4, p. 78–79]. There existed a dynamic tug-of-war between the *Boyaraskaia Duma*, *Zemskii sobor*, and the new Tsar. These representative assemblies were very active during Michael's reign. Foreign and domestic issues were debated there. For a brief moment, the *Zemskii Sobor* exercised more authority than it had previously, or would ever in the future. Kluchevsky's analysis is brilliant as he explains the role of the *Zemskii Sobor* and the *Boyaraskaia Duma*.

Both Vasili Shuiskii and Michael had similar constraints. The *Boyaraskaia Duma (An informal council of advisors)* was a force that exercised an authority limiting tsarist power. The *Boyaraskaia Duma* limited the power of the tsar while the *Zemskii Sobor* (assembly of the land) represented all the classes of Muscovy with the exception of peasants circumscribed that of the Duma. In the future, the Duma would devolve into an advisory body to the tsar. It would be convened at the pleasure of the tsar and its advice was not binding. "The Sobor did not so much decide issues of national policy as lend it support to decisions that the tsar and his advisers had already made." "In this way the power of the new Tsar came to consist of

20 | two parallel ambiguities. In origin it was hereditary elective; in composition it was limited autocratic" [4, p. 175, 177].

The Time of Troubles was a tsunami, tornado and fire. Large tracts of land, entire provinces, were bereft of agriculturalists. Incentives came from landowners to draw peasants. Slaves (the holops in Russian terminology), as they assumed their new roles, became agriculturalists and were given land, seed, housing, and tools. Over the succeeding decades, this class of non-free workers increased and they would grow to become a majority of peasant labor. The seventeenth century witnessed an acceleration of serfdom as well as slave (holops) labor for field work [3, p. 119].

The chaos accompanying the Time of Troubles has challenged and perplexed historians since the sixteenth century. The hypotheses have been many, including peasant discontent or boyar discontent. There was the unruly element of Cossacks, and in the nineteenth century, V. Lenin who in examining the peasant unrest during the *Smutnoe Vremia* emphasized, as one would anticipate, class antagonisms. All these hypotheses are reviewed by Chester S.L. Dunning in his study *Russia's First Civil War*. Dunning is of the opinion that the root of the conflicts was the rise of a centralized, militaristic state whose fiscal requirements, especially for war, became as onerous as to initiate the Time of Troubles. Muscovy had expanded swiftly, resulting in the challenge of control of vast territories including Siberia, and was just too much strain for an unprepared government.

While this hypothesis is plausible, it does not address the unique qualities of the Russian psyche. Orthodoxy was never challenged by scholasticism and relied instead on responding and initiating the beliefs in ceremony, ritual, and the supernatural. How can pretendership be otherwise explained?

From the first pretender, Grishka Otrepiev, into the nineteenth century, Russia was the stage where at least forty pretenders sought avenues to power. The First False Dimitrii was viewed by many as the "good tsar" who opposed the "bad tsar" Boris Godunov. The myth that Dimitrii of Uglich had escaped assassination, not once in 1591 but again in 1606, led to at least a dozen more pretenders in the seventeenth century "and at least forty four in the eighteenth century, culminating in one of the most famous cases of all – the rebel leader Emilian Pugachev claiming to be Tsar Peter III." (The Pugachev uprising of 1773–1775, took place during the reign Catherine the Great) [3, p. 239–240].

The assassination of the first False Dimitrii was followed by the arrest of his wife Marina

Mniszech and her entourage. The "false tsar" was dead and the throne was again empty. Vasilii Ivanovich Shuiskii would assume the crown and suffer four years of increasing chaos, another pretender, and the Bolitnikov uprising. On May 19th two days following the death of the first pretender, Shuiskii became tsar.

The scene in the Kremlin was tense as the boyars met, debated, now that Tsar Dimitrii was assassinated how should they proceed. Shuiskii had plotted the regicide as he openly denounced Dimitrii. (As Dimitrii was Tsar, his assassination was a regicide). Conveniently for the conspirators, a number of documents appeared disclosing a Polish plot and that Dimitrii had converted to Catholicism [3, p. 241; 7, p. 82–83, 86].

Candidates were considered and rejected, among who was Michael Romanov. The Romanov candidate was too young and would have to wait. Shuiskii, therefore, was the only viable candidate. He successfully connived for the throne that, under more peaceful circumstances, would not have been his. To his fellow conspirators it was essential that he be chosen, otherwise there was a probability that he would be condemned for regicide [8, p. 44–45].

For the boyars the Pretender was a pawn, a means to an end: the destruction of the Godunovs. In that they were successful. The Pretender was murdered, dragged through the streets, dismembered, burned, his ashes loaded into cannon and... In his place the boyars elected Vasilii Ivanovich Shuiskii, believing that through him their authority would be assured at the expense of tsarist autocracy. Powerful boyar clans supported Shuiskii and applied themselves to their agenda. He would be the boyar's Tsar. Was there, in fact, some document limiting tsarist autocracy? At this point the scene becomes murky. In 1613 did the newly elected Romanov Tsar Michael sign a charter of boyar privileges? Previous tsars had viewed boyars as their servants/slaves. Within and between the boyar classes there was intrigue, violence and feuding. The challenge was how to avoid such behavior in the future [7, p. 86].

On 19 May 1606 Vasilii Ivanovich Shuiskii became Tsar. There was no "honeymoon" that followed his elevation, but rather a future of upheaval and tragedy. We have already noted the consequences of famine and social chaos. That situation was not alleviated. Stirring the pot was the appearance of a second pretender and the Bolotnikov uprising [7]. Dunning is of the opinion that the boyar oligarchy behind Shuiskii was not an attempt to constitutionally restrain the Tsar. Platonov and Kluchevsky would disagree with so quick a dismissal. The

failure of the Pretender and his replacement by the Boyar Tsar Shuiskii resounded into Muscovy's borderland. Any renewal of central authority with its demanding tax burden, recruitment, and generally onerous regulations, were met with resistance. In this instance it was an uprising led by Ivan Bolotnikov (for some time he was a galley slave.) He appealed to the peasantry for the overthrow of growing serfdom, attack the boyar and attack their boyar oppressors. He ordered "the slaves of boyars to slay their own masters, and promised them the masters' wives, patrimonies, and *pomestie* estates...despicable and unspeakable brigands..." [7, p. 93]. Platonov explains that Bolotnikov's insurrection was a serious attempt to overthrow the existing order. For those who followed him, and others in Russia's future, this was a call to freedom. In December 1606 Tsar Shuiskii defeated Bolotnikov, driving him to Tula and Kaluga. It was the remnants of this army that joined the Brigand (False Pretender II) [7, p. 95].

History was against Shuiskii as there were too many hurdles to cope with. Plots and foreign invasion were endemic during the few years of his reign. A palace coup, that was abortive, occurred on 25 February 1609. The plotters attempted to rouse Moscow with cries of "He was elected without popular consent" [8, p. 73-77].

Poor Shuiskii, increasingly alone, deserted by close advisors he thought friends. Foreign intervention fed Muscovy's crisis as there were the Polish-Lithuanian Sigismund III and Karl IX of Sweden. (It is Skrinnikov opinion that there was one more person – from Germany) In the same month of February, Skopin-Shuiskii met with Swedish negotiators and signed a letter of understanding. Karl IX was to send troops to aid Moscow, in return for the Territory of Karela. Skrinnikov describes a desperate situation. Karl IX sent mercenaries, a polyglot force of multi-national origin. Skopin-Shuiskii now, at least, had a significant force that he used in an attack on Polish forces investing the St.Sergius monastery, a short distance from Moscow.

As this drama was developing Tsar Shuiskii thought to make overtures to the Crimean Tatars. The tragic outcome was Tatar pillage and an uprising in towns directly affected by Tatar raids [ф30, pp. 157-158]. Rather than alleviate the pressure, Shuiskii, as Machiavellian as he may have considered his actions, provoked townspeople to resist.

Then, into the stew, came Sigismund III. He advised, he thought that his presence, with a small force, would lead Smolensk to open its gates, ring its bells, and welcome him.

That was not to be the case, as this heavily defended city kept its gates locked and fiercely defended its walls. Sigismund's arrogance, his Catholic zealotry, and grandiose plans of colonizing Russia, accomplished little, other than arousing Russians to oppose him. Tatar raids, mercenary armies, foreign monarchies plans of conquest, led to stern Russian resistance. Moscow, occupied by strutting, arrogant Poles, aroused the passions of resistance to their presence. The lowest point motivated a growing national awareness that led to the expulsion of the outsiders.

Platonov describes a Muscovy torn by encroachments from Poland as well as the continuation of pretenders. Onto the scene in June 1607 came an unknown "with the scornful sobriquet the "Brigand"". Evidence suggests that he was a foil for King Sigismund III of Poland-Lithuania. To the Brigand's standard came Cossacks (not unusual well into the future), troops from Poland-Lithuania, prominent nobility of Poland-Lithuania, Moscow deserters, elements of Bolotnikov's army, and finally small groups of wandering soldiers. The Second False Dimitrii revealed himself in Starodub. Tsar Shuiskii was not able to discern his identity and used the sobriquet *vor* (rogue). Was he another priest or a petty noble? The hypotheses are many; from being the son of Prince Andrei Kurbskii, who fled from Ivan IV, to a drummer, a servant of the First False Dimitrii, or possibly a Jew, it continues a mystery. In any case his behavior is described as uncouth and slovenly [7, p. 96].

Challenges to Moscow's authority from the Time of Troubles into future centuries were accompanied by a pretender around whom they would coalesce. In that terrible year, 1607, a review of tsareviches made their appearance. It is remindful of a warped talent program where the contestants enter stage right and exit stage left. Some of their names are listed by Platonov: "Tsarevich Peter Feodorovich, August Prince Ivan, Lavrenty, Feodor, Klementy, Savely, Simeon, Vasily, Eroshka, Gavrilka, Martynka and so forth" [3, p. 283; 7, p. 110-111].

This violent chapter in the Time of Troubles ended in the fall 1607. Tsar Shuiskii routed the Brigand's forces at Tula and captured many of the leaders including Tsarevich Peter Feodorovich and Bolotnikov. Serfdom was intact as the insurrection had failed and the boyars were victorious. The developing social, political, and economic structure of Muscovy was not altered. The Tsar's nephew Michael Skopin-Shuiskii, a brilliant military leader, was able to exploit his victory by marching from Novgorod to Moscow in May 1609. The various elements of Muscovy's army drew to-

gether and initiated a campaign in the winter 1609–1610. The pressure was too great for the Brigand and on 1 January 1610 he fled from Tushino for Kaluga [3, p. 404–405; 7, p. 114].

The trail of misfortune, however, continued unabated as King Sigismund III attacked Muscovite territory. If Sigismund hoped for cooperation among forces comprised of Cossacks, Poles, and “brigands”, he was quickly disappointed. There just was no unity of purpose among these disparate elements. This was a low point for the Muscovites as the accumulation of hardships, both natural and human, conspired to a further breakdown of “political discipline and morality” [3, p. 408; 7, p. 118–119].

The story continues to the bizarre as in February 1610, the Tsarina Marina, the wife of the First Pretender, having escaped to cause difficulties, travelled to Kaluga and embraced her “husband”, thus the “Tsar Dimitrii” was again a player in the tragedy. The following month the brilliant Michael Skopin-Shuiskii, after supposedly urging his uncle to abdicate, died under questionable circumstances. Was it poison? There is no definitive evidence one way or the other. He was, by all accounts, a robust soldier. To Tsar Vasiliu Shuiskii the threat of Prince Mikhail Vasilievich Skopin-Shuiskii was his claim to the throne. His death pointed to Tsar Shuiskii. As to the death of Skopin-Shuiskii, Platonov cites S.M. Soloviev, who opined that it “broke the tie of the Russian people with Shuisky” [7].

Within the year Tsar Shuiskii would find himself isolated. Abandoned by the boyars he was forced to abdicate. Under duress he was tonsured, becoming Varlaam the monk. He had refused to accept a grant to an area near Nizhni-Novgorod and, as a result the boyars arrested and had him tonsured.

The last days of Vasiliu Shuiskii’s reign were gloomy. He had lost the support of the boyars who had made him Tsar. On July 16 he was removed from the throne, becoming the monk Varlaam. The situation with the Pretender had not been resolved, as he continued to be supported by important boyars. If Shuiskii could not reclaim the throne, who should replace him? More confusion, as none of the candidates had a majority of support. Polish ambitions of uniting Russia with the *Rechz Pospolita* were viewed favorably by some boyars.

Skrinnikov presents a clear explanation of the events accompanying the departure of Tsar Shuiskii, the continued presence of the False Dimitrii II, an agreement of 16 August 1610 with the Poles that recognized Wladyslav as tsar, and another explosion of disagreement. With Shuiskii gone and no tsar chosen, the potential for even greater chaos was eminent. A tsar had to be in place, thus the for-

tunes of the False Dimitrii II improved, if but for a moment [8, pp. 96–100].

How is it to end? Succeeding years were fraught with invasion. Sigismund III continued his quest to become Tsar. For this prize he pushed his son Wladyslaw out of the competition. The thought of Sigismund, or any foreigners as tsar, mobilized national unity leading to the election of Michael Romanov.

What followed was more chaos and indecision. A *Zemskii Sobor* was to be convened at the same moment as a “gang of seven” boyars, a rump *Zemskii Sobor*, attempted to appoint a new tsar. Would it be Wladyslav the son of Sigismund? That seemed to be the wishes of the seven boyars (they were named “semiboyarshina”). This action proved extremely unpopular and encouraged a number of Muscovites to return their support to the Pretender Dimitrii. What a mess! Wladyslav’s father, Sigismund III then decided that he would rule Russia. The possibility that Sigismund would be tsar was rejected by the boyars. These boyars had been members of a delegation to Sigismund’s camp. Their refusal led to their arrest and imprisonment. One member of the boyar delegation was the monk Varlaam. In September 1612 mysterious deaths claimed him, Prince Golitsyn and Dimitrii Shuiskii, Varlaam’s brother [7, p. 156]. Platonov furnishes significant detail to this last chapter of the Time of Troubles, prior to the selection of Michael Romanov as tsar. The *Sobor* issued a statement “not to choose the Lithuanian or Swedish king...” [7, p. 157]. At the same time (December 1612), confusing the issue of “who was to rule”, both Sigismund and Wladyslav were informed that “the desire to request you as ruler, Great Sovereign, Crown Prince Wladyslav Zhigimundovich” has the support of the boyars [7, p. 157].

Sigismund’s greed for the throne encouraged both the Muscovite upper and lower classes to reject foreign rule with a further codicil that rejected “Marinka and her son.” Thus came the end of pretendership, at least for the immediate future [1, p. 442] Two months later on 17 February 1613 the son of Filaret Romanov, Mikhail Feodorovich was elected Tsar. Mikhail was proclaimed Tsar two weeks later on 21 February. The Tsar’s legitimacy is traceable to Ivan IV’s first wife Anastasia Romanova. Because of his youth (16 years old) his mental and physical weakness, the boyars still had an opportunity to regain power. “Let us have Misha Romanov for he is young and not yet wise; he will suit our purposes” [7, p. 156].

Tsar Mikhail Fedorovich Romanov (1613–1645) is described by Platonov and Kostomarov. They provide an interesting description of the convening of a Sobor, how delegates were chosen, the rejection of any foreign kings and

their families, and the challenge of selecting a tsar who would initiate a new dynasty. “Many were the agitations of people, each wanted to act according to his own thinking” [7, p. 157].

Choosing a tsar was clearly a thorny issue as boyars, townspeople, Cossacks, and a multitude of additional interest groups had to make a choice. “They were talking at the *Sobor* about tsareviches who serve in the Muscovite State, and about great families, whom from among them will God grant to the Muscovite State as sovereign” [7, p. 159].

Mikhail, elected on 7 February 1613, was proclaimed two weeks later on 21 February. The intervening period between election and proclamation witnessed a careful assessment of boyar and town reception of a Romanov as Tsar, “only then...was Mikhail Romanov proclaimed tsar...” [8, p. 177–178, 180].

One should not “hold their breath” and feel relieved that the tragedy had finally played itself out. On the contrary, for no sooner was the False Dimitrii II murdered and beheaded than a False Dimitrii III made his appearance. Evidence as to who he was is not extant. He was probably a priest, as he was familiar with church liturgy. A pieced together account described him as being a Muscovite, whose name was either typical Russian Sidor or Matvei. Nothing more is known of his background. He appeared in Novgorod, proclaiming himself the son of Ivan IV, was heckled, and quickly took to his heels. Unfortunately, the Russians had not had enough and many, especially peasants and Cossacks, acknowledged False Dimitrii III as the “good Tsar”, and came to his support. His career took him from Novgorod to Ivangorod, then to Pskov, where he was harassed by the Swedes.

Skrinnikov clears the confusion, pointing out that “The new explosion of sympathy for Dimitrii was a reaction to the attempt to foist on the country another foreign tsar of a different faith” [8, p. 181].

While it was obvious that this person was a fraud, it did not stop the people of Pskov from proclaiming him as the True Sovereign. “On March 2, 1612 a Cossack conclave...announced that the Pskov pretender was the Sovereign.” The Cossacks elected him Tsar [4, p. 57]. What could be the result but more confusion, as many territories refused to accept him? If, at one time, the pretender had garnered support, that was over in the same year of his election. It all came to an ignominious conclusion on 18 May 1612. The pretender, with boyar conspirators bursting into his quarters, attempted escape. Those who accompanied him soon thought better and left him. He was captured by a detachment from

Pskov. “The pretender was conducted through the streets chained to a horse” [8, p. 227].

The Swedish King Karl IX had not been idle. He, as Sigismund III, also coveted the tsarist throne. An enemy of Sigismund III, Karl IX negotiated at Novgorod with Vasilii Buturlin. A secret meeting was held where Novgorod’s representatives offered the throne to the Swedish king. “There is no doubt that all Moscow will agree if Karl IX will see to it that he is Orthodox” [8, p. 146]. This meeting took place on June 1611, just two years before Michaels’s election. Self-interest appeared stronger than national. One of the negotiators observed that: “We shall talk directly with Mr. Jacob de la Gardie (he was the commander of Swedish military regiments and even tried to help Russia) here about choosing a Swedish prince as our grand prince” [8, p. 147].

A National government attempted to make a modicum of sense out of the ongoing chaos. By 1611 it had become clear that resistance to a foreign prince on Moscow’s throne was undeniable. Swedish troops pillaged the Novgorod territory and a call to fellow Russians became shrill.

Before this *opolcheniye* there was an abortive uprising led another one led by Prokopyi Lyapunov. For his efforts he was assassinated.

If there were heroes that stepped forward to direct and encourage their fellow Russians to elect a Russian as Tsar, and clear Muscovy of foreign occupation by Poles and Swedes, these men were there to answer the challenge. Kuzma Minin was the son of a very rich merchant. Kuzma was a butcher with his own shop and Dimitrii Mikhailovich Pozharskii, an aristocrat of meager circumstances as he was not a landowner. These men were the heroes in the struggle against foreign interventionists from Sweden, Poland, and Cossacks. Early in September 1611, Kuzma Minin, a trader in Nizhny-Novgorod was elected to a group of nation oriented citizens. These men were responsible for overseeing the town’s economy. S.F. Platonov quoting an unidentified source comments that Minin “feeds himself from the poor business of selling” [3, p. 433; 5, p. 210; 7, p. 146; 2, p. 229; 8, p. 146].

It was K. Minin who mobilized a renewed energy and, as would be hoped, a successful campaign against the foreign interventionists. K. Minin was selected to organize a levy of troops, and he proved brilliant in that charge. It was one thing to levy combatants, but the challenge was logistics. These men had to be maintained and disciplined. Minin’s passion, so articulated in the accounts of his speeches to assemblies, is a testament to his love and commitment to nation and Orthodoxy. Platonov and Skrinnikov’s accounts

are a construct of the problems confronting Minin, and his steps in addressing each challenge. "Great inspiration distinguished Minin's exhortation; by all accounts he was a man of great temperament and exceptional abilities. Nizhny-Novgorod's citizens met and proceeded with arranging finances to support an army "for the cleansing of the Muscovite State" [7, p. 147]. What the citizens of Nizhny-Novgorod hoped to achieve required military leadership. It was Muscovy's good fortune that a military leader of exceptional ability, Prince Dimitrii Michaelovich Pozharskii, was living in Suzdal, not distant from Nizhny. The Prince was convalescing from a wound and he also suffered from epilepsy. Pozharskii, none the less, accepted the call and, to his banner there rallied many who had been dispossessed by foreign aggressors Wladyslaw from Poland, the Cossacks, with yet another pretender, and the Swedes; all were terrorizing Muscovy. Minin and Pozharskii wanted a tsar chosen by all "whom God shall give us" [7, p. 148].

These men, Minin and Pozharskii, were not revolutionaries. This was not a class struggle. These men were traditionalists who fought valiantly to restore a tsar autocrat to Muscovy. To achieve this goal all effort would be directed. Pozharskii began his campaign in the spring of 1612. The rallying point was Yaroslavl. Learning that they would receive pay, food, and equipment, groups came to serve Prince Dimitrii. There were no traditional advisory committees, no Boyar Duma, no patriarch's council. That may have been just as well, as future events were to show. Rank and privilege, ones place in the boyar hierarchy, more often than not, was a detriment to action. An order issued from a lower ranking boyar to a higher ranking boyar would lead to ferocious opposition on the part of the higher ranking boyar. This would be evident, when in the future, after the success of Pozharskii and Minin, they were ignored by the boyars and the teenage Tsar Michael Romanov. The only exception being the failure of military command among the boyars; when that occurred Pozharskii was recalled to protect Muscovy.

The problem facing Prince Pozharskii was establishing a unified command. There should have been no doubt as to who should be the commander. The higher born boyar Trubetskoi considered Pozharskii low-born and not qualified to order a higher ranking boyar. Trubetskoi was overly cautious and reluctant to lead in battle. He had a number of Cossacks under his command, but he refused to support Pozharskii in a battle before Moscow. To Trubetskoi's chagrin many Cossacks left his banner to join Prince Pozharskii. This did not deter Trubetskoi's trouble making. His ambi-

tion was great but he failed in ability, finally agreeing to combine his men with Pozharskii's.

Upon the petition and compact of all ranks of people, they and the elected man Kuzma Minin stood into unity...to the Muscovite State... in everything, without any cunning design [7, p. 153].

Minin proved an exceptional organizer, fundraiser, and diplomat. The fierce nationalist cajoled and appealed to townsmen and merchants to fulfill an obligation to support the campaign to free Moscow. Skrinnikov describes a scene of chaos, as different factions were unwilling to join and create a more formidable militia. Minin, "the Man Chosen by the Entire Realm" was able to withstand divisiveness and forge a national army. Rubles were collected from territories, individuals, and towns, to support the campaign to free Moscow.

There were now two national armies, the one of Minin and Pozharskii and the other of Cossacks who supported the Third False Pretender Dimitrii [4, p. 58; 5, p. 215; 8, p. 201–203].

A new assembly was established in Yaroslavl to which boyars came who had refused to kiss the cross to the False Dimitrii. Considering themselves privileged, they attempted to gain control of the national assembly. Once again, at this moment and throughout tsarist rule, privilege and rank were more important than ability. Their pretensions caused trouble and dissension in the militia [8, p. 204].

In June 1612 Minin and Pozharskii had succeeded in adding Cossacks to the militia. Freeing Russia was to be a national achievement.

At this moment of crisis there could not have been a more capable commander than Prince Dimitrii Pozharskii. He was noted for his military acumen. As Minin, he had an impressive title: "Steward and Commander Prince Pozharskii, Elected by The Whole People of the Muscovite Realm and All Ranks of the People, Military and Civilian" [8, p. 208–209].

To observe that the situation was complex is an understatement. Dissension within the militia was a constant strain. Disease, horrific food shortages, and the threat of more foreign invasion, beset Pozharskii. In the ranks the common soldier suffered disproportionately to the gentry.

During the Time of Troubles Poland's Sigismund III and his son Wladyslaw had aspired to be tsar. Sweden was also an aspirant. In 1612 the Swedish King Karl IX died. He was succeeded by Gustavus II Adolphus, whose younger brother Prince Karl Philip was reported on his way to Novgorod to be proclaimed Tsar. The behavior of Swedish soldiers was no better than the Polish, thus alienating the Novgorodians. For a brief moment

the Swedes and Poles found common ground, an accord that soon failed as Pozharskii's diplomacy, preying on their suspicions and self-interest, led them to disengage.

The discussions pertaining to the future election of a Swedish heir were nothing but window dressing. A Protestant Swedish prince was no more acceptable to Pozharskii than a Catholic Austrian archduke but such arguments had to be employed" [8, p. 215].

Swedish intervention was a powerful shock to the beleaguered Russians, and it greatly complicated and slowed down their Efforts to expel the Poles from Moscow [3, p. 421; 5, p. 209].

Thus, the year 1612 was noted for the game of intrigue that all chose; Russians, Poles, and Swedes, being the major participants. The result was Pozharskii neutralizing Sweden. With this achieved the Prince turned his attention back to Moscow and the Poles in the Kremlin. In late October 1612, the Kremlin and its Polish occupiers surrendered to Prince Dimitrii.

Before the Time of Troubles could officially be declared over, Russia had to elect a Tsar. The choice was Michael Romanov Tsar (1612–1645). Cossacks sitting in the Zemskii Sobor proclaimed for Michael Romanov on 7 February 1613. The Cossacks and people of Russia demanded a Russian as Tsar. (Whatever behind the scene machinations of Trubetskoi and others they were swept aside.) The boyars accepted a fait accompli and, though they hissed in private, agreed that "Let us have Misha Romanov for he is young and not yet wise; he will suit our purposes" [3, p. 441–442]. Michael thus became the "God chosen" ruler of Russia and the legitimacy lost with the death of Tsar Fedor in 1598 was restored with the Romanovs.

The Treaty of Stolbovo, 27 February 1617 (O.S. 17 February) ended the war between Russia and Sweden. Russia lost Esteria and Livonia and Sweden renounced claim to Novgorod. Most significantly Michael Romanov was recognized as Tsar, thus putting to an end any thought of Sweden gaining the throne. The

Treaty of Deulino, signed on 1 December 1618, marked an end to the Polish war (at least for the moment). It was a fourteen year truce that was humiliating to Russia, as Smolensk and Chernigov regions were ceded to Lithuania. Sigismund also obtained a large quantity of military stores, as well as thirty towns. How long before another war?

At the beginning of this chapter a point was made that pretendership was not a unique phenomenon, neither unique to Russia nor wherever there was monarchy. Maureen Perrie observes that a myriad of pretenders appeared in England, France, Portugal, Rome and Persia. "Pretense was not an exclusively Russian phenomenon" [5, p. 1]. These men from divergent interest groups were motivated by forces beyond their control. Were there great societal changes occurring, such as the decline of feudalism? Was the disquiet stimulated by apocalyptic millenarian tensions, was it class struggle, the "small people" against the "big people"? Was it dynastic acquisitiveness as Sweden and Poland vied for the tsar's throne? All had their place in the history of *Smutnoe Vremia*. With this suggested let it be pointed out that pretendership in Russia "has long been considered to have had particular significance...." [5, p. 2].

The authors came to a conclusion that the situation which happened in Russia at the beginning of the XVII century would never come about in our future as the human society of our days is at another level.

Till now all nations and all countries would prevent any possibility of foreign intervention and would do their best to keep its sovereignty. At the same time the process of globalization makes the world more vulnerable as military and political actions could come to a global conflict. And we should mention that all nations and courtiers have new interests in solution of global problems which make the necessity to unite efforts to keep the planet to be in safety and prosperious.

Bibliography:

- [1] Barsukov A. Rod Sheremetseykh [Family of Sheremetyevs]. – Russia: St. Petersburg Press, 1882, II.
- [2] Crumme R. The Formation of Muscovy 1304–1613. – London: Longman, 1987.
- [3] Dunning Ch.S.L. Russias First Civil War, The Time of Troubles and the Founding of the Romanov Dynasty. – Pennsylvania: Pennsylvania University Press, 2001.
- [4] Kluchevsky V.O. A History of Russia / Transl. by C.J. Hogarth. – New York: Russell and Russell, 1960, III.
- [5] Perrie M. Pretenders and Popular Monarchism in Early Modern Russia. – Cambridge: Cambridge University Press, 1995.
- [6] Platonov S.F. Boris Godunov / Transl. by L. Rex Pyles. – America: Academic International Press, 1973.
- [7] Platonov S.F. The Time of Troubles / Transl. by J.T. Alexander. – Kansas: University Press of Kansas, 1970.
- [8] Skrinnikov R.G. The Time of Troubles, Russia in Crisis 1604–1618 / Ed. and transl. by H. Graham. – America: Academic International Press, 1988.

РОССИЙСКО-КИТАЙСКОЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЕ И ПОЛИТИЧЕСКОЕ ПАРТНЕРСТВО. ЛЕСНАЯ ПОЛИТИКА РОССИИ

Россия обладает значительными малоосвоенными лесными ресурсами. Между Россией и Китаем открываются перспективы сотрудничества. Китай для России сегодня – серьезная альтернатива Западу. Китай – лидер экономического развития. Китай сегодня также испытывает давление со стороны Западного мира. Лесной бизнес может объединить Россию и Китай. Китай – потенциальный инвестор для России. Россия может сотрудничать с Китаем в решении экологических проблем. Россия и Китай могут совместно реализовывать проекты «зеленой экономики».

Ключевые слова:

зеленая экономика, китайские инвестиции, лесные ресурсы, перспективы сотрудничества, политическое партнерство, экономическое партнерство.

Мясников С.В., Ань Яньхуэй. Российско-китайское экономическое и политическое партнерство. Лесная политика России // Общество. Среда. Развитие. – 2016, № 1. – С. 26–30.

© Мясников Сергей Владимирович – кандидат исторических наук, преподаватель, Санкт-Петербургский колледж строительной индустрии и городского хозяйства, Санкт-Петербург; e-mail: myasnikovs68@mail.ru

© Ань Яньхуэй – аспирантка, Санкт-Петербургский государственный экономический университет, Санкт-Петербург; e-mail: myasnikovs68@mail.ru

---

Поиск сильных экономических партнеров для России является важнейшим элементом современной государственной стратегии на международной арене. Данная цель многомерна в сложившейся международной политической обстановке. Россия в значительной мере обладает востребованными на мировом рынке биоресурсами, среди которых особо можно выделить лес. Российские бореальные леса пригодны для масштабных лесозаготовок, они способны давать в больших объемах разнообразную древесину хвойных и лиственных пород, но существующий уровень их промышленной освоенности намного ниже, чем, например, в Канаде или США.

В условиях глобализации мировой экономики мы наблюдаем усиление борьбы за мировые товарные рынки, обострение попыток установления внешнего контроля в отношении природных ресурсов со стороны ведущих государств Западного мира, и прежде всего, США. Такая экономическая политика ведущих капиталистических государств заставляет быстроразвивающиеся государства Азии предпринимать дополнительные меры по налаживанию более тесных хозяйственных связей с соседними государствами, не входящими в политическую «орбиту» Западного мира, обладающими обширными запасами биоресурсов. Например, одним из наиболее стабильных партнеров для КНР на рынке древесной продукции и надежных лесоэкспортеров является Российская Федерация. И именно между Россией и Китаем в настоящее время открываются новые перспективы интеграции.

Как следствие этих тенденций можно отметить важность для России решительной определится со стратегическими национальными приоритетами, основательней выстроить линии восточного и западного экономического партнерства. Долгое время Россия делала основную политическую, экономическую и культурную ставку на Запад, на Европу. Вероятно, что наиболее надежной альтернативой экономическому партнерству с Западом может быть быстрое развитие экономик государств на Востоке, и, прежде всего, Китая, который также заинтересован в оперативном усилении тесных связей с Россией. Разумеется, такое экономическое партнерство во многом сопряжено с партнерством политическим.

Китай сегодня – мировой лидер экономического развития, страна, которая реально претендует на роль ведущей экономики. Существует мнение, что объемы китайской промышленности столь велики, что эта страна может в ближайшем будущем обогнать по основным экономическим показателям США.

Следует учесть, что протяженность сухопутной границы между нашими странами составляет 4300 км. «Приграничная торговля всегда была основным способом экономического взаимодействия между Китаем и Россией», – отмечает Ван Нана [2]. Однако Китай сегодня – это гораздо больше, чем еще пару десятилетий назад. Так, М. Титаренко, М. Ломанов отмечают: «Неуклонный рост потенциала Китая обеспечивает стране все более заметное место на мировой арене. Символический рубеж был

пройден в 2014 г., когда по данным международных экономических организаций при подсчете ВВП по паритету покупательной способности объем китайской экономики превзошел экономику США – \$ 17,6 трлн против \$ 17,4 трлн» [9, с. 17].

В настоящее время во внешней политике России взят твердый курс на укрепление и расширение экономических отношений с восточным соседом – Китайской Народной Республикой. Для сближения с Китаем сложились внешние и внутренние предпосылки. М. Титаренко, А. Ломанов указывают: «Достигнутый уровень развития позволяет Китаю отказаться от прежнего стремления к максимизации прибыли в экономическом взаимодействии с внешним миром, переходя к сопряжению экономических интересов с политическими и дипломатическими целями» [9, с. 26].

Немалое политическое и экономическое давление со стороны Запада и, прежде всего, США испытывает и нынешнее руководство Китая. Бурный экономический рост Китая за последние годы и усиление его экономического влияния в мире заставляет серьезно задуматься представителей американского истеблишмента о мерах противодействия этому тревожному, по их мнению, явлению. Страх перспективы потери конкурентных преимуществ, своего политического и экономического могущества в Азии и в других частях планеты вынуждает Америку усиливать и вновь создавать, например, значимые очаги напряженности на южных рубежах Китайского государства.

Кроме того, со стороны США проявляется тенденция к усилению косвенного транспортно-коммуникационного давления на Китай, направленная на установление большего контроля в отношении основных морских путей в Юго-Восточной Азии. Проявляются и черты грубого шантажа и откровенного прессинга на поставщиков энергоресурсов для китайской экономики. И под большим контролем США находятся крупные поставщики древесины в Китай, такие, как Новая Зеландия, Австралия, Индонезия и Малайзия. Такая ситуация заставляет более тщательно оценить важность и надежность северного соседа Китая – Российской Федерации.

Одним из перспективных вариантов роста экономического сотрудничества с Китаем, который может дать плодотворные результаты, является направление лесного бизнеса. Это достаточно широкая тема отношений. Сюда можно включить и лесную торговлю (экспортно-импортные операции с древесиной) между странами, которая за последние годы держится на

весьма значительных стабильных показателях. Интересно сотрудничество в сфере поставок целлюлозы из России для ЦБК в северной части Китая. Привлекательными могут быть и планы создания совместных российско-китайских предприятий в сфере глубокой переработки древесной продукция для строительной отрасли.

Разумеется, в сегодняшней экономической ситуации российский бизнес вряд ли может проявлять высокий уровень инвестиционной активности, повсеместно выступать на паритетных началах в подобных проектах с китайскими партнерами при формировании инвестиционных портфелей. Финансовое давление Запада отрицательно отразилось на инвестиционных возможностях российского бизнеса. Доступ к дешевым кредитным средствам на Западе для российских компаний сегодня ограничен. Россия в настоящий период может предложить китайской стороне инвестиционные проекты, которые будут касаться именно ее лесных запасов и территорий, направленных на долгосрочное взаимовыгодное освоение (лесоплантационное хозяйство). При этом нужно четко осознавать, что в случае успеха их реализации длительное время отдача, по мнению многих экономистов, будет весьма скромной, уровень рентабельности низкий.

Конечно, подобное направление экономической деятельности сопряжено с определенными экономическими рисками. Тем не менее, российское государство при условии основательного учета национальных интересов может предоставить долгосрочные государственные гарантии китайской стороне. Следует подчеркнуть, что данное сотрудничество следует рассматривать не только как исключительно экономическое, а именно как долгосрочное политическое, рассчитанное на извлечение пользы в отдаленном будущем. Это сотрудничество, на наш взгляд, необходимо представить в виде согласованного консенсуса межгосударственных интересов, коллективной политической воли государств.

Следует отметить, что данная сфера экономических отношений является для наших экономических связей традиционной и масштабной уже многие десятилетия. Особый импульс российско-китайский бизнес в лесном секторе получил в 90-е гг. XX в., в период, когда Россия делала первые шаги по переходу от плановой социалистической модели управления лесным хозяйством к системе государственно-рыночного управления структурами лесного и лесопромышленного комплексов.

Долгое время в 90-е годы XX в. российско-китайские лесоэкономические от-

ношения носили весьма стихийный, неупорядоченный характер. Это привело к значительной криминализации данного направления сотрудничества. Такая ситуация возникла во многом из-за недостатков российской государственной системы управления лесными ресурсами в Сибири и на Дальнем Востоке, а также благодаря низкой эффективности деятельности пограничных и таможенных служб России. Подобного рода недостатки и недочеты были и у китайской стороны.

Этому положению дел в лесном хозяйстве России в тот период есть вполне объективное объяснение. Россия переживала весьма болезненный процесс демонтажа советской экономики, происходила ликвидация государственных социалистических предприятий (например: лесхозов) и последующее формирование рыночных институтов с присущими им новыми рыночными участниками (субъектами) хозяйственной деятельности. В это время складывалась новая модель российского лесопользования, делались первые шаги по развитию торговли древесной продукцией с КНР. Появились и первопроходцы в российском лесном бизнесе – совместные российско-китайские предприятия. Китайские предприниматели также находились в условиях рыночных реформ в своей стране и делали достаточно быстрые успехи. Следует подчеркнуть, что китайские предприниматели в 1990-е гг. вели себя на лесном рынке России весьма активно, но без прицела на длительный период и не часто вступали в совместные с россиянами проекты.

Для значительной части российского населения в Сибири и на Дальнем Востоке, особенно для граждан, проживающих в глухих таежных районах и депрессивных промышленных городах в трудных условиях перехода к рынку в 1990-е гг. открытие широкого экспорта древесины в Китай было важным условием выживания, так как в этот период крайне остро стоял вопрос о возможности какого-либо малого заработка. В ряде восточных регионов России для многих людей альтернативы заработка на валке леса просто тогда не существовало. В этой связи мощный экономический подъем производства в северных провинциях КНР, который вызвал и значительный рост потребностей в импорте древесной продукции из России, был для россиян исключительно важен.

Сегодня экономическая ситуация в России и Китае выглядит во многом иначе, чем в 90-е гг. Если говорить о Китае, то там можно отметить формирование мощного лесопромышленного кластера в северных

провинциях. На территории Китая действует значительное количество современных ЦБК, это позволяет считать китайскую целлюлозно-бумажную промышленность мировым лидером производства бумаги. «Китай является одним из важнейших участников рынка бумажной продукции и целлюлозы... На сегодняшний день Китай является одним из крупнейших потребителей лесоматериалов в мире. Уже в 2003 г. он занимал второе место в мире по потреблению круглого леса и пятое – по потреблению пиломатериалов» - указывает О. Меркина. [7]. Кроме того, ряд экспертов отмечают, что деревообрабатывающая отрасль не стоит на месте. «Сейчас Китай обогнал США по производству фанеры, став крупнейшим производителем в мире» [7].

Необходимо отметить, что сегодня КНР осуществляет крупные проекты в сфере производства целлюлозы в России. Об этом свидетельствует подписанное 8 мая 2015 г. соглашение о сотрудничестве в области лесопромышленности и торговли между губернатором Томской области С. Жвачкиным и представителем китайской компании Xinjiang Zhongtai Group Ван Пэйжун. «Инвестор заявил о намерении вложить 50 млрд рублей в строительство Белоярского ЛПК в одном из районов области» указывает А. Буров [1].

Интересный совместный проект в сфере лесопромышленности осуществляет компания «Базовый элемент» и китайский производитель химволокна TangShan SanYou XingDa Chemical Fiber Co., Ltd. «Партнерство предусматривает разработку нового оборудования и дальнейшую реализацию мероприятий по модернизации и расширению производства на комбинате, а также повышению его экологических характеристик» [5].

Выход растущего китайского лесного бизнеса на российские территории во многом сопряжен с внутренними лесными проблемами. Своей древесины Китаю явно не хватает, потребности постоянно растут. Это связано с перекосами в лесопользовании и, прежде всего, в лесозаготовительной деятельности. Так, например, А. Грешневиков пишет: «В Китае лесная политика также оставляет желать лучшего. Здесь ежегодно фиксируется свыше 600 тысяч случаев нанесения ущерба лесным ресурсам, связанных с незаконной вырубкой. Между тем территория, занимаемая лесами, равна лишь 14 процентам» [4, с. 170].

С 2014 г. наметился интерес китайских инвесторов к российским особым экономическим зонам, причем не только со стороны машиностроительных и химических компа-

ний, но и компаний, занимающихся глубокой переработкой древесины. Как отметил заместитель министра экономического развития России А. Цыбыльский, «российскому обществу предстоит изжить страхи перед китайским капиталом, а российским властям – научиться преподносить инвестиционные возможности китайскому инвестору, который стал ничуть не менее требовательным, чем инвестор западный» [6, с. 18].

Важно отметить, что Российская Федерация последние годы предпринимает действенные меры по усилению порядка и повышению защиты национальных экономических интересов в сфере экспортной торговли лесоматериалами в КНР. С 2009 г. в действие были введены ограничительные таможенные пошлины в отношении экспорта из России необработанной древесины, усилился контроль и за экспортом древесины из деревьев ценных пород. А. Грешневиков пишет: «Правительство вынуждено было пойти на беспрецедентное решение – на ввод заградительных экспортных пошлин на круглый лес, чтобы стимулировать переработку леса в стране. Такой шаг позволил бы отечественной промышленности перейти от экспорта необработанного лесного сырья к поставкам на мировой рынок продукции с высокой добавленной стоимостью» [3, с. 24].

Надежным условием успешности российско-китайского экономического и политического партнерства может служить создание в России надежных механизмов, способствующих предотвращению незаконной заготовки леса. Это проблема не является сугубо лишь российской, она носит глобальный характер и касается практически всех крупных «лесных» стран. Даже в Китае, где действуют исключительно жесткие меры в отношении лиц, занимающихся подобной деятельностью, она стоит весьма остро. А. Писаренко, В. Страхов отмечают: «Среди основных причин, способствующих развитию незаконных заготовок леса в России, эксперты неправительственных экологических организаций называют несовершенство нормативной базы лесного хозяйства, особенно в отношении лесоустройства и отпуска леса» [8, с. 253]. Кроме того, они также подчеркивают: «Немаловажную роль играет несовершенная система российской таможенной классификация лесоматериалов» [8, с. 254].

Важным стимулом развития российско-китайского сотрудничества может быть углубление согласованности во внешнеэкономической деятельности. Необходимо четко представлять, как построен механизм внешней торговли и как осуществляется процесс государственного регулирования этого дела

в России и Китае. Здесь существуют некоторые особенности в подходах и приоритетах. С. Степанов, Ю. Фейтао отмечают: «Государственное регулирование внешнеэкономической деятельности в РФ в своих основных принципах основывается на положениях федерального закона от 08.12.2003 № 164-ФЗ «Об основах государственного регулирования внешнеэкономической деятельности». Главными инструментами государственного воздействия на внешнеэкономическую деятельность являются: таможенное регулирование; нетарифное регулирование; введение запретов и ограничений внешней торговли товарами, услугами и интеллектуальной собственностью; введение мер экономического и административного характера, способствующих развитию внешнеэкономической деятельности и др. [12, с. 253, 255]. В Китае ситуация представлена таким образом: «Одним из средств защиты национальной экономики, признанным мировым сообществом, является использование мер тарифного ограничения. С начала проведения реформ и открытой политики КНР начали приниматься меры по контролю, управлению и тарифным ограничениям во внешней торговле. Общий уровень таможенных пошлин в КНР существенно снизился. Ставки налогов постепенно приближаются к среднему уровню высокоразвитых стран. ... Начиная с 80-х годов XX века, нетарифные ограничения в КНР постепенно растут. Нетарифные ограничения – это, главным образом, лицензия (разрешение) на импорт, импортные квоты, меры по контролю над импортом, меры административного контроля» [12, с. 256].

В настоящий период таможенная политика – это одно из основополагающих направлений государственной деятельности. В современных условиях внешнеэкономический обмен исключительно значим, при некоторых обстоятельствах он избегает даже политических санкций, которые накладываются на государства. Главной целью таможенной политики считается соблюдение экономических интересов государства. Россия и Китай в этом отношении не исключение. Поэтому вполне логично выглядит стремление России аккуратно использовать свои лесные ресурсы, а китайские партнеры относятся к этому с пониманием.

Важной темой российско-китайского сотрудничества является стремление обеих сторон развивать у себя элементы «зеленой экономики», поскольку это сегодня становится насущной необходимостью. Во многом это обусловлено нарастанием глобальных экологических проблем, которые все сильнее затрагивают различные сферы жизни общества. Для Китая особенно ак-

туальной является проблема высокого роста населения и значительное увеличение объемов потребления природных ресурсов. В.И. Данилов-Данильян, Н.А. Пискулова отмечают: «В этой связи важнейшей задачей построения зеленой экономики становится преодоление пропорциональности изменений показателей экономического роста (прежде всего ВВП) и объемов потребления природных ресурсов – так называемый декаплинг» [10, с. 79].

Вполне вероятно, что Россия могла бы реально помочь и себе, и Китаю исходя из консенсуса сотрудничества в развитии «зеленой экономики», прежде всего снижая антропогенную нагрузку на китайскую природно-ресурсную базу за счет предоставление своего пространства и подключение китайской экономики к более эффективному использованию лесных ресурсов Сибири и Дальнего Востока в соответствии с принципами устойчивого развития и на фоне взаимного приемлемого диалога. В.И. Данилов-Данильян, Н.А. Пискулова указывают: «Стратегия зеленой экономики предполагает проведение специальной политики на всех уровнях в связи с тем, что экологические проблемы – результат провалов рынка, т.е. порождены тем, что рыночная система цен неадекватно отражает (а нередко совсем не учитывает) ценность окружающей среды и «затратность» негативных воздействий на нее» [10, с. 81].

Интересным направлением российско-китайского сотрудничества может стать новое стремление государственной политики Китая на внутреннем инвестиционном рынке. Так, в рамках декларируемой сегодня политики реформ и открытости руко-

водство КНР «расширит присутствие иностранного капитала на национальном рынке. Такое решение было вынесено на 16-м заседании Центральной руководящей группы по углублению реформ, которое состоялось под председательством Си Цзиньпина. Для претворения этого постановления в жизнь предпринимаются конкретные шаги». [11, с. 21]. Вполне вероятно, что подобные шаги заинтересуют и представителей российского лесопромышленного бизнеса и это поможет развивать интеграционные процессы в лесопромышленности России и Китая.

Таким образом, можно считать, российско-китайское политическое и экономическое партнерство в последнее время получило новый импульс для движения по интеграционному вектору взаимного сосуществования в изменившихся геополитических реалиях. Возможно, что под давлением внешних политических и экономических обстоятельств и вызовов, касающихся наших государств, чиновникам, политикам, экспертам и бизнес-сообществам предстоит преодолеть разницу мировосприятия, груз традиций, национальный эгоизм и недопонимание друг друга.

Важно, чтобы российская лесная политика, направленная сегодня преимущественно на сохранение национальных биоресурсов и обеспечение нужд отечественной лесопромышленности, учитывала тенденции роста российско-китайского партнерства и отражала ход развития межгосударственных отношений, строилась в соответствии с изменяющимися политическими и экономическими обстоятельствами в рамках межгосударственного диалога и общей стратегии сотрудничества.

Список литературы:

- [1] Буров А. Китай вложил 50 млрд в целлюлозно-бумажный комбинат под Томском. – Интернет-ресурс. Режим доступа: m.rg.ru (08.05. 2015)
- [2] Ван Нана. Перспективы развития экономического сотрудничества провинции Хэнань и Иркутской области // Известия иркутской государственной экономической академии. Т. 25. – 2015, № 3. – С. 512–513.
- [3] Грешневиков А.Н. Спасем русский лес. Хроника лесной политики Российской Федерации. Конец XX – начало XXI века. – М.: Книжный мир, 2011. – 288 с.
- [4] Грешневиков А.Н. Казнь русского леса. – М.: Столица, 2013. – 218 с.
- [5] Дерипаска нашел партнера для развития Енисейского ЦБК в Китае. Интернет-ресурс. Режим доступа: m.vedomosti.ru (09.12.2015)
- [6] Зубков И. Возвращение капитала. Китайские инвесторы стремятся открыть свой бизнес в России // Дыхание Китая. – 2015, № 242. – С. 18.
- [7] Меркина О. Лесные ресурсы Китая. – Интернет-ресурс. Режим доступа: www.lesindustry.ru/issues/li_n20/Lesnie_resursy_Kitaya_140/ (09.12.2015)
- [8] Писаренко А.И., Страхов В.В. О лесной политике России / 2-е изд., доп. и перераб. – М.: ИД «Юриспруденция», 2012. – 600 с.
- [9] Титаренко М., Ломанов А. Политические и культурные аспекты стратегии становления Китая как великой державы // Проблемы Дальнего Востока. – 2015. № 3. – С. 17.
- [10] Устойчивое развитие: Новые вызовы: Учебник для вузов / Под общ. ред. В.И. Данилова-Данильяна, Н.А. Пискуловой. – М.: Аспект-Пресс, 2015. – 336 с.
- [11] Щепин К. Пекин снимает ограничения // Дыхание Китая. – 2015. № 242. – С. 21.
- [12] 100 вопросов о российско-китайском праве: Краткое сравнительно-правовое исследование гражданского и торгового права / Под ред. С.А. Степанова, Ю. Фейтао. – Москва: Проспект; Екатеринбург: Институт частного права, 2014. – 512 с.

ПЯТЬДЕСЯТ ЛЕТ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОМУ ИНСТИТУТУ КОМПЛЕКСНЫХ СОЦИАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ (НИИКСИ)

Статья посвящена истории создания и деятельности первого в Советском Союзе Института комплексных социальных исследований (НИИКСИ) Ленинградского (Санкт-Петербургского) государственного университета, созданного в 1965 году. Описывается предыстория создания института, называются имена организаторов. Подчеркивается, что создание такого института было требованием времени, обосновывается актуальность для того времени тематики исследований института. Показаны результаты исследований, проведенных НИИКСИ и их роль в развитии социологии в стране. Представлены материалы «Круглого стола», проведенного к 50-летию НИИКСИ СПбГУ. Приведены выступления участников Круглого стола, посвященные анализу вклада НИИКСИ в науку. Этот вклад включает комплексный подход в социальных исследованиях, исследование больших социальных объектов, объединение в одном исследовании фундаментальных и прикладных задач, взаимодействие специалистов из разных областей науки.

Ключевые слова:

А.Д. Александров, НИИКСИ, направления исследований, «круглый стол», социология.

Бороноев А.О., Захарова Е.М. Пятьдесят лет Научно-исследовательскому институту комплексных социальных исследований (НИИКСИ) // Общество. Среда. Развитие. – 2016, № 1. – С. 31–34.

© Бороноев Асалан Ользонович – доктор философских наук, заслуженный деятель науки Российской Федерации, почетный профессор, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург; e-mail: pavlovasoc@mail.ru

© Захарова Елена Михайловна – младший научный сотрудник, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург; e-mail: zem377@mail.ru

В истории советской (российской) социальной науки 50 лет тому назад произошло знаменательное событие – 4 ноября 1965 года приказом ректора Ленинградского университета К.Я. Кондратьева был открыт оригинальный научно-исследовательский институт комплексных социальных исследований (НИИКСИ). Этот институт был первым в СССР институтом подобного рода. Тогда еще не было института социологии РАН (создан в 1968 году). Он отличался комплексным характером, который был идеей Б.Г. Ананьева, известного ученого, психолога, поддержанного философом В.П. Рожиным, юристом Д.А. Керимовыми и др. Это была очень важная идея, которая в изучении человека, его социальной среды и отношений определяла объединение социогуманитарных и естественных наук, например, математики. В результате этого достигалась междисциплинарность. Как пишет А.Н. Шаров (длгое время – сотрудник и исследователь

истории этого института), «комплексный подход... позволил сконцентрировать усилия различных ученых на одном объекте, что позволяло выявить различные его качества, создавать атмосферу активного обмена идеями, методиками исследования между представителями различных общественных наук» [3, с. 70]. Кроме того, как пишет А.Н. Шаров, эта идея давала возможность изучения крупных системных объектов, таких как промышленное предприятие, город, большие социальные группы, так как он позволял «... использование широкого спектра теоретических подходов и исследовательских методов, применяемых в рамках всего спектра общественных наук» [3, с. 70].

Создание подобного института было определено как инициативой ученых университета, так и потребностью понимания специфики социальных процессов существовавшего тогда общества. Последний фактор определял востребованность

социологических исследований и широкий интерес к ним активного населения. Не зря некоторые социологи сегодня удивляются, сравнивая отношение к социологии, к результатам ее исследований тогда и сейчас.

Институт был создан на основе объединения сформировавшихся в университете лабораторий – социологической (1961), социально-экономической (1959), социальной-психологической (1963), антропологии и дифференциальной психологии (1963). Три из них были созданы на философском факультете.

Большую роль в формировании лабораторий и института сыграл ректор Ленинградского университета (1951–1964) акад. А.Д. Александров. Он активно поддерживал новации в науке, особый интерес, будучи математиком, проявлял к социальным наукам. В эти годы он выступил со своей программой развития социологии, которая была в определенной мере продолжением идей и действий профессоров Санкт-Петербургского университета М. Ковалевского, Н. Кареева, П. Сорокина в конце XIX – начале XX вв. [1, с. 22–23].

Так, в 1962 году Александров выступил на сессии общего собрания АН СССР с докладом «О многообразии задач науки о человеке», где говорил, в частности, о роли социологии, ее месте в познании человека и его отношений, его внутренних свойств и их проявлений в деятельности, которые определяют систему общественных связей. В связи с этим он подчеркнул актуальность развития в стране социологических исследований, социологии как направления образования и науки [2].

Свои идеи Александров высказывал и в других выступлениях. Понимание роли социологии и путей ее развития он изложил в статье «Слово о социологии», опубликованной в газете «Известия» (21 июня) в 1966 году. В этой статье он писал, что вопросы развития экономики, культуры и управления «могут быть рационально решены только в неразрывной связи, а часто только на основе серьезно поставленных социальных исследований». Он удивлялся, что при всей необходимости подобных исследований, «положение ее (социологии – А.Б., Е.З.) у нас остается неудовлетворительным. Развитие ее совершенно недостаточно». В связи с этим Александров призывал срочно начать подготовку социологов в университетах. «В Перечне специальностей, – писал он, – по которым вообще готовятся в нашей стране люди с высшим образованием, просто нет такого

термина – социология. Создается впечатление, что в глазах Министерства высшего и среднего специального образования такая наука не существует...» Такого же, – продолжал он, – отношения Академии наук страны к социологии, которой давно пора, однако, подумать об особом (и достаточно мощном!) научном институте...» Александров утверждал, что необходима широкая программа развития социологии в стране, и для этого предлагал следующие меры: «во-первых, ввести в список университетских специальностей социологию и развернуть в тех университетах, где есть для этого условия (а они есть в ряде университетов!), подготовку по этой специальности, начиная с предстоящего учебного года», т.е. с 1966 года; во-вторых, «поддерживать ячейки в университетах, где уже ведутся социологические исследования...» При этом он, без сомнения, имел в виду НИИКСИ, который был образован на основе тех лабораторий, что были созданы при его ректорстве, а идея их объединения в институт возникла тогда же. Он также считал необходимым присутствие в академии наук социологического института и специального научного журнала. Все его идеи нашли свою реализацию гораздо позже, например, социологическое образование в полном объеме стало возможным только с 1989 года, 23 года спустя после статьи А.Д. Александрова. Кроме этой программной статьи в поддержку социологии и ряда выступлений он написал несколько работ, в том числе статью под названием «В защиту социологии», опубликованную в «Вестнике АН СССР» № 7 в 1972 году.

В реализации программы развития социологии, предложенной Александровым, огромна роль Ленинградского (Санкт-Петербургского) университета. Реально она была осуществлена в создании сначала исследовательских лабораторий, а затем объединения их в первый в СССР институт социальных проблем, которому исполнилось в 2015 году 50 лет.

В связи с этой датой в рамках Всероссийской научной конференции – X Ковалевских чтений «Россия в современном мире: взгляд социолога» (13–15 ноября 2015 г.) был организован Круглый стол, модераторами которого выступили бывшие директора Института А.О. Бороноев и В.Е.Семенов.

В работе Круглого стола участвовали более 40 человек, которые работали в Институте. (В конце 2014 года Научно-исследовательский институт комплексных социальных исследований был закрыт).

Открыл заседание Круглого стола А.О. Бороноев. Он рассказал о предыстории Института, назвал имена организаторов и подчеркнул актуальность тематики исследований. Создание такого института было требованием времени, когда тогдашнее советское общество нуждалось в познании интересов и потребностей граждан, их влияния на поведение людей, что было важно для понимания организации повседневной жизни. Поэтому социологические исследования в 60-х годах вызвали огромный интерес у партийных и государственных органов, выполняли конкретные функции в рамках социальных проблем и формировании общественного мнения, чему могли завидовать западные социологи.

К сожалению, из-за идейного и управленческого догматизма властей того времени возможности социологии не были полностью использованы для трансформации общества.

Рыночно-либеральной системе социология оказалась почти не нужной, она опирается на принцип «рынок решает все», где не остается места для социокультурных тем и проблем. НИИКСИ был бы ликвидирован в конце 90-х годов, но благодаря благосклонности руководства факультета социологии, был включен в структуру факультета в логике Учебно-научного центра в 1999 году, что дало возможность ему просуществовать до 2015 года, продолжая свои исследования. Об этом говорит последний 33-й выпуск ученых записок «Человек и общество», обобщающий исследования по проблеме социальной согласия в развитии российского общества. Безусловно, ликвидация такого значительного института, как НИИКСИ, с деятельностью которого связаны многие фундаментальные прорывы и достижения в российской социо-гуманитарной науке – большая потеря. Наша задача – сохранить направления исследований и те традиции, которые сформировались за 50 лет существования института. Результаты исследований заслуживают широкого использования в подготовке молодых кадров в области социологии, психологии, юриспруденции, этнологии и т.д.

В.Е. Семенов посетовал, что в СПбГУ закрыты научно-исследовательские институты, игравшие большую роль в проведении исследований и подготовке кадров. Известно, что в их лабораториях студенты приобретали профессиональные навыки, приближались к азам научного творчества. Нам есть, чем гордиться: в рамках инсти-

тута разработано много авторских концепций, например, концепции эволюции П.И. Смирнова, экстремальности В.Н. Томалинцева, полиментальности российского общества и др. Кроме того, в институте за период до XXI века проведены фундаментальные исследования, которые составили научные школы. Я имею в виду школы Б.Г. Ананьева, В.Я. Ельмеева, В.В. Полозова, Е.С. Кузьмина, В.Т. Лисовского, В.А. Ядова. Этот опыт надо изучать и использовать в наших исследованиях. Надеюсь, что наш институт останется в истории науки.

Доклад А.Н. Шарова был посвящен научным направлениям института, тому, что он внес в социальную науку. По мнению А.Н. Шарова, вклад НИИКСИ в науку состоит, прежде всего, в следующем. Во-первых, это комплексность. Комплексный подход в социальных исследованиях основан на идее Ананьева и позволяет широко и полно охватить общество и человека. Поэтому не случайно, сборник, издававшийся Институтом на протяжении почти всего периода деятельности, назывался «Человек и общество» (Всего вышло из печати 33 выпуска Ученых записок института, в которых отражены многолетние результаты исследований). Во-вторых, безусловным достижением в общественных науках являются исследования больших объектов (регионов, городов, предприятий, наиболее значимых объектов промышленности), проводившиеся в разные годы сотрудниками НИИКСИ. При исследовании больших объектов пригодилась именно комплексность, позволившая охватить все аспекты. Третьим значительным достижением НИИКСИ явился опыт объединения в одном исследовании фундаментальных и прикладных задач. Большое значение имели прикладные исследования с выходом на практическое применение, разработка и применение теорий среднего уровня. Таким образом, магистральным направлением деятельности НИИКСИ явилось комплексное исследование крупных объектов с прикладным выходом. Четвертое достижение НИИКСИ состоит в том, что он породил новый тип исследований – взаимодействие разных специалистов в одном исследовании. И, наконец, пятым достижением А.Н. Шаров назвал издание за период деятельности НИИКСИ сотен монографий и тысяч статей (в среднем 150 статей за год).

Декан факультета социологии Н.Г. Скворцов, бывший в свое время заместителем директора НИИКСИ, в своем выступлении характеризовал НИИКСИ с точки

34 зрения человеческого фактора. В институте была особая аура, способствующая научным спорам, рождению невероятных идей. Энтузиазм сотрудников приводил к тому, что многие из них задерживались надолго после окончания рабочего дня. Жаль, что прекрасный коллектив перестал существовать. Традиции надо сохранить.

П.И. Смирнов также затронул особую ауру в коллективе НИИКСИ. Он сказал, что в институте собрались люди неординарные, одаренные. Была свобода мыслей. Очень много было юных и неопытных исследователей, ставших в дальнейшем хорошими учеными. Поэтому несомненным достижением НИИКСИ является его особая аура, позволившая воспитать в его стенах известных ученых.

Е.Э. Смирнова, бывшая заведующая лабораторией НИИКСИ, отметила, что НИИКСИ был кузницей методологической подготовки социологов, поскольку социологии в то время не хватало теоретической базы. И разработки лабораторий В. Полозова, В. Лисовского, П. Лебедева, Ю. Сулова и др. расходились по всему Союзу, так как в НИИКСИ приезжали многочисленные молодые представители социологических лабораторий и центров, которые зарождались в стране.

А.А. Русалинова, старейший сотрудник Института, добавила к предыдущим выступлениям, что сегодня на факультете социологии СПбГУ работает 22 бывших сотрудника НИИКСИ, половина которых – кандидаты наук, треть – доктора наук. А.А. Русалинова вспомнила о вечерах, проходивших в институте, к организации которых подходили творчески. Также она отметила собрания коллектива, которые проводились в НИИКСИ, и на которых сотрудников информировали о том, чем институт будет заниматься в ближайшее время, на которых можно было говорить, что угодно, вносить предложения. Такова была демократия.

В.Т. Пуляев рассказал об участии лабораторий института в реализации Всероссийской научной программы «Народы России: возрождение и развитие» (1991–1997).

В.А. Самойлова назвала НИИКСИ кузницей кадров не только социологов, но и социальных работников. Многие преподавательские кадры кафедры социальной работы факультета социологии – бывшие сотрудники НИИКСИ.

Л.С. Шишкина-Ярмоленко вспомнила, что НИИКСИ был местом «ссылки» всех неугодных сотрудников университета, многие из которых были уникальными личностями. Существуют прогнозы, что наука в будущем будет развиваться в негосударственных учреждениях – научно-педагогических сообществах. Такое сообщество хорошо бы организовать на базе бывшего НИИКСИ. Очень жаль, что все наработанное в институте за полвека уходит.

А.В. Лисовский отметил, что в НИИКСИ была интеллигентная, добрая, светлая атмосфера. И индивиды приносили часть этой атмосферы в другие места, где впоследствии работали. Кроме того, большинство сотрудников были квалифицированными учеными.

Кроме названных выступили З.В. Сикевич, Н.В. Клинецкая, А.А. Козлов, Р.И. Могилевский, В.Л. Обухов и другие участники Круглого стола, которые рассказали о разных направлениях исследований, важных этапах развития института, о людях. Много хорошего было сказано в адрес бывшего директора А.С. Пашкова, Лауреата государственной премии, который почти 20 лет руководил институтом, и весьма эффективно.

В заключение была высказана мысль о том, что разрушается лишь структура, а люди – сотрудники института – продолжают жить, творить, в частности, на факультете социологии, и поэтому результаты творчества и традиции общения, сложившиеся в институте за многие годы, остаются.

Список литературы:

- [1] Александров А.Д. [Выступление на Общем собрании АН СССР, проходившем 19-20 октября 1962 г.] // Вестник Академии наук СССР. – 1962, № 12. – С. 22–23.
- [2] Бороноев А.О. Академик А.Д.Александров и его программа развития отечественной социологии // Социология науки и технологий. Том 5.– 2014, № 2. – С. 92–96.
- [3] Шаров А.Н. К истории Научно-исследовательского института комплексных социальных исследований СПбГУ // Бороноев А.О. Социология и социологическое образование в Санкт-Петербургском государственном университете. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2014.

П.Г. МИЖУЕВ – СОЦИОЛОГ-УРБАНИСТ

Представлена авторская позиция, связанная с пересмотром традиционного отношения к научному творчеству П.Г. Мижуева как преимущественно педагогическому и историческому. Предлагаются аргументы, обосновывающие социологический вклад П.Г. Мижуева в русскую общественную мысль. На примере урбанистских работ показана практическая и интеллектуальная значимость социальных исследований П.Г. Мижуева; его роль в популяризации идей города-сада и альтернативного урбанизма в России.

Ключевые слова:

альтернативный урбанизм, город-сад, дома-казармы, жилищный вопрос, П.Г. Мижуев, социология города.

Тхакахов В.Х. П.Г. Мижуев – социолог-урбанист // Общество. Среда. Развитие. – 2016, № 1. – С. 35–37.

© Тхакахов Валерий Хазраилович – доктор социологических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург; e-mail: atalik7@yandex.ru

В отечественной литературе научное творчество П.Г. Мижуева позиционируется преимущественно как педагогическое, просветительское и историко-политическое. Между тем, П.Г. Мижуев не ограничивал свою исследовательскую деятельность лишь рамками данных направлений. С достаточным основанием П.Г. Мижуева можно причислить к предшественникам русской публицистической социологии. Свидетельством тому являются его публикации, часть из которых не носила никакого педагогического характера, а являлась именно социологической по своему содержанию и духу [2–5]. П.Г. Мижуев, как и другие российские мыслители, жил в эпоху, когда отсутствовала жесткая дифференциация наук и «прикрепленность» ученых к той или иной узкой области знаний. Многие русские социологи одновременно были и юристами, и экономистами, и историками, и антропологами, и педагогами и философами. В этом был и свой несомненный плюс. Например, не замыкаясь внутри одной дисциплины, а проявлять интерес и вносить посильный вклад в смежные науки. Европейски образованный человек, выпускник Морского училища в столице империи, он в совершенстве владел английским и французским языками, много путешествовал и интересовался широким спектром проблем, отраслей знания и главное – передовыми практиками по социальному переустройству и улучшению жизни в динамично развивающихся странах западной цивилизации. Его основное желание состояло не только в том, чтобы лично познакомиться с новыми проектами, но и приобщить читающую публику России к практическому знанию социальных реформ. Одним из ключевых направлений в научных изысканиях П.Г. Мижуева явля-

ется изучение опыта городского развития и изменения, распространявшегося в развитых странах мира. «Сады-города и жилищный вопрос в Англии» – фундаментальный труд П.Г. Мижуева, изданный в Петрограде в 1916 году и посвященный анализу британских урбанистских практик [6]. По просьбе Императорского Общества Архитекторов-Художников П.Г. Мижуев подготовил специальный доклад о садах-городах в Англии и выступил в Петрограде перед его членами в 1915 году. Необходимо иметь в виду, что П.Г. Мижуев был не единственным автором, который увлекся изучением феномена города-сада. После публикации в России легендарной книги Э. Говарда (Гоуарда) «Сады-города будущего» [1] и начала процесса реального воплощения его идей в жизнь в Англии появилось большое количество русских адептов урбанистской инновации. Архитекторы, административные власти различных уровней, предприниматели, ученые, общественные деятели включились в движение по распространению данной урбанистской формы и в России. До революции 1917 года в стране даже функционировало русское общество городов-садов. П.Г. Мижуев был сторонником идей Э. Говарда, однако в отличие от многих своих соотечественников, он лично отправился в Англию для более подробного знакомства с данным проектом – «новой формой жизни», «третьей альтернативой» как его определял сам отец-основатель. С Э. Говардом он встречался летом 1914 года, который лично показывал ему образцовый город-сад – Лечворс (Лечворт), в котором сам и проживал.

Следует иметь в виду, что несколько взаимосвязанных социальных проблем детерминировали появление концепции города-сада. Ранний капитализм в Западной

36 | Европе, а затем и в России, осуществляя социально-экономические преобразования, инициировал процесс массовой миграции населения в города, особенно в большие. Начал складываться дисбаланс между городом и деревней. Скученность, переполненность, чрезмерная бедность, алкоголизм – типичные особенности городского развития, которые отмечались исследователями данной эпохи. Об этом подробно пишет Э. Говард. Знаменитая работа Ф. Энгельса «Положение рабочего класса в Англии» в немалой степени уделяет специальное внимание состоянию социально-бытовых условий жизни в крупнейших городах Великобритании. Он выявляет фундаментальные изменения, характерные для данной сферы. В социально-психологическом и моральном отношении в больших городах, по мнению Ф. Энгельса, формируются жестокое равнодушие, бесчувственная обособленность людей друг от друга, эгоизм «как основной и всеобщий принцип нашего современного общества» [11, с. 264]. В социально-экономическом смысле большой город, согласно Ф. Энгельсу, – это пространство дворцов и хижин, богатства и бедности, где социальное расслоение достигло своего апогея. В социально-классовом измерении такой город представляет собой арену социальной войны всех против всех, в которой одерживают победу более сильные, т.е. капиталисты, а проигрывают более слабые – бедняки и рабочие. Основное оружие социальной дифференциации и борьбы – это капитал, «т.е. прямое и косвенное обладание жизненными средствами и средствами производства» [11, с. 264]. Социальные контрасты большого города, согласно наблюдениям и размышлениям Ф. Энгельса, материализованы в особой организации городского пространства и в структуре, типе его жилищ. Зонирование различий представлено в социально-классовом районировании и сегрегации в городе. Во всех больших городах одна и та же картина – районы привилегированные и престижные соседствуют с трущобами; кварталы и улицы зажиточных горожан перемешаны с подвальными жилищами рабочих и бедняков. «Население городов, – отмечает Ф. Энгельс, – вообще слишком скученно, но именно их (бедняков – В.Т.) заставляют жить в еще большей тесноте. Мало того, что им приходится вдыхать на улице испорченный воздух, их дюжинами набивают в одну комнату, так что атмосфера, которой они дышат, по ночам становится совершенно удушливой. Им отводят сырые квартиры, подвалы, куда вода просачивается снизу, или мансарды, куда она про-

текает сверху... Мы находим со всех сторон подтверждение того, что рабочие жилища, расположенные в худших частях города, в сочетании с общими условиями жизни рабочих, являются причиной множества болезней» [11, с. 331–332]. Санитарные врачи, полицейские, общественные деятели, ученые постоянно отмечали регресс в данной области городской жизни XIX века. Россия не была исключением. Являясь к началу XX века аграрной и крестьянской страной и имея одновременно длинную городскую историю, в период капитализма она столкнулась со многими аналогичными проблемами, присущими характеру урбанизации и индустриализации на континенте. А.Н. Рубель [8], Н.И. Свешников [9], В.В. Святловский [10] и многие другие авторы писали об этом достаточно подробно. Одним из ключевых недостатков урбанизации XIX века, отмечал П.Г. Мижусев, являлось строительство «массы домов казарменного типа с квартирами тесными, лишенными достаточного света и надлежащего притока свежего воздуха и в то же время дорогами» [6, с. IV]. Проект Э. Говарда явился одним из ответов на вызовы того времени в социальной области. Вообще следует отметить ту социальную активность, которая была присуща в конце XIX – начале XX вв. различным слоям английского общества в деле реформирования практических условий повседневной жизни в городах. Амелиоризм как типично британская идея поэтапного улучшения и обустройства повседневной жизни лежал в основе трансформации представлений и социальных практик английского общества. Бизнесмены, квакеры, члены парламента, социалисты, представители творческих профессий принимали деятельное участие в процессе социальных реформ.

В наибольшей степени интеллектуалов и практиков интересовало состояние жилого фонда нового класса буржуазной эпохи – рабочего. В Европе и в России жилище рабочих «в особенности в самых больших городах, нередко можно назвать скорее логовищем: там можно сидеть, можно лежать, но детям там совершенно негде ходить и бегать: глава дома или его жена нигде не могут там уединиться. Иногда же, как это имеет место в Петрограде или Москве, вся семейная жизнь рабочего проходит на глазах чужих и часто неприятных и во всяком случае нежеланных свидетелей...» [6, с. 250].

Англия как пионер индустриализации в капиталистическую эпоху вплотную столкнулась с подобными проблемами и практически первой инициировала проекты кардинального преобразования городского

пространства крупнейших поселений страны. П.Г. Мижув подчеркивал, что англичане «не любят жить в квартирах многоэтажных домов» [6, с. 40]. Отсюда разнообразие форм поселений: сады-города (Garden City), сады-предместья (Garden Suburb), сады-деревни (Garden Villages) и др. С социологической точки зрения важно иметь в виду, что новые урбанистские формы ориентировались на удовлетворение (одновременно и конструируя их) потребностей различных классов: буржуазии, среднего и рабочего классов. Примечательно, что в г. Галифакс в 60-70 гг. XX в. попытались возвести многоэтажные жилые комплексы. Однако вскоре они оказались пустующими.

В отличие от сложившейся английской традиции, указывал П.Г. Мижув, в России живут совершенно иначе. Люди, которые располагают в Петрограде или Москве суммой в 20000–30000 рублей, достаточной для приобретения отдельного благоустроенного дома в Англии, предпочитают покупать квартиры «т.е. более или менее значительные ящики, в тех же обычных наших домах-казармах» [6, с. 41].

В Англии П.Г. Мижув изучал экономические, социологические, архитектурно-эстетические и санитарно-гигиенические основания феномена «сада-города». В исследовании приведены подробные бухгалтерские расчеты по экономике строительства и содержания домов в таких поселениях; многочисленные фотографии (рисунки), планы и чертежи садов-городов; описана структура и организация самоуправления; сформулированы достижения и основные разочарования по проекту Э. Говарда.

В книге «Образцовые рабочие поселки в Англии и Америке» (1925) П.Г. Мижув в популярной форме знакомит уже советского читателя с жилищными условиями и практическими проектами переустройства городской среды двух стран для различных классов, в первую очередь, для рабочего [7].

В работе «Социологические этюды» [2] П.Г. Мижув предлагает читателю достаточно содержательный обзор трактата С. Раунтри «Бедность. Исследование городской жизни», который, на наш взгляд, превосходит по своей всесторонности все существующие отечественные изложения проблемы в социологической науке. П.Г. Мижув состоял в переписке с С. Раунтри, от которого получил различные комментарии, фотографии и иные материалы, использованные им в своих книгах. Как известно, С. Раунтри – один из основателей городских социальных обследований в Британии и, наряду с Ч. Буттом, является автором концепции первичной и вторичной бедности горожан.

В России сады-города (города-сады) получили определенное развитие. Однако данная форма не стала ни доминирующей, ни одним из урбанистским или руралистским проектом. На длительный срок, продолжающийся и поныне, основная господствующая городская форма в сфере жилищного строительства воплотилась в возведении типовых многоэтажных комплексов домов. Около двух третей населения России проживает именно в таких домах разных поколений. Фактически отсутствует субурбанизация для среднего и низшего классов. Крупнейшие города страдают от сверхконцентрации населения, жилья, автомобилей и бессистемной застройки. Малоэтажность в городе и в ближайших пригородах – классовая привилегия элиты, воплощенная во дворцах, клубных коттеджных поселках и загородных резиденциях закрытого типа.

Ровно 100 лет назад вышла в свет книга П.Г. Мижуева «Сады-города и жилищный вопрос в Англии», а актуальность для России сохраняется и в отношении развития проектов городов-садов и в отношении жилищного вопроса. Альтернативный урбанизм – не экзотика, а востребованный проект для среднего рабочего класса страны.

Список литературы:

- [1] Гоуард Э. Города будущего / Пер. с англ. А.Ю. Блох. – СПб., Тип. т-ва «Обществ. польза», 1911. – 177 с.
- [2] Мижув П.Г. Социологические этюды. – СПб.: Ц. Крайз, 1904. – 343 с.
- [3] Мижув П.Г. Герберт Спенсер – основатель новейшей социологии. – СПб.: Г.Ф. Львович, 1906. – 123 с.
- [4] Мижув П.Г. Права человека и гражданина. – СПб., Тип. Альтшулера, 1906. – 115 с.
- [5] Мижув П.Г. Равноправие женщин [Права женщин и ее обязанности]. – М.: Тип. О.А. Сомовой, 1917. – 54 с.
- [6] Мижув П.Г. Сады-города и жилищный вопрос в Англии. – Пг.: Издание Т-ва А.С. Суворина «Новое время», 1916. – 496 с.
- [7] Мижув П.Г. Образцовые рабочие поселки в Англии и Америке. – Л.: Время, 1925. – 102 с.
- [8] Рубель А.Н. Жилища бедного населения г. Санкт-Петербурга. – СПб.: Тип. М-ва вн. дел, 1899. – 22 с.
- [9] Свешников Н.И. Петербургские Вяземские трущобы и их обитатели. Оригинальный очерк с натурой, написанный Н. Свешниковым. – СПб.: Е.А. Иванов, 1900. – 84 с.
- [10] Святоловский В.В. Жилище фабричного рабочего в Малороссии и в Привислянском крае. – Чернигов: Тип. Губ. правл., 1889. – 38 с.
- [11] Энгельс Ф. Положение рабочего класса в Англии // Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч., Т. 2. – с. 231–517.

ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ «ТРЕТЬЕГО СЕКТОРА» В РОССИИ: ПРОФЕССИОНАЛИЗАЦИЯ КАДРОВ НКО-СООБЩЕСТВА*

Проводится анализ возраста, уровня образования, а также мотивации людей, приходящих работать в «третий сектор». Анализ строится на материалах биографических нарративных интервью с представителями НКО-сообщества России, а также на сведениях из открытых источников по конкретным персонам. Как показало исследование, в разные периоды становления и развития сферы НКО в России (в 1980-е, 1990-е, 2000-е гг.) в этот сектор приходили люди абсолютно разного возраста и уровня образования. Это говорит о значительной степени гибкости «третьего сектора», что и отличает его от других сфер деятельности.

Ключевые слова:

гражданское общество, некоммерческие негосударственные организации, НКО, НГО, «третий сектор».

Харитонова Е.Г. Особенности развития «третьего сектора» в России: профессионализация кадров НКО-сообщества // Общество. Среда. Развитие. – 2016, № 1. – С. 38–41.

© Харитонова Елена Геннадьевна – кандидат исторических наук, доцент Российский государственный профессионально-педагогический университет (НТГСПИ, филиал в г. Нижний Тагил), Нижний Тагил; e-mail: putilovaelena2011@mail.ru

В последнее время одним из актуальных предметов исследований и дискуссий учёных (в первую очередь, социологов), становится – институт профессии (например, работы Н.А. Мартыновой, Е. Ярославской-Смирновой, П. Романова). Исследовательский интерес подогревается, в том числе, появлением с 1990-х гг. новых видов профессиональной деятельности, связанных с развитием гражданского общества и «третьего сектора» в России.

Институциональную структуру «третьего сектора» составляют организации, обозначаемые как негосударственные и некоммерческие. Данные организации, во-первых, не инкорпорированы в государственную/муниципальную структуру, во-вторых, они не нацелены на получение прибыли с целью ее распределения между учредителями, членами и участниками организации [1, с. 15].

Кроме этого, к основным признакам, свидетельствующим о принадлежности той или иной организации к «третьему сектору» являются: добровольный характер объединения, самостоятельный выбор направления деятельности и способов достижения поставленных целей, общественная польза [2, с. 1].

В качестве названий стали использоваться «НКО», «некоммерческий сектор», а сотрудники данного типа организаций со временем получили неофициальное название «НКО-шники».

Со второй половины 1990-х гг. по настоящее время специалисты разных областей знаний обращаются к всестороннему изучению НКО-сектора, в первую очередь, с точки зрения его влияния на социальную сферу, решение им социальных проблем общества. Большую работу в этом отношении проводят исследователи Центра развития гражданского общества НИУ ВШЭ И.В. Мерсиянова, Л.И. Якобсон, И.Е. Корнеева и др.

В целом же, несмотря на то, что сегодня сфера «третьего сектора» по уровню организации не уступает первым двум секторам, в отечественном социально-гуманитарном знании практически отсутствуют работы по изучению особенностей развития профессии НКО-шника. Практически исследователями данной темы являются М.И. Либоракина, В.Н. Якимец, Е.А. Шестак, Ю. Качалова, которые в своих работах уделяют внимание специфике управления человеческими ресурсами в «третьем секторе», а также, особенностям мотивации деятельности сотрудников НКО.

В 2014 году стартовал научно-исследовательский проект, одобренный РГНФ России «НКО как социальный лифт: траектории индивидуальной мобильности в российском некоммерческом секторе». За этот год были проведены 34 полуструктурированных биографических интервью с представителями НКО России.

* Статья подготовлена в рамках научно-исследовательского проекта «НКО как социальный лифт: траектории индивидуальной мобильности в российском некоммерческом секторе» (грант РГНФ № 14-33-01248)

География наших респондентов представлена городами: Барнаул, Екатеринбург, Кемерово, Москва, Нижний Новгород, Нижний Тагил, Петропавловск-Камчатский, Санкт-Петербург, Саратов, Ярославль.

Первоначально, на этапе разработки методики проведения биографического интервью, предполагалось, что возраст потенциальных респондентов должен был составить «от 40 лет». Однако в ходе работы было принято решение расширить верхнюю и нижнюю возрастные границы наших НКО-шников. Более того, не имело значения вид НКО и сфера их деятельности, в связи с чем проект получил более богатое разнообразие: ассоциации, благотворительные фонды, правозащитные организации, культурно-просветительские центры, общественно-политические организации и т.д.

Материалы собранных интервью, а также информация из открытых источников представляют собой огромный массив данных, направленный на то, чтобы раскрыть тему заявленного проекта. Однако в данной статье мы остановимся на анализе влияния возраста на профессиональное самоопределение и «поворот» наших респондентов в сторону «третьего сектора». Более того, мы попытаемся определить средний возраст нашего НКО-шника на момент прихода в сферу «третьего сектора» и посмотреть, чем именно она его привлекает.

В число респондентов проекта вошли НКО-шники от 27 до 80 лет. Среди них преобладают персоны 1960–70-х годов рождения (см. табл. 1). Те, кому сегодня от 40 до 49 лет составляют основной «костяк» членов общественных отечественных организаций (см. табл. 2).

Таблица 1

Численность респондентов проекта по гг. рождения

Годы рождения респондента	Количество респондентов
1930-е	1
1940-е	2
1950-е	6
1960-е	11
1970-е	10
1980-е	4

На основании материалов интервью, а также материалов из открытых источников мы установили время и возраст, в котором наши респонденты пришли в сферу НКО. Из 34 респондентов, в конце 1980-х гг. в

сферу общественных организаций ушли 4 человека в возрасте от 30 до 55 лет. В начале 1990-х гг. (до 1995 года) 10 человек пришли в уже т.н. «третий сектор». Причём мы можем увидеть «омоложение» НКО-шника: увеличивается число молодых людей от 20 до 29 лет (7 чел.); приходят и продуктивные «зрелые» от 30 до 46 лет (3 чел.) 7 респондентов пришли в «третий сектор» во второй половине 1990-х гг. в возрасте от 20 до 36 лет. В общей сложности, в 1990-е гг. в «третий сектор» пришли большинство наших респондентов (17 чел.).

Оставшиеся 12 человек выбрали сферу НКО в качестве площадки для своего профессионального развития в 2000-е гг. Заметим, что по сравнению с предшествующими периодами, расширяются как верхние, так и нижние возрастные границы людей, приходящих в НКО: увеличивается количество «зрелых» возрастов (6 респондентов от 30 до 54 лет); молодых людей от 20 до 28 лет в этот период приходят также 6 человек.

Таблица 2

Возраст представителей НКО-общества на момент интервью (2014 г.)

Возраст респондента (гг.)	Количество респондентов
20–29	2
30–39	5
40–49	15
50–59	8
60–69	2
70–79	1
80+	1

Данные изменения можно объяснить фактором «роста» «третьего сектора» в России в целом. Так, в конце 1980-х гг. его как такового ещё не существовало, а по стране создавались разного рода инициативные группы, первые общественные организации, не имевшие на тот момент чёткой структуры.

Уже в 1990-е гг. появляется законодательная база для деятельности таких организаций, и они окончательно оформляются в качестве организаций нового типа – некоммерческих организаций, появляется и сам термин «третий сектор».

В 2000-е гг. происходит «профессионализация» сферы НКО: она начинает пополняться не только людьми, которые приходят сюда с целью решить какие-то личные проблемы, но и теми, кто по разным причинам не имеет возможности реализовать себя в первых двух секторах экономики.

40 Более того, в этот период, «третий сектор», видимо, кажется более понятным для людей, и многие именно здесь начинают видеть площадку для своего профессионального развития; сфера НКО обогащается людьми, заинтересованными в получении опыта работы именно в некоммерческих организациях.

Например, из наших 34 респондентов 6 человек не имеют другого опыта работы кроме как в некоммерческом секторе.

Возможно, именно по вышеупомянутой причине роста профессионализации сектора, возрастает количество людей «зрелого» возраста, имевших до этого (или имеющих до сих пор), опыт работы в разнообразных структурах.

Так, среди наших респондентов мы можем увидеть: школьных учителей (6 чел.), преподавателей ВУЗов и колледжей (9 чел.), бывших сотрудников правоохранительных органов (2), военнослужащих (1), медицинских работников (2), статистов (2), программистов (1), синоптиков (1), работников бизнес-структур (6), муниципальных служащих (3), журналистов (2), социальных работников и социальных педагогов (2), воспитателей в детских садах (1), сотрудников НИИ (2).

Если обратиться к уровню образования наших респондентов, то мы увидим следующие данные (см. табл. 3). Превалируют НКО-шники с педагогическим образованием (учителя математики, физики, русского языка и литературы, истории, изо) – 16 чел.; общественников с юридическим образованием – 2 чел.; медицинским – 2 чел.; военным – 1 чел.; торгово-экономическим – 2 чел.; социальных работников, социальных психологов и педагогов – 4 чел.; социологов – 2 чел.; окончивших Гидромет – 1 чел.; железнодорожный институт – 1 чел.; специальность «референт-аналитик информационных ресурсов» имеет – 1 чел.; культуролог – 1 чел.; архивариус – 1 чел.; рыбный технолог – 1 чел.

Стоит отметить, что многие из наших респондентов имеют второе высшее/дополнительное образование, что позволяет им вести полноценную профессиональ-

Уровень образования представителей НКО-сообщества

Уровень образования	Количество респондентов
Среднее-профессиональное	3
Высшее образование	22
Наличие учёной степени	9

ную деятельность в сфере НКО и быть высококвалифицированными специалистами в области управления персоналом, фандрайзинга, связей с общественностью, финансовой деятельности организаций некоммерческого сектора, и т.д.

В целом, большинство наших респондентов, согласно возрастной периодизации П. Бюлера, относятся к категории «зрелые» – от 25 до 50 лет*. В нашем случае в категорию от 27 до 50 лет попали 23 человека. Наличие в «третьем секторе» людей более старшего возраста (в проекте – от 50 до 80 лет) говорит о том, что сфера НКО обладает невероятной гибкостью, которая определённо отсутствует в других сферах. Например, самому старшему представителю «третьего сектора», принявшему участие в нашем проекте, 80 лет, – лишнее доказательство того, что сфере НКО «все возрасты покорны».

Кроме этого, мы установили, что вне зависимости от того, в какой период человек пришёл в НКО (1990-е или 2000-е гг.), его самый «проходной» возраст составлял и составляет от 20 до 29 лет (всего 16 чел. из 34); на втором месте – люди в возрасте от 30 до 40 лет (14 чел. из 34).

Интересно и то, насколько сами НКО-шники отмечают, что есть для них «третий сектор» (см. табл. 4).

Анализируя данные ответы, можно увидеть, насколько широки представления о сфере НКО: от сугубо личных, внутренних ощущений (моральное удовлетворение; значимый кусочек жизни; часть личной жизни; важность ощущения своей нужности другим людям); до уверенности в том, что именно данная сфера позволяет по максимуму удовлетворять потребно-

* По мнению психологов, зрелость – это самый социально активный и продуктивный период жизнедеятельности; это период взрослости, когда может осуществиться тенденция к достижению наивысшего уровня развития интеллекта и личности. В теории Э. Эриксона зрелость – это возраст «совершения деяний», наиболее полный расцвет, когда человек становится тождественным самому себе. Главные линии развития человека средних лет – это генеративность, производительность, созидательность (в отношении вещей, детей и идей) и неуспокоенность – стремление стать как можно лучшим родителем, достичь высокого уровня в своей профессии, быть равнодушным гражданином, верным другом, опорой близким // См.: Кагермазова Л.Ц. Возрастная психология (Психология развития): Электронный учебник // Автор-составитель: Кагермазова Л.Ц., д.психол.н., профессор кафедры педагогики и психологии ДПО КБГУ.

Ответы респондентов на вопрос: «Что лично для Вас «третий сектор»?»

«Это моя работа»
«Это образ жизни»/ «это очень большой кусок жизни»/ «настоящая жизнь»/ «моя личная жизнь»
«Огромный опыт общения с людьми»/ «возможность быть открытым, общаться с другими людьми»/ «возможность познакомиться с интересными людьми»
«Свобода действий»/ «свобода действий для принятия решений»
«Личностный рост» / «возможность самореализации»
«Это профессиональная деятельность» / «профессиональная работа»
«Это сфера инноваций»
«Это свободное пространство, где могут реализоваться многие участники» / «возможность получить опыт» / «это то, что можно заниматься тем, что тебе нравится, получать за это деньги, развиваться, учиться» / «огромные возможности»
«Это сообщество, в котором мне комфортно, в котором я чувствую себя на своем месте, я чувствую себя профессионалом и нужным кому-то»
«Это связь между государством и бизнесом»
«Моральное удовлетворение» / «Удовлетворение от того, что я делаю, служение»
«Возможность изменять окружающее»
«Это юридический статус, который несёт в себе одно важное базовое понятие: здесь нет прямой зависимости между успешностью некоммерческого предприятия и личным обогащением человека»

стям в собственном личностном росте за счёт огромных возможностей непрерывного обучения, развития, открытых коммуникаций; а также до конкретно профессиональных взглядов на работу в «третьем секторе» (это профессиональная работа; это юридический статус; это сфера инноваций; связь между государством и бизнесом). Немаловажными, по нашему мнению, являются и рассуждения наших НКО-шников по поводу того, что привлекательность данной сферы для них заключается в «возможности изменять окружающее» при максимальной «свободе действий».

Сегодня, изучение НКО-сферы в общем, и особенностей профессии НКО-шник в частности, приобретает актуальность в связи с бурным развитием «третьего сектора», повышением уровня его

профессионализации. Очевидно, что руководители отечественных НКО должны обращать внимание на свои кадры, специфику работы с ними, поскольку именно люди (человеческие ресурсы) являются основным условием выживания общественной организации. Эффективность работы НКО будет скорее зависеть от здоровой внутренней атмосферы и слаженности в работе, чем от финансовых возможностей организации, что, в свою очередь, является особенностью именно «третьего сектора». Проведённое исследование наглядно показало гибкость сферы НКО, привлекательность для людей, желающих самореализоваться, склонных к постоянному развитию и саморазвитию, независимо от возраста, уровня образования и ранее полученной профессии.

Список литературы:

- [1] Мерсиянова И.В. Вовлеченность населения в неформальные практики гражданского общества и деятельность НКО: региональное измерение. – М.: НИУ ВШЭ, 2011. – 196 с.
- [2] Ярыгина Т., Шалганова И. Социальная политика в России. Третий сектор в России // Социальная политика в России. –1999, № 2(37). – С. 1–34.

ОСОБЕННОСТИ СИМВОЛИЧЕСКОГО ПОДХОДА В ИССЛЕДОВАНИИ КУЛЬТУРНОГО ЛАНДШАФТА ГОРОДА

Проводится анализ специфики символического подхода в процессе исследования культурного ландшафта города. Автор рассматривает ряд концепций, сформировавшихся в западной исследовательской традиции, которые обращаются к изучению культурного ландшафта как системы символов. Приводится классификация культурных ландшафтов К. Норберг-Шульца, выделявшего в качестве основного критерия символическое противостояние неба и земли в рамках ландшафта. В заключении автор рассматривает ряд недостатков символического подхода, которые возникают при его использовании в процессе исследования культурного ландшафта. Во-первых, акцентируя внимание на специфическом, отличительном аспекте ландшафта исследователь рискует пренебречь «обычными» ландшафтам. Во-вторых, представители семиотической традиции часто упускают из вида значение опыта в процессе трактовки культурного ландшафта. В-третьих, в рамках символического подхода большое значение придается связи смысла и идеологии. Автор полагает, что не менее перспективным в исследования культурного ландшафта города может являться феноменологический подход, позволяющий избежать подобных проблем.

Ключевые слова:

городская архитектура, культурный ландшафт, семиотика, символ, символизм.

Кисиленко А.П. Особенности символического подхода в исследовании культурного ландшафта города // Общество. Среда. Развитие. – 2016, № 1. – С. 42–46.

© Кисиленко Альбина Павловна – соискатель, Белгородский государственный институт искусств и культуры, Белгород; e-mail: kokettka3@rambler.ru

Символические аспекты культурного ландшафта и процессы, посредством которых индивиды создают символы окружающей среды, до сих пор не исследованы в полной мере. Большинство ранних работ в области гуманитарной географии основываются на предположении, что символы окружающей среды заданы нам, что они статичны и не подвержены изменениям. Подобные исследования обычно описывают символические формы, схему их расположения или то, как в этих символах отражаются конкретные социальные ценности. Реже исследуется взаимосвязь между символами ландшафта и социальными процессами. Основные проблемы, с помощью которых можно расширить границы гуманитарной географии, часто игнорируются.

Широко распространено положение о том, что хранение и передача смысла в символической форме является осно-

вой человеческого существования. История человечества характеризуется через трансформацию природных объектов в продукты культуры, которые, в свою очередь, постоянно совершенствуются и модифицируются. Гибкость этих форм и конкретность смыслов может быть сохранена в данных продуктах культуры, которые дают человеку ряд преимуществ. Культурный ландшафт является одним из наиболее доступных хранилищ, открывающих возможности для анализа подобных процессов трансформации. Символизм окружающей среды является средством, благодаря которому формируется социальная идентичность и воспроизводится реальность. Процесс создания символа, его разработка и модификация является разновидностью социального процесса и не может быть описан и объяснен вне взаимосвязи с другими социальными процессами. Возникает закономерный вопрос

как человеческие потребности и желания символически проявляются в ландшафте? Каким образом они становятся доступны через исследование целей социокультурной системы, а также через факторы, содействующие этим изменениям [4, р. 453]?

Культурный ландшафт, ставший иконой, трансформируется в символический ландшафт. Как таковой он может быть проанализирован различными способами. Во-первых, культурный ландшафт может быть рассмотрен как текст, или как значимый текст, или в качестве незаменимого архива, отражающего специфику общества – его произведения искусства, его народные инновации, идеи, нравы – в конкретный исторический период и в определенном месте. Во-вторых, ландшафт может быть проанализирован в соответствии с той ролью, которую он играет в системе общественных ценностей и процессе реконструкции социальной идентичности определенной группы. Таким образом, описанный ландшафт подчеркивает силу интерпретации и моделирования социального образа и идентичности. В-третьих, можно рассматривать культурный ландшафт и объекты культурного наследия в качестве культурных продуктов, т.е. продуктов потребления, которые, как и любые другие экономические или промышленные продукты, подвергаются доработке и улучшению. Данный подход был представлен в работах Л. Раунтри и М. Конки, которые полагают, что культурно-символические ландшафты и виды не только отражают социальную структуру, но также являются неотъемлемой частью общества. Наконец, процесс формирования символических ландшафтов может быть проанализирован в соответствии со следующими критериями: 1) наследие и память – историческая документация и наблюдение за изменениями состояния ландшафта и объектов культурного наследия под воздействием времени; 2) коммеморация – процесс, который преобразует культурные ландшафты и его виды в символические ландшафты, с привлечением классификации и категоризации ландшафтов посредством выбора тех ценностей и значений, которые должны быть сохранены; 3) репрезентация и моделирование – средства, выбранные для представления памяти и ее значения; 4) цели и функции – назначение культурного ландшафта. Эти четыре компонента занимают важное место в формировании общественной идентичности, выраженной и отраженной в символическом ландшафте [8, р. 459–474].

Определяя значение культурного ландшафта, Д. Дрекслер полагает: «Ландшафт не только комплексная система элементов окружающей среды, таких как воздух, вода, почва и т.д. Ландшафт также и ментальный институт, символ» [3]. Следствием подобного подхода становится то, что воздух, вода и т.д. несут свой символический смысл или контекст. Опираясь на подобное понимание, Д. Дрекслер исследует различия в ландшафтном символизме Франции, Германии и Венгрии.

С. Дэниелс и Д. Косгров утверждают: «Ландшафт является культурным образом окружающего» [2, р. 45]. Необходимо отметить, что для авторов ландшафт как культурный образ является символическим ландшафтом, в то время как «окружающее» используется как заменяющее понятие для несимволических значений ландшафта. С. Дэниелс и Д. Косгров указывают на то, что «в гуманитарной географии интерпретация ландшафта и культуры имеют тенденцию овеществлять ландшафт как объект эмпирического исследования» [2, р. 44].

Один из крупнейших западных теоретиков культуры К. Норберг-Шульц классифицировал ландшафты, выделив четыре фундаментальных типа, в основе которых лежит антитеза «земля – небо»: романтический, космический, классический и комплексный ландшафты. Небо или земля могут доминировать в том или ином ландшафте, однако, взаимодействие между ними может носить также эквивалентный характер. Там, где доминирует небо, превалирует космический порядок, и изменения атмосферных условий являются решающими. Там, где преобладает земля, присутствуют различные архетипические вещи и масштабные вариации.

Романтический ландшафт соответствует качествам северного региона. В северных лесах повсюду встречаются территории, сочетающие в себе разнообразные рельефы. Небо «ограничено» деревьями и скалами, и постоянно изменяется из-за бегущих облаков. Солнце в северных широтах стоит достаточно низко, играя в бликах и тенях. Вода присутствует как вечный динамический элемент, в виде горных потоков, штормов и открытых всем ветрам озер. Трансформации воздуха в виде влажных туманов меняют атмосферу до неузнаваемости. Весь этот мир можно охарактеризовать как непостоянный, непостижимый, полный сюрпризов. Норберг-Шульц прибегает к следующим эпитетам: нематериальный, фрагментарный, деформированный и

44 | полный метаморфоз. «Главный объединяющий принцип (в таком ландшафте – А.К.) скрыт» [7, р. 19]. Северная природа очень эмпатична и подходит, в большей степени, для интимного созерцания, поскольку она асоциальна. Каждый индивид находит свои скрытые, тайные влечения в северной природе. Сущностными свойствами романтического ландшафта, таким образом, являются доминирование земли в ситуации противоборства земли-неба (долины и крутые горы), смена настроения (изменяющаяся погода), микроструктурирование (отношения элементов земли, скал, воды, деревьев / флоры) и распадающиеся формы (множество мест разбивающих ландшафт на части).

Классический ландшафт, включающий итальянские пейзажи, благодаря которым, по мнению Е. Норберг-Шульц, возникла Ренессансная архитектура, нельзя охарактеризовать как монотонный (например, космический ландшафт пустыни), но он и не так разнообразен как северные ландшафты. Простая и понятная композиция демонстрирует чистое разделение элементов, результатом которого является «сильный и равномерно распределенный свет, и прозрачный воздух, который придает формам высшее и скульптурное присутствие» [6, р. 45]. Между небом и землей соблюден баланс. «Здесь индивидуальность не поглощена абстрактной системой (пустыней), и не находит места для укрытия (северный ландшафт). Становится возможной подлинная “встреча”» [6, р. 46]. Равновесие во взаимодействии земли–неба подверглось рефлексии в греческих понятиях пропорции, умеренности и гармонии. Эти идеалы были в дальнейшем восприняты римской культурой и воплотились, в дальнейшем, в архитектуре Ренессанса.

К. Норберг-Шульц представляет свет в качестве главного фактора дифференциации форм в символическом ландшафте. «Северный свет создает пространственное настроения, посредством изменяющихся нюансов, неутомимых сил, даже когда свет пропадает или прячется за облаками» [7, р. 2]. Настроение юга стабильно как солнечный свет «пронизывает пространство и окружает все вещи». «Экстенсивность южного пространства: солнце пронизывает и делает однородным все, оно ограничено только горизонтом и небесным сводом» [7, р. 3]. Купаясь в лучах южного солнца, каждая вещь получает полное присутствие, ясность и прозрачность. В неземном, рассеянном полусвете севера вещи теряют свою идентичность – их телесность раство-

ряется. Земля в северном ландшафте неозорима, непроницаема, но безгранична. Пространство – «это проем, который люди создают в необозримости» [7, р. 9].

Описывая романтическую (северную) архитектуру, К. Норберг-Шульц утверждает, что она «отличается множественностью и вариативностью» [6, р. 45]. Она не проста для понимания в понятиях разума, и ее атмосфера таинственна, фантастична, интимна и идилична. Ее формы возникают органично. Северная архитектура избегает объемов, и ее характер связан с прозрачностью структуры, в «которой линия становится символом силы и динамизма» [6, р. 69]. «В Норвегии, в конце концов, северный характер обретает кульминацию в романтической структуре ставкирки, и в лофте, и в белых домах, которые конкретизируются в северной летней ночи.... До этого дома были темными, отражая тайну зимнего неба, которое также было светом интерьера ставкирк. В ставкирках создавалось впечатление “темного света”» [6, р. 70]. Северному гешталту не хватает качества «округлости», в южном недостает «цельности» – фронтоны и шпили вместо аркад и куполов. Фронтоны и шпили по сути антиклассичны. Шпили заимствуют свои формы у леса. Акцентирование внимания на вертикали выражается в том, что «каркас является матрицей северного величия, также как массивные стены – южного. Проем, тем временем, становится отделением... но не дырой» [5, р. 170]. Строящиеся формы поднимаются как будто растущие из земли растения, а деревья «вырастают» из их крыш. Речь идет о готической системе, в которой «массивность» становится нематериальной посредством вертикальных линий и прозрачных стен (огромные витражи).

В архитектуре флорентийского Ренессанса, «мы находим желание придать строениям индивидуальную пластичность и антропоморфные характеристики в комбинации с простой и понятной конструкцией» [6, р. 18–19]. В своей работе «Десять книг о зодчестве» теоретик искусства Возрождения Леона Баттиста Альберти начинает свои рассуждения с фигуры круга и базирующийся на нем геометрических конструкций площади и полигона. Он завершает свою книгу описанием девяти базовых геометрических фигур, используемых в храмовой архитектуре. Пропорции один к двум, два к трем, три к четырем (как интервалы в музыке) обеспечивают гармоничные пропорции в архитектуре. Эта простая ясная форма и пропорции про-

должает «разумную конструкцию». Антропоморфный характер берет свое начало из идеи, что человеческое тело преобразуется в «наиболее идеальные геометрические фигуры, круг и площадь» [6, р. 76]. Таким образом, Ренессанс подчеркивает значение пропорций человека и его разумной геометрии. В результате эти характеристики, рассматриваемые как универсальные, воплощаются в южной природе. Абстрактное геометрическое совершенство классического стиля архитектуры позже было воспринято северными регионами, особенно в период господства неоклассицизма. Необходимо отметить также, что неоклассицизм соответствовал идеологии Просвещения, которая, в свою очередь, служила идее универсальной причины.

Многие исследователи сегодня рассматривают ландшафт в качестве текста, системы значений, состоящей из нескольких слов, проецирующих множество смыслов и открытой для различных интерпретаций. Однако, возникает закономерный вопрос, существуют ли достаточные основания, для того, чтобы осмыслить ландшафт как символический [9, р. 698–702]? Подобное стремление направляет внимание исследователей на отличительные и выразительные элементы ландшафта. Традиционно, например, культурные географы делают акцент на своих работах на ландшафтную иконографию [2, р. 43–82]. Подобное визуальное суждение может привести к проблемам в исследовании ландшафта, а точнее к анализу характерных мест, необычных памятников и различных образцов архитектурного искусства. Таким образом, возникает риск пренебречь «народными», «обычными» ландшафтами, что является прямым последствием рассмотрения их как текстов, не представляющих какой-либо ценности. Кроме того, «грамматика» и «синтаксис» в архитектуре значительным образом отличается от языка литературных текстов, фотографий, живописи. Ассоциируя символизм с наиболее выразительными элементами ландшафта, можно лишиться представления о его «целостном» характере, и о том, как различные смысловые уровни ландшафта перекрывают, усиливают и противоречат друг другу.

Другой недостаток семиотической модели интерпретации ландшафта заключается в том, как она представляет опыт. Культурные географы подчеркивают, насколько идентичность, как правило, отождествляется с уникальными расовыми, классовыми и гендерными особенностями,

формами прочтения ландшафта. Семиотика текста получила достаточно серьезное развитие, чего нельзя сказать о семиотике ландшафта, которая менее формально вплетена в «гобелен» повседневной жизни и испытывает влияние социальных норм, гендерных ролей и профессиональных задач. Для тех, кто населяет знакомую среду, память и привычки оказывают значимое влияние на прочтение культурного ландшафта. Исследователи культурного ландшафта с позиции семиотического подхода должны учитывать разнообразные, пересекающиеся и потенциально противоречивые манеры «прочтения» окружающей среды с точки зрения различного опыта, которым обладает «читатель», и понимать, как эти элементы могут взаимодействовать между собой.

Наконец, еще одним недостатком семиотической модели является непосредственная связь между смыслом и идеологией. Здравый смысл подсказывает, что социальный, религиозный и политический дискурс формируют наше прочтение ландшафта. Мало кто может оспорить роль и значение культуры в определении физических стимулов, исходящих от ландшафта, но нельзя сводить значение ландшафта до одного аффективного поля, не обращая внимание на то, что он играет множество ролей в качестве «центра смысла, локуса эмоциональной привязанности и ситуации для поддержания жизнедеятельности» [1, р. 278]. Необходимо также воздерживаться от экспликации трансцендентных идеологических сообщений из ландшафта, учитывая, что в архитектуре интенции проявляются в течение значительного периода времени, внутри существующей среды, через сеть институтов, и направлены на множество вариантов использования и пользователей. В результате ландшафтный символизм обладает сложностью и практически полным отсутствием поверхностных смыслов и значений. Символы ландшафта настолько туманны и расплывчаты, что степень того, что они символизируют часто очень низка.

В противовес семиотическому подходу феноменология предлагает альтернативную модель того, как люди обитают в среде. С точки зрения экзистенциальной перспективы, в семиотической модели визуальное превалирует над тактильным, мышление – над привычными действиями, эпизод – над накопленным опытом. Подобная позиция связана с картезианским *cogitosum*: глаз как шлюз для сознания, сила разума, господствующая над те-

46 лом, эмоциями и мышление как путь для трансцендирования социальной множественности. Эти идеи Просвещения переоценивают «сконструированность» ландшафта в противовес его «заданности». Феноменологический подход подчеркивает двойственную реальность человеческого существования. Таким образом, ландшафтный опыт проистекает не только из зрения, но и от привычек и памяти. Данный опыт построен не только на основе идей, но и благодаря социальным ролям и ритуалам, обусловлен не только сознательными желаниями, но и предшествующим впечатлением, полученным от этих мест. Пейзаж состоит не только из символов, но также из материальных поверхностей, ограниченных мест, полей действия, сети районов и локализованных практик, которые связывают обитателей с миром.

Таким образом, анализируя особенности символического подхода к исследованию культурного ландшафта города, необходимо подчеркнуть, что, не смотря на достаточно глубокие традиции, данный подход обладает рядом существенных недостатков, которые необходимо учитывать при его использовании в процессе изучения любого культурного ландшафта, в том числе и ландшафта города. Исследователю нужно помнить, что ландшафт представляет собой сложную символическую систему, в которой переплетаются различные смысловые значения, необходимо учитывать опыт прочтения этого ландшафта тем, кто в нем обитает, а также следует обращать внимание не только на выразительные особенности культурного ландшафта, но и на его обычные, повседневные черты.

Список литературы:

- [1] Buttner A. Grasping the Dynamism of the Lifeworld // *Annals of the Association of American Geographers*. – 1976. – P. 277–292.
- [2] Daniels S., Cosgrove D. Introduction: Iconography and Landscape // *The Iconography of Landscape*. – Cambridge: Cambridge University Press. 1988. – P. 43–82.
- [3] Drexler D. Landscape Perceptions – The Symbolic Meaning of Landscape and Its Role in Mental Well-being. – Интернет-ресурс. Режим доступа: www.openspace.eca.ac.uk/conferenceproceeding/summary/Drexler.htm
- [4] Hodder I. Economic and Social Stress and Material Patterning // *American Antiquity*. – 1979, vol. 44. – P. 446–454.
- [5] Norberg-Schulz C. *Architecture: Presence, Language and Place*. – Milan: Skira, 2000. – 372 p.
- [6] Norberg-Schulz C. *Genius Loci, Towards a Phenomenology of Architecture*. – New York: Rizzoli, 1980. – 216 p.
- [7] Norberg-Schulz C. *Nightlands: Nordic Building*. – Cambridge, MA: MIT Press, 1996. – 224 p.
- [8] Rowntree L.B., Conkey M.W. Symbolism and Cultural landscape // *Annals of the Association of American Geographers*. V. 7. – 1980, Issue 4. – P. 459–474.
- [9] Schatzki T.R. Subject, Body, Place // *Annals of the Association of American Geographers*. Vol. 91. – 2001, № 4. – P. 698–702.

ПУТЕВЫЕ ЗАМЕТКИ ПО НОРВЕГИИ: ТЕКСТЫ И КОНТЕКСТЫ

Показано, как культурные и научные обмены встроены в судьбу профессиональных и познавательных интересов человека. Несмотря на то, что на них влияют актуальные политические события, идеологические контексты, они несут в себе трансграничный потенциал. В том числе, и в долгосрочной перспективе. Использован материал путевых заметок русских ученых, писателей. Показано, что межкультурные коммуникации определяются не только глобальными межгосударственными отношениями, но возможностями и способностями людей, творческой интеллигенции к такому обмену. Дневники путешественников, экспедиции ученых дают богатый материал, чтобы исследовать как в русской литературе, а следовательно, и для русского читателя открывался мир норвежской культуры, норвежской литературы. Какие «случайные» и вместе с тем вполне закономерные события влияли на это.

Ключевые слова:

Грот Яков, дневники путешественников, научные коммуникации, норвежская литература, Симонов Константин, Хьеллани Александр.

Орлова Н.Х. Путевые заметки по Норвегии: тексты и контексты // Общество. Среда. Развитие. – 2016, № 1. – С. 47–50.

© Орлова Надежда Хаджимерзановна – доктор философских наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург; e-mail: nadinor@mail.ru

---

Позволю себе думать, что нам, среди нашей шумной и тревожной жизни, среди гордого сознания наших сил, небесполезно было бы иногда обращаться мыслью к народу, который, пройдя совершенно иной путь развития, в тишине, неспешно разрешает свои общие задачи, и в некоторых явлениях своего бытия представляет достойные изучения и подражания.

Я.К. Грот [2, с. 33]

В ноябре 2015 года Центром русистики Латвийского университета (Рига) была организована Международная научная конференция «Латвия – Норвегия – Россия в гуманитарных исследованиях: литературные связи, юбилеи, гендер». Очевидно, что поставлена была задача выявления маршрутов трансграничных обменов культурной памятью. Русско-норвежские пересечения являются нам в биографиях, дневниках, незатейливых воспоминаниях, литературных памятниках. Конечно, ученые, историки, писатели в силу профессии особенно настроены на перспективу обмена, взаимного обогащения культур. В статье – своего рода путешествие в путешествие, каждое из которых отстоит от других на значительное число лет, но они едины в заботе о приращении культурного знания.

Яков Карлович Грот¹ пишет об этом: «Ныне, сам принадлежа к ученому сословию Александровского университета и беспрестанно находя случай распространять свои сведения о Финляндии, я бы

счел себя виновным перед судом науки, если бы не продолжал сообщать публике наблюдения свои касательно края, о котором у нас господствуют самые недостаточные и неверные понятия» [4, с. VII]. Летом 1873 г. он предпринял путешествие по Швеции и Норвегии. Размышляя о судьбах многочисленной армии шведских пленников, стремится выстроить предельно достоверный сюжет по материалам разноязычных описаний, анализирует биографические заметки, воспоминания о всех бывших в русском плену генералах. Грот на примере судеб конкретных персонажей показывает, как встраивались в русскую культуру пленные, как возможно было «подневольное» служение на пользу науки. Замечательный пример капитана Страленберга Филиппа Иоганна (1676–1747), известного своим сочинением о России [7]. В течение 13-ти лет плена он имел возможность путешествовать и составлять карты местности, которые в свое время служили источником географических сведений [3, с. 26]. Добавим, что для исследователей эти записи сохраняют свою актуальность и сегодня.

Мысли Грота об отсроченном, но обязательно востребованном итоге путешествия, сопряженного с ученой целью, с очевидностью подтверждаются и нашим обращением к его запискам. Можно «вывезти из посещаемой страны какое-нибудь новое приобретение для науки, например, неизвестную прежде рукопись, вновь открытый памятник истории или литературы,

или изучить ту или другую отрасль какого-либо языка, какого-либо знания, промысла или производства <...> можно из сделанных наблюдений, распросов, чтений и пр. собрать более или менее обильный материал для будущих исследований или других ученых работ» [2, с.1]. Для Грота очевидно, что «родство балтийским морем» есть «исконная связь народов», которая не исследована, и «любопытным памятником которой остается неоспоримый факт, что на языке финнов, первобытных поселенцев севера, до сих пор Швеция называется Русью (Ruotsi), а Россия – землею Вендов, т. е. бывших прибалтийских славян (Wänäjänmaa) [2, с. 3].

На отсутствие у русских традиции путешествовать в Норвегию пишет в своих путевых заметках профессор И. Арнольд². «Полюбопытствовав развернуть книгу для записи туристов, в ней нашел много лиц из Америки, Англии, Франции, Голландии, – даже попадались японские имена, но русских, если не считать несколько финляндцев, – ни одного: красноречивое доказательство того, как мы гоняемся за модой и посещаем Европу ради ее фешенебельных курортов или много-много избитых Швейцарских палестин» [1, с. 39]. В оптике ученого в первую очередь все, что касается сферы его научных интересов, и вместе с тем, границы узкопрофессионального интереса подвижны и многозначительны. Из незатейливых путевых заметок мы вычитываем не только такие необычные для нашего слуха описания «финляндцев» как русских, но портреты, совсем не парадные, замечательные представителей Норвегии. «Выйдя как-то из отеля утром на улицу, я увидел на одном из перекрестков другую знаменитость – Ибсена, совершавшего, как оказалось, свою обычную ежедневную прогулку в одну из кофейных. Свирепый на всех фотографических карточках и многочисленных других изображениях на разных предметах, Ибсен оказался на самом деле весьма смиренным и тихим старичком с медлительными движениями» [1, с. 56].

Чуть более полвека спустя, в конце лета 1955 г. Всесоюзное общество культурной связи с заграницей направило в Норвегию делегацию, в которую входил и писатель Константин Симонов³. Во время этой поездки он вел дневник, о котором он написал: «Вернувшись, я пополнил его многими записями, сделанными по памяти, записал некоторые мысли, явившиеся в связи с увиденным во время поездки, и, располагая здесь, дома, некоторыми материалами, не оказавшимися у меня под ру-

ками в поездке, постарался дать ответы на те из вопросов наших норвежских друзей, на которые не мог там ответить так подробно, как мне бы хотелось» [6, с. 3].

В «Норвежском дневнике» прицельно фиксируется внимание на условиях бытования норвежцев, которые следовало бы изучить и заимствовать для «организации быта советского человека». Интересно, что эти наблюдения современные исследователи оценят как «один из уникальных источников по представлениям об организационной культуре норвежцев в послевоенный период. Организационная культура была неотъемлемой частью сравнения двух стран, культур и политических режимов по разную сторону железного занавеса» [14].

Конечно, важная составляющая поездки – это общение с коллегами по литературному цеху. Мы привлечем внимание читателя к одному эпизоду, который и лег в основу научного доклада, представленного на конференции в Риге. Симонов вспоминает: «С разговора о непосредственной связи между северянами речь переходит на литературу. То, что у нас хорошо и широко знают норвежскую классическую литературу, моим собеседникам известно. Они сразу переводят разговор на литературу современную. <...> в свою очередь задаю вопрос: – А что бы мои собеседники порекомендовали нам перевести и издать из современных норвежских романов? <...> серьезный роман, в котором пусть даже не с близких нам идейных позиций, но все же давалась бы широкая картина общественной жизни, труда и быта норвежского народа, мы могли бы издать» [6, с. 45]. Первое имя, которое ему называют, – имя Александра Хьелланна⁴, классика норвежской литературы, как будто мало известного в России [6, с. 45]. Сам Симонов признается, что это имя ему известно только по энциклопедии.

Из дневника понятно, Симонов не знал, что читатель в дореволюционной России был знаком с произведениями Хьелланна. Почти все переводилось на русский язык [8–12]. Думается, что вышедшее в 1958 г. семидесятитысячным тиражом «Избранные произведения» [13] – своеобразный итог путешествия, благодаря которому такая возможность появилась у советского читателя. Конечно, заметно разнится пафос предисловий к изданиям дореволюционного времени и советского.

Позволим себе наиболее примечательные выдержки. «Немногом писателям Норвегии выпала на долю такая спокой-

ная, счастливая жизнь, такая быстрая популярность в широких кругах читателей на родине и за границей» [10, с. 3]. Не было посылы, которая «приходится на долю почти всякому писателю – мучительных исканий и неудовлетворенности» [10, с. 3]. «Он начал с того, что стал знаменитостью» [10, с. 3]. Уже первым произведением предложил публике свои вкусы, свое обособленное положение в норвежской литературе. Этот сюжет из личной творческой судьбы совпал по времени с возрождением контекстов национальной культуры, норвежского языка в литературе. «Народный диалект» и «норвежская крестьянская культура» патристически группируют вокруг себя творческую интеллигенцию.

Разложение крестьянства, борьба города с деревней, образование нового слоя крестьянской интеллигенции актуальны как в общественных дискуссиях, так и в творчестве. Килланд сохранил свою обособленность от лагеря «националистов» и его позиция – городская культура, социальная справедливость. Он «больше европеец, чем сын Норвегии» [10, с. 4] и увлечен французским реализмом (Гейне, Бальзак, Золя и др.). Определяя свое жизненное поприще, Килланд не видит себя писателем, но при этом увлечен Гейне, зачитывается Кьеркегором, разделяет взгляды Стюарта Милля на женский вопрос, что впоследствии находит свое место в его романах. Поездка и жизнь в Париже играют решающую роль в развороте к писательству. Он приходит на эту дорогу уже зрелой «законченной» личностью в 30-летнем возрасте. Новеллеты (1879) предложили читателю меткие характеристики, остроумный изящный слог, неподдельное веселье, которое «никогда не появлялось на родине мрачного Ибсена» [10, с. 5]. В его романах истории упадка патрицианской семьи, норвежская бюрократия, либеральный чиновник с его «двойственностью, угрызениями совести, гамлетизмом» [10, с. 6]. В них также – жизнь студентов и литературной богемы, «мертвая пустыня» политической жизни страны, сатира на духовенство с его «либеральным пасторством». И все же Килланд – аристократ, который увлекся радикализмом не «сердцем, а головой». Это некий рациональный эксперимент, который хорошо объясняет и то, что писатель «легко» оставляет литературную деятельность, уйдя полностью в государственную. Литературная «акварель» его новелл и сегодня сохраняет за ним статус классика из списка четырех знаковых представителей норвежской литературы.

Как вводился Хьелланн в книжные коллекции советских читателей? Очевидно, что риторика предисловий должна была расставить идеологические акценты. Например, о влиянии парижского периода, который, как принято считать, был знаковым в писательском дебюте. Писатель в Париже «приобщился к жизни развитого капиталистического общества и как бы увидел завтрашний день Норвегии во всей остроте его противоречий» [13, с. VI]. И метка «счастливчика», приписываемая Хьелланну биографами, «противоречит всему духовному облику и творчеству великого реалиста, поистине выстрадавшего свою беспощадную критику буржуазного общества и свои радикально-демократические убеждения» [13, с. IV]. Повороты биографии объясняются утратой иллюзий на фоне глубокого кризиса, который переживала Норвегия на рубеже 80–90 гг. Это привело писателя «в безысходный идейный и творческий тупик, заставив его в полном расцвете славы и сил, на 42-м году жизни, навсегда уйти из литературы» [13, с. V]. Своеобразным пропуском может служить и ссылка на Энгельса, который в переписке с Паулем Эрнстом отзывается о норвежской литературе в превосходной степени. На эту же цитату и ссылка в предисловии к сборнику норвежских новелл, вышедшему в 1978 г. [5]. Для советского читателя Хьелланн – «представитель богатого патрицианского рода, сам весьма состоятельный человек» был вместе с тем наиболее радикальным в XIX в. критиком буржуазного общества, который с поразительной остротой видел все язвы буржуазного общества, социальную несправедливость капитализма [5].

От новеллы «Бальное настроение» [5], автор предисловия даже разворачивает нас к Парижской коммуне, «значение которой Хьелланн понял лучше, чем какой-либо другой норвежский писатель XIX века» [5]. Советский читатель должен тонко уловить обличительную направленность его произведений, которая вызвала «нападки реакционной прессы», «кампанию травли и клеветы» [13, с. XV]. «Ощущение бесперспективности исторического развития вообще», переживание трагедии скептицизма «аналогичную герценовской», «глубоко одинокий», «преследуемый реакцией», «отвергнутый» соратниками, «осмеянный» неоромантиками, Хьелланн предстает перед советским читателем в образе мученика, который уходит из литературы «последовательным демократом и материалистом», чтобы продолжать «бороться за те же не-

Материалы экспедиций, путевых заметок, дневников путешествий, примеры которых здесь приведены, хорошо иллюстрируют соотношение «случайного» и закономерного, значение приватного и

публичного в возможных стратегиях межкультурных обменов и взаимопроникновений. В них, в жанре личного письма, прокладываются трансграничные маршруты культурной памяти, учитываются идеологические ангажементы, пишутся послания в будущее.

Список литературы:

- [1] Арнольд И. Месяц в Норвегии (Из путевых впечатлений). Очерк. – СПб.: Типография Дома Призрения малолетних бедных, 1904. – 60 с.
- [2] Грот Я.К. Записка о путешествии в Швецию и Норвегию. [летом 1873 года]. – СПб.: тип. Имп. Акад. наук, 1874. – 33 с.
- [3] Грот Я.К. О пребывании пленных шведов в России при Петре Великом. – [СПб., 1853]. – 60 с.
- [4] Грот Я.К. Переезды по Финляндии от Ладожского озера до реки Торнео: Путевые заметки Якова Грота. – СПб.: тип. кн. маг. П. Крашеникова и К°, 1847. – 241 с.
- [5] Норвежская новелла XIX–XX веков / Пер. с норв.; сост., предисл. и справки об авт. В. Беркова. – Ленинград: Худож. лит. Ленингр. отд-ние, 1974. – 447 с. – Интернет-ресурс. Режим доступа: http://www.e-reading.by/bookreader.php/1038089/Norvezhskaya_novella_XIX-XX_vekov.html (20.01.2016)
- [6] Симонов К. Норвежский дневник. – М.: Советский писатель. 1956. – 113с.
- [7] Страленберг Ф.И. Записки капитана Филиппа Иоганна Страленберга об истории и географии Российской империи Петра Великого: Сев. и Вост. часть Европы и Азии. – М.–Л.: Ин-т истории СССР, 1985. – 220 с.
- [8] Килланд А. Бал; Увядшие листья: Рассказ; Эскиз / Пер. М. Малых. – СПб.: М. Малых, [1907]. – 13 с.
- [9] Килланд А. Битва при Ватерлоо; Ворон; «Цвет надежды изумрудный»...: [Новеллы] / Пер. С. Марина. – СПб.: М.Г. Корнфельд, 1911. – 64 с.
- [10] Килланд А. Маленькие новеллы / Пер. с норв. и вступ. ст. Я. Сегал. – М.: «Польза» В. Антик и К°, [1909] – 112 с.
- [11] Килланд А. Новеллы / Пер. с нем. Л. Плумянской-Басковой. – СПб.: тип. Ф. Вайсберга и П. Гершунина, 1908. – 103 с.
- [12] Килланд А. Яд; Фортуна: Два романа / Пер. Э.А. Русаковой. – М.: Посредник, 1895. – 324 с.
- [13] Хьелланн А. Избранные произведения / Пер. с норв.; сост. и вступ. статья Л.З. Лунгиной. – Москва: Гослитиздат, 1958. – 780 с.
- [14] Фельдт А.А. «Норвежский дневник» К.М. Симонова как источник по представлениям в советском обществе об организационной культуре норвежцев. – Интернет-ресурс. Режим доступа: <http://history-nso.ucoz.ru/publ/> (20.01.2016)

¹ Грот Яков Карлович (1812–1893) – русский филолог, академик Петербургской АН. Автор работ по истории шведской и финской литературы, по скандинавскому фольклору и мифологии, переводов скандинавских поэтов, а также исследований о русской литературе.

² Арнольд Иван Николаевич (1868–1942) – видный специалист по прикладной ихтиологии.

³ Константин Симонов (1915–1979) – русский советский писатель, поэт, киносценарист.

⁴ Александер Хьелланн (Alexander Kielland, 1849–1906) – норвежский прозаик. Наряду с Генриком Ибсеном, Бьернсоном и Йунасом Ли, входил в норвежскую «четверку великих». Основные произведения: романы «Гарман и Ворсе» (1880), «Рабочий люд» (1881), «Шкипер Ворсе» (1882), трилогия «Яд», «Фортуна», «Иванов день» (1883–1887), «Иаков» (1891), повесть «Эльсе» (1881), сборники «Новеллеты» (1879), «Новые новеллеты» (1880), «Две новеллеты из Дании» (1882).

ОТ СИМВОЛА – К ХУДОЖЕСТВЕННОМУ ОБРАЗУ: СТРУКТУРНО-СЕМИОТИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ПРОЕКТНО-ЭСТЕТИЧЕСКОЙ ПРОБЛЕМАТИКЕ

С точки зрения структурно-семиотического подхода рассмотрена проектно-эстетическая проблематика предметно-пространственной среды, где в качестве решения проектных задач предлагается модель «гlossария» первотектонов. Это позволяет создать методику восприятия и семантику визуальных знаков архетипического уровня. С помощью «гlossария», созданного на основе разработанной авторами матрицы первотектонов, формируется информационная база для программы художественного проектирования, обеспечивающая оптимальные условия синергии «смысла» и «формы». Представленный таким образом «гlossарий» предназначен для моделирования общей художественно-эстетической концепции создаваемого смыслового конструкта на предпроектном этапе. В целом, модель «гlossария» и предложенная прагматика её использования формируют первотектональный язык коммуникации. По мнению авторов, при создании программного обеспечения модели «гlossария» предлагаемая методика художественно-эстетического проектирования позволит не только оптимизировать процесс проектирования, но и существенно расширить возможности в области гармонизации системы «человек–среда».

Ключевые слова:

символы культуры, визуализация, смысловые конструкты, первотектоны, гlossарий, эстетическая концепция, язык коммуникации.

Забродина Г.Д., Сазина И.В. От символа – к художественному образу: структурно-семиотический подход к проектно-эстетической проблематике // Общество. Среда. Развитие. – 2016, № 1. – С. 51–59.

© Забродина Галина Дмитриевна – кандидат культурологии, доцент, Саратовский государственный технический университет имени Ю.А. Гагарина, г. Энгельс; e-mail: galina.vizavi@mail.ru

© Сазина Ирина Владимировна – кандидат философских наук, доцент, г. Энгельс; e-mail: galina.vizavi@mail.ru

В условиях глобализации современного мира общая тенденция теоретического знания и его прикладных аспектов такова, что обращение к междисциплинарным исследованиям становится необходимой практикой. К формированию семиотических текстов предметно-пространственной среды это имеет самое непосредственное отношение, так как их сложение происходит под влиянием комплекса самых разнообразных факторов. Среди них существенное значение имеют процессы трансляции архетипических смыслов в визуально воспринимаемых формах культурного ландшафта. В этом контексте основные положения семиотики являются тем ключом к пониманию морфологии коммуникативного языка предметно-пространственной среды, который позволит выявить определённые закономерности

в формировании смыслообразующего основания художественно-образных структур её объектов и применить полученные результаты в проектно-эстетической практике.

Это направление научного поиска никогда не теряло своей актуальности, но в условиях современности приобретает особую значимость. Мозаичное пространство культуры постмодерна существенно осложняет процесс «считывания» человеком семиотических текстов, что вносит ощутимый дискомфорт в систему «человек–среда». Решение проблемы смысловой эклектики на поверхностном уровне «игры» внешними стилевыми атрибутами, не даёт и не может дать желаемых результатов. Примеров тому множество в современных городах, культурный ландшафт которых порой представляется хаотичную «свалку» идей и стилей.

В связи с этим, с нашей точки зрения, необходимо обращение к глубинному архетипическому уровню смыслообразования как к объекту исследования, и к семиотике как к междисциплинарному подходу в обнаружении вектора сложения системы «символ – художественный образ». Целью обозначенного аспекта проектно-эстетической проблематики является создание модели «языка-медиатора», способной аккумулировать смысловый потенциал архетипических символов и, в соответствии с функциональным назначением языковой коммуникации, служить синергетическим началом для семиотических текстов предметно-пространственной среды различного «формата».

Сама по себе идея создания языка-медиатора, где каждый из символов сопровождается словесным описанием-трактовкой, достаточно известна. Так, о «практическом применении зрительно-графического способа выражения понятий» на основе строго научного метода, то есть, о создании словаря «первосимволов», говорил П. Флоренский [11, с. 569]. Современные исследователи А.А. Пелипенко, И.Г. Яковенко, указывая на ключевые элементы такого языка, называют их первотектонами: «...Векторные интенции, эти направленности, наделяющие смыслом всякую внешнюю данность и оформляющие её семиотический эквивалент в дуализованном ментальном и культурном пространстве, мы и называем первотектонами» [8, с. 83]. Эти и другие исследования в области пространственной символики и закономерностей формирования семиотических текстов [1; 2; 6; 7; 10; 12] послужили для нас импульсом в изучении базовых архетипов культуры с точки зрения их структурообразующей роли в формировании смысловых конструктов в границах оппозиции «вербальное–визуальное» [4]. Анализ структуры и семантики архетипических визуальных конструктов – первотектонов – позволил нам систематизировать их в виде базового форморяда «первотектональных символов» [9], где последовательность расположения построена на структурной организации простейших геометрических фигур, закономерностях преобразования формы и семантике визуальных символов. В структурно-семиотическом аспекте данный форморяд представляет собой основу синтактики «первотектонального языка коммуникации», где формообразующие элементы простейших геометрических фигур являются «знаками», а форма первотектонов, организуемая этими элементами, – «высказываниями». Таким образом, опираясь на основные положения семиотики и пространственной символики,

нами разработана «матрица первотектонов» [3], которая визуализирует в своей структуре как взаимосвязь между основными символами, так и характер трансмутации формы первотектонов в зависимости от изменения структурного построения их внутреннего пространства (рис. 1).

На основе матрицы нами разработана модель «гlossария» первотектонов, отражающая специфику ассоциативных образов, возникающих при восприятии визуальных форм – их перцептивного, эмоционального, символического значения и архетипического основания (рис. 2).

Структура гlossария построена на семиотических закономерностях организации языковой коммуникации, где: а) определены языковые «высказывания» (базовые первотектоны), представленные основными базовыми архетипическими символами – круг, треугольник, квадрат, их промежуточными и производными формами; б) систематизированы базовые ряды «высказываний» (первотектонов) в соответствии с закономерностями построения их пространственной и семантической структуры в пространстве и на плоскости; в) выявлены знаки, слагающие языковые «высказывания» (структурообразующие элементы первотектонов); г) на основе структурообразующих элементов первотектонов разработана матрица («алфавит») и система взаимосвязи между элементами матрицы; д) на основе матрицы первотектонов разработана модель гlossария – синтактика первотектонального языка коммуникации, где единство содержательного основания и плана выражения строится на разработанной нами системе пространственных критериев оценки семантики первотектонов.

Гlossарий первотектонов имеет 7-уровневую структуру, где три первых уровня представляют собой «план выражения», четыре последующих – «план содержания». План выражения является основой системы и включает: матрицу первотектонов (первый информационный слой); геометрические признаки структурного построения первотектонов (второй информационный слой); пространственные признаки структуры (третий информационный слой). Каждый из последующих уровней плана содержания имеет основную слой семантической информации и соответствующие ему слой пространственных характеристик и семантических шкал. Таким образом, 7 уровней гlossария содержат 17 слоёв информации, где каждому иконическому знаку матрицы первотектонов (первый слой визуальной информации) соответствуют характеристики,

имеющие в «плане выражения» признаки геометрической и пространственной структуры, а в «плане содержания» – признаки визуально-перцептивного, образно-эмоционального восприятия, символического значения и архетипического основания пространственности. Единство признаков основано на системе критериев – 10 характеристиках в границах пространственных оппозиций «внешнее-внутреннее», «центр-периферия» и «вертикаль-горизонталь». Семантические шкалы, соответствующие каждому из уровней, служат для оценки исходного материала с целью его «адаптации» к структуре глоссария.

Таким образом, система глоссария представляет собой обширную базу сведений о различных семантических аспектах первотекстов, где общее количество значений предлагаемой информационной модели составляет свыше 70 000 элементов. На данном этапе исследований нами определены семантические признаки основных элементов матрицы первотекстов и продолжается формирование всей информационной базы. Завершение этой работы позволит создать программное обеспечение глоссария и применить на практике все потенциальные возможности методики художественно-эстетического проектирования. Возможности информационной модели заключены в самой структуре глоссария, которая представляет собой систему взаимосвязи плана выражения и плана содержания элементов матрицы в визуальной и вербальной форме, что уже позволяет решать одношаговую задачу – определять эквиваленты искомой формы в границах оппозиции «вербальное–визуальное», архетипическое основание, а также соответствующие образные характеристики на различных уровнях восприятия: перцептивном, эмоционально-образном, символическом.

План содержания представляет собой ментальную форму смысловых конструктов, формируемых на различных уровнях восприятия человеком, что позволяет решать значительно более сложную задачу – кодировать/декодировать абстрактные вербальные конструкты и ментальные образы. Универсальность предлагаемой модели глоссария заключается в степени обобщения и характере систематизации семантической информации об архетипических символах, что позволяет использовать его для комплексного анализа/проектирования эстетической концепции пространства культуры, в целом, и любых объектов предметно-пространственной среды, начиная от культурологического портрета города, средовых

пространств и заканчивая дизайном одежды и объектами предметного дизайна.

Так, в области архитектурно-дизайнерского проектирования возможны различные аспекты применения «глоссария» (рис. 3).

Вариант 1. Определение архетипического основания и вербальных характеристик визуальной формы на различных уровнях восприятия в случае, когда анализируемая форма совпадает с каким-либо элементом матрицы.

Данный вариант представляет собой одношаговую оценку какого-либо визуального элемента (линии, фигуры, формы, силуэта) с целью определения всех соответствующих этому элементу характеристик, начиная от перцептивного, эмоционального восприятия, символического значения и заканчивая его архетипическим основанием.

Вариант 2. Определение архетипического основания и вербальных характеристик визуальной формы на различных уровнях восприятия в случае, когда исходная анализируемая форма не совпадает с каким-либо элементом матрицы.

В данном случае определение искомым характеристик осуществляется на уровне геометрической структуры (слой 2), или на уровне пространственной структуры (слой 3) в зависимости от характера построения и степени сложности анализируемой формы. Каждому из этих уровней соответствует семантическая шкала, по которой возможно оценить структурное построение исходной фигуры и определить соответствующие значения во всех остальных информационных уровнях (слоях).

Вариант 3. Определение архетипического основания, визуального эквивалента и характеристик различного уровня восприятия вербальных смысловых конструктов.

Определение характеристик вербальных конструктов в виде выявления их визуальных эквивалентов и характеристик восприятия требует предварительной подготовки исходного материала в виде оценки его по шкалам корреляции. Исходным материалом в данном варианте может быть как описание «параметров» какой-либо образной структуры, творческого источника так и требования к назначению проектируемого объекта (половозрастные признаки, тип и вид изделий, ансамбля, коллекций в одежде; назначение и тип архитектурных объектов, средовых пространств и т.д.). Это означает, что глоссарий позволяет оценивать самые различные по характеру смысловые конструкты и выявлять их ассоциативный образ. В данном случае результатом

Сжатие семантической информации упрощение форм до выделения структурообразующих элементов	1	1/1	2	1/3	1/4	1/5	1/6	1/7	1/8	1/9	1/10
	2	2/1	2/2	2/3	2/4	2/5	2/6	2/7	2/8	2/9	2/10
	3	3/1	3/2	3/3	3/4	3/5	3/6	3/7	3/8	3/9	3/10
Базовый формирад на плоскости	4	4/1	4/2	4/3	4/4	4/5	4/6	4/7	4/8	4/9	4/10
	5	5/1	5/2	5/3	5/4	5/5	5/6	5/7	5/8	5/9	5/10
Расширение семантической информации до усложнения формы	6	6/1	6/2	6/3	6/4	6/5	6/6	6/7	6/8	6/9	6/10
	7	7/1	7/2	7/3	7/4	7/5	7/6	7/7	7/8	7/9	7/10
	8	8/1	8/2	8/3	8/4	8/5	8/6	8/7	8/8	8/9	8/10

Рис. 1. Матрица первотектонов.

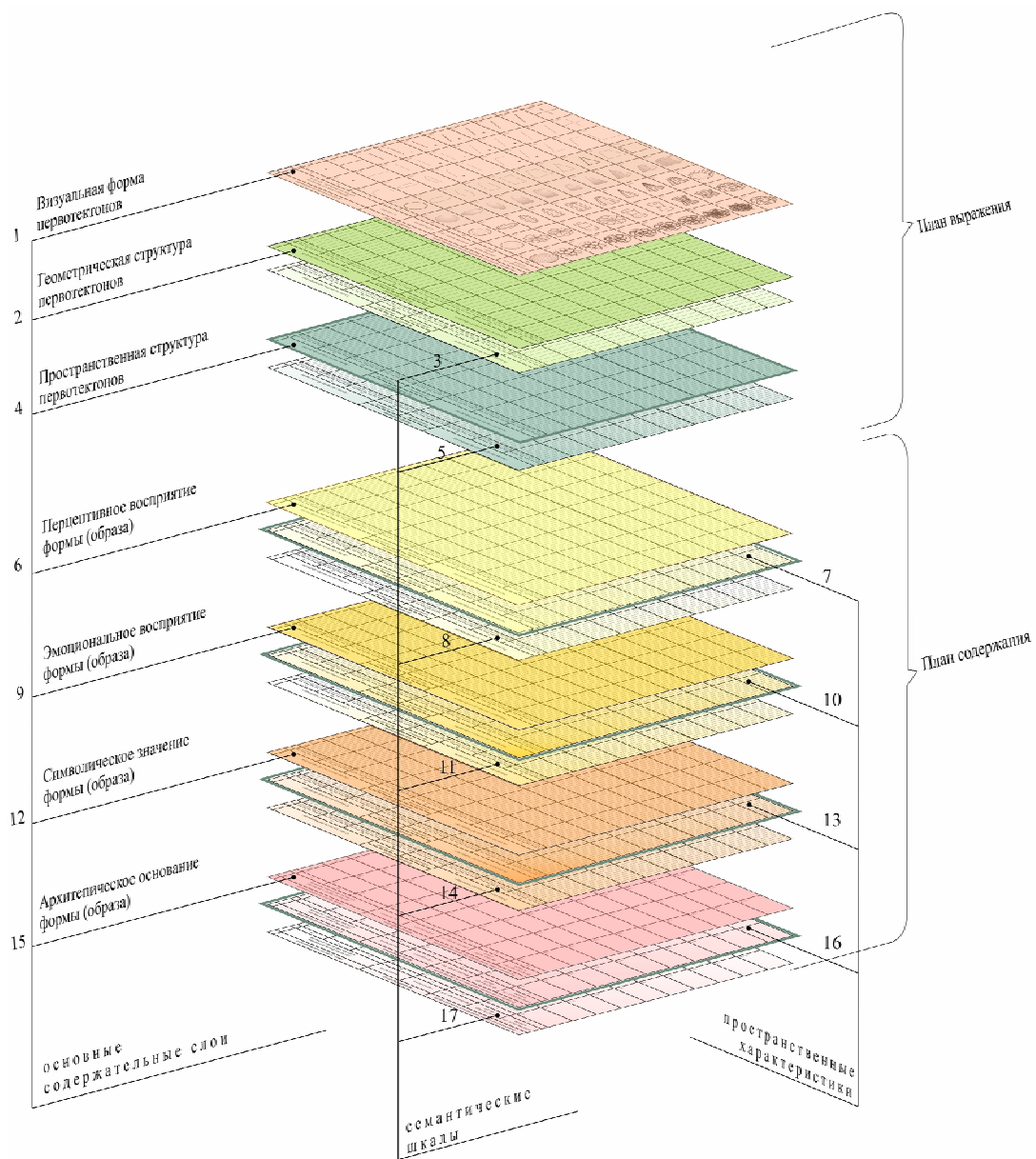

Рис. 2. Структура «гlossария» первотектонов.

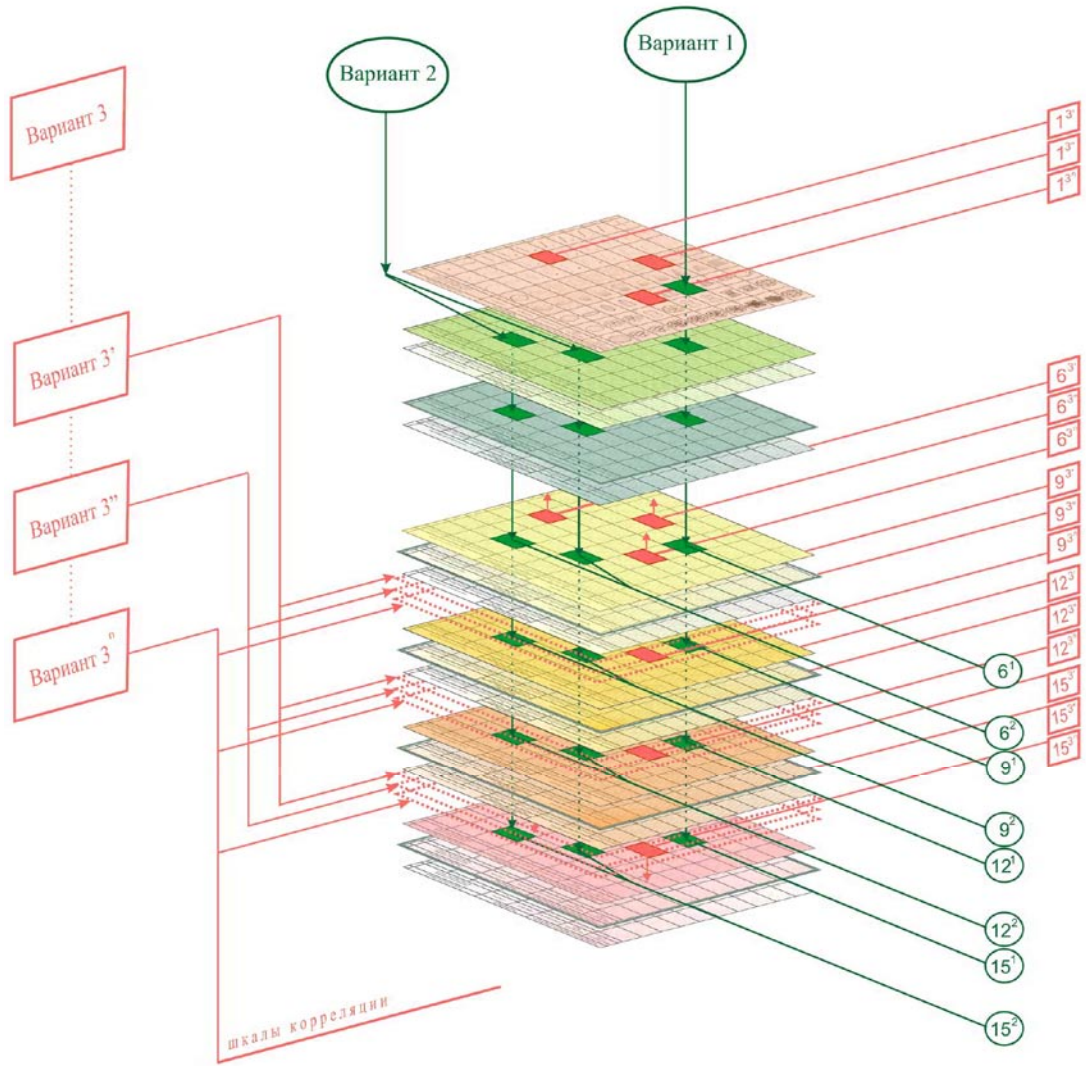

Рис. 3. Варианты применения «гlossария».

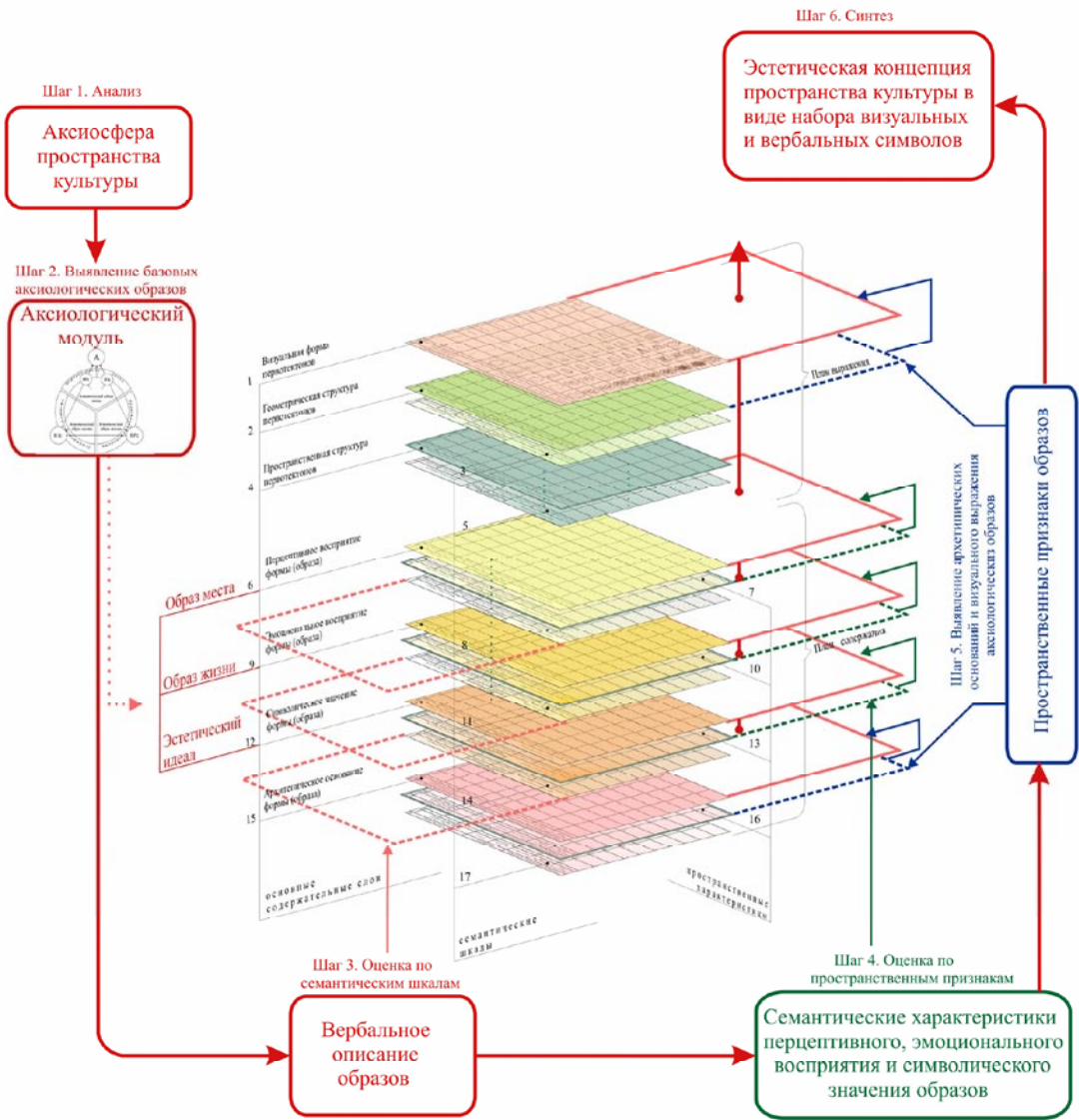

Рис. 4. Алгоритм разработки эстетической концепции пространства культуры.

оценки являются не только вербальные характеристики оцениваемых конструктов, но и условный визуальный образ, характеризующий концептуальное построение проектируемого смыслового конструкта.

Для получения результатов в анализе/проектировании эстетической концепции пространства культуры необходимо осуществление алгоритма в несколько этапов решения поставленной задачи (рис. 4).

Этот процесс состоит из 6 этапов, где первые два представляют собой предварительный этап анализа аксиосферы пространства культуры и выявление базовых образов «аксиологического модуля», разработанного нами в [5]. В этом случае базовые образы аксиосферы выступают в качестве исходной информации для анализа и синтеза информации полученных результатов в эстетической концепции пространства культуры. Так, подготовленная соответствующим образом исходная информация о базовых образах аксиосферы (шаг 1 и 2) оценивается по семантическим шкалам (шаг 3), после чего по выявленным элементам определяются пространственные признаки и соответствующие им характеристики основных информационных слоёв (шаг 4). Это позволяет определить архетипическое основание и визуальные признаки структурного построения оцениваемых смысловых конструктов (шаг 5). На заключительном этапе (шаг 6) осуществляется синтез полученных результатов, который представляет собой концептуальную эстетическую систему. Учитывая, что концепция – это система способов понимания и трактовки явления, объекта или процесса, система достижения цели, в аспекте данных исследований «эстетическая концепция» – система вербальных символов, маркирующих «границы» эстетического идеала, в рамках которого должны удерживаться проектируемые образы; система визуальных символов, служащих вектором в выборе средств художественной выразительности. Таким образом, на этапе формирования эстетической концепции пространства культуры или какого-либо средового «сценария», артефакта, создаётся концептуальное «прочтение» проектируемого или оцениваемого образа.

Полученные результаты во всех рассмотренных вариантах представляют собой набор вербальных и визуальных символов, служащих комплексом средств художественной выразительности, использование которых проектировщиком зависит от более конкретных задач и возможностей. Конечной целью создания «гlossария» является разработка принципа проектирования эстетической концепции, обозначающей об-

щее векторное направление формирования образа, в рамках которого осуществляется образно-пластическая проработка художественной формы. В целом в основу разработанной системы взаимосвязи знаковых элементов положен принцип переноса свойств идеальных объектов на моделируемые в реальности объекты и процессы. В наиболее общем смысле его можно сформулировать как принцип визуализации символов культуры при помощи «первотектонального языка коммуникации». Идеальными объектами в данном контексте являются символы со всеми соответствующими им характеристиками, а моделируемыми «ситуациями» – проектируемые образы, формы, «сценарии».

Таким образом, предлагаемая модель гlossария (синтактика) в комплексе с рассмотренными и возможными вариантами проектирования (прагматика), составляет «первотектональный язык коммуникации» – систему знаковых высказываний, основанную на архетипических смыслах и содержащую в своей основе методологический аппарат моделирования смыслов в границах оппозиции «вербальное–визуальное». В данном контексте «гlossарий» выступает как семиотическая реальность и многофункциональный способ художественного проектирования, служащий «мостом» между ментальным «планом содержания» и визуальным «планом выражения» и позволяющий воплощать самые широкие спектры смыслов в особой художественной форме.

В общем смысле предлагаемый метод конкретизирует разработку эстетической концепции с помощью «первотектонального языка» коммуникации. На основе анализа исходных условий и синтеза полученных с помощью «гlossария» результатов, этот язык несёт в себе немало возможностей в синергии как отдельных артефактов пространства культуры между собой, так и культурного ландшафта в целом. В общей методологической структуре проектирования это, прежде всего, предпроектный этап, благодаря которому проектировщик получает исходные данные для художественного моделирования образа будущего объекта или пространства, получая возможность учитывать культурный контекст, обеспечивая гармонизацию с ним на архетипическом уровне.

Создание программного обеспечения предлагаемой модели «гlossария» первотектонов позволит оптимизировать процесс проектирования и осуществить возможность постоянного обновления системы новыми сведениями и дополнения новыми возможностями.

Смысл применения «гlossария» как элемента профессиональной (и образовательной) технологии в том, что в нём собрана и систематизирована информация о базовых архетипических формах смыслообразования в границах оппозиции «вербальное–визуальное». Такая база знаний представляет интерес не только как оптимизация процесса эстетического проектирования, но и как методическая модель в процессе обучения культурологов и будущих специалистов в области архитектурно-дизайнерского проектирования. С помощью модели «гlossария», где визуализирована семантическая связь между планом выражения и планом содержания появляется возможность демонстрации студентам этой взаимосвязи в динамике, в зависимости от целей и задач, от исходных условий оцениваемого или проектируемого объекта. Результат исследований с использованием модели «гlossария» был продемонстрирован во время защиты дипломных работ студентов специальности «Конструирование швейных изделий» в Энгельском технологическом институте Саратовского государственного технического университета в 2006–2009 гг., где разработаны: матрица формирования типов художественно-образных структур костюма на основе комбинаторики стабильных и мобильных элементов формы; методика визуализации творческого источника в границах оппозиции «визуальное – вербальное»; выявление

смыслообразующего основания художественного образа костюма на основе анализа ценностной системы пространства культуры и пр. В Строительно-архитектурно-дорожном институте СГТУ студенты специальности «Дизайн архитектурной среды» в 2014 г., в дипломных исследованиях по разработке аксиологического подхода к архитектурно-дизайнерскому проектированию использовали модель гlossария в моделировании эстетической концепции культурного ландшафта г. Саратова [5].

Предлагаемый метод работы с «гlossарием» позволяет студентам приобрести навыки «перевода» исходной задачи в границах оппозиции «вербальное–визуальное» и воплощения выявленной эстетической концепции в материальную форму проектируемого объекта.

В более широком культурологическом смысле с применением «гlossария» в проектно-эстетической практике находят свои решения проблемы увязки смысловых доминант культуры и эстетически осмысливаемой формы – через представления об архетипическом основании символов, в их художественно-образном строе. Сказанное позволяет рассматривать предлагаемый метод не только как элемент научной базы, формирующий методику анализа и формирования семиотических текстов, но и как инструмент развития и обучения будущих специалистов в области проектирования предметно-пространственной среды.

Список литературы:

- [1] Барабанов А. Человек и архитектура: Семантика отношений. – Интернет-ресурс. Режим доступа: <http://www.gnozis.info/?q=node/3748> (22.12.2015)
- [2] Волошинов А.В. О союзе эстетики и математики в истории культуры // Обсерватория культуры. – 2006, № 6. – С. 100–109.
- [3] Волошинов А.В., Забродина Г.Д., Куличенко Т.В., Черемисова Е.В. Методологическая модель анализа культурологического портрета города // Вопросы культурологии. – 2015, № 12. – С. 8–16.
- [4] Забродина Г.Д. Визуализация символов культуры в системе «человек-среда» // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. № 9, часть 1. – Тамбов: Грамота, 2013.– С. 50–53.
- [5] Забродина Г.Д., Черемисова Е.В., Сухорукова Т.А. «Аксиологический модуль» в пространстве культуры: проектно-эстетическая проблематика // Научное обозрение. № 8 – М.: Наука образования, 2015. – С. 413–419.
- [6] Козлова Т.В., Ильичёва Е.В. Стил в костюме XX века / Уч. пос. для ВУЗов. – М.: МГТУ им. А.Н. Косыгина, 2003. – 160 с.
- [7] Leibniz G.W. *Dissertatio de arte combinatoria*, 1666, *Sämtliche Schriften und Briefe*. AVI 1.–Berlin: Akademie Verlag, 1923. – p. 163.
- [8] Пелипенко А.А., Яковенко И.Г. Культура как система. – М.: Языки рус. культуры, 1998. – 371 с.
- [9] Пономарёва Г.П., Забродина Г.Д. Построение геометрического форморяда для создания символики художественного образа // Вестник Саратовского государственного технического университета. – 2006, № 4 (17), вып.2. – С.82–86.
- [10] Филатова Н.А. Построение гармонической матрицы моды различных периодов XX века / Дисс. ... канд. техн. наук. – М., 2003. – 302 с.
- [11] Флоренский П. Сочинения. В 4 т. Т.2 / Сост. и общ. ред. игумена Андроника (А.С.Трубачева), П.В.Флоренского, М.С.Трубачева. – М.: Мысль, 1996. – 877 с.
- [12] Чертов Л. Знаковая призма. Статьи по общей и пространственной семиотике». – Интернет-ресурс. Режим доступа: <https://books.google.ru/books/reader?id=vLaUCgAAQBAJ&num=9&hl=ru&printsec=frontcover&output=reader&pg=GBS.PT72/> (20.12.2015)

МАРКЕТИНГ В СФЕРЕ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ КУЛЬТУРЫ

Анализируется роль художественной культуры в социокультурном развитии современного общества, рассматривается потенциал маркетингового инструментария для популяризации актуального культурного наследия, интенсификации социального и экономического развития государства. Художественная культура исследуется как сложная система, охватывающая и непосредственно художественные, и социально-экономические отношения, в результате чего актуальной представляется проблема формирования художественного рынка, позволяющего транслировать массовой аудитории определённую систему ценностей, актуальные традиции, конструировать «картину мира» и, вместе с тем, осуществлять товарное обращение предметов искусства, участвовать в создании ВВП страны и пр. Анализируются особенности применения маркетинговых инструментов на художественном рынке, которые связаны со спецификой спроса и предложения, особенностями ценообразования, отличиями товара и спецификой потребителей. В настоящее время маркетинг в данной сфере, как правило, применяется бессистемно, доминируют механизмы, актуальные для прошлого столетия, отсутствует общая для всего государства и регионов стратегия интеграции продуктов художественной деятельности в современное социокультурное пространство, в том числе с применением маркетингового инструментария, что не позволяет раскрыть потенциал художественной культуры.

Ключевые слова:

ВВП, коммуникации, культурная политика, маркетинг, сегментирование, художественная культура, художественный рынок, ценообразование.

Федотова А.В. Маркетинг в сфере художественной культуры // Общество. Среда. Развитие. – 2016, № 1. – С. 60–64.

© Федотова Анастасия Вячеславовна – кандидат культурологии, доцент, Мурманская академия экономики и управления, Мурманск; e-mail: berkana.avf@rambler.ru

---

Художественная культура в целом представляет собой явление духовного опыта и выражается в виде продуктов художественного творчества, в формах художественных традиций, стереотипов и включает все процессы, протекающие «вокруг» искусства и процессы, обеспечивающие его успешное функционирование. Важнейшей составляющей художественной культуры является искусство, которое, как подчеркивает М.С. Каган, есть «самосознание культуры» [5, с. 131]. Оно является динамичной сферой культурной практики, чутко реагирующей на малейшие изменения социальных, экономических, политических и иных условий жизни общества и связанных с ними колебаниями «социального заказа» и спроса. Однако данная специфика искусства не распространяется на художественную культуру в целом.

В современной антропосоциокультурной действительности художественная культура представляет собой сложную систему, охватывающую не только непосредственно художественные, но и социально-экономические отношения. Это и часть системы институтов культуры, и произведения искусства, выступающие в качестве сакральных объектов и отсылающих к миру ценностей, и элемент целостной экономической системы общества.

Важнейшей особенностью художественной культуры является то, что она предназначена, главным образом, удовлетворять духовные потребности человека. Воспитание граждан, оздоровление и защита общества в целом также не возможны без развития художественной культуры, выступающей не только в качестве инструмента борьбы с негативными последствиями современности или в качестве системы профилактики, но и обладающая уникальным потенциалом ориентировать общество на интенсивное развитие и самообновление. По мнению ряда авторов, низкий уровень культуры и духовности в обществе является значительным препятствием к экономическому росту.

В советский период художественная культура являлась стратегическим механизмом духовно-нравственного воспитания граждан, институтом обслуживания духовных потребностей общества. Монополизировав данную сферу, государство самостоятельно разрабатывало программы его развития, посредством государственных заказов осуществляло контроль за тематикой и качеством исполнения произведений, организацией мероприятий, системой закупок, дистрибуции, тиражированием, публикациями и т.д. [1]. В постперестроечный период художественная

культура была поставлена в жесткие рамки самоорганизации. Лишившись поддержки со стороны государства, она была вынуждена приспособляться к рыночной системе хозяйствования и, в ряде случаев, находилась в ситуации выживания. Как отмечают в своём исследовании Ф. Котлер, Д. Шефф, «российский мир искусства, в отличие от других сфер жизни, очень тяжело адаптируется к рыночным реалиям» [8, с. 6].

Согласно «Основам государственной культурной политики», принятым в декабре 2014 года «...государственная культурная политика признаётся неотъемлемой частью стратегии национальной безопасности», а сама культура «...возводится в ранг национальных приоритетов» [9]. Это не может не актуализировать проблему развития художественной культуры и, в частности, формирования художественного рынка, позволяющего транслировать массовой аудитории определённую систему ценностей, актуальные традиции, формировать «картину мира», т.е. координатную сетку, «через которую человек воспринимает и оценивает окружающую действительность» [4, с. 67, 70, 228–229] в интересах государства и общества.

В настоящее время можно говорить о том, что художественный рынок до сих пор находится на этапе формирования. Это особенно чувствуется в нецентральных городах России, в том числе и в Мурманской области. Зачастую, вопросы, связанные с формированием экономических отношений в данной сфере, также остаются и за рамками научных исследований. Как отмечает Е.Г. Чмышенко, «в настоящее время еще не создана целостная концепция развития рынка изобразительного искусства, которая отвечала бы существующим реалиям российской действительности» [13, с. 416]. Это высказывание представляется актуальным в отношении художественной культуры в целом. Согласно мнению учёного, в основе научного подхода к развитию рынка в сфере художественной культуры должна лежать концепция маркетинга. Поскольку это не только произведения и институты культуры, «а целая система конкретных средств и методов вовлечения их в сферу коммерческих отношений» [13, с. 414].

Художественная культура, как любая иная конкретная сфера человеческой деятельности, задаёт маркетингу новые грани, и как в иных специфических сферах, здесь невозможно говорить о маркетинге на базе традиционных знаний маркетинга материальных товаров. Специфика художественной культуры заключается в интеграции духовной содержательности и материальной формы, выступающих не как

противоположности, они проникают друг в друга, взаимно отождествляются и образуют специфический информационно-семиотический текст, духовно-материальную целостность. Таким образом, рынок художественной культуры или художественный рынок – это и система, направленная на формирование ценностей, вкусов и предпочтений потребителей, механизм межпоколенной трансляции традиций, зеркало «здоровья» общества и, вместе с тем, отрасль экономики, способная осуществлять товарное обращение предметов искусства [12], участвовать в создании ВВП страны и пр.

Особенности применения маркетинговых инструментов на художественном рынке связаны со спецификой спроса и предложения, особенностями формирования цены, отличием товара и спецификой потребителей. Анализируя спрос на произведения художественной культуры, ряд исследователей отмечают, что он меняется во времени и зависит от совокупности факторов, не имеющих значения для большинства других товаров, а именно: общий уровень культуры населения, вкусы и предпочтения в конкретный исторический период, мода.

Целевую аудиторию в сфере художественной культуры условно можно дифференцировать следующим образом:

- потребители, для которых мотивом служит получение дополнительных знаний, прямой функциональной или духовной пользы;
- потребители, которые придают большое психологическое значение продукту / услуге, как элементу самовыражения, раскрытия индивидуальности (реализация символических потребностей);
- потребители, для которых мотивом служат социальные потребности, например, социальные взаимоотношения, общение в целом;
- потребители, для которых основным является удовлетворение аффективных потребностей.

Вместе с тем, необходимо учитывать, что и акторы художественной культуры, в том числе создатели конкретных произведений, также испытывают потребность в самовыражении, признании, в получении финансового вознаграждения.

Специфика маркетинговой модели для художественного рынка «с приоритетной ролью предложения» [6] состоит также в том, что ведущее значение для продвижения художественных произведений приобретает здесь институт посредников, знающих конъюнктуру рынка, обладающих информацией о потребителях, определяющих ценность произведений и осуществляющих

экспертизу. Таким образом, помимо потребителей и создателей художественного продукта, существует специфический целевой сегмент, требующий особого подхода и иных форм взаимодействия, а именно представители профессионального сообщества и такие субъекты художественного рынка, как дистрибьюторы. От их мнения зачастую зависит и имидж производителя художественного продукта, и образ самого продукта, и, соответственно, его стоимость.

Особенностью художественного рынка является и тот факт, что «соотношение цены и ценности на порядок сложнее, чем на других рынках» [13, с. 416]. Эта сложность заключается в следующем:

- любой продукт художественной культуры уникален и неповторим, тем более если «ориентирован на выполнение социально-художественной миссии: удовлетворить художественно-эстетическую потребность изысканного потребительского вкуса» [11, с. 119], в результате чего не может иметь денежного эквивалента и относится к товарам особого спроса;

- цена определяется ценностью самого художественного произведения, известностью автора и не является платой за труд художника. Причём цена здесь – не просто результирующая величина между спросом и предложением, а величина сильно зависящая от мнения иных субъектов художественного рынка – критиков, музейных кураторов, признанных деятелей культуры, журналистов и т. д. Как отмечает И.А. Гольман, «один и тот же товар может стоить совершенно разные деньги. В других сегментах рыночной экономики это фактически исключено» [3];

- произведения художественной культуры обладают свойствами, присущими капитальным активам и со временем их ценность не только сохраняется, но и возрастает. «Инвестиции в художественные активы являются самыми высокодоходными способами размещения капитала» [13, с. 415];

- посредством разнообразных институтов художественной культуры (музеи, выставочные залы, библиотеки и пр.) реализуется возможность символического присвоения, иными словами, удовлетворения духовных, социальных и иных потребностей, не сводимых к физическому обладанию произведением;

- художественный рынок – это рынок индивидуального потребления, зачастую исключаящий оптовую торговлю;

- К. Диглз так определил главную цель маркетинга в данной сфере «вести соответствующее количество людей в соответствующую форму контакта с художником и при этом добиться наилучшего финансо-

вого итога, совместимого с достижением данной цели» [цит. по: 7]. Иными словами, в отличие от коммерческой сферы, где продукт создается в соответствии с нуждами и запросами потребителя, художественное произведение, в основном, сначала создается, а только потом осуществляется поиск потребителя. «Целью некоммерческих организаций сферы искусств, является представление артиста и его деятельности возможно более широкой аудитории, а не адаптация художественного продукта к требованиям публики» [8, с. 37].

Перечисленные особенности художественного рынка демонстрируют его специфическую ограниченность. В результате чего, одним из наиболее острых вопросов маркетинга в данной сфере является определение конкретных целевых аудиторий, изучение их ценностно-смысловых ориентаций и, соответственно, духовных, символических, социальных и иных потребностей. Поскольку художественная культура зачастую идёт впереди публики, проблемы с которыми она также сталкивается – это и удержание сложившейся аудитории, формирование, трансформация их спроса/потребностей, и разработка маркетинговых стратегий привлечения иных аудиторий, поскольку, как отмечает В.Е. Новаторов, необходимо «неустанно искать способы привлечения новых зрителей, участников, слушателей» [10, с. 17], формируя, таким образом, целевую группу не только для сбыта художественных произведений, но и для реализации иных, некоммерческих целей.

Согласно исследованиям Ф. Колбера, выведение художественного продукта на рынок начинается не с изучения рынка, а с изучения особенностей, качественных характеристик, особенной уникальности самого продукта [7]. Это условие вытекает из специфики самого художественного рынка, продукты которого, как отмечалось выше, создаются не в соответствии с нуждами и запросами потребителя, а предлагаются последним уже в готовом виде.

Только после проведения маркетинговых исследований специфики художественного товара, рынка, конкурентной среды и пр. можно сформировать оптимальную стратегию и тактику действий с учетом реально сложившегося и вероятного в перспективе комплекса условий и факторов рынка, потенциала и претензий его субъектов и, соответственно, принимать решения относительно критериев маркетингового комплекса, устанавливать цену, место, способы продвижения и воздействия на целевые аудитории, пути совершенствования вторичных продуктов, а именно, до-

ступность зданий, гостеприимство персонала, качество услуг общественного питания, разнообразие сувенирной продукции, удобство бронирования и др. [14].

Одним из важнейших инструментов маркетинга в сфере художественной культуры является комплекс маркетинговых коммуникаций, который также имеет свою специфику. Как отмечает И.А. Гольман, на художественном рынке «практически не работает стандартная реклама (то есть метод неличного представления товаров и услуг)» [3]. Традиционный рекламный инструментарий, а именно полиграфическая продукция, видео, образцы, сувениры и пр. способствуют формированию, поддержанию или приращению публичного капитала, но, зачастую, не приводят к увеличению продаж, не реализуют основную цель рекламы – продать, а становятся элементом маркетингового инструмента «связи с общественностью». Поскольку создание капитала известности, а соответственно, целенаправленное конструирование имиджа, увеличение стоимости художественного продукта и т.п. возможно только при наличии публичных коммуникаций, функционирующих в публичной сфере, связи с общественностью являются неотъемлемой частью художественного рынка. Без взаимодействия со средствами массовой информации, организации разнообразных специальных мероприятий, с обязательным личным контактом целевых групп с художественными произведениями, брендирования конкретного института культуры, автора или самого художественного продукта, выпуска промоматериалов, использования цифрового и Интернет-маркетинга, раскрывающего широкие возможности общения, в том числе интерактивного, с конкретными целевыми сегментами, социального и прямого маркетинга невозможно представить эффективное функционирование современного художественного рынка.

Специальные мероприятия целесообразно проводить, ориентируясь на целевой сегмент, который согласно И.А. Гольману, можно разделить «на две самостоятельные группы с абсолютно разными тактическими задачами»: повышение лояльности со стороны профессионального сообщества и мероприятия, направленные на прямые продажи [2]. Однако, поскольку важнейшей составляющей маркетинга художественной культуры, согласно исследованию Ф. Колбера «Маркетинг культуры и искусства», является формирование вовлечённости в продукт, ощущения важности или личной заинтересованности, дифференциация аудиторий, в зависимости от целей, может быть и иной.

Таким образом, маркетинг в сфере художественной культуры представляется управленческой деятельностью, связанной с привлечением различных сегментов рынка и адаптацией к художественному продукту таких коммерческих переменных, как место, цена и продвижение. Ф. Котлер и Д.Шефф в работе «Все билеты проданы. Маркетинговые стратегии в исполнительских искусствах» определили маркетинг в данной сфере, как «науку и технологию выбирать целевые рынки, находить клиентов, удерживать их, увеличивать их количество путем коммуникаций и создания для клиентов необходимых ценностей и возможных путей доставки» [8, с. 37].

В российской среде некоммерческий сектор – наиболее консервативное явление, однако современная экономическая ситуация заставляет и его обратиться к маркетинговым технологиям. В настоящее время маркетинг в сфере художественной культуры, или «социокультурный маркетинг» [10], как справедливо отмечает В.Е. Новаторов, в подавляющем большинстве до сих пор ведётся бессистемно. Одна из причин этого, по мнению И.А. Гольмана – то, что «большинство операторов современного российского арт-рынка – выходцы из творческой среды, Искусствоведы, дети искусствоведов, а то и внуки искусствоведов. С одной стороны, это замечательно. “Насмотренность” глаза и эрудиция таких галеристов бывают сравнимы с квалификацией профессиональных ученых-гуманитариев. С другой <...> это придает системный крен российскому арт-бизнесу в сторону творческой составляющей, приводит к игнорированию рыночных реалий и, главное, рыночных технологий продвижения товара» [3, с. 198]. Как отмечает исследователь, маркетингового понимания сути художественного рынка до сих пор нет у «большинства его участников» – ни у художников, ни у сотрудников музеев, галеристов и пр. Можно добавить, что сама идея маркетингового подхода в данной сфере в ряде случаев вызывает резкое неприятие, что может быть объяснено со стороны непосредственных авторов художественного продукта (они могут ставить перед собой иные цели), но совершенно необъяснимо со стороны иных субъектов художественного рынка.

Как отмечает В.Е. Новаторов, необходимо помнить, что внешнего маркетинга нет и не может быть без внутреннего маркетинга и наоборот, поскольку «коллектив, раздираемый внутренними противоречиями, одолеваемый частными конфликтами, «страдающий» неудовлетворёнными потребностями персонала, не в состоянии решать повседневные задачи по удовлетворению культур-

ных потребностей населения». Эта мысль представляется справедливой для всех коллективов входящих в сферу художественной культуры, в том числе творческих [10, с. 21].

В целом использование маркетинговых инструментов в данной сфере является актуальным для:

- популяризации актуального культурного наследия, путем его трансляции разным целевым аудиториям на понятном им языке;

- развития современного художественного рынка, поскольку способствует организации обмена и коммуникаций между производителями художественных произведений и потребителями, формированию спроса, где необходима незаурядная гибкость, терпение и постоянный поиск целевых аудиторий и, в итоге, духовно-нравственному развитию нашего общества;

- интенсификации развития государства, как социального, так и экономического, поскольку художественная культура обладает уникальным инструментарием для изменения поведенческих стратегий и негативных стереотипов, продвижения и пропаганды идей, в том числе путём трансляции основных ориентиров и приоритетов, желаемого образа будущего, путей его достижения и пр.

Современная художественная культура остро нуждается в научных исследованиях

сущности, специфики деятельности и функционирования с учётом рыночного типа хозяйствования, в том числе посредством разнообразных институтов культуры. До тех пор, пока в данной сфере применяются механизмы, актуальные для прошлого столетия и не разработана общая для всего государства и конкретных регионов, как его частей, стратегия интеграции продуктов художественной деятельности в современное социокультурное пространство, в том числе с применением маркетингового инструментария, невозможно раскрыть потенциал художественной культуры и использовать его в качестве важнейшего элемента национальной безопасности страны.

Очевидно, что стремление к коммерческому успеху может привести к откровенному следованию за сиюминутной конъюнктурой и снижению эстетического уровня художественных продуктов. Соответственно, представляется, что для защиты художественной культуры, обеспечения качества продукции и, что наиболее важно, реализации её «социальной миссии» как ключевого элемента современной культурной политики [15, с. 154] необходима продуманная государственная программа поддержки [16], которая должна включать в себя разработку стратегии реализации общественно-значимой миссии с использованием маркетингового инструментария.

Список литературы:

- [1] Барабанов Е. Искусство на рынке или рынок искусства // Художественный журнал. – 2002, № 46. – С. 12–18
- [2] Гольман И.А. Искусство как товар: парадоксы и закономерности // Знание. Понимание. Умение. – 2013, № 2. – С. 205–212.
- [3] Гольман И.А. Российский арт-рынок современного искусства с точки зрения маркетолога // Знание. Понимание. Умение. – 2013, № 4. – С. 195–201.
- [4] Жидков В.С., Соколов К.Б. Культурная политика России: теория и история: учеб. пособие для вузов. – М.: Академический Проект, 2001. – 592 с.
- [5] Каган М.С. Философия культуры. – СПб.: ТОО ТК «Петрополис», 1996. – 416 с.
- [6] Колбер Ф., Эврар И. Арт-менеджмент – наука третьего тысячелетия / Пер. А. Кузнецовой. – Интернет-ресурс. Режим доступа: <http://www.artmanager.ru/>
- [7] Колбер Ф. Маркетинг культуры и искусства / пер. с англ. Л. Молчанова, под ред. М. Наймарк. – СПб.: Издатель Васин А. И., 2004. – 256 с.
- [8] Котлер Ф., Шефф Д. Все билеты проданы. Стратегии маркетинга исполнительских услуг. – М.: Классика XXI века, 2004. – 688 с.
- [9] Мединский В.Р. Кто не кормит свою культуру, будет кормить чужую армию. – Интернет-ресурс. Режим доступа: <http://izvestia.ru/news/587771>
- [10] Новаторов В.Е. Социально-этическая концепция маркетинга в сфере культуры и искусства // Культура и образование, 2009. № 1 (5). – С. 16–21.
- [11] Хангельдиева И.Г. Специфика арт-маркетинга: ключевые особенности // Социология власти. – 2012, № 3. – С. 117–127.
- [12] Художественный рынок : вопросы теории, истории, методологии. – СПб. СПбГУП, 2004. – 346 с.
- [13] Чмышенко Е.Г. Особенности рынка изобразительного искусства и их влияние на формирование модели маркетинга // Вестник ОГУ. – 2012, № 13(149). – 413–417.
- [14] Kolb В.М. Marketing Cultural Organisations: New Strategies for Attracting Audiences to Classical Music, Dance, Museums, Theatre and Opera. – Dublin: Oak Tree Press, 2000.
- [15] Lee H.-K. Rethinking Arts Marketing in a Changing Cultural Policy Context // International Journal of Nonprofit and Voluntary Sector Marketing. – 2005, № 10(3). – P. 151–165.
- [16] Muga G., Worpole K. Saturday Night or Sunday Morning?: From Arts to Industry – New Forms of Cultural Policy. – London: Comedia, 1986.

УДК 903.65

ББК 63.3

А.А. Хлевов

КОРАБЛЬ В КУЛЬТУРЕ СКАНДИНАВИИ БРОНЗОВОГО ВЕКА: ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Анализируется географическая дистрибуция трёх основных категорий археологических памятников Северной Европы, связанных с судостроительной традицией. Таковыми являются наскальные изображения кораблей, гравировки в виде корабля на бронзовых бритвах и каменные кладки в форме корабля. В то время как наскальные изображения расположены в прибрежной зоне Скандинавского полуострова, бритвы обнаруживаются преимущественно в погребениях Дании и провинции Сконе. Каменные кладки, в свою очередь, распространены на юго-восточном побережье Швеции, островах Балтийского моря, побережьях и островах Прибалтики, Финляндии и Польши. Делается вывод, что каменные кладки представляют собой археологическое свидетельство формирующейся культуры мореходов, осваивающих Балтийское море и намечающих контуры будущего Восточного пути (Austrvegr). Таким образом, эти памятники – первый шаг формирования Балтийской субконтинентальной цивилизации.

Ключевые слова:

Балтийская субконтинентальная цивилизация, Балтийское море, Восточный путь, культурогенез, ладьевидные кладки, поздний бронзовый век, политогенез, Северная Европа, судостроение.

Хлевов А.А. Корабль в культуре Скандинавии бронзового века: географический аспект // Общество. Среда. Развитие. – 2016, № 1. – С. 65–69.

© Хлевов Александр Алексеевич – доктор философских наук, профессор, Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского, Санкт-Петербург; e-mail: hlevov@mail.ru

Роль судостроения в культурогенезе обществ Северной Европы от эпохи неолита до настоящего времени очевидна и общеизвестна. Не будет преувеличением сказать, что кораблестроение, навигационные практики и обусловленные ими специфические возможности внешних и внутренних контактов стали наряду с ландшафтными корректорами основными факторами формирования весьма своеобразной северной культуры. Свою наибольшую славу таковая стяжала в эпоху походов викингов, однако трудно не заметить яркой специфики скандинавской истории и культуры и в иные периоды.

Вместе с тем, реконструкция самой истории северного судостроения и конкретики его связи с общекультурными тенденциями отдельных периодов представляет определённые трудности, связанные с состоянием источникового фонда. Так, мы располагаем весьма представительной серией находок целых или фрагмен-

тированных кораблей от IV в. н.э. (судно из Ньюдама [3, с. 23–32]) до конца эпохи викингов. Причём по мере приближения к X–XI вв. количество находок возрастает (что вполне закономерно) и регулярно увеличивается благодаря новейшим открытиям. В результате «генеалогическое» и «технологическое древо» судостроения Северной Европы, как представляется, для этого периода в целом не содержит, видимо, серьёзных лакун.

Вместе с тем очевидна цезура, связанная с поздним бронзовым и ранним железным веками. От этого периода известна, в сущности, лишь одна находка, дающая основания для достаточно детальной реконструкции классической ладьи с двойными штевнями, отражающей традицию предшествующего времени и относимой к IV в. до н.э. (ладья из Хьёртшпринга [3, с. 18–23; 10]). Иными словами, остаётся «за кадром» та самая кораблестроительная революция, которая привела к смене тра-

диции и распространению в Скандинавии классических одноштевневых ладей вельботного типа, безраздельно господствующих в железном веке и раннем средневековье.

В то же время известно несколько категорий памятников бронзового века, корреспондирующих с образом корабля. Выделяются три устойчивые группы таких: лады, гравированные на бронзовых бритвах; наскальные изображения ладей; каменные выкладки в форме контура корабля. Автору представляется достаточно очевидным, что локализация этих памятников отражает определённые социальные и культурные константы, характеризующие ситуацию в Скандинавии и регионе Балтийского моря в конце II – I тыс. до н.э.

Бронзовые бритвы с изображениями кораблей [14, с. 57; 11, с. 47], ставшие одним из символов северного бронзового века, связаны преимущественно с погребальной традицией и выступают как часть инвентарного комплекса, сопровождавшего в последний путь социальную элиту. Впрочем, они одновременно столь же успешно были важной частью повседневной бытовой культуры этой элиты. Весьма частым мотивом является наличие солярных и селенарных символов, сопровождающих эти лады или являющихся частью самого корабля – солнечные круги на штевнях и «лунницы», установленные на палубе корабля (и нередко ошибочно принимаемые за паруса). Несомненна культовая значимость подобных изображений, связанная с мотивом транспортировки светила по небосводу либо, наоборот – с целеуказующей функцией этого светила для экипажа корабля. Количество подобных находок весьма невелико и в целом успешно корреспондирует с ориентировочными оценками численности представителей вождеской прослойки, вытекающими из экономической географии региона и демографических реконструкций.

Петроглифы с изображениями ладьи [8, с. 115; 12, с. 103] весьма многочисленны и широко распространены в Северной Европе. Известно не менее 2000 локусов, в каждом из которых располагается комплекс петроглифов, как правило, содержащий несколько изображений кораблей. В петроглифической практике также чрезвычайно популярна солярная и селенарная символика, хотя и представленная несколько в ином виде. Столь же обычны изображения воинов – членов экипажа; нередко корабли явно сходятся в морском

сражении. Последнее в равной степени можно рассматривать и как репрезентацию мифологических мотивов, и как своеобразную летописную фиксацию реальных событий недавнего прошлого.

Достаточно общим местом является представление об этих петроглифах как о культовых объектах, хотя конкретная интерпретация данных культовых практик или их реконструкция весьма дискуссионны. Прямая связь петроглифов с погребальным культом также проблематична, хотя некоторые из них и расположены в географическом контексте погребальных памятников.

Каменные выкладки в форме контуров корабля, часто, очевидно, подчёркивающие конструктивные особенности конкретных типов ладей, достаточно многочисленны. Так, на о. Готланд их около 200, на о. Борнхольм – 23, на Аландах – 37, в Латвии и Эстонии, соответственно – 11 и 3, ещё несколько сотен расположены в ряде прибрежных областей континентальной Швеции, на острове Эланд, и небольшое количество – в зоне Датских проливов [15, с. 210–216]. Назначение этих памятников также вызывает дискуссии. С рядом из них связаны погребения, однако далеко не всеми. В основном высказывались мысли о ритуальном и поминальном характере подобных конструкций, о маркировании ими мест регулярных торжищ [9; 13], об использовании их в роли своего рода «клубов» командами кораблей (опять же в социально-ритуальных целях). В последнем случае мы рассматриваем их как «места поединков, совершения молитв, жертвоприношений и возлияний, общинных пиров, проходивших словно «на борту» и «за вёслами» мифического Корабля Мёртвых (*Naglfar* «Эдды»), где места экипажа выделены монументальными валунами» [2, с. 81]. При всём многообразии интерпретаций не вызывает сомнения лишь то, что в жизни населения Скандинавии позднего бронзового и раннего железного веков – вплоть до эпохи викингов (сооружение кладок в основном датируется X–III вв. до н.э., но использовали их и много позже) – эти сооружения играли чрезвычайно важную роль.

Немалый интерес вызывает география распространения каменных ладей. Обычно они организованы в группы из нескольких кладок, количество и размер отдельных «кораблей» в которых может существенно различаться. Весьма вариативна и ориентация этих кладок – подмечено, что она преимущественно привя-

зана к ландшафту конкретной местности, нежели к сторонам света. Вместе с тем, абсолютное большинство известных каменных ладей привязаны к береговой линии – актуальной ныне (если в данном районе не было регрессии) или наличествовавшей в момент возведения. Весьма значительное число кладок возведено на берегах внутренних водоёмов, имевших в прошлом важное транспортное значение [7]. Столь же обычной является привязка к коммуникационным «узлам»: полуостровам, являвшимся ориентирами в морских путешествиях на дальних торговых путях (север Курляндии), цепям островов (Аландский архипелаг), устьям рек (Висла, Западная Двина), протокам оз. Меларен. Сама по себе эта связь, как представляется, явственно указывает на актуальность корабельных кладок и как ориентиров сезонных торжищ, и как социальных и культовых центров локальных вожеств. Причём и в случае нахождения таких объектов за пределами Скандинавии они могут быть интерпретированы как центры очагов миграции северян, а не только как «указатели на рыночную площадь». Впрочем, в универсальном и многофункциональном характере этих кладок, исходя из стадильной типологии и уровня развития создавшего их общества, вряд ли можно усомниться.

Однако наиболее наглядным является географическое соотнесение трёх упомянутых категорий находок «корабельного» свойства. Петроглифы относительно равномерно и массово покрывают обширные побережья Скандинавского полуострова от района озера Меларен, по шведскому и норвежскому побережьям до Рогаланда, ряд внутренних областей полуострова (озеро Венери, норвежский Уппланд), а также север Ютландии. В основном они привязаны к гранитным выходам морских, фьордовых и речных побережий и, несомненно, должны быть соотнесены с обществами, прочно укоренёнными на Скандинавском полуострове.

Бронзовые изделия (бритвы) с изображениями кораблей достаточно узко сконцентрированы в Дании и на крайнем юге Скандинавского полуострова – преимущественно в регионе Сконе.

Что касается каменных ладей – то это явление почти исключительно балтийское [9, с. 6-10; 15, с. 135–136]. География находок не оставляет сомнений в том, что происхождение данной традиции сугубо скандинавское, а на противоположные берега Балтики она была экспортирована в

процессе миграций, а также торговой и военной экспансии.

С точки зрения привязки к социокультурным и социоисторическим реалиям можно высказать предположение, что эти три типа памятников отражают три этапа развития северной культуры и, возможно, три круга раннего культуро- и даже литогенеза. Так, наскальные лады (как яркие представители петроглифической традиции в целом) могут быть соотнесены нами с наиболее ранним, уходящим корнями в неолитическую культуру, формами социальной организации племён Скандинавии. Остаётся открытым вопрос начала этой традиции. Как представляется, было бы ошибочно связывать петроглифические суда исключительно с периодом бронзового века. Петроглифическая традиция Северной Европы в целом (включая Финляндию и Северо-Запад России) даёт представление о популярности изображений кораблей в неолитическую эпоху. Приморские общества Скандинавии, не уступавшие в культурном отношении своим восточным соседям периода неолита, располагали и удобным «полигоном» для отработки морских практик в виде балтийской акватории и водных пространств Датских проливов. Во всяком случае, есть все основания полагать традицию двухственного кораблестроения аутентично скандинавской и связанной с поздним каменным веком.

Бронзовый инвентарь с изображениями ладей, скорее всего, тесно связан с политическими экспериментами раннего и классического бронзового века, когда по обоим берегам Датских проливов (на территории своего рода «исторической», а не «географической», Дании) стали возникать вожества, подчёркнутое и ярко репрезентируемое благосостояние лидеров которых базировалось на торговых связях с континентальной и Южной Европой. Собственно, именно с этой фазой культурной истории и связаны наиболее яркие визуальные образы северного бронзового века; однако реальную социальную структуру этих обществ и масштаб власти их предводителей оценить всё ещё трудно. Отдельным сюжетом является возможное внешнее влияние на регион в этот период. Попытки связать расцвет культуры северного бронзового века с миграцией в Скандинавию (конкретно в Данию) узкого круга представителей знати средиземноморских обществ, как представляется, весьма надуманны. Север располагал собственной достаточно яркой и специфической культурной традицией,

укоренённой в собственном же прошлом. Поэтому добавление к этой конструкции «варягов-одиссеев» с далёкого юга, неясными путями пробравшихся в Скандинавию, сохранивших сплочённость, не утративших идентичности и художественных вкусов и, главное, зачем-то признанных лидерами в местных обществах – на наш взгляд нарушение принципа «бритвы Оккама» и умножение сущностей.

Каменные корабельные кладки, в свою очередь, отмечают новую и весьма перспективную в культурно-историческом плане тенденцию. Их расположение отчётливо указывает на постепенное формирование нового культурного сообщества – балтийского. Его основные черты – сохранение приоритетной роли мореплавания, традиций судостроения и навигации; особая социальная роль прослойки корабельщиков и мореплавателей-торговцев; формирование устойчивой идентичной ритуальной практики на обширных приморских территориях, заведомо не связанных никакой единой государственной властью; интенсивная торговая и, возможно, колонизационная и военно-грабительская активность. Результатом этой деятельности стало освоение Балтики как внутреннего водоёма и прочное проникновение в три основных транзитных транспортных «шлюза» балтийского побережья (Аландский архипелаг – Финский залив; Рижский залив – Западная Двина; устье Вислы).

Очевидно, что именно с этим периодом, в основном относимым к I тыс. до н.э., уместно соотнести начало устойчивого существования Балтийской морской цивилизации [1, с. 159–160], в дальнейшем превращающейся в цивилизацию северных морей вендельского времени и эпохи викингов [4; 5, с. 320–377]. Не становясь «талассократией» и в принципе не выходя на уровень государственных институтов, племенные коллективы, располагавшиеся на шведском побережье от Уппланда до Халланда (главным образом руками своих конунгов и их экипажей) заложили основы балтийского мультикультурного полиэтничного сообщества железного века и раннего средневековья.

В наиболее общем выражении схема культурогенеза североευропейского региона – с учётом «корабельной тематики» и фактора географической дистрибуции находок – выглядит следующим образом. В неолитический период на обширных побережьях Скандинавского полуострова, окаймляющих его южную половину, формируется достаточно унифицирован-

ная приморская культура, основанная, в частности, на свободном перемещении в прибрежных водах, активном культурном обмене, частых боестолкновениях и, как следствие – формирующейся идеологии, тесно связанной с военной активностью, героикой, сходными культовыми практиками, характерными для весьма обширных пространств. Истоки этой культуры местные, она формируется как часть типологически близких культур мезолита и неолита Северной Европы в целом. Ближайшей аналогией этого культурного сообщества выступают общества индейцев Северо-Запада Североамериканского континента (глинкиты) и, вероятно, раннекладские социумы.

В эпоху бронзового века в весьма узком субрегионе на юге Скандинавии формируется специфический вариант этой культуры, который может быть рассмотрен даже как предгосударственный. Очаги политогенеза связаны с династиями знати, налаживающей дальние торговые связи с континентальными племенами и, вероятно, со Средиземноморьем. Предметами экспорта являлись, скорее всего, балтийский янтарь, скандинавский скот и, вероятно, ряд других менее значимых и прибыльных товаров. Накапливавшиеся в руках датской знати богатства и власть позволяли сооружать масштабные погребальные комплексы и регулировать деятельность тысяч подданных, но не выходили на уровень государственной организации. Типологически эти общества сопоставимы с минойскими и микенскими социумами периода их наибольшей значимости.

Очевидно, с упадком очагов цивилизации в Средиземноморье и формированием гальштаттских обществ в Центральной Европе традиционные каналы торговых связей были нарушены, а конечные потребители экспорта обнищали или исчезли, с чем стоит связать упадок обществ северного бронзового века. Однако именно развитая корабельная традиция стала альтернативой, которая вывела скандинавские племена на новый уровень и предопределила основные направления их развития. Нет оснований думать, что до этого времени по Балтийскому морю не плавали совсем. Однако создание факторий и поселений на его берегах и, в частности, проникновение в Рижский залив демонстрируют уверенное освоение не только каботажных направлений, но и прямых морских путей через акваторию. Более важным оказывается прочное вовлечение прибрежных племен в систему торговли и

обложения даями новой племенной элиты Скандинавии. В сущности, мы можем смело диагностировать появление первой фазы «Восточного пути» («*Austrvegr*») именно на рубеже позднего бронзового и раннего железного века. Вполне вероятно, что освоение в I тыс. до н.э. нового базового материала для производства орудий и оружия (а именно Швеция обладала необходимым и доступным рудным сырьём) послужило дополнительной причиной активности шведских племён на Балтике и способствовало превращению побережий этого моря в единый хозяйственно-культурный регион.

Таким образом, есть все основания рассматривать в качестве если и не единственной, то одной из наиболее важных точек формирования Балтийской субконтинентальной цивилизации период позднего бронзового века, а наиболее зримым и универсальным атрибутом таковой – ладьевидные каменные выкладки, распространяющиеся по берегам Балтийского моря. В перспективе эта система трансформируется в устойчивую сеть экономических, военных, властных контактов в Балтийском регионе, связанную с вендельским периодом и эпохой викингов, когда она достигает своего расцвета [6, с. 106–108].

Список литературы:

- [1] Лебедев Г.С. Балтийская субконтинентальная цивилизация раннего средневековья // Тезисы X Всесоюзной конференции по изучению истории, экономики, литературы и языка Скандинавских стран и Финляндии. Ч. I.– М.: Наука, 1986. – С. 158–160.
- [2] Лебедев Г.С. Эпоха викингов в Северной Европе и на Руси. – СПб.: Евразия, 2005. – 640 с.
- [3] Фиркс Й. фон. Суда викингов. – Л.: Судостроение, 1982. – 104 с.
- [4] Хлевов А.А. Балтийская цивилизация и европейское единство раннего средневековья // Дивинец старолadoжский: Междисциплинарные исследования. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 1997. – С. 125–130.
- [5] Хлевов А.А. Историко-культурный феномен Северной Европы I–VIII вв. / Дисс. ... д.ф.н. – СПб, 2002. – 439 с.
- [6] Хлевов А.А. Краткая история средних веков: эпоха, государства, сражения, люди. – СПб.: Амфора, 2008. – 384 с.
- [7] Bradley R. Danish razors and Swedish rocks. Cosmology and the Bronze Age landscape // *Antiquity*. – 2006, № 80. – P. 372–389.
- [8] Burenhult G. Götalands hällristningar (utom Göteborgs och Bohus län samt Dalsland). – Lund, 1973.
- [9] Capelle T. Schiffssetzungen // *Præhistorische Zeitschrift*. Heft 1. – 1986, № 61.
- [10] Crumlin-Pedersen O., Trakadas A. Hjortspring: a Pre-Roman Iron-Age warship in context // *Ships and Boats of the North*. Vol. 5. – Viking Ship Museum, 2003.
- [11] Kaul F. Ships on bronzes // *A study in Bronze Age religion and iconography*. – Copenhagen, 1998, Vol. 3:2.
- [12] Kristiansen K. Rock art and religion: The sun journey in Indo-European mythology and Bronze Age rock art // Fredell Å., Kristiansen K., Criado Boado F. (ed.) // *Representations and communications: creating an archaeological matrix of late prehistoric rock art*. – Oxford: Oxbow books, 2010. – P. 93–115.
- [13] Randsborg K. Kivik: archaeology and iconography. – København: Munksgaard, 1993.
- [14] Sprockhoff E. Nordische bronzezeit und frühes griechentum // *Jahrbuchdes Römisch-germanischen Zentralmuseums*. – Mainz, 1954, № 1. – P. 28–110.
- [15] Wehlin J. Östersjöns Skeppssättningar: Monument och mötesplatser under yngre bronsålder. – Göteborg, 2013.

ЭВРИСТИКА И КАТАЛОГИЗАЦИЯ ЭКСЛИБРИСА (КНИЖНОГО ЗНАКА) В ФОНДАХ ГОСУДАРСТВЕННОГО МЕМОРИАЛЬНОГО МУЗЕЯ А.В. СУВОРОВА

Статья посвящена изучению коллекции экслибриса (книжного знака) хранящегося в форме in situ в фонде «Редкие печатные издания» Государственного мемориального музея А.В. Суворова. Раскрыто содержание терминов «in situ» и «ex situ» по отношению к экслибрису. Анализируется опыт поиска экслибриса in situ, разработаны рекомендации по выявлению трудно обнаруживаемых знаков. Приведены статистические сведения по обнаруженным экслибрисам (по наличию или отсутствию на редкой книге; видам; методу нанесения на книгу; форме собственности владельца знака); обозначен ряд трудностей, возникающих при проведении статистического анализа книжных знаков. На основании схемы описания музейного предмета, методика описания экслибриса по У.Г. Иваску разработана авторская методика описания книжного знака, хранящегося в музейном пространстве. Среди достоинств разработанной методики – совмещение традиции музейного описания с разработками, проводившимися вне музейного поля.

Ключевые слова:

книжный фонд, книжный знак, методика описания экслибриса, формула описания, экслибрис, ex situ, in situ.

Правдин К.Г. Эвристика и каталогизация экслибриса (книжного знака) в фондах Государственного мемориального музея А.В. Суворова // Общество. Среда. Развитие. – 2016, № 1. – С. 70–76.

© Правдин Клим Геннадьевич – хранитель фондов, Государственный мемориальный музей А.В. Суворова, Санкт-Петербург; e-mail: kliment_prawdin@mail.ru

---

Профиль музея во многом определяет специализацию его собрания, виды коллекций, которые он хранит и изучает. Государственный мемориальный музей А.В. Суворова – музей исторического профиля, чем обусловлен состав предметов им хранимых – всё, что связано с именем генералиссимуса А.В. Суворова и его эпохой: собрание личных вещей полководца, «Суворовский сборник» В.П. Энгельгардта, посвященный Швейцарскому походу полководца, коллекция мусульманских знамен XVIII–XIX вв., предметы обмундирования и снаряжения, оружие, картины и декоративно-прикладное искусство, предметы нумизматики и фалеристики, графические листы и документы, фотографии и редкие книги.

Военно-исторический (мемориальный) музей не кажется тем местом, где может храниться коллекция экслибриса. Разумеется, отдельные экземпляры могут присутствовать, но не в очень большом количестве. Место же коллекций экслибриса в 3 000, 5 000 экземпляров и более – в крупных художественных музеях (например, коллекция П.Д. Эттингера, хранящаяся в ГМИИ им. А.С. Пушкина в 3 880 единиц хранения [8, с. 109]) или посвященных экслибрису (собрание Музея экслибриса и миниатюрной книги [6, с. 75]).

Экслибрис в музейных или библиотечных фондах, может быть представлен в двух состояниях in situ и ex situ [11]. Когда говорят о коллекции экслибриса, подразумевают собрание ex situ, т.е. книжные знаки, отделенные или никогда не бывшие в контакте с книгой. Советский коллекционер Е.Н. Минаев рекомендовал каждый экслибрис «наклеивать на отдельную карточку из тонкого картона, белого или цветного, помещая на ней основные сведения о книжном знаке: имя, отчество и фамилию его владельца, способ репродукции, кем выполнен и год исполнения» [7, с. 97–99].

Другой вид коллекции – собрание экслибриса in situ, т.е. без отделения экслибриса от книги. Сторонником сохранения экслибриса в месте его находки был видный геральдист и исследователь экслибриса В.К. Лукомский: «книжные знаки (ex-libris и superexlibris), вообще, являются исключительно ценными путеводителями во всякого рода исследованиях для установления происхождения и судьбы библиотеки, а потому и следует настоятельно рекомендовать особо осторожное обращение с ними и сохранение их на книгах, имея в виду не только показательное научное значение их, но и материальное, очень часто поднимающее ценность книги при

наличии непосредственного указания на ее provenance» [9, с. 11]. Схожей позиции придерживается исследователь советского книжного знака О.Г. Ласунский, полагающий, что с помощью книжного знака возможно установить как судьбу отдельного экземпляра, его пути от владельца к владельцу, так и целых библиотек или их фрагментов. А так как «экслибрис не позволяет книге раствориться в массе ее подобных и, таким образом, сохраняет ее для потомства, то логично прийти к заключению о серьезной мемориальной ценности экслибриса» [5, с. 90]. Экслибрис, сохраненный в книге, является дополнительной гарантией её подлинности, «свидетельством» о её происхождении, принадлежности к библиотеке определенного лица.

Собрание экслибриса Государственного мемориального музея А.В. Суворова относится к типу *in situ*. Оно рассредоточено и состоит из трех частей: экслибрисов в фонде «Редкие печатные издания» (далее РПИ), наклеенные на книги; экслибрисы в фондах «Графика» и «Тиражированная графика», как наклеенные на графические альбомы, так и рассыпью; экслибрисов, наклеенных на книги Научной библиотеки музея. По числу экслибрисов на первом месте находится Научная библиотека музея. Только фонд редкой книги библиотеки составляет свыше 10 000 изданий, а всего фонды библиотеки насчитывают более 20 000 единиц хранения [12, с. 23]. Понятно, что не каждая книга имеет экслибрис, однако если сравнивать с изученным нами музейным фондом «РПИ», можно предположить, что в 75% случаев книг, изданных до 1920-х годов, присутствует экслибрис, а чаще – несколько книжных знаков. Чем позже книга издана, тем менее вероятно находка на ней книжного знака. Фонд «РПИ» – много меньше Научной библиотеки музея – 1125 единиц хранения, как уже отмечалось лишь у 25% книг не было найдено книжных знаков. Число экслибрисов, обнаруженных в графических фондах, очень мало: несколько книжных знаков собирателей суворовских материалов и до 15 экслибрисов на альбомах с гравюрами.

Эвристика экслибриса

Выявление книжных знаков в фонде является первой ступенью, в процессе изучения коллекции экслибриса *in situ*. Отметим тот факт, что поиск экслибриса, его атрибуция и каталогизация в фонде «РПИ» Государственного мемориального музея А.В. Суворова, с момента его со-

здания, и до начала проведения нашего исследования не производился. Имелось общее представление о том, что экслибрисы в фонде есть, но пристального внимания со стороны хранителя фондов или исследователей они не получали, так же не предполагалось, что их число достаточно велико – сто, двести книжных знаков в книжном фонде в 1125 единиц казалось максимально возможным числом. Вместе с тем нельзя утверждать и то, что книжным знаком не интересовались вообще. В Научной библиотеке музея М.Г. Рачко была разработана краткая схема описания книжного знака, намечен приблизительный круг экслибрисов (выявлялись лишь экслибрисы-ярлыки).

Ввиду небольшого размера фонда было принято решение просмотра книг *de visu*, в поисках книжных знаков, с последующей фиксацией обнаруженных знаков, инвентарных номеров книг, где были найдены экслибрисы. Недостаток времени при первом осмотре обусловил как сокращенную форму записи, так и упущения в виде пропуска отдельных книжных знаков. При последующих осмотрах нами были найдены знаки, ранее не зарегистрированные, что говорит о необходимости нескольких осмотров *de visu*, выполненных одним человеком в разное время, или разными людьми одновременно. Человеческий фактор (усталость, монотонная работа) могут помешать выявлению всех знаков, содержащихся в фонде.

Уже после первичного осмотра были получены данные, позволяющие делать выводы о книжных знаках, присутствующих в фонде:

1) Распределение книжных знаков по изданиям (наличие и отсутствие знака на конкретной книге). У большинства (75%) книг в фонде присутствует экслибрис, чаще всего не один. Столь большое число книжных знаков объяснимо следующими моментами: учтены экслибрисы (штампы) научной библиотеки музея А.В. Суворова, из которой была передана основная часть книг фонда. С конца 1980-х годов, до начала 1990-х книги, поступившие в фонд «РПИ» «клеямились» штампами «Военно-исторического музея А.В. Суворова», относимых к так называемым «коллекционерским знакам». Ряд книг, приобретенных в 1970–1980-е годы, имеет следы утраты и порчи книжных знаков. Некоторые экслибрисы аккуратно вырезаны вместе со страницами, другие варварски оторваны, причем фрагменты ярлыка остались на форзацах. Встречаются и оттиски штампов, обесцве-

ченые и размытые¹, принадлежность которых невозможно определить.

2) Определение общего числа экслибрисов; процентное соотношение в различных методах нанесения книжного знака на книгу. Всего было найдено 2411 экслибрисов: экслибрисы, выполненные штампом – 1831 (76%), на ярлыке 317 (13%), суперэклибрисы (6%), рукописные (5%), конгресным тиснением 7 (~1%).

3) Выявление принадлежности книжных знаков (по группам). На основании форм собственности были выделены основные группы экслибрисов. Организациям различных форм собственности принадлежало 298 знаков (12%), музею А.В. Суворова 1390 (58%), Артиллерийскому музею 241 (10%), частным лицам 311 (13%), В.П. Энгельгардту 171 (7%).

Многочисленные осмотры фонда редких печатных изданий позволили разработать ряд практических рекомендаций по поиску книжного знака – *in situ*. Осмотр любой книги начинается с её переплета (обложки): ярлыки и наклейки, обычно легко видны. Обратит внимание следует на крышки переплета – если крупный геральдический суперэклибрис заметен почти всегда, то шрифтовой суперэклибрис, особенно если золотое тиснение загрязнено и потускнело, может быть не замечен. Если рассматривать крышки переплета под углом к источнику освещения, то такие книжные знаки будут сравнительно легко обнаружимы. Отдельное внимание стоит уделить корешку – в его нижней части можно найти шрифтовой суперэклибрис (инициалы или аббревиатуру). Ярлыки, записи, часто располагаются на форзацах, титульных листах или первых страницах книги. Можно порекомендовать пролистать книгу, для осмотра страниц на наличие записей и штампов, которые могут располагаться на нескольких страницах. Наибольшей трудностью для выявления обладают книжные знаки, выполненные в технике конгресного тиснения. Обнаружить их можно при хорошем освещении, и осмотре под разными углами падения света. Штампы стоит искать на первых страницах, 17 странице для бывших библиотечных книг, на обороте иллюстраций, гравюр.

Всего в фонде было обнаружено 473 уникальных книжных знака. Из них экслибрисов – 307 (64,9%); суперэклибрисов – 77 (16,3%); дарственных надписей – 4 (13,5%), которые хотя и не являются экслибрисом, но позволяют четко выявить происхождение и судьбу предмета, а потому могут

быть отнесены к родственным формам экслибриса; коллекционерских знаков – 13 (2,7%); книготорговческих знаков – 12 (2,5%). Коллекционерский знак может выполнять функции экслибриса, но в то же время его применение несколько шире, оно не ограничивается книгой: он может оказаться на любом предмете коллекции. Отнесение книготорговческих знаков к книжным знакам, и даже к экслибрису обусловлено как традицией (ряд исследователей признавал их не только книготорговыми ярлыками, но и полноценными экслибрисами), так и тем, что они могут уточнить происхождение книги.

По методу нанесения уникальные книжные знаки делятся следующим образом: знаки, выполненные от руки (рукописные записи, экслибрисы, автографы и пр.) – 179 (37,8%), штампы – 138 (29,2%), тиснение на переплете (суперэклибрисы) – 77 (16,3%) и ярлыки – 72 (15,2%), конгресное тиснением – 7 (1,5%). Видовое деление уникальных экслибрисов вполне предсказуемо: шрифтовой экслибрис 132 единицы (43%); рукописный экслибрис 113 единиц (36,8%); сюжетно-тематические экслибрисы – 26 (8,5%); геральдические – 21 (6,8%); вензелевые экслибрисы 15 (4,9%). По принадлежности уникальные книжные знаки делятся на две основные категории: частновладельческие – 299 (63,2%), и принадлежащие организациям и учреждениям – 172 (36,4%).

В качестве значимой особенности, стоит указать возможность возникновения трудностей, при проведении статистического анализа книжных знаков. Это обусловлено нечеткостью и невозможностью строгой классификации книжных знаков. Приведем ряд примеров: рукописный автограф формы «Принадлежит капитану NN» на книге мы, бесспорно, отнесем к рукописным экслибрисам, хотя здесь и нет такого атрибута, как «Библиотека», «Из книг» и т.п. Относиться ли к рукописным экслибрисам владельческую подпись? Где проходит грань между рукописным экслибрисом и просто автографом, является ли роспись владельца заменой экслибриса? Отметим схожую ситуацию с оттисками штампов, которые по своей сути не являются книжными знаками, но выполняют их владельческую функцию. Например, личный штамп врача, исполненный для определенных целей, обретает дополнительное значение, и исполняет функции экслибриса.

Подобные ситуации, когда экслибрис трудно классифицировать, или в его обра-

зе выступают формы, являющиеся лишь подобными ему, не редки. Каждый случай нуждается в пристальном рассмотрении, требует взвешенного решения об отнесении формы к той или иной категории. Этим объясняется сложность и относительность статистических исследований в поле книжного знака.

Каталогизация экслибриса

В процессе изучения книжных знаков выявляются и устанавливаются их основные характеристики: тип книжного знака, материал, размеры, техника изготовления и другие атрибутивные признаки. Результаты атрибуции необходимо фиксировать как для удобства самого исследователя, так и для тех, кто придет после него. Во время работы с коллекцией книжного знака перед нами возник вопрос – в какой форме и виде фиксировать полученные данные?

Если бы экслибрис находился в фонде, в статусе отдельного предмета, то такого вопроса не возникло – он бы описывался как самостоятельный музейный предмет, получил бы собственный номер по главной инвентарной книге (книге поступлений), инвентарный номер, был бы занесен как в учетную документацию, так и в электронную базу данных (в Государственном мемориальном музее А.В. Суворова, программистом А.В. Мителевым разработана собственная Автоматизированная система учета музейных ценностей – АСУМЦ). Для фонда «Редких печатных изданий» характерна другая ситуация – экслибрис является составной частью предмета (книги) и отдельного описания не получает – в лучшем случае упоминание и краткое описание в одно–два предложения.

Сложившаяся ситуация, обусловила наш интерес к различным методикам описания книжного знака. Сложность состояла в необходимости совмещения музейного подхода в описании предмета, с тенденциями и методиками описании книжного знака существующими вне музейного поля; в результате должна быть разработана формула описания книжного знака, применимая в музейной среде.

Традиции стандартизированного описания экслибриса уже более 120 лет, достаточно вспомнить ряд каталогов конца XIX века, изданных различными обществами любителей экслибриса в разных странах. В процессе изучения традиций составления описания книжного знака, автором было проанализировано 15 каталогов, как российских, так и зарубежных, охва-

тывающих период конца XIX – начала XXI века, содержащих различные модели описания. Ход и результаты исследования уже освещались автором [10]. Результатом сравнения описательных моделей, представленных в каталогах, стало выявление 19 элементов описания: изображение, имя владельца, способ нанесения, форма, размеры, техника, цветовое решение, вид, описание, место, время создания, автор, литература о книжном знаке, сведения о владельце, сведения о библиотеке, описание книги (для знаков «in situ»), источник и время поступления в коллекцию, другие книжные знаки на книге, литература о владельце.

Нами были рассмотрены различные описания, складывавшиеся на протяжении долгого времени, тем не менее, ни одна из них нас полностью не удовлетворила. В одних превалировал владельческий аспект, другие обращали внимание на художественную сторону книжного знака, но не было той, которая смотрела бы на экслибрис как на музейный предмет, и рассматривала бы все его аспекты.

Научное описание предмета в музейной сфере имеет цель дать максимально возможно полные, обоснованные научные сведения о предмете, выявить их потенциал как исторических источников, раскрыть их музейное значение. Возможность использования памятника (предмета) в исследовательской и экспозиционной работе не возможно без изучения и научного описания предмета. В отличие от профильных дисциплин, музейное изучение предмета полагает своей целью фиксацию всей информации, заключенной в источнике. Окончательная изученность предмета, к которой уже нечего добавить, не только не реальна, но и невозможна. Полнота изучения является относительной, в зависимости от уровня развития науки на момент создания описания.

По итогам изучения и описания музейного предмета составляется и заполняется его научный паспорт. Информации, внесенная в него, является итогом атрибуции предмета. Глубина информации, содержащаяся в заполняемых полях, определяется степенью научной обработки памятника на момент составления паспорта. Данные о предмете могут дополняться или изменяться в ходе последующего бытования предмета в музее и его изучения.

Перед нами встала задача создать собственную схему описания книжного знака, находящегося в музейном поле.

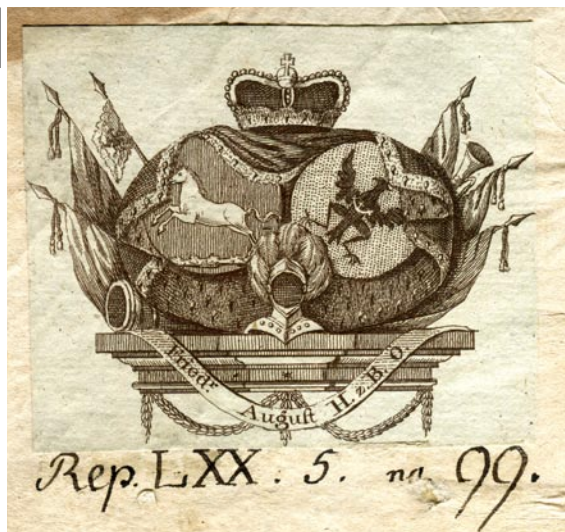

Рис. 1. Эклибрис гербовый герцога Фридриха Августа фон Брауншвейг-Оэlsa (1740–1805). Германия, Брауншвейг(?). Не ранее 1792. Бумага, типографская краска; гравюра на меди. 65 × 83 мм. ГММ А. В. Суворова (КП 16808).

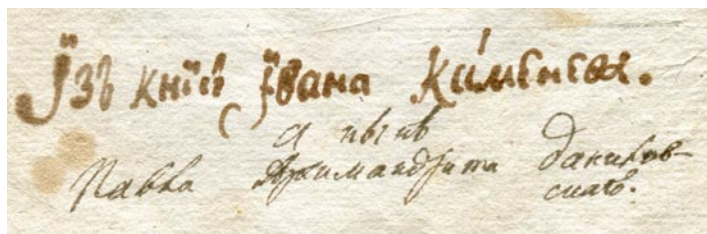

Рис. 3. Эклибрис рукописный Ивана Каменева и Павла, архимандрита Даниловского монастыря (?). Российская Империя. Кон. XVIII – нач. XIX в.; 1820–1830-е гг. Бумага, железо-галловые чернила; рукопись. ГММ А. В. Суворова (КП 16848).

Рис. 5. Эклибрис сюжетно-шрифтовой библиотеки Морского министерства. Российская Империя, Санкт-Петербург. 1860–1891. Бумага, типографская краска; литография. 48 × 63 мм. ГММ А. В. Суворова (КП 17087).

Рис. 2. Эклибрис гербово-шрифтовой Библиотеки Императорского Училища Правоведения. Российская империя, Санкт-Петербург. Вт. пол. XIX в. Бумага, чернила; штемпель. ~ 34 мм. ГММ А. В. Суворова (КП 16862).

Рис. 4. Эклибрис шрифтовой (книгопродавецкий знак) В. И. Ключкова. Худ. Бельзен Я. Я. Российская Империя, Санкт-Петербург. 1901. Бумага, типографская краска; литография. 66 × 43 мм. ГММ А. В. Суворова (КП 17131).

Рис. 6. Суперэклибрис буквенный В.П. Энгельгардта. Германия, последняя четверть XIX в. Коленкор, золотая фольга; горячее тиснение. 5 × 11 мм. ГММ А.В. Суворова (КП 16752).

Рис. 7. Эклибрис шрифтовой В.П. Энгельгардта. Германия(?). Конец XIX в. Бумага, чернила; штемпель. 29 × 44 мм. ГММ А.В. Суворова (КП 16752).

Суворовский Сборникъ В. П. Энгельгардта.

Рис. 8. Коллекционерский знак В.П. Энгельгардта. Германия, Дрезден (?). Вт. пол. XIX в. Бумага, бронзовая краска; типографская печать. 10 × 106 мм. ГММ А.В. Суворова (КП 16660).

Взяв за основу традиционную схему описания музейного предмета [4, с. 140–141] (научный паспорт предмета и научная инвентарная карточка Государственного мемориального музея А.В. Суворова), содержащую такие компоненты, как изображение, автор, датировка, место создания, название, материал, техника, размер, описание, сохранность, происхождение, тексты, местонахождение предмета, библиография, примечания; схему описания эклибриса У.Г. Иваска [3]; другие научные разработки – мы разработали собственную методику описания книжного знака, хранящегося в музее. Некоторые компоненты нашей формулы тождественны имеющимся в описании Т.В. Гребенюк [2] (восходящего к описанию У.Г. Иваска). Мы попытались придать ему большую структурность, видоизменив как порядок расположения элементов описания, так и их внутреннюю взаимосвязь. Так, элемент «описание» нашей формулы может быть соотнесен со следующими элементами описания, предложенного Т.В. Гребенюк: «форма», «способ нанесения на книгу», «цветовая характеристика», «описание», «надписи». Отдельным элементом в наше описание был введен атрибут «место создания», ранее не используемый составителями каталогов (за исключением С.И. Богомолова [1]). Методика описания книжного знака, хранящегося в музее, была обсуждена и утверждена на

научно-издательском совещании Государственного мемориального музея А.В. Суворова в 2014 году. На ее основе было произведено описание 473 уникальных книжных знаков, обнаруженных в фонде «Редкие печатные издания».

Методика описания книжного знака, хранящегося в музейном фонде

1. Название. Категория состоит из определяющего слова (эклибрис, суперэклибрис, коллекционерский знак, книгопродавческий знак, дарственная надпись, автограф, ...) и дополнительного определения указывающего на вид книжного знака (геральдический, вензелевый, сюжетный, шрифтовой, буквенный, рукописный), имени владельца.

2. Автор-исполнитель. Художник, гравёр и т.п. Указывается, если известно.

3. Место создания. Указать страну, если возможно более узкую локализацию.

4. Время создания (датировка).

5. Материал, техника. Материал на (или из) которого выполнен эклибрис (бумага, кожа, коленкор, краска, чернила и т.п.). Техника исполнения знака – ксилография, литография, гравюра, типографская печать, рукопись, штамп, трафарет, тиснение и т.п.

6. Размер. В миллиметрах высота на ширину. Для круглых знаков – диаметр.

7. Описание. В нем должны быть отражены следующие позиции:

а) форма знака (прямоугольный, квадратный, круглый, ...);

б) способ нанесения на книгу (если на книге) (ярлык, штемпель, трафарет, суперэклибрис, конгревное тиснение и т.п.);

в) цветовая характеристика (указать общее цветовое решение, в т.ч. бумаги, если она не белая);

г) общее описание эклибриса, включая описание герба, девиза, воспроизведение текста (построчно). Необходимо руководствоваться принципом «от общего – к частному», соблюдать правила блазонирования для описания герба.

8. Происхождение.

а) издание – краткое описание экземпляра книги с книжным знаком;

б) указание на другие эклибрисы, имеющиеся на этой книге;

в) время поступления книги в музей, от кого, как (дар, закупка);

г) сведения о владельце эклибриса – краткая биографическая справка. О его библиотеке, её судьбе.

9. Библиография. О владельце книжного знака. О самом эклибрисе.

10. Примечания. Инвентарный номер по книге поступлений; инвентарные номера других книг, на которых обнаружен такой же эклибрис.

Список литературы:

- [1] Богомолов С.И. Российский книжный знак, 1700–1918. – М.: Минувшее, 2010. – 959 с.
- [2] Гребенюк Т.В. Владельческие книжные знаки в фондах отдела редких книг (Музея книги) Российской государственной библиотеки // Книжный знак: история и современность: Материалы Всероссийской научно-практической конференции. – М.: МСК, 2006. – С. 63–68.
- [3] Иваск У.Г. Описание русских книжных знаков (Ex-libris). Вып. I. – М.: Изд. М.Я. Параделова, 1905. – 348 с.
- [4] Инструкция по учету и хранению музейных ценностей, находящихся в государственных музеях СССР. – М., 1984. – 151 с.
- [5] Ласунский О.Г. Книжный знак. Некоторые проблемы изучения и использования. – Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1967. – 167 с.
- [6] Лобурев В.В. Музей эклибриса Международного союза книголюбов // Российский эклибрисный журнал. – 2004, вып. 1. – С. 75–78.
- [7] Минаев Е.Н. Эклибрис. – М.: Сов. художник, 1968. – 119 с.
- [8] Морозова Н.Г. Эклибрис в художественной литературе Серебряного века. По материалам коллекции П.Д. Эттингера из собрания ГМИИ им. А.С. Пушкина / Дис. ... канд. иск. – М., 2011. – 164 с.
- [9] Мухин С.А. Судьба одной библиотеки / Предисл. В.К. Лукомского. – Л., 1929. – 60 с.
- [10] Правдин К.Г. Книжные знаки в фонде «Редкие печатные издания» Государственного мемориального музея А.В. Суворова: опыт описания и подготовки к публикации // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Часть II. – 2015, № 7 (57). – С. 137–141.
- [11] Правдин К.Г. Эклибрис «ex situ» и «in situ»: пути решения проблемы, перспективы развития // Молодежный вестник Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств. – 2013, №1 (2). – С. 168–170.
- [12] Рачко М.Г. Спасенные сокровища (о фонде редких изданий Государственного мемориального музея А.В.Суворова) // «На века» – 2004, № 3. – С. 23–25.

¹ На многих страницах, особенно на гравюрах, иллюстрирующих книгу И.И. Стаффенгагена «Краткое руководство к древней географии...» (СПб, 1753; МС КП 17129) были видны размытые оттиски штампа. По владельческой надписи было установлено, что «эта книга принадлежала в 1883 года | къ Н<...> Турчинову, а ныне | принадлежит къ Ионе Лейбовича | Ровинскаго | Составлена в 1753 года. | Куплена мною 25 Апреля 1885 года | Писано это въ 1886 года 5 февраля | Я Иона Ровинский». При тщательном полистном осмотре, был обнаружен оттиск штампа, не подвергшийся обесцвечиванию и размытию, атрибутированный как шрифтовой эклибрис частного мужского училища И.Л. Раввинского в Гадяче (Вг. пол. XIX в.).

УДК 1321.5
ББК 87:74.00

К.В. Султанов, С.Э. Федорин

СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ И МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТИ МОЛОДОГО СПЕЦИАЛИСТА: ГОРИЗОНТЫ МАНИПУЛЯТИВНОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ*

Затрагивается вопрос о мировоззрении молодежи. Рассматриваются два основных понимания идеологии: как выражения жизненной позиции и как ложного сознания. Либерализм, признавая плюрализм ценностей, претендует на роль мета-идеологии. Марксизм внес решающий вклад в понимание идеологии как ложного сознания. Недостаточность этого подхода повлекла как критику, так и усовершенствование. Было выявлено важное значение идеологических иллюзий. Стремление к недостижимым идеалам служит формальному решению неразрешимых противоречий и поддержанию общественного гомеостаза. Вместе с тем в статье утверждается, что теоретическое обоснование политического действия не обязательно является идеологией.

Ключевые слова:

идентичность, идеология, либерализм, ложное сознание, марксизм, молодежь, патриотизм, реальная политика, ценности.

Султанов К.В., Федорин С.Э. Социокультурная и мировоззренческая идентичности молодого специалиста: горизонты манипулятивного воздействия // Общество. Среда. Развитие. – 2016, № 1. – С. 77–81.

© Султанов Константин Викторович – доктор философских наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, Санкт-Петербург; e-mail: child2000@bk.ru

© Федорин Станислав Эдуардович – кандидат философских наук, доцент, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, Санкт-Петербург; e-mail: voscres@gmail.com

---

Что определяет мировоззрение современного человека, в том числе молодого? Опыт непосредственного общения со студентами дает основание утверждать, что явные влияния попросту отсутствуют. Студенты в своей массе затрудняются указать, кто и что на них влияет, какие имена и, тем более, доктрины они готовы назвать в качестве духовных ориентиров поколения – особо, если речь идет не о индивидуальных, но о коллективных предпочтениях. Однако это, конечно, не означает, что нет воздействий косвенных, скрытых и не афишируемых.

В связи с этим закономерно напрашивается вопрос: можно ли говорить, что в современности сохраняют влияние идеологии? Иначе говоря: может ли понятие идеологии прояснить происходящее, или в современности действуют другие пути формирования мировоззрения? В целях

рассмотрения концепта идеологии следует указать на два основных подхода к его толкованию. Их можно обозначить предельно кратко следующим образом:

- 1) идеология как жизненная позиция и
- 2) идеология как ложное сознание.

Несомненно, идеологией в обыденном словоупотреблении часто обозначают вообще в широком смысле чье-либо мировоззрение, в особенности, если таковое представлено в теоретически связном виде. Выражение такого понимания находим, к примеру, у популярного автора художественных текстов Макса Фрая: «идеология – это просто система идей и взглядов, через призму которых осознается и оценивается отношение человека к действительности. То есть – подчеркиваю! каких угодно идей и каких угодно взглядов» [8, с. 66].

Сходным образом разъясняет свое понимание знаменитый Ф. Фукуяма, для ко-

---

* Исследование поддержано грантом РГНФ 15-06-10735 «Социально-философский анализ манипулятивных технологий в образовании».

торого понятие идеологии является одним из центральных. В статье «Конец истории» он утверждает, что «идеология» – наилучшее название для «широких объединяющих картин мира». Идеология «не сводится к политическим доктринам, которые мы с ней привычно ассоциируем, но включает также лежащие в основе любого общества религию, культуру и нравственные ценности» [12, с. 140].

Такой подход закономерно возникает в современных условия жизни, которые *volens nolens* делают принципом поведения субъективный выбор. Субъективная свобода (индивида или группы) не только провозглашается как неотъемлемое право, но также общественно поощряется и реализация этого права. Заслуживающим похвалы, считается субъект, имеющий свою «позицию», «принципы». Тот же, кто не проявляет данных свойств, настораживает и порицается как беспринципный, безыдейный. Идеология, таким образом – это подводящее обозначение того, что – согласно описанной логике – должно определять поведение каждого – полноценного субъекта.

Практически незаменимым элементом для логики описания идеологии как жизненной позиции служит часто используемое понятие ценности. Взгляды, верования, принципы, идеи и т.п., будучи субъективно принятыми в составе идеологии, наиболее удобно обозначать как «ценности».

Понятие ценности было в свое время поднято на щит философами-неокантианцами (Г. Риккерт, В. Виндельбанд), которые видели своей задачей создание на его основе новой метафизики культуры. Сверхзадачей же для них являлась выработка мировоззрения, которое было бы способно послужить делу общественной консолидации в набиравших мощь европейских национальных государствах. Можно сказать, что этот проект был похоронен Первой мировой войной, в результате которой потрясенная бессмысленной бойней европейская мысль искала спасения скорее в позитивизме, экзистенциализме и марксизме, нежели в «причастности к высшему миру разумных ценностей» [4, с. 18].

Тем не менее, ренессанс концепта ценности вскоре обнаруживается в теоретических воззрениях американской социологической школы (Т. Парсонс, Н. Смелзер), выработавшей парадигму истолкования общественных процессов не только для академических кругов, но самого широкого общественно-политического примене-

ния. В этом учении всякое общество рассматривается как имеющее своим основанием не что-нибудь, но именно согласие в наборе основных ценностей. «Ценности – это общепринятые убеждения, относительно целей, к которым человек должен стремиться» [11, с. 50].

Если проследить далее истолкование человека и общества как определяемых идеологией в качестве набора субъективно избираемых «ценностей», можно обнаружить примечательные результаты. Данная логика принимает как само собой ясную предпосылку, что идеологий может быть множество, столько же, сколько самих субъектов. Пролиферация и плюрализм ценностей приветствуются как проявления свободы самореализации субъектов и, напротив, какая-либо доминирующая система ценностей порицается. И, тем не менее, такое провозглашение множества систем ценностей содержит предпосылку, что любая из них вторична по сравнению с некоторой мета-ценностью, которой выступает само признание возможности множества ценностей. Иметь ту или иную систему ценностей становится чем-то второстепенным и даже необязательным, однако безусловно необходимым оказывается принятие позиции «ценности ценностей».

Общественно-политической артикуляцией такой позиции является, несомненно, либерализм. Именно либерализм выступает как такая специфическая мета-ценность, состоящая в признании всех прочих ценностей, при условии их достаточной терпимости друг к другу, а точнее – к самому либерализму. Такая логика позволяет либерализму чувствовать себя весьма комфортно в спорах по вопросам идеологии. В нужных случаях речь идет о конце идеологий («деидеологизации») – и акцент делается на плюрализме ценностей. Но вместе с тем в любой момент либерал может переходить и к сюжетам «реидеологизации», выставляя свою точку зрения как наиболее зрелую систему ценностей, идеологию *par excellence*.

Известная концепция конца истории Ф. Фукуямы являет собой как раз открытое провозглашение либерализма в качестве наилучшей (по существу – «единственно верной») идеологии, которая пришла к своему триумфу после закономерной капитуляции всех ее противников – абсолютизма, фашизма, коммунизма. Действительно, либеральная идеология оказывает на мировую политику последних десятилетий превалирующее влияние. Однако она так и не дождалась безусловного и окончатель-

тельного своего торжества. Либеральная идеология сталкивается с возрастающим сопротивлением, притом что силы, ее сдерживающие, не спешат с оформлением в качестве определенных доктрин.

В этой связи, с точки зрения нашего обсуждения, весьма поучительной представляется одна специфическая дилемма, которая всплывает в политической риторике последнего времени, насколько можно судить, с нарастающей интенсивностью. Речь идет о противопоставлении «реальной политики» (реалполитик) и «политики, ориентированной на ценности» (политики идеализма).

«Реальная политика» понимается как образ действий, отправляющийся от интересов. Выдающийся американский политолог Ганс Моргентау дал в свое время существенное и внятное обоснование политическому реализму, однако оно практически не привлекается в обсуждаемом контексте. Вместо этого предлагается упрощенное толкование, что дело идет о беспринципном конъюнктурном поведении, нацеленном на сиюминутную выгоду и т.п. С другой стороны, «политика ценностей» преподносится как такая, которая, напротив, исходит из приверженности возвышенным идеалам. Каких именно ценностей – при этом непосредственно может и не уточняться, но лишь потому, что это подразумевается само собой ясным. В полном соответствии с приведенным выше рассуждением, только либеральные, «западные» ценности считаются единственно достойными этого наименования.

Соответственно, либеральная идеология стремится утвердить себя средствами современного политического дискурса в качестве полномочного представителя идеалов и моральных принципов как таковых. Всякий иной образ мыслей действий квалифицируется как по определению аморальная конъюктурщина, либо же как нездоровая приверженность идеям, одержимость ими – фанатизм. Противопоставление реалполитик и политики ценностей можно рассматривать как логическое завершение истолкования идеологии как набора субъективно принятых ценностей, т.е. признание либерализма как совершенного мировоззрения.

Далее обратимся к тому, чтобы кратко обрисовать основные черты второго основного толкования идеологии: как «ложного сознания». Как известно, сам термин «идеология» предложили французские философы Пьер Кабанис, Дестют де Траси и др. Тем не менее, еще до их выступления

Просвещение в лице его видных представителей выработало характерное объяснение существования санкционируемых государством доктрин, которое справедливо можно причислить к теориям идеологии. Л. Альтюссер излагает суть дела так: просвещенный XVIII век считал, что религиозные учения придуманы попами и деспотами, «чтобы человек, веря в свое послушание Богу, на самом деле подчинялся им». Ложное представление о мире, таким образом, служит цели господства немногих циников, «которые эксплуатируют «народ», завладев его воображением» [1, с. 6].

Марксизм внес в исследования идеологии огромный вклад, признаваемый многими видными теоретиками, среди которых далеко не все являются марксистами. Это особо важно отметить теперь, когда марксизм как политическая программа утратил былую актуальность. Согласно Марксу, идеология – уже не умышленный обман, но, скорее, неизбежное заблуждение. Эксплуататоры, конечно, получают выгоду от ложного сознания, однако они не создают его. Заблуждение возникает в результате объективных причин. Социальные процессы порождают силы, которые непонятны самим людям, условия жизни людей находятся вне их контроля, «отчуждены». Вследствие этого люди создают искаженные трактовки происходящего, в качестве примера которых может быть указан «товарный фетишизм». Эти псевдо-объяснения и составляют существо идеологических форм или «надстройки» (суперструктуры), которая целиком зависит от «базиса» (инфраструктуры), т.е. совокупности производственных отношений.

Пафос Маркса состоит в том, что только изменение реальной жизни избавит людей от проблем, связанных с ложным сознанием. Скажем, религия как «опиум народа», будет не опровергнута, а автоматически отпадет как невостребованная. Поэтому не нужно тратить время и силы на разбор собственно идеологических споров, лучше заняться революционным преобразованием действительности: «философы лишь различным образом объясняли мир; но дело заключается в том, чтобы изменить его».

Марксистская теория идеологии встретила критику, прежде всего «идеологическую». Типичным примером может служить Н. Бердяев, обвинявший Маркса в принижении человека: «Маркс окончательно отрицает самоценность человеческой личности, видит в человеке лишь функцию материального социального процесса» [2, с. 322].

Однако уже Ф. Энгельс в известных «письмах об историческом материализме» указывает, что если кто-нибудь интерпретирует Маркса так, что «экономический момент является будто единственно определяющим моментом», то он превращает положения марксизма «в ничего не говорящую, абстрактную, бессмысленную фразу» [9, с. 394]. Но хотя Энгельс таким образом признал, что не следует пренебрегать «вопросом о форме», т.е. выяснением того, «какими путями идет образование» «идеологических представлений и обусловленных ими действий из экономических фактов» [10, с. 84], сам он такого вопроса уже не раскрыл.

Недостаточность концепции идеологии у Маркса побуждала последующих мыслителей к попыткам исправить положение. Уже социологию В. Зомбарта и М. Вебера можно рассматривать в этом ключе – если согласиться с интерпретацией их творчества у К. Мангейма. Последний и сам предложил одну из важнейших теорий идеологии, опирающуюся на новации Маркса.

Очень непросто кратко обобщить полемику по вопросу марксовской теории ложного сознания. Сложно сформулировать, в чем состояло несомненное продвижение, кому принадлежала честь его свершить, и было ли оно вообще. Итоги подводить рано и, тем не менее, можно рискнуть обрисовать ряд черт, представляющихся существенными.

Идеология, «надстроечные» явления – не некий эпифеномен, круги по воде, она принципиально важна для функционирования социума. Луи Альтюссер в этой связи заявляет, что имеющаяся в «Немецкой идеологии» концепция идеологии «немарксистская», позитивистская. «Идеология понимается здесь как чистая иллюзия, греза, то есть ничто. Вся ее реальность лежит вне ее самой. Идеология понимается таким образом как воображаемая конструкция, статус которой схож с теоретическим статусом сновидения у предшественников Фрейда» [1, с. 8]. Однако признание ее важности не отменяет того обстоятельства, что она есть «ложное сознание». Таким образом, общество не просто заблуждается на свой счет, но абсолютно нуждается в этом заблуждении, причем именно как в заблуждении. В силу этой потребности, это уже не заблуждение как таковое, но также и не обман, а, скорее – фатальный самообман. Как пишет видный современный философ С. Жижек, ««идеологической» является социальная действительность, само существование которой предполагает незнание со стороны

субъектов этой действительности, незнание, которое является сущностным для этой действительности» [7, с. 27].

Без того, чтобы общество скрывало от себя действительную сущность происходящего это происходящее не может происходить. Еще Макиавелли указывал, что народ ждет от государя обмана. Государь может совершать все, что ему потребуется: любое злодеяние, так же как и любой добродетельный поступок, если они служат для удержания власти. Единственное, чего государь не может себе позволить – быть честным с подданными. С его уст не должно слетать ни одного слова, не исполненного высочайших добродетелей, причем в особенности он должен стараться выглядеть благочестиво. Соккрытие востребовано потому, что действительность слишком невыносима, чтобы выдержать правду. Тот же Макиавелли дает ключ к пониманию того, что хочет скрыть от себя общество: это как раз вскрываемые великим флорентийцем тайны власти, отношения господства и подчинения.

Всякая идеология выдвигает «идеалы», наиболее важной чертой которых является их недостижимость. Именно постоянное несоответствие идеалу является источником энергии, потребной для того, чтобы компенсировать внутренние напряжения общества. Это энергия покаяния/обличения, которую направляют на себя или на другого. Такая энергия служит не преодолению ситуации, продуцирующей напряжение, но, напротив, поддержанию гомеостаза, статус-кво. Раз достижение недостижимой цели нереально, то и преодоление напряжений имеет характер нереальный, т.е. символический. Как формулирует современный американский философ и литературовед Ф. Джеймисон, функция идеологического акта «состоит в изобретении воображаемых и формальных «решений» для неразрешимых общественных противоречий» [6, с. 38].

Указанный символический характер идеологического действия может ставиться под сомнение вследствие того – кажущегося очевидным – обстоятельства, что идеология способна мотивировать людей на совершение реальных деяний. Разве революции не являют пример событий самых что ни на есть действительных, отнюдь не символических, которые не могли бы состояться без идеологического обеспечения? Эта проблема побудила К. Мангейма провести различие идеологии и утопии – как систем взглядов, исповедуемых уходящим и, наоборот, нарождающимся

щимся классом. Данное различие, однако, не столь существенно. Вряд ли опровергается символический, по преимуществу, характер идеологического акта тем, что реальные события способны осуществляться приверженцами той или иной идеологии. Скорее, поучительны исторические свидетельства того, как идеологический настрой способен «испаряться» в массах под воздействием изменившейся ситуации. Поэтому можно судить, что не идеологии, но действительные жизненные напряжения толкают людей на реальные действия. Идеологии же способны служить развитию «энтузиазма», обеспечивая своего рода «анестезию» посредством эйфории мессинства в разных его вариантах.

Политическое действие свершается всегда под давлением реальных обстоятельств, а не как осуществление неких идеологических, идеальных ценностей. Но вот осознается это свершение обычно идеологически, в терминах приверженности идеалам. Гегель по этому поводу говорил, что народ невозможно обмануть в том, что касается существа дела, но в отношении формы народ сам себя обманывает.

Тем не менее, не следует заключать, что такой самообман происходит неизбежно. Осмысление политического действия не обязательно и не во всем должно происходить как очередная идеологическая индоктринация. Теоретическое обеспечение политического действия вовсе не обязательно отождествлять с идеологией. Тут уместно вспомнить заявление Маркса, что «коммунизм – не идеал, а действительное движение, упраздняющее имеющиеся состояния». Во все не обязательно относить себя к марксистам и, тем более, ком-

мунистам, чтобы понимать это различие. То, что марксов проект замены идеологии научным подходом обернулся на деле воцарением монстра «марксистско-ленинской идеологии» – это тяжелый урок, но не аргумент против возможности научно-теоретически осмысливать происходящее в обществе.

Другое обращение к тому же вопросу – уже упомянутая теория «реальной политики», причем именно как теория, а не идеологический штамп. Г. Моргентхау выдвигал в качестве принципа осмысления событий понятие интереса, определенного в терминах власти (влияния, силы). Такой подход вовсе не обязательно ведет к вульгарному прагматизму или, как сказал бы Фихте, «эгоизму». Напротив, именно против этого он и направлен.

В связи со всем сказанным, то обстоятельство, что инициированный когда-то Б. Ельциным вопрос о российской национальной идее не получил громогласного решения, должно не обескураживать, но, напротив, ободрять. В этом можно надеяться видеть не безыдейность российского народа и утрату им ориентиров, но – напротив – свидетельство своего рода идейной трезвости [5, с. 122].

Оптимистично могут быть оценены и совсем недавние политические заявления в том ключе, что российская национальная идея – это ничто иное как «патриотизм», притом – подчеркнуто – не имеющий ничего общего с идеологией. Разумеется, такого рода высказывания могут быть истолкованы весьма различно. Однако повод для истолкования их в плане приверженности политике реализма они также предоставляют, причем даже в первую очередь.

Список литературы:

- [1] Альтюссер Л. Идеология и идеологические аппараты государства. // Неприкосновенный запас. – 2011, № 3(77). – С. 3–15.
- [2] Барсукова Е.Н., Романенко И.Б. Социокультурная идентичность и национальный менталитет: урбантропологический подход // Общество. Среда. Развитие. – 2012, № 4(25). – С.193–196.
- [3] Бердяев Н. Смысл творчества. – М.: Правда, 1989. – 607 с.
- [4] Виндельбанд В. Избранное: Дух и история. – М.: Юрист, 1995. – 687 с.
- [5] Гапанович С.О. Урбанизация и антропогенез: ребенок в свете проблем информационной экологии // Территория детства: образовательные практики и манипулятивные технологии. Сборник научных трудов. Гл. ред. К.В. Султанов. Санкт-Петербург. – СПб., 2015. – С. 120–123.
- [6] Джеймисон Ф. Марксизм и интерпретация культуры. – М.–Екатеринбург: Кабинетный ученый, 2014. – 414 с.
- [7] Жижек С. Возвышенный объект идеологии. – М.: Издательство «Художественный журнал», 1999. – 236 с.
- [8] Макс Фрай. Книга для таких, как я. – СПб.: Амфора, 2002. – 452 с.
- [9] Маркс К. Энгельс Ф. Сочинения. Изд. 2, т. 37. – М.: Политиздат, 1965. – 599 с.
- [10] Маркс К. Энгельс Ф. Сочинения. Изд. 2, т. 39. – М.: Политиздат, 1966. – 713 с.
- [11] Смелзер Н. Социология. – М.: Феникс, 1994. – 688 с.
- [12] Фукуяма Ф. Конец истории? // Вопросы философии. – 1990, № 3. – С. 134–148.

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ СТАТУС ЧЕЛОВЕКА КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ ЗЛОКАЧЕСТВЕННЫХ НОВООБРАЗОВАНИЙ (ОБЗОР ЗАРУБЕЖНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ)

Цель исследования – анализ современных подходов к влиянию социально-экономического статуса человека в зависимости от региона его проживания на развитие раковых заболеваний, представленных в зарубежной научно-исследовательской литературе. В процессе исследования использованы субъектно-объектный и системный подходы, сравнительный анализ, синтез и логическое обобщение. В результате обобщен опыт региональных медицинских исследований различных детерминант заболеваемости раком и его локализаций. Анализ существующих в зарубежных источниках и литературе концептуальных подходов позволил обобщить и систематизировать индикаторы благоприятности территории и ключевые элементы социального статуса, имеющие непосредственное влияние на формирование злокачественных новообразований. Результаты исследования развивают теорию и практику отечественной экономической географии. Выводы исследования могут быть учтены при разработке программ профилактики раковых заболеваний, а также оценке их эффективности.

Ключевые слова:

индикаторы благополучия территории, злокачественные новообразования, локализация, профилактика, социально-экономический статус, социально-экономическое неравенство, элементы.

Малофеевская Н.А. Социально-экономический статус человека как фактор формирования злокачественных новообразований (обзор зарубежных исследований) // Общество. Среда. Развитие. – 2016, № 1. – С. 82–86.

© Малофеевская Наталья Алексеевна – аспирант, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, Санкт-Петербург; e-mail: smishich@rambler.ru

В современных условиях особую озабоченность правительств промышленно развитых стран вызывают проблемы роста раковых заболеваний, которые, согласно данным медицинской статистики, прочно удерживают среди причин смерти населения второе место. Цели ведущейся на государственном уровне противораковой борьбы корректируются: активное лечение злокачественных новообразований уступает место предотвращению рака (cancer prevention). Наблюдаемая смена курса в области здравоохранения обусловлена возникновением новых приоритетов социально-экономической политики государств, в т.ч. рационального расходования бюджетных средств. В этой связи эффективное решение проблемы раковых заболеваний предполагает поиск социально-негативных факторов детерминации рисков развития злокачественных

новообразований, и их ликвидация (или, по крайней мере, нивелирование, ослабление их влияния). Переход к рыночной экономике, наблюдающийся в России с конца XX в., способствовал актуализации внимания к исследованию канцерогенных детерминантов, однако наибольший опыт в их изучении накоплен учеными США и Западной Европы, являющиеся в настоящее время «монополистами» в упомянутой отрасли знания. В настоящей статье представлен обзор зарубежных источников, исследующих факторы, способствующие формированию онкологических заболеваний.

Большинство публикаций, раскрывающих причины развития злокачественных новообразований посвящены его (развития) социально-экономическим детерминантам (socioeconomic determinants) [4; 6; 12; 22]. Многие исследователи из западноевро-

пейских стран и США рассматривают социально-экономический статус как один из основных факторов благосостояния человека, приводящий к неравенству в области здоровья различных социальных и этнических групп, и служащий индикатором здравоохранения, имеющим прогностическую ценность в пространственной эпидемиологической оценке распространенности злокачественных новообразований [16, с. 37–41]. Это актуализирует изучение реестров заболеваемости и смертности на определенных территориях от рака в целях определения уровня, занимаемого человеком в обществе, различий в области здоровья региона и выявлению его проблем (например, неблагоприятная экологическая ситуация, недостаточное транспортное сообщение, низкое качество жизни населения и т.д.) [3].

Интерес к изучению социально-экономических неравенств (socioeconomic inequalities) в медицинской географии появился в Европе в конце XX века, после публикации международного агентства по изучению рака (IARC – International Agency for Research of Cancer) «Social inequalities and cancer» в 1997 году. Данное исследование выявило, что люди, живущие в неблагоприятных, пессимистических условиях имеют существенно более высокие риски развития злокачественных опухолей легких, желудка, верхних дыхательных путей и шейки матки. Влияние социального статуса было обнаружено при следующих локализациях рака: толстой кишки, костей, кожи, молочных желез, яичников. Для остальных видов новообразований взаимоотношение с уровнем, занимаемым человеком в обществе, обнаружено не было [13, с. 21–33]. Влияние социального статуса на развитие рака широко исследуется уже несколько десятилетий, при этом особый интерес вызывают вопросы социально-экономического неравенства в сфере здоровья и его детерминант.

К числу важных факторов заболеваемости раком относят возраст, курение, нерациональное питание, потребление алкоголя, ожирение, недостаточная физическая активность, неправильное репродуктивное поведение, производственные и экологические факторы, онкологический скрининг [10; 18]. Так, Б. Галобардес рассматривает влияние социально-экономических детерминантов на человека в зависимости от этапа его жизни [10]. Актуальность учета возраста, по мнению указанного автора, основывается на том, что ведущие локализации заболеваемости раком у взрослого населения и у детей от 0 до 14 лет кардинально отличаются. Например, самые распространенные типы новообразований у мужчин и женщин – кожа,

молочная железа, легкие; у детей – гемобластома, лейкемия, ЦНС. При изучении заболеваемости людей старше 18 лет необходимо обращать внимание на образ жизни, потребление алкоголя, табакокурение и т.д., в то время как основными факторами для ребенка являются вирусные инфекции [10].

На заболеваемость и смертность от злокачественных новообразований опосредованно влияет и уровень образования пациента. Результат исследований, проведенных в 2005 году западноевропейскими учеными, показал, что высокий уровень образования обладает антиканцерогенным эффектом [9; 11]: так, смертность от онкологии в Европе в целом составляет 24%, а в Дании, Исландии, Норвегии, Швеции, Финляндии, где уровень образованности населения выше, чем в среднем по Европе, смертность от онкологии ниже (20%) [11].

Основываясь на факторе социально-экономического неравенства, Гоупал К. Синг и соавторы в своей статье «Socioeconomic, rural-urban, and racial inequalities in US cancer mortality» при изучении заболеваемости раком в штатах Калифорния и Техас (США) классифицируют население на жителей благоприятных и депривационных территорий, где риск развития онкологических образований всех локализаций всегда выше. В статье указывается взаимообусловленность уровня смертности и благополучия территории (так, например, уровень смертности от рака в округе Марин в 1,5 раза выше по сравнению с другими округами). Представленное соотношение относится к пациентам, как мужского, так и женского пола. Влияние социально-экономической депривации в исследуемых штатах аналогично для рака легких, толстой кишки, простаты и шейки матки. Смертность жителей неблагополучных территорий от перечисленных видов злокачественных новообразований в 2–3 раза выше по сравнению с обитателями благоприятных районов проживания. Для опухоли молочных желез [18] влияние оказалось несущественным.

Несомненный интерес исследователей вызывает вопросы соотношения уровня депривации территории и риска заболеваемости злокачественными новообразованиями.

Так, П. Роуз использует для измерения индекса благополучия при исследовании ряда городов Испании (Аликанте, Барселона, Бильбао, Кастилло. Кордова, Мадрид, Севилья, Валенсия, Виго, Сарагоза) индикаторы, которые условно можно назвать индикаторы «занятости» и «образования» [17]:

- 1) уровень безработицы;
- 2) низкий уровень образования;

3) низкий уровень образования (молодые люди в возрасте от 16 до 29 лет);

4) работники физического труда (разнорабочие);

5) временные работники.

Определенный интерес вызывает подход, предложенный американским ученым Дж. Альбрехтом в 2004 г. [1]. Для изучения влияния неблагоприятности регионов (на примере штате Техас (США)) на риск развития раковых заболеваний Альбрехтом был предложен индекс измерения степени депривации территории («индекс благополучия», geographic index of relative wellbeing), значение которой состоит в определении различий социально-экономического уровня развития различных районов индексом благополучия. Данный индекс включает 10 индикаторов, которые отражают статус человека в обществе (по результатам анализа переписи населения). Индекс благополучия измеряется в пунктах и может изменяться от 1 до 10, где 1 – территория с наилучшим уровнем благосостояния или депривация наименьшая, 10 – неблагоприятная территория. В табл. 1 приводятся индикаторы индекса благополучия, а именно уровень бедности, наличие личного автомобиля, персонального телефона, постоянной занятости и т.п.

Таблица 1

Индекс благополучия территории [3]

Используемые переменные
Люди находящиеся ниже уровня бедности
Люди (более 18 лет) без высшего образования
Люди без личного автомобиля
Люди без личного телефона
Безработные
Люди, живущие в домах с двумя и менее жилыми комнатами
Неполные семьи
Люди-инвалиды
Люди, живущие на пособие от государства
Люди, не имеющие собственной недвижимости

М. Лиан для определения индекса благополучия предлагает использовать комплексный подход и при исследовании, проводимом в шести американских штатах – Калифорния, Флорида, Луизиана, Нью Джерси, Северная Каролина и Пенсильвания [15]: кроме уровня социально-экономической депривации территории учитываются индивидуальные особенности личности. Исследование благоприятности района, по мнению Лиана, должно включать:

а) *уровень образования* – выявление процентного соотношения взрослых людей с уровнем образования ниже высшей школы;

б) *уровень занятости* – выявление доли безработных мужчин старше 20 лет; безработных женщин старше 20 лет, работников умственного труда, – офисных работников, разнорабочих;

в) *уровень дохода и бедность* – выявление доли населения с низким уровнем дохода, со средним уровнем дохода, проживающих за чертой бедности;

г) *расовый и этнический компонент* – выявление доли населения, принадлежащих к национальному меньшинству или малочисленным этническим группам;

д) *стабильность проживания на определенной территории* – выявление доли населения, не меняющего место жительства более 10 лет.

При изучении индивидуальных особенностей Лианом использовались следующие характеристики: возраст; пол; раса; этническая принадлежность; образование; семейное положение; курение; употребление алкоголя; физическая активность; самооценка уровня здоровья.

Согласно исследованиям, значительное влияние на риск развития злокачественных новообразований оказывает уровень урбанизации. Тот факт, что жители городов чаще болеют и умирают от новообразований по сравнению с сельскими жителями, может быть обусловлен высоким уровнем стресса у городских жителей [14]. Стресс, по мнению исследователя С. Кьюн, как следствие интенсивных изменений в жизни человека, может способствовать развитию рака следующих локализаций: молочные железы, легкие, толстая кишка и желудок. В своей работе Кьюн предлагает пятиэтапную модель, характеризующую влияние стресса на здоровье человека (рис. 1). Изменение эмоционального отклика (например, положительное восприятие каких-либо событий) будет способствовать борьбе со стрессом и, в конечном итоге, поддержанию уровня здоровья.

Помимо стрессовых ситуаций в числе детерминант развития рака исследователи выделяют ночное освещение в городах. Первые работы по изучению этого фактора были опубликованы в конце 1990-х гг. в США и ряде западноевропейских стран. Интерес к названной проблеме не теряет своей актуальности и сегодня в условиях ускорения урбанизации [19]. В первом изданном атласе, описывающем уровень яркости искусственного освещения ночью, указывается, что 99% американского и европейского, а также приблизительно 1/5 населения всех прочих территорий находится под влиянием светового загрязнения [5; 8]. В 2013 г. при исследовании локализации рака молочных желез

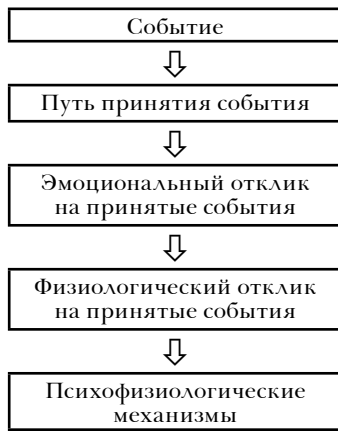

Рис. 1. Модель влияния стресса на состояние здоровья человека (составлено автором по материалам публикации «Stressful Life events» [14]).

и легких в штате Джорджия (США) С. Байер было доказано, что электрический свет в темное время суток способствует выработке мелатонина [2]. Искусственное освещение, по мнению Байер, способствует образованию злокачественной опухоли груди, а работа в ночное время суток увеличивает риск заболеваемости раком легких в 1,8 раза.

Существенное значение в целях предотвращения онкологических заболеваний играет анализ расовых различий. По мнению Гопал К. Сингх, в США уровень заболеваемости и смертности от злокачественных новообразований у представителей негроидной расы выше, чем у представителей европеоидной расы [18]. Факторами, способствующими повышению риска заболеваемости раком, являются: большая доля населения, живущая за чертой бедности, высокий уровень безработицы, низкий уровень образования и ежегодного дохода, проживание в неблагополучных районах. Это приводит к распространению вредных привычек (табакокурение, алкоголизм, наркомания), нерациональному питанию и ожирению. Высокий уровень смертности также является результатом несвоевременного оказания медицинской помощи, низкой онкологической просвещенности, отсутствия скрининговых программ. Высокий процент смертности у представителей негроидной расы был отмечен в следующих локализациях: легкие, простата, шейка матки. Существенных отличий в области толстой кишки отмечено не было, а рак молочных желез был более частой причиной смерти белого населения США.

В профилактике рака стран, имеющих мозаичную этническую структуру, немаловажную роль играет учет этнических осо-

бенностей населения (этносов и субэтносов). Зачастую территории, где проживают малочисленные этнические группы, относятся к депривационным регионам, где уровень заболеваемости и смертности от рака выше, по сравнению с прочими территориями. Ведущим фактором смертности от рака здесь является высокий удельный вес пациентов, имеющих 3 и (или) 4 стадии онкологии. Эта ситуация является результатом значительной удаленности и недоступности медицинских учреждений, отсутствия скрининговых и профилактических программ, несвоевременного обращения за помощью в онкологические диспансеры, отказа от лечения в связи с низким уровнем жизни [21]. Увеличивает проблему неравенства в области здоровья в развитых государствах и иммиграция из развивающихся стран (например, Испании). Иммигранты зачастую разделяют участь неблагополучных слоев населения, способствуют повышению уровня безработицы, находясь в социальной изоляции, имеют низкий доступ к услугам здравоохранения, имеют высокие психосоциальные факторы риска.

Выводы. Интерес к изучению социально-экономического статуса человека как фактора риска развития злокачественных новообразований появился относительно недавно. Большинство исследований, освещающих данную проблему, было опубликовано в странах Европы и США в начале двухтысячных годов. Разнообразие подходов к определению понятия социально-экономического статуса и его элементов само по себе уже интересно и позволяет сделать вывод о его многогранности. Тем не менее, очевидно также, что этой области исследования все еще не хватает некой «точки соприкосновения» существующих подходов, которая будет признана большинством авторов и обеспечит необходимое развитие данной концепции в целях повышения обоснованности, уровня доверия и значения проводимых научных исследований. Актуальность изучения социально-экономического статуса человека как фактора риска формирования злокачественных новообразований и изменение онкологической ситуации в России обуславливается протяженностью ее территории, климатическими условиями, многонациональностью населения, социально-экономическими различиями регионов и т.д. Однако в России представленная проблема еще не стала предметом активного научного дискурса. Тематика социального статуса человека как фактора формирования злокачественных новообразований остается малоисследованной.

Список литературы:

- [1] Albrecht J., Ramasubramanian L. The moving target: A geographic index of relative wellbeing // *Journal of Medical Systems*. – 2004, № 28. – P. 371–384.
- [2] Bauer S.E., Wagner S.E., Burch J., Bayakly R., Vena J.E. A case-referent study: light at night and breast cancer risk in Georgia // *International Journal of Health Geographics*. – 2013, № 12. – Интернет-ресурс. Режим доступа: <http://www.ij-healthgeographics.com/content/12/1/33> (19.11.2014)
- [3] Philips B.U. Jr., Gong G., Hargrave K.A., Belasco E., Lyford C.P. Correlation of the ratio of metastatic to nonmetastatic cancer cases with the degree of socioeconomic deprivation among Texas counties // *International Journal of Health Geographics*. – 2011, № 10. – Интернет-ресурс. Режим доступа: <http://www.ij-healthgeographics.com/content/10/1/12> (19.11.2014)
- [4] Cheng M.Y., Atkinson P.M., Shahani A.K. Elucidating the spatially varying relation between cervical cancer and socio-economic conditions in England // *International Journal of Health Geographics*. – 2011, № 10. – Интернет-ресурс. Режим доступа: <http://www.ij-healthgeographics.com/content/10/1/51> (21.11.2014)
- [5] Cinzano P., Falchi F., Elvidge C.D. The first world atlas of the artificial night sky brightness // *Monthly Notices of the Royal Astronomical Society*. – 2001, № 328(3). – P. 689–707.
- [6] Comber A.J., Brunsdon C., Radburn R. A spatial analysis of variations in health access: linking geography, socio-economic status and access perceptions // *International Journal of Health Geographics*. – 2011, № 10. – Интернет-ресурс. Режим доступа: <http://www.ij-healthgeographics.com/content/10/1/44> (19.11.2014)
- [7] Dejardin O., Remontet L., Bouvier A. M., Danzon A., Trétarre B., Delafosse P., Molinié F., Maarouf N., Velten M., Sauleau A., Bourdon-Raverdy N., Grosclaude P., Boutreux S., De Pourvoirville G., Launoy G. Socioeconomic and geographic determinants of survival of patients with digestive cancer in France // *British Journal of Cancer*. – 2006, № 95. – P. 944–949.
- [8] Falchi F. Limiting the impact of light pollution on human health, environment and stellar visibility // *Journal of Environmental Management*. – 2011, № 92(10). – P. 2714–2722.
- [9] Merletti F., Galassi C., Spadea T. The socioeconomic determinants of cancer // *International Journal of Health Geographics*. – 2011, № 11. – Интернет-ресурс. Режим доступа: <http://www.ij-healthgeographics.com/content/10/1/57> (22.11.2014)
- [10] Galobardes B., Shaw M., Lawlor D.A., Lynch J.W., Davey Smith G. Indicators of socioeconomic position. Part 1 // *Journal of Epidemiology and Community Health*. – 2006, № 60. – P. 7–12.
- [11] Huisman M., Kunst A.E., Bopp M., Borgan J.K., Borrell C., Costa G., Deboosere P., Glickman M., Marinacci C., Minder C., Regidor E., Valkonen T., Mackenbach J.P. Educational inequalities in cause-specific mortality in middle-aged and older men and women in eight western European populations // *Lancet*. – 2005, № 365. – P. 493–500.
- [12] Kabagambe E.K., Judd S.E., Howard V.J., Zakai N.A., Jenny N.S., Hsieh M., Warnock D.G., Cushman M. Inflammation biomarkers and risk of all-cause mortality in the reasons for geographic and racial differences in stroke cohort // *American Journal of Epidemiology*. – 2011, № 174(3). – P. 284–292.
- [13] Kogevinas M., Pearce N., Susser M., Boffetta P. Social inequalities and cancer. – Lyon: IARC, IARC Scientific Publications, 1997. – 138 p.
- [14] Kune S. Stressful life events and cancer // *Epidemiology*. – 1993, № 4. – P. 395–397.
- [15] Lean M., Schootman M., Doubeni C.A., Park Y., Major J.M., Torres A. Stone R., Laiyemo A. O., Hollenbeck A. R., Graubard B. I., Schatzkin A. Geographic variation in colorectal cancer survival and the role of small-area socioeconomic deprivation: a multilevel survival analysis of the NIH-AARP diet and health study cohort // *American Journal of Epidemiology*. – 2011, № 174(7). – P. 828–838.
- [16] Pamies R.J.P., Nsiah-Kumi P.A. Addressing health disparities in the 21st century. In cultural proficiency in addressing health disparities. – Sudbury: Jones and Battlett Publishers, 2008. – 275 p.
- [17] Puigpinos-Riera R. et al. Cancer mortality inequalities in urban areas: a Bayesian small area analysis in Spanish cities // *International Journal of Health Geographics*. – 2011, № 16. – Интернет-ресурс. Режим доступа: <http://www.ij-healthgeographics.com/content/10/1/6> (05.12.2014)
- [18] Singh G.K., Williams Sh.D., Siahpush M., Mulhollen A. Socioeconomic, rural-urban, and racial inequalities in US cancer mortality: part I – all cancers and lung cancer and part II – colorectal, prostate, breast and cervical cancers // *Journal of Cancer Epidemiology*. – 2011, № 2011. – Интернет-ресурс. Режим доступа: <http://www.hindawi.com/journals/jce/2011/107497/> (06.12.2014)
- [19] Stevens R. Light-at-night and breast cancer: Assessment of existing evidence // *International Journal of Epidemiology*. – 2009, № 38(4). – P. 963–970.
- [20] Tian N., Wilson J.G., Zhan F.B. Spatial association of racial/ethnic disparities between late-stage diagnosis and mortality for female breast cancer: where to intervene? // *International Journal of Health Geographics*. – 2011, № 24. – Интернет-ресурс. Режим доступа: <http://www.ij-healthgeographics.com/content/10/1/24> (14.12.2014)
- [21] Towne S.D., Smith Jr. M.L., Ory M. G. Geographic variations in access and utilization of cancer screening services: examining disparities among American Indian and Alaska Native Elders // *International Journal of Health Geographics*. – 2014, № 18. – Интернет-ресурс. Режим доступа: <http://www.ij-healthgeographics.com/content/13/1/18> (15.12.2014)
- [22] Yu X.Q., Luo Q., Smith D.P., O'Connell D.L., Baade P.D. Geographic variation in prostate cancer survival in New South Wales // *Medical Journal of Australia*. – 2014, № 200(10). – P. 586–590.

ПЕРСПЕКТИВЫ ВНЕДРЕНИЯ ТРАДИЦИОННЫХ ЭКОЛОГИЧЕСКИХ ЗНАНИЙ КОРЕННЫХ МАЛОЧИСЛЕННЫХ НАРОДОВ В ПРАКТИКУ ОХРАНЫ ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ И РАЦИОНАЛЬНОГО ПРИРОДОПОЛЬЗОВАНИЯ

Предлагается рассмотреть взаимодействие общества и природы с позиции традиционного природопользования коренных малочисленных народов, где главным инструментом являются традиционные экологические знания, роль которых была признана на Конференции ООН в 1992 году в Рио-де-Жанейро. В результате сформулированы рекомендации о возможности их использования в сфере природопользования и охраны окружающей среды, а именно: экологический мониторинг и экспертиза, сохранение видового разнообразия, особо охраняемые природные территории, экологическое образование и просвещение, туризм. Представлен механизм внедрения традиционных экологических знаний коренных малочисленных народов при принятии управленческих решений в сфере управления природопользованием. Отмечается, что изучение, использование и распространение традиционных знаний должно проводиться для каждого региона в отдельности, т.к., во-первых, природные условия территорий различны, а, во-вторых, специфика этноса позволяет выявлять уникальные знания коренных малочисленных народов, сохранившиеся до настоящего времени.

Ключевые слова:

охрана окружающей среды, рациональное природопользование, традиционные экологические знания.

Никитчук К.Л. Перспективы внедрения традиционных экологических знаний коренных малочисленных народов в практику охраны окружающей среды и рационального природопользования // Общество. Среда. Развитие. – 2016, № 1. – С. 87–91.

© Никитчук Ксения Леонидовна – старший преподаватель, Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск; e-mail: k.nikitchuk@yandex.ru

---

В настоящее время из-за происходящих социальных и технологических процессов ежедневно увеличивается негативное воздействие на окружающую природную среду. В результате научное и политическое сообщества особое внимание стали уделять поиску решений по оптимизации взаимодействия общества и природы, от результатов которого зависит будущее всего человечества [5]. Ответственное отношение к природе является неотъемлемой составляющей этнической культуры коренных малочисленных народов Севера. По определению Л.Н. Гумилева, этнос представляет собой коллектив людей, естественно сложившийся на основе оригинального стереотипа поведения, который устанавливает своеобразные отношения с географической средой и ландшафтной сферой своего ареала и, как результат, участвует в прогрессивном общественном развитии человечества, при этом поддерживая контакт с природой [2]. По мнению В.В. Рудского и В.И. Стурмана, проблема устойчивого развития региона как ареала обитания определенного этноса (или этносов) будет решена в случае, если к ней будут подходить с позиций мировосприятия данного этноса, его культурного и природного наследия, весьма осторожно используя опыт других стран и народов.

Поэтому важнейший аспект в понимании данной концепции связан с осознанием понятия «место». Как отмечают авторы, во-первых, повышается роль территориального, комплексного аспекта в природопользовании, а территория рассматривается наиболее широко – как совокупность экономических, социальных, культурных, духовных, экологических и других особенностей, конкретизированных в пространственно-временном отношении; во-вторых, подчеркиваются духовные, культурные начала в решении проблем природопользования, бережное отношение к традициям природопользования, опыту других народов и прошлых цивилизаций, а значит, необходимость оценок рационального природопользования каждого народа и цивилизации только с учетом исторического и духовного опыта его развития» [7].

В.Е. Борейко выделяет четыре основных вида народных традиций:

- утилитарные – основываются на получении прямой пользы человеку;
- религиозные – предполагают поклонение духам, тотемам, божествам;
- экологические – отражают гармонизацию существования человека с окружающей природой на основе традиционных экологических знаний;

– этические – демонстрируют проявление добра, справедливости, симпатии, жалости и любви по отношению к животным, растениям, природе в целом, и не имеющие какой-либо прямой пользы для человека [1].

По нашему мнению, особое внимание должно уделяться экологическим традициям, вобравшим в себя культуру гармоничного существования человека в природе на основе сформированных и адаптированных столетиями традиционных экологических знаний. Следовательно, бережное отношение человека к природе целесообразно рассматривать с позиции традиционного природопользования коренных малочисленных народов, где главным механизмом должны выступать их традиционные экологические знания, роль которых была признана еще во время проведения Конференции ООН по охране окружающей среды и развитию в 1992 году в Рио-де-Жанейро. В результате актуальным становится разработка и внедрение мер по сохранению природной среды на основе этнокультурной специфики местности – опыт коренных малочисленных народов, чье природопользование не противоречит глобальным биосферным законам (еще) отношении к природе.

В настоящее время отсутствует единое и общепринятое определение термина «традиционные (экологические) знания», т.к. исследователи данное понятие трактуют с разных позиций. Ch. Antweiler замечает, что в научном сообществе имеется 23 терминологических вариаций понятия «традиционные экологические знания» [8]. На наш взгляд, проблемное поле здесь создается из-за слияния в данном определении разных сфер жизнедеятельности коренных народов: от культуры, истории, этнографии до экологии, географии, экономики и т.п.

Согласно Конвенции о биологическом разнообразии, традиционные знания есть знания, нововведения местных и коренных общин во всем мире, развитое в результате опыта, сформированного на протяжении многих столетий, и приспособленное к местной культуре и окружающей среде, традиционные знания передаются традиционными путем от поколения к поколению ... в форме историй, песен, фольклора, пословиц, культурных ценностей, верований, ритуалов, законов общины, местного языка... [3]. В данной статье традиционные экологические знания понимаем как знания об окружающей среде, проистекающих из опыта традиционной культуры и природопользования определенной группы коренного населения, чья образ жизни и практическая деятельность

тесно связаны с использованием ресурсов живой природы [6].

Международным Союзом охраны природы выделено 5 признаков «ощутимых благ традиционных экологических знаний» [4]:

- они могут давать новое экологическое понимание;

- правила, разработанные для управления ресурсами и усиленные социальными и культурными нормами, позволяют использовать их как управленческий инструмент;

- применение знаний может быть эффективным в управлении особо охраняемыми природными территориями, когда их структура позволяет продолжать традиционное природопользование и при этом получать пользу от охраны природы, а также в экологическом образовании;

- коренные народы своими знаниями о ресурсах и природных системах способны повысить успешность развития особо охраняемых природных территорий;

- традиционные экологические знания о местных ресурсах полезны при оценке воздействия на окружающую среду.

В настоящее время типизацию традиционных экологических знаний принято рассматривать на основе традиционного природопользования коренных малочисленных народов. При этом в любую классификацию включены фактические данные, основанные на непосредственных наблюдениях, достоверность которых всегда может быть проверена, а также ценностные ориентиры, которые принимаются во внимание при управлении ресурсами, оценке наносимого ущерба с целью предотвращения нарушения баланса в системе «природа–человек». Рассмотрим более подробно некоторые из них.

О.А. Мурашко классифицирует на основе хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов различные виды традиционных знаний [4]:

- о способах использования природных ресурсов и форм хозяйственной деятельности (оленоводство, рыболовство, речной, озерный и морской зверобойный промысел, мясная и пушная охота, соби­рательство дикорастущих растений);

- о территориях с биологическими ресурсами (популяции животных, виды и свойства культурных и дикорастущих съедобных и лекарственных растений);

- об особенностях хозяйственного освоения различных территорий, а также природно-климатических зон;

- о традиционной системе самоуправления, обеспечивающей долговременность использования возобновляемых природных ресурсов посредством передачи эко-

логически и этнически значимой информации, таких как традиционный хозяйственный календарь, способы лова, период сбора и обработки продукции, навыков в изготовлении орудий труда и предметов домашнего обихода, промысловых запретов, системы изъятий из хозяйственного оборота участков территории в виде священных, запретных для посещения зон, формы распределения угодий и продукции, домашние ремесла, правила воспитания детей.

В проекте «Сохранение и устойчивое использование биоразнообразия на территории полуострова Таймыр, Россия: поддержание взаимосвязи ландшафтов» выделено три основных типа данных, получаемых от коренного населения в качестве традиционных экологических знаний [6]:

S-data (systemdata) – объективные данные (наблюдения в природе). Применяются для естественнонаучных исследований: зоологических, ботанических, климатических, ландшафтно-экологических и др. Эти знания коренного населения об окружающей природной среде могут быть интерпретированы учеными с точки зрения современной научной проблематики.

P-data (perceptiondata) – субъективные данные, отражающие особенности восприятия окружающего мира коренным населением с точки зрения его традиционной культуры. Эти данные в большинстве случаев используются для гуманитарных исследований, т.к. отражают иную модель мировосприятия, свойственную человеку традиционного общества и отличную от научной картины мира.

T-data (traditionaltechnologies – knowhow) – традиционные технологии – комплекс практических знаний и навыков, дающих возможность человеку традиционного общества существовать в окружающей его природной среде – кормящем ландшафте (рис. 1).

Подтипы рассмотренных видов традиционных экологических знаний отражают следующее содержание:

- фактические сведения о природной среде – эмпирические наблюдения за животными, погодой и др.;

- сведения о биоресурсопользовании (охоте, рыболовстве, оленеводстве и др.): местах, сроках, способах и количестве используемых биоресурсов;

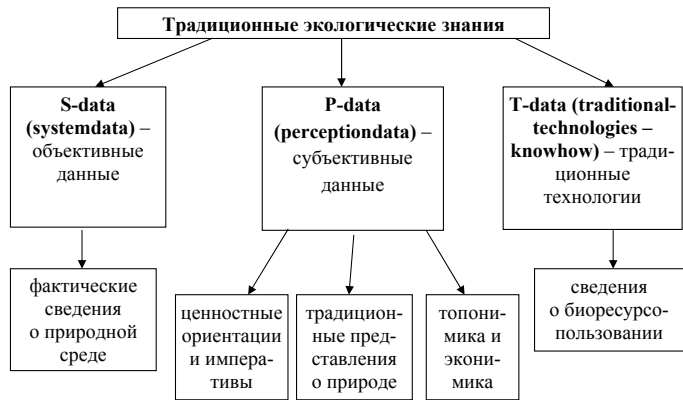

Рис. 1. Типизация традиционных экологических знаний коренных малочисленных народов (составлена автором по проекту «Сохранение и устойчивое использование биоразнообразия на территории полуострова Таймыр, Россия: поддержание взаимосвязи ландшафтов», 2012).

- ценностные ориентации и императивы, регулирующие экологическое поведение коренного населения;

- традиционные представления о природе и месте в ней человека, возникшие, как правило, на традиционной мифологической основе;

- топонимика; названия животных, растений, явлений погоды, типов снежного покрова и т.д. [6].

Отметим, что изучение и использование традиционных знаний должно быть ориентировано на каждый регион в отдельности, т.к. во-первых, существенно могут отличаться условия природной среды данной местности, а, во-вторых, присутствие специфических черт каждого этноса в отдельности. Следовательно, для сохранения устойчивого природопользования на территории региона необходимо выработать оптимальные сбалансированные условия, при которых будет обеспечено воспроизводство и охрана природно-ресурсного потенциала, т.е. гармонизация взаимоотношений общества и природы за счет развития хозяйственной деятельности в пределах экологической емкости биосферы.

Из рис. 2 видно, что традиционные экологические знания могут применяться при проведении экологической экспертизы, т.е. для установления соответствия документов по реализации какой-либо хозяйственной или иной деятельности в местах проживания коренных народов. Мониторинг окружающей природной среды предполагает проведение в установленные сроки (квартал, месяц, год и др.) комплексных наблюдений за состоянием окружающей среды в экосистемах. Данные такого рода позволяет передавать качественную и истинную информа-

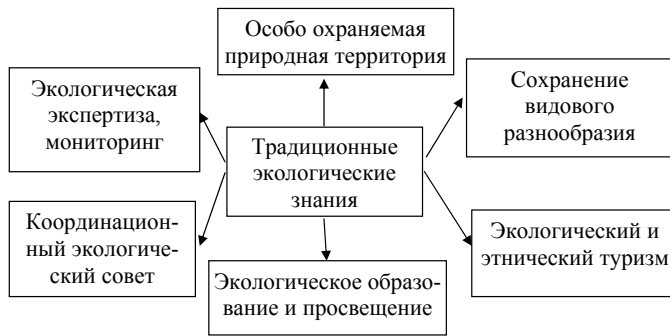

Рис. 2. Сферы использования традиционных экологических знаний коренных малочисленных народов.

цию в научные и управленческие структуры с целью дальнейшего их анализа.

В результате предлагается использовать традиционные экологические знания при создании особо охраняемых природных территорий. Знание коренных народов природных условий данных участков местности позволит описать ландшафт территорий, рекреационные ресурсы, тем самым оптимизируя работу по сбору информации. В дальнейшем малые народности могут быть наделены полномочиями общественных инспекторов для проведения рейдовых осмотров территорий с целью выявления и пресечения нарушений законодательства в области охраны окружающей среды. Это, на наш взгляд, будет способствовать сохранению природных комплексов и объектов, имеющих особое природоохранное, научное, культурное, эстетическое, рекреационное и оздоровительное значение.

Особое внимание должно уделяться традиционным экологическим знаниям малочисленных народов при работе Координационных экологических советов, когда на заседаниях принимаются решения по выделению рыбопромысловых участков для любительского и промышленного рыболовства, а также охотничьи угодья; предлагаются схемы контроля за лесозаготовками на арендованных площадях. Традиционные экологические знания также могут применяться при разработке документов по сохранению видового биологического разнообразия, а именно для определения сроков охоты, орудий лова, видов и объемов рыбных и охотничьих ресурсов.

Приоритетным направлением является развитие экологического туризма. На наш взгляд, роль коренных малочисленных народов здесь колоссальна: они могут выступать и в качестве гидов по местности, и в качестве принимающих сторон, и в качестве «учителей» по выживанию в условиях сурового климата. Предполагается, что

турист попадает в абсолютно изолированную от индустрии среду и приспосабливается к жизни внутри природы. Такой подход, во-первых, позволит туристу познать окружающую среду во всем ее многообразии: познакомиться с новыми биологическими ресурсами (животный и растительный мир), овладеть орудиями лова, проанализировать табу и ограничения при ведении хозяйственной деятельности. Для малых народностей такой подход позволит сохранить свою самобытную

культуру и развивать традиционное природопользование на территориях, унаследованных от их предков.

Особое значение должно уделяться формированию экологической культуры населения на основе включения традиционных экологических знаний в процесс образования и просвещения. Именно их экологическое сознание, мышление, поведение позволят описать взаимодействие с природой не с точки зрения потребителя, а с позиции индивида природной среды.

Для того, чтобы данные аспекты могли учитываться в практике управления природопользования, необходимо разработать механизм включения традиционных экологических знаний в этот процесс (рис. 3).

Из рис. 3 видно, что для включения традиционных экологических знаний коренных малочисленных народов в сферу принятия управленческих решений в местах их проживания, необходимо четко сформулировать задачи, направленные на решение проблемы. В этот процесс необходимо вовлечь не только научное, бизнес-сообщество и административное управление, но и представителей малых народностей, владеющих знаниями неистощительного природопользования. Следовательно, тогда поставленная задача может решаться с разных позиций. Главное условие – это обоснование выдвигаемых решений и рассмотрение рисков с целью предотвращения экологического ущерба природной среде. Далее коллегиально принимается решение и отдается на экспертизу (надзорные и контролирующие органы) с целью оценки качества принятого решения. При успешном ее прохождении принимается положительное заключение; в случае отказа проводится установочное совещание о причинах отклонения и определяется дальнейшее направление по решению данного вопроса. Такой подход, на наш взгляд, будет способствовать вовлечению коренных малочисленных народов

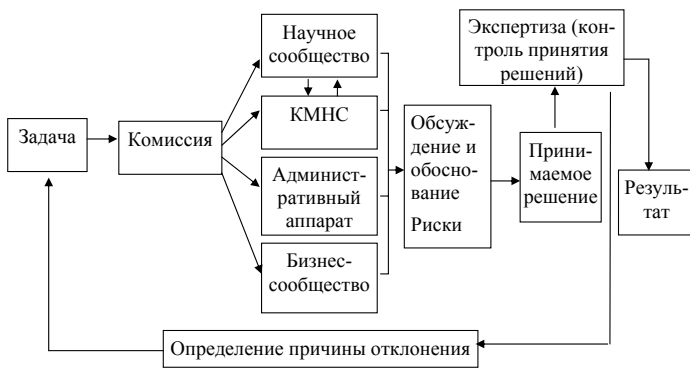

Рис. 3. Механизм включения традиционных экологических знаний коренных малочисленных народов при принятии управленческих решений в сфере управления природопользованием.

в управление экосистемами, а также интеграции научных знаний с традиционными. В отдельных случаях, это позволит экономить средства на постоянное проведение полевых экологических исследований.

Как итог сказанного могут быть сформулированы рекомендации по применению традиционных экологических знаний коренных малочисленных народов в сфере охраны окружающей среды, управления природопользованием, развития экологического туризма, а также идей экологического образования и просвещения для регионов.

1. Со-менеджмент земельными и природными ресурсами: управление особо охраняемыми природными территориями в местах проживания коренных малочисленных народов; разработка региональных программ рационального природопользования земельными и природными ресурсами.

Список литературы:

- [1] Борейко В.Е. Прорыв в экологическую этику / 3-е изд. – Киев: Изд-во Киевский эколого-культурный центр, 2003. – 228 с.
- [2] Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. – Л.: Гидрометеоздат, 1990. – 33 с.
- [3] Конвенция о биологическом разнообразии. – 1992. – Интернет-ресурс. Режим доступа: http://www.lesozavod2.ru/downloads/fsc/konv_o_biolog_gaznoobr.pdf
- [4] Мурашко О.А. Значение традиционных знаний для устойчивого развития коренных народов: пособие по сбору, документированию и применению традиционных знаний для организаций коренных народов. – М.: 2007. – 60 с.
- [5] Никитчук К. А. Традиционные экологические знания коренных малочисленных народов в контексте коэволюционного развития общества и природы // Проблемы региональной экологии. – 2015, № 1. – С. 99–101.
- [6] Проект ПРООН/ГЭФ «Сохранение и устойчивое использование биоразнообразия на территории полуострова Таймыр, Россия: поддержание взаимосвязи ландшафтов». – Интернет-ресурс. Режим доступа: <http://www.ethnoexpert.ru/gu/undp-taimyr.html>
- [7] Рудский В.В., Стурман В.И. Основы природопользования: учебное пособие для студентов вузов. – М.: Аспект Пресс, 2007. – 271 с.
- [8] Antweiler Ch., Mersmann Ch. Local Knowledge and Cultural Skills as Resources for Sustainable Forest Development. – Eschborn: BNZ, Germany, 1996. – 50 p.

2. Подготовка нормативно-правовых документов, а также региональных программ в области сохранения видового биологического разнообразия; в определении видов, объемов, сроков добычи объектов животного мира и водных биологических ресурсов; при распределении участков для любительского и промышленного рыболовства.

3. Проведение мониторинга состояния окружающей среды на определенной территории с целью оценки степени ее изменений с учетом интеграции традиционных

экологических знаний коренных малочисленных народов и научных знаний.

4. Образовательные процессы в средней и высшей школе, центрах дополнительного образования с привлечением к участию представителей коренных малочисленных народов.

5. Приглашение представителей малых народностей в состав Координационных экологических советов для участия в принятии решений по итогам заседания.

6. Развитие экологического туризма в местах проживания коренных малочисленных народов.

Такой подход, во-первых, позволит развивать традиционное природопользование малых народностей на территории региона; во-вторых, сохранять уникальность этнического состава региона; в-третьих, организовать устойчивое природопользование, способствующее со-развитию общества и природы.

ГЛОБАЛЬНЫЙ ЭКОЛОГИЧЕСКИЙ КРИЗИС: МИФЫ И РЕАЛЬНОСТЬ

УДК 556.55:504.4

ББК 26.226.6

С.А. Кондратьев, М.В. Шмакова, А.Ю. Брюханов, Е.Ф. Чичкова, Е.Г. Маркова

ОЦЕНКА ВОЗМОЖНОГО СНИЖЕНИЯ БИОГЕННОЙ НАГРУЗКИ, СФОРМИРОВАННОЙ НА РЕЧНОМ ВОДОСБОРЕ, В РЕЗУЛЬТАТЕ ВНЕДРЕНИЯ НАИЛУЧШИХ ДОСТУПНЫХ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Предложена модель формирования биогенной нагрузки на водосборе, учитывающая вклад как точечных, так и рассредоточенных (диффузных) источников естественного и антропогенного происхождения. Выполнен расчет биогенной нагрузки на Финский залив со стороны водосбора реки Луги в современных условиях. Дана оценка возможного снижения нагрузки в результате внедрения в сельскохозяйственное производство наилучших доступных технологий обращения с органическими и минеральными удобрениями

Ключевые слова:

биогенная нагрузка, математическая модель, наилучшие доступные технологии.

Кондратьев С.А., Шмакова М.В., Брюханов А.Ю., Чичкова Е.Ф., Маркова Е.Г. Оценка возможного снижения биогенной нагрузки, сформированной на речном водосборе, в результате внедрения наилучших доступных сельскохозяйственных технологий // Общество. Среда. Развитие. – 2016, № 1. – С. 92–99.

- © Кондратьев Сергей Алексеевич – доктор физико-математических наук, зам. директора, Институт озерадения Российской академии наук (ИНОЗ РАН), Санкт-Петербург; e-mail: kondratyev@limno.org.ru
- © Шмакова Марина Валентиновна – кандидат технических наук, научный сотрудник, Институт озерадения Российской академии наук (ИНОЗ РАН), Санкт-Петербург; e-mail: m-shmakova@yandex.ru
- © Брюханов Александр Юрьевич – кандидат технических наук, Институт агроинженерных и экологических проблем сельскохозяйственного производства, Санкт-Петербург; e-mail: sznii@yandex.ru
- © Чичкова Елена Федоровна – кандидат географических наук, Центральный научно-исследовательский и опытно-конструкторский институт робототехники и технической кибернетики (ЦНИИ РТК), Санкт-Петербург; e-mail: chichkova@rtc.ru
- © Маркова Елена Геннадьевна – научный сотрудник, Институт озерадения Российской академии наук (ИНОЗ РАН), Санкт-Петербург; e-mail: adelmonamour@mail.ru

Целью настоящего исследования является:

– разработка математической модели формирования биогенной нагрузки на водосборе, позволяющей оценивать изменения выноса биогенных веществ в зависимости от оптимизации сельскохозяйственной деятельности;

– модельная оценка снижения нагрузки за счет использования наилучших доступных технологий (НДТ) обращения с органическими и минеральными удобрениями на примере водосбора реки Луги.

Интегральным показателем оптимизации деятельности сельхозпредприятий является использование в их деятельности наилучших доступных технологий (НДТ). 1 января 2015 года вступил в силу Федеральный закон Российской Федерации

№ 219-ФЗ от 21 июля 2014 года «О внесении изменений в Федеральный закон “Об охране окружающей среды и отдельные законодательные акты Российской Федерации”», предусматривающий внедрение наилучших доступных технологий (НДТ). Основные положения закона соответствуют принципам применения НДТ в странах ЕС. Применительно к сельскохозяйственному производству внедрение НДТ включает оптимизацию следующих технологий [7, с. 22]: кормление животных; содержание животных; удаление, хранение, переработка навоза; использование органических удобрений. В разделах кормления животных и использования органических удобрений затрагиваются вопросы эффективного использования минеральных удобрений, которые должны стыковаться

с НДТ и вести к рациональному использованию питательных веществ. Средством количественной оценки эффективности внедрения НДТ может служить математическая модель формирования биогенной нагрузки на водосборе, описывающая интенсивность источников биогенных веществ и воздействие сельскохозяйственных технологий их на миграцию в пределах рассматриваемой территории.

Модель формирования биогенной нагрузки от точечных и рассредоточенных источников на водные объекты разработана на основе отечественного и зарубежного опыта моделирования выноса биогенных веществ с водосборных территорий, поступления биогенных веществ в водоемы [4, с. 253; 5, с. 50–59; 8, с. 337], а также рекомендаций ХЕЛКОМ по оценке нагрузки на водные объекты бассейна Балтийского моря [10, с. 80]. Основой разработки является модель формирования биогенной нагрузки на водные объекты *ILLM – Institute of Limnology Load Model* [5, с. 50–59], разработанная в Институте озерадения РАН – ИНОЗ РАН и модифицированная в соответствии с требованиями решаемой задачи, а также метод оценки биогенной нагрузки, сформированной сельхозпредприятиями, предложенный специалистами Института агроинженерных и экологических проблем сельскохозяйственного производства – ИАЭП [7, с. 22].

Модель предназначена для количественной оценки биогенной нагрузки, сформированной точечными и рассредоточенными источниками загрязнения, и прогнозом ее изменения под влиянием возможных антропогенных и климатических изменений. Модель ориентирована на существующие возможности информационного обеспечения со стороны системы государственного мониторинга водных объектов Росгидромета, а также структур государственной статистической отчетности о сбросах сточных вод и сельскохозяйственной деятельности на водосборах РФ.

Нагрузка общим фосфором и общим азотом на водоем-водоприемник (L) со стороны водосбора рассчитывается как сумма биогенной нагрузки на гидрографическую сеть водосбора, сформированную сельхозпредприятиями (L_{agr}), и нагрузку, сформированную естественными и антропогенными ландшафтами, не подверженными в настоящее время сельскохозяйственному воздействию (L_c). Кроме того, в формировании нагрузки принимают участие точечные источники загрязнения, сбрасывающие свои стоки в гидрографическую сеть

(L_{pl}) и непосредственно в водоем-водоприемник (L_{p2}):

$$L = (L_{agr} + L_c + L_{pl})(1-R) + L_{p2}, \quad (1)$$

где R – безразмерный коэффициент удержания гидрографической сетью водосбора. Все остальные члены уравнения (1) имеют размерность [т/год].

Нагрузка, сформированная на полях сельхозпредприятий, рассчитывается по методу, предложенному специалистами ИАЭП [7, с. 22] для использования в условиях северо-запада России. Расчетная зависимость имеет следующий вид:

$$L_{agr} = \frac{K_2 K_3 K_4 K_5}{1000} \times \sum_i A_i (M_{soil i} K_1 + (\alpha_1 M_{min i} + \alpha_2 M_{org i}) K_6) \quad (2)$$

где $M_{soil i}$, $M_{min i}$ и $M_{org i}$ – содержание биогенного вещества в пахотном слое почвы, а также дозы внесения минеральных и органических удобрений на поля i -го сельхозпредприятия [кг/га]; A_i – площадь угодий i -го сельхозпредприятия [га]; α_1 – коэффициент, учитывающий усвоение минеральных удобрений сельхозкультурами; α_2 – коэффициент, учитывающий усвоение органических удобрений сельхозкультурами; K_1 – коэффициент, характеризующий вынос биогенных веществ из пахотного слоя почв; K_2 – коэффициент удаленности контура сельскохозяйственных угодий от гидрографической сети; K_3 – коэффициент, характеризующий тип почв (по происхождению); K_4 – коэффициент, характеризующий механический состав почв; K_5 – коэффициент, учитывающий структуру сельхозугодий, т.е. соотношение площадей пашни, многолетних трав, лугов, пастбищ; K_6 – коэффициент, учитывающий использование наилучших доступных технологий (НДТ) применения органических и минеральных удобрений. Все коэффициенты безразмерные, их значения, рекомендованные для использования при расчетах биогенной нагрузки с сельхозугодий северо-запада России, приведены в табл. 1.

Рассредоточенная нагрузка от естественных и антропогенных ландшафтов, не подверженных в настоящее время сельскохозяйственному воздействию (L_c – в формуле (1)) формируется за счет эмиссии биогенных веществ из почв и атмосферных выпадений на поверхность водосбора. Расчетная зависимость имеет вид:

$$L_c = \sum_j C_j y_j A_j / 1000, \quad (3)$$

где C_j – средние концентрации биогенного вещества в стоке с j -го типа подстила-

**Значения коэффициентов
для уравнения (1)**

Коэффициент	$N_{\text{общ}}$	$P_{\text{общ}}$
α_1	0,3	0,03
α_2	0,1	0,02
K_1	0,03	0,008
K_2 (от 50 до 500 м)	0,6	0,6
K_2 (от 500 до 2000 м)	0,2	0,2
K_2 (более 2000 м)	0,1	0,1
K_3 (дерново-подзолистые почвы)	1	1
K_3 (карбонатные почвы)	1,2	1,4
K_3 (торфянистые почвы)	0,8	1
K_4 (тяжелые глинистые и суглинистые почвы)	1	1
K_4 (легкие супесчаные и песчаные почвы)	1,8	2
K_5 (крупный рогатый скот)	0,46	0,37
K_5 (растениеводство)	0,88	0,76
K_5 (птицеводство)	0,46	0,37
K_5 (свиноводство)	0,46	0,37
K_6 (без НДТ)	1	1
K_6 (с использованием НДТ)	0,25	0,1

ющей поверхности [$\text{мг/дм}^3 = \text{г/м}^3$], y_j – слой стока с рассматриваемых типов подстилающей поверхности [мм/год], A_j – площади рассматриваемых типов подстилающей поверхности [км^2]. Ориентировочные значения C_j , экспериментально полученные в условиях северо-запада России и востока Финляндии, представлены в табл. 2.

Таблица 2

Концентрации [мг/дм^3], $P_{\text{общ}}$ и $N_{\text{общ}}$ в первичных звеньях гидрографической сети для различных типов подстилающей поверхности [1, с. 166–171; 2, с. 81–87; 11, с. 95–107]

Подстилающая поверхность	Поля и луга*	Естественные леса и болота	Урбанизированная территория	Смешанные и заброшенные земли
$P_{\text{общ}}$	0,08	0,05	0,20	0,12
$N_{\text{общ}}$	3,1	0,7	2,3	1,4

* За исключением используемых в настоящее время сельхозугодий

Достаточно высокие значения концентраций биогенных веществ в стоке с урбанизированных территорий представляют вклад рассредоточенного сельского населения, не имеющего подключения к канализационным сетям и очистным сооружениям, в биогенную нагрузку на водосборе. Аналогичный подход к оценке влияния рассредоточенного сельского населения на формирование нагрузки использован в работе специалистов из Германии [9, с. 111–122].

Очевидно, что для оценки нагрузки от точечных источников, расположенных на крупных водосборах, необходим значительный объем исходной информации о произведенной продукции, технологических особенностях производства, водопотреблении, технологии очистки сточных вод и т.д. При этом объемы, состав и динамика сбросов загрязненных сточных вод определяются технологическими, социально-экономическими и другими факторами, не всегда имеющими научное объяснение. Естественно возникновение трудностей при сборе такого рода данных и выполнении последующих расчетов. Поэтому, как правило, при разработке моделей формирования нагрузки на водные объекты вклад точечных источников описывается приближенно на основе официальной отчетной статистической информации о проведенных сбросах и в соответствии с официальными перспективными планами совершенствования системы очистки сточных вод на рассматриваемых предприятиях. Несанкционированные и нерегулярные сбросы могут быть учтены только при наличии достоверной информации, что случается крайне редко. В настоящее время основным официальным источником информации о сбросах сточных вод являются статистические формы 2ТПВодхоз Министерства природных ресурсов и экологии. Данные, содержащиеся в этих формах, приводятся с годовым осреднением, что накладывает соответствующие ограничения на расчетные схемы и математические модели, в которых эти данные используются.

Как правило, большая часть биогенных веществ, поступивших на водосбор от различных источников, не достигает замыкающих створов крупных рек, так как удерживается различными звеньями гидрографической сети. Для расчета коэффициента удержания R в формуле (1) используются следующие эмпирические формулы [5, с. 50–59; 9, с. 111–122; 8, с. 337]:

$$R = \left(1 - \frac{1}{1 + aq^b}\right), \quad (4)$$

где q – модуль стока [$\text{л/км}^2 \text{сек}$]; a и b – безразмерные эмпирические параметры, значения которых приведены в табл. 3. Значение модуля стока q связано со слоем стока y [мм/год] эмпирическим соотношением $q = 0,03171y$.

**Значения эмпирических параметров
в формуле (4) [9, с. 111–122]**

Вещество	Площадь водосбора	a	b
P	Для всех водосборов	26,6	-1,71
	<1000 км ²	41,4	-1,93
	1000 – 10000 км ²	21,7	-1,55
	>10000 км ²	28,9	-1,80
N	Для всех водосборов	6,9	-1,10
	<1000 км ²	3,5	-1,01
	1000 – 10000 км ²	5,8	-0,96
	>10000 км ²	7,9	-1,03

С использованием уравнения (4) оценивается удержание химических веществ русловой сетью в зависимости от характеристик стока и размеров водосбора. Для определения гидрологических характеристик водосбора (слоя стока, расхода воды) заданной вероятности превышения могут быть использованы их аналитические или эмпирические кривые распределения. Альтернативным способом определения гидрологических характеристик, влияющих на формирование биогенной нагрузки на водные объекты, является использование гидрологической модели, позволяющей рассчитывать слой стока и расходы воды в зависимости от конкретных гидрометеорологических параметров [4, с. 253]. Последующее использование статистического генератора метеоэлементов (модели погоды) в качестве генерирования продолжительных рядов осадков и температуры воздуха, а затем их использования в качестве входной информации при моделировании стока, позволит рассчитать функции распределения стоковых характеристик, как это делается, например, в работе [6, с. 36].

Фоновая (естественная, природная) нагрузка биогенными веществами формируется за счет их выноса с необрабатываемых земель и части выноса с обрабатываемых земель, которая происходит независимо от сельскохозяйственной деятельности. Для оценки фонового выноса биогенных веществ в соответствии с рекомендациями ХЕЛКОМ [10, с. 80] можно использовать следующие подходы:

- использование математических моделей;
- мониторинг небольших естественных водосборов.

При проведении расчета фоновой нагрузки на водосбор из рассмотрения исключаются все антропогенные источники загрязнения (точечные сбросы, внесение минеральных и органических удобрений, эмиссию с сельскохозяйственных и урбанизированных территорий). Таким обра-

зом, фоновая составляющая биогенной нагрузки на водный объект L_{nat} [т/год], сформированная естественными источниками, определяется следующим образом:

$$L_{nat} = (1 - R)C_{nat} y A / 1000, \quad (5)$$

где C_{nat} – средняя концентрация биогенного вещества в стоке с естественной подстилающей поверхности [мг/дм³], y – слой стока [мм/год], A – общая площадь водосбора [км²].

С использованием предложенной модели выполнены расчеты биогенной нагрузки на Финский залив, сформированной на водосборе р. Луги. Луга является третьим по площади водосбора и стоку притоком Российской части Финского залива и протекает по южной части водосбора залива. Площадь водосбора в створе г. Кингисепп составляет 12200 км², его схема представлена на рис. 1.

Водосбор р. Луга находится на Русской равнине, густота речной сети здесь достигает 0,70 км/км². Это обширная волнистая моренная равнина с группами моренных холмов и плоских озёрно-ледниковых впадин. Древние ложбины стока заняты руслами рек. Междуречные пространства заболочены, болота занимают в среднем 15% территории. Почвообразовательный процесс способствует выносу органического вещества и биогенных элементов с водосбора в гидрографическую сеть, но моренный рельеф и наличие озёрно-ледниковых впадин приводят к удержанию мигрирующих в ландшафте веществ в пределах водосборов.

Нагрузка от точечных источников по данным 2ТПВодхоз в 2013 г. на водосборе р. Луги составила 72,6 тР/год и 244,5 тN/год.

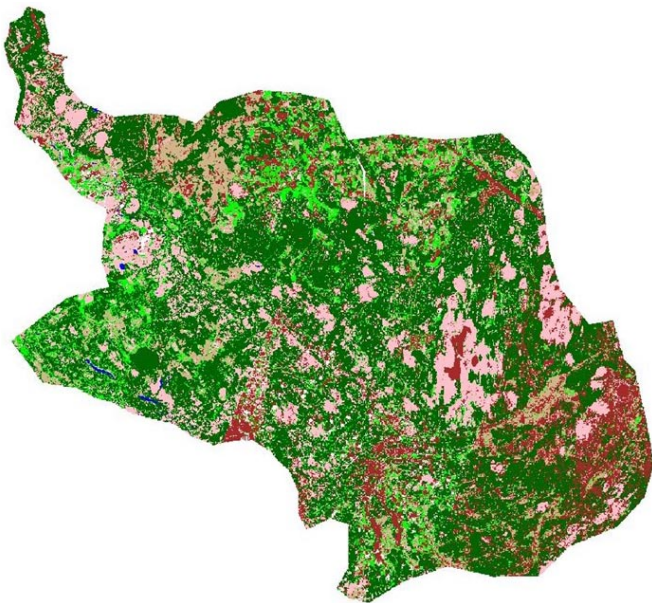
Расчет рассредоточенной биогенной нагрузки, сформированной на сельхозпредприятиях и в личных подсобных хозяйствах, выполнен специалистами ИАЭП на основе использования уравнения (2). Результаты расчетов этой составляющей антропогенной нагрузки представлены в табл. 4, из которой следует, что в результате внедрения НДТ в сельскохозяйственном производстве нагрузка от сельхозпредприятий на гидрографическую сеть водосбора снизится от 94,33 тР/год и 1738,8 тN/год до 87,77 тР/год и 1505,8 тN/год, т.е. на 7,0% и 13,4% соответственно относительно современного уровня. Полученные данные использовались затем в качестве входной информации для выполнения последующих расчетов суммарной нагрузки на основе изложенной выше модели.

Результаты расчетов, представленные в табл. 4, получены на основе исходных данных по официальной статистике за 2014 год и применения частных методик.

Рис. 1. Схема водосбора р. Луги

Тип	Цвет
1	Dark Green
2	Light Green
3	Brown
4	Pink
5	Dark Red
6	Blue

Рис. 2. Результаты идентификации типов подстилающей поверхности водосбора реки Луга, Landsat-8, 2014–2015 гг. (1 – лес; 2 – поле; 3 – луг; 4 – болото; 5 – урбанизированные зоны, свалки и заброшенные земли; 6 – вода)

Результаты расчёта биогенной нагрузки сельхозпредприятиями на гидрографическую сеть водосбора р. Луги в современных условиях и в предположении об использовании НДТ обращения с органическими и минеральными удобрениями

Наименование предприятия	Тип	Численность животных	Площадь, га	N, т/год	P, т/год	N (НДТ), т/год	P (НДТ), т/год
ЗАО «ПЗ «Ленинский путь»	КРС	1863	2363	17,2	1,11	14,9	1,04
ЗАО ПЗ Торосово	КРС	1722	1745	12,9	0,83	11,0	0,77
ЗАО Сумино	КРС	1730	1255	9,6	0,60	8,0	0,55
ЗАО Кикерино	КРС	133	85	0,7	0,04	0,6	0,04
ФГУ ГЗ Северо-Западная МИС	Р		233	3,8	0,22	2,9	0,21
ЗАО «Агрокомплекс Оредеж»	П	1157324	2990	75,2	4,12	63,4	3,76
ЗАО Орлинское	КРС	1405	1000	25,1	1,35	21,2	1,25
СПК «Мичуринский»	Р		700	33,9	1,92	26,4	1,80
ОАО «Новый мир»	КРС	73	50	1,6	0,10	1,3	0,09
ООО «Правда»	КРС	872	883	26,3	1,71	22,4	1,55
СПК «Оредежский»	КРС	1513	2758	78,8	5,25	69,0	4,85
ЗАО «Новое время»	КРС	950	1133	27,7	1,56	23,8	1,42
ООО «Шереметьево»	КРС	854	1476	63,4	4,02	55,5	3,71
ЗАО «Скреблово»	КРС	1547	2987	70,9	4,06	62,2	3,75
ЗАО ПЗ «Рапти»	КРС	2173	2000	50,0	2,79	42,3	2,52
ЗАО ПЗ «Рапти»	СВ	1600	766	17,5	1,03	15,8	0,96
ЗАО Искра	КРС	517	1039	23,9	1,35	21,5	1,30
ЗАО Черново	КРС	1658	1334	39,5	2,51	33,7	2,34
ЗАО Гатчинское	КРС	1464	1463	42,4	2,72	36,8	2,56
ЗАО «ППФ Войсковицы»	П	809000	1600	50,2	3,16	41,2	2,82
ОАО «ПЗ Пламя»	КРС	2575	2000	14,9	0,94	12,7	0,88
ОАО «ПЗ Пламя»	СВ	7822	1247	8,5	0,57	7,7	0,55
ЗАО Нива – I	Р		2320	37,5	2,22	29,2	2,09
ГУ ОПХ Суйда	КРС	513	2108	56,8	3,79	51,9	3,68
ООО «Семеноводство»	Р		146	14,2	0,39	11,0	0,37
ЗАО «Прибрежное»	КРС	1005	1990	87,3	5,42	75,2	4,99
АНО «Новая жизнь»	Р		18	0,3	0,01	0,2	0,01
ЗАО «Падога»	Р		60	3,2	0,08	2,5	0,08
ЗАО «Котельское»	КРС	2629	3584	26,8	1,72	22,7	1,58
ООО «Калливери»	Р		1	0,0	0,00	0,0	0,00
ЗАО «Ополье»	КРС	2712	3556	26,6	1,71	22,6	1,56
ЗАО «ПЗ «Агро-Балт»	КРС	3301	4726	35,2	2,27	29,9	2,08
ЗАО Ущевицы	КРС	1190	1610	11,7	0,75	10,1	0,71
ОАО Труд	КРС	1989	2913	21,0	1,36	18,3	1,28
ОАО Остроговицы	КРС	2379	2870	20,9	1,35	18,1	1,26
ГП ОПХ Калозицы	КРС	1379	2407	17,1	1,12	15,1	1,05
ОАО СП «Сяглицы»	КРС	470	808	5,8	0,38	5,1	0,35
ООО «Семена Северо-Запада»	Р		520	6,7	0,24	6,1	0,23
ЗАО Октябрьское	Р		850	11,0	0,38	10,0	0,37
ЗАО Гомонтово	КРС	2873	3276	24,0	1,54	20,7	1,44
ООО «АгроИнтер»	Р		30	0,4	0,01	0,4	0,01
ЗАО ПЗ Рабитицы	КРС	3372	3269	24,3	1,55	20,7	1,44
ОАО «Ударник»	КРС	2319	2920	21,2	1,37	18,4	1,28
ООО «Волна»	КРС	657	500	15,3	0,96	12,8	0,88
ЗАО «Осьминское»	КРС	2080	2494	54,9	3,44	47,2	3,13
ОАО «Партизан»	КРС	1584	1566	70,0	4,35	59,5	3,94
Прочие хозяйства		7115	42678	452,9	15,95	404,2	15,24
Сумма			118327	1738,8	94,33	1505,8	87,77

КРС – крупный рогатый скот, СВ – свиноводство, Р – растениеводство, П – птицеводство

98 Важным показателем при расчете биогенной нагрузки, сформированной сельхозпроизводством, является содержание $P_{\text{общ}}$ и $N_{\text{общ}}$ в навозе, образующимся при ведении животноводства и птицеводства. Поэтому расчеты, представленные в табл. 4 произведены по методике определения годового выхода навоза/помета и его качественных характеристик, учитывающей современных технологий содержания животных и систем удаления навоза [3, с. 78–85].

Существенные проблемы при моделировании выноса биогенных веществ с крупных водосборов возникают в связи с необходимостью достоверного определения площадей различных типов подстилающей поверхности, которые характеризуются различными значениями эмиссии азота и фосфора в стекающие дождевые и талые воды, а также используются при вычислении значений L_c в уравнении (1). В настоящей работе для оценки указанных площадей применялись данные космической съемки, находящиеся в режиме свободного доступа. Использование архива снимков космического аппарата (КА) Landsat-8 Геологической службы США (USGS – United States Geological Survey) [http://earthexplorer.usgs.gov] обусловлено двумя обстоятельствами: КА Lansat – 8 – современная космическая система среднего пространственного разрешения, доступ к этому архиву является бесплатным. В архиве представлена весьма обширная коллекция съемки, включая и территорию России.

Идентификация различных типов подстилающей поверхности водосбора реки Луга проведена по данным КА Landsat-8 30-метрового пространственного разрешения для рассматриваемого водосбора в период малооблачной погоды (менее 20%) 2014–2015 гг. Процедура идентификации представляла собой распознавание интересующих объектов с применением различных методов обработки спутниковых снимков. В настоящей задаче использовался метод классификации, представляющий собой процесс отнесения изображенных на снимке пикселей к определенному классу с помощью выделения существенных спектральных, геометрических и текстурных признаков, характеризующих эти объекты. Для распознавания типов поверхностей использовались данные семи каналов КА Landsat-8 (видимого и ближнего инфракрасного диапазонов съемки). Идентифицировались следующие типы подстилающей поверхности в соответствии с легендой (рис. 2): 1 – леса; 2 – поля; 3 – луга; 4 – болота; 5 – урбанизированные зоны, свалки и заброшенные территории; 6 – водные объекты.

Белым цветом обозначены участки облачности. Результаты количественной оценки площадей для всех идентифицированных типов подстилающей поверхности, которые использовались в расчетах по модели, представлены в табл. 5.

Таблица 5

Площади различных типов подстилающей поверхности водосбора реки Луги, полученные в результате дешифрирования космических снимков

Тип подстилающей поверхности водосбора	Площадь, км ²
Леса	7195,7
Поля	1963,1
Луга	1260,1
Болота	2661,4
Урбанизированные зоны, свалки, заброшенные земли	1396,6
Водная поверхность	263,5

Расчитанная по модели биогенная нагрузка на Финский залив, сформированная на водосборе реки Луги, составляет 269,0 тР/год и 4192,8 тN/год (табл. 6). При этом фоновая компонента нагрузки составляет 130,8 тР/год и 1823,7 тN/год Сравнение результатов моделирования с данными мониторинга СЗУ Росгидромета на реке Луге (створ г. Кингисепп) показывает удовлетворительное соответствие (табл. 6). Как было показано ранее (табл. 2) в результате внедрения НДТ в сельскохозяйственном производстве нагрузки от сельхозпредприятий на гидрографическую сеть водосбора снизится на 6,56 тР/год и 233,0 тN/год. Однако на суммарный вынос биогенных веществ со стоком реки Луги и нагрузки на Финский залив влияние НДТ будет еще менее заметным – всего лишь на 3,9 т/год по фосфору и 139,7 т/год по азоту. Что объясняется влиянием на результаты моделирования коэффициента удержания R , входящего в уравнение 1.

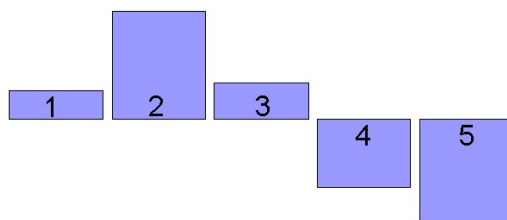

Рис. 3. Факторы, определяющие фосфорный сток Луги: 1 – нагрузка от точечных источников (72.6 тР/год), 2 – рассредоточенная эмиссия с поверхности без учета сельхозугодий (279.9 тР/год), 3 – нагрузка с сельхозугодий (94.3.0 тР/год), 4 – удержание гидрографической сетью (177.8 тР/год), 5 – вынос в Финский залив (269.0 тР/год)

Таблица 6

Вынос $P_{\text{общ}}$ и $N_{\text{общ}}$ (т/год) р. Лугой (створ г. Кингисепп) и рассчитанная биогенная нагрузка на Финский залив, сформированная на водосборе Луги

	$P_{\text{общ}}$	$N_{\text{общ}}$
Нагрузка 2012 г. по данным СЗУ Росгидромета	524	4417
Нагрузка 2013 г. по данным СЗУ Росгидромета	137	4086
Рассчитанная по модели нагрузка для средней водности года	269,0	4192,8
Рассчитанная нагрузка с применением НДТ для средней водности года	265,1	4053,1
Рассчитанная фоновая нагрузка для средней водности года	130,8	1823,7

Представленные результаты позволяют сделать вывод о том, что внедрение НДТ в сельскохозяйственное производство на водосборе Луги не позволит кардинально снизить нагрузку на Финский залив со стороны изучаемого объекта. Сравнительная оценка основных факторов, определяющих вынос фосфора с водосбора Луги, показана на рис. 3, из которого видно, что наибольший вклад в нагрузку вносит эмиссия фосфора с поверхности водосбора, не подверженной сельхоз обработке. Кроме того, вынос биогенных веществ с действующих сельхозугодий определяется, согласно уравнению (2), не только внесением органических и минеральных удобрений, но и накопленным за много лет запасом биогенных веществ в почве.

Список литературы:

- [1] Алябина Г.А., Сорокин И.Н. Миграция фосфора и органического вещества в системе «водоем–водосборная площадь» // Экологическая химия. – 1997, № 6 (3). – С. 166–171.
- [2] Алябина Г.А., Сорокин И.Н. Особенности формирования внешней нагрузки на водные объекты в урбанизированных ландшафтах // Изв. РГО. – 2001, № 133 (1). – С. 81–87.
- [3] Брюханов А.Ю., Шалавина Е.В., Васильев Э.В. Методика укрупненной оценки суточного и годового выхода навоза/помета // Молочнохозяйственный вестник. – 2014, № 1 (13). – С. 78–85.
- [4] Кондратьев С.А. Формирование внешней нагрузки на водоемы: проблемы моделирования. – СПб.: Наука, 2007. – 253 с.
- [5] Кондратьев С.А., Казмина М.В., Шамова М.В., Маркова Е.Г. Метод расчета биогенной нагрузки на водные объекты // Региональная экология. – 2011, № 3–4. – С. 50–59.
- [6] Кондратьев С.А., Шамова М.В., Уличев В.И. Детерминировано-стохастическое моделирование стока и биогенной нагрузки на водные объекты (на примере Финского залива Балтийского моря). – СПб.: Нестор-История, 2013. – 36 с.
- [7] Разработать методику и выполнить расчет диффузной нагрузки азота, фосфора на водосбор при ведении сельскохозяйственной деятельности и потенциала ее снижения при использовании НДТ в сельском хозяйстве / Отчет о НИР. – ИАЭП РАН, 2015. – 22 с.
- [8] Behrendt H., Dannowski R. Nutrients and heavy metals in the Odra River system. – Weissensee Verlag Publ., Germany, 2007. – 337 p.
- [9] Behrendt H., Opitz D. Retention of nutrients in river systems: dependence on specific runoff and hydraulic load // Hydrobiologia. – 1999, № 410. – P. 111–122.
- [10] Guidelines for the compilation of waterborne pollution to the Baltic Sea (PLC-water). – Helsinki: HELCOM, 2005. – 80 p.
- [11] Rekolainen S. Phosphorus and nitrogen load from forest and agricultural areas in Finland // Aqua Fennica. – 1989, № 19 (2). P. 95–107.

Таким образом, в результате выполненного исследования достигнут определенный прогресс в развитии моделирования формирования биогенной нагрузки на речном водосборе, а именно – в решении одной из основных проблем моделирования природных систем – «переходе от точки к площади». В предложенной расчетной схеме проведено объединение модели формирования нагрузки на единичном сельхозпредприятии (аналог точечной модели) и модели формирования нагрузки на водосборе сложной структуры и значительной площади.

На примере водосбора р. Луги показано, что большая часть нагрузки на изучаемом объекте формируется за счет высокого содержания биогенных веществ в почвах, подвергавшихся или ранее подвергавшихся антропогенному воздействию (действующие и заброшенные поля, свалки, урбанизированные территории и др.). Указанный фактор воздействия на биогенную нагрузку можно отнести к категории «накопленного экологического ущерба». На улучшение ситуации за счет естественного выноса биогенных веществ со стоком может уйти несколько десятилетий.

Использование НДТ в сельскохозяйственном производстве оказывает максимальное позитивное воздействие на состояние локальных водных объектов, расположенных в непосредственной близости от удобряемых полей. По мере увеличения площади водосбора и удаления расчетного створа от конкретного объекта, где внедряются НДТ, достигнутое снижение нагрузки становится все менее заметным.

РЕКОНСТРУКЦИЯ ФОРМИРОВАНИЯ ОЗЕР И БОЛОТ ВИШТЫНЕЦКОЙ ВОЗВЫШЕННОСТИ (КАЛИНИНГРАДСКАЯ ОБЛАСТЬ) И ИХ СЕДИМЕНТАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ*

Выполнена реконструкция формирования озер Виштынецкой возвышенности и их седиментационных процессов, основанная на результатах литологического и радиоуглеродного анализов донных отложений озер, а также модели рельефа. Выделено 3 группы озер по их происхождению: 1) озера, образованные в межморенных и межжамовых понижениях в результате их затопления тальми водами; 2) озера, образованные в результате термокарстовых процессов, и 3) озера, образованные в долинах палеостоков. Озера первой группы расположены на высотах более 190 м, озера второй и третьей группы расположены ниже 190 м. Высказана гипотеза о большей площади пра-Виштынецкого озера в период позднего плейстоцена.

Ключевые слова:

Виштынецкая возвышенность, голоцен, донные отложения озер, Калининградская область, ледниковые озера, позднеледниковье, седиментация, формирование озер.

Кублицкий Ю.А., Харин Г.С., Субетто Д.А., Арсланов Х.А. Реконструкция формирования озер и болот Виштынецкой возвышенности (Калининградская область) и их седиментационных процессов // Общество. Среда. Развитие. – 2016, № 1. – С. 100–105.

- © Кублицкий Юрий Анатольевич – ассистент, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, Санкт-Петербург; e-mail: uriy_87@mail.ru
- © Харин Геннадий Сергеевич – доктор геолого-минералогических наук, профессор, главный научный сотрудник Атлантического отделения, Институт океанологии им. П.П. Ширшова РАН, Калининград; e-mail: kharings@mail.ru
- © Субетто Дмитрий Александрович – доктор географических наук, профессор, заведующий кафедрой физической географии и природопользования, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, Санкт-Петербург; директор института Водных проблем Севера, Петрозаводск; e-mail: subetto@mail.ru
- © Арсланов Хикмат Адиевич – доктор геолого-минералогических наук, кандидат химических наук, ведущий заведующий лабораторией геохронологии, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург; e-mail: arslanovkh@mail.ru

Изучение изменений природных обстановок прошлого является актуальным, поскольку знания о том, как будут трансформироваться те или иные геосистемы, могут быть получены только в результате исследования их изменений в прошлом. Данные о литологическом строении донных отложений озер позволяют выполнять палеогеографические реконструкции, а также изучать процессы седиментогенеза и изменения гидрологических режимов водных объектов в прошлом [5, с. 27–28]. В исследовании палеогеографии региона особое место занимает территория Виштынецкой холмисто-моренной гряды, как наиболее слабо изученной. Для реконструкции процессов осадконакопления были выбраны озера и болота, расположенные на разных

гипсометрических уровнях (рис. 1). В статье впервые представлены: литологическое описание озера Чистого и болота Шомбрух, цифровая гипсометрическая модель Виштынецкой возвышенности и реконструкция формирования палеобассейнов.

Методы исследования

Полевые исследования проводились с 2011 по 2015 год. Отбор кернов донных отложений осуществлялся торфяным буром (диаметр пробоотборника 7,5 см для верхних горизонтов и 5 см для более плотных нижних горизонтов и болота). На месте проводилось первичное визуальное литостратиграфическое описание, после чего каждая метровая колонка отложений помещалась в специальную пластиковую полутру-

* Исследования проводятся при финансовой поддержке РФФИ Мол_нр 15-35-50721; РГО-РФФИ 13-05-41457.

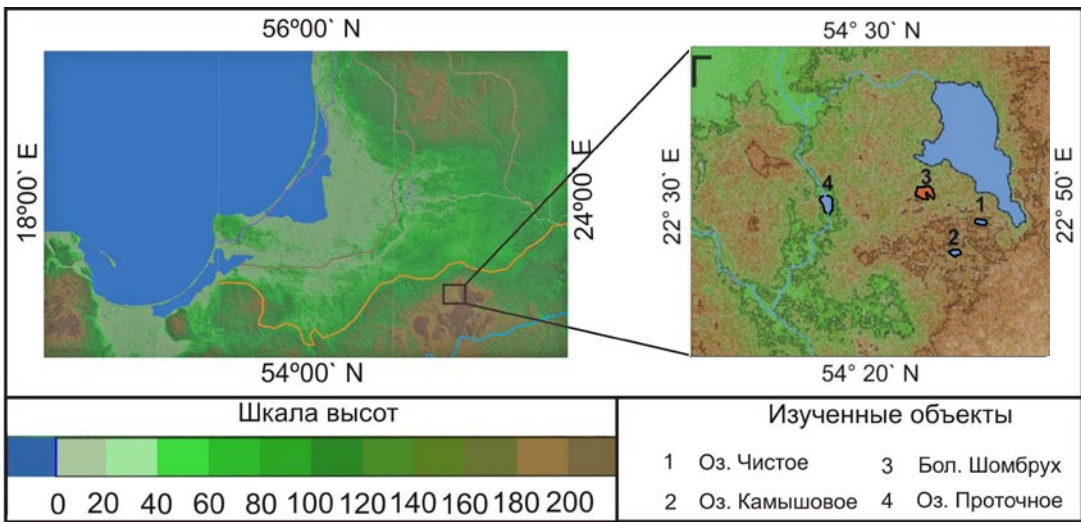

Рис. 1. Местоположение объекта исследования и стадии последнего оледенения [8, с. 4; 11, с. 42].

Таблица 1

Литостратиграфия изученных объектов

Оз. Чистое		Оз. Камышовое		Оз. Проточное		Бол. Шомбрух	
Мощность	Литология	Мощность	Литология	Мощность	Литология	Мощность	Литология
378–397	гиттия	225–350	гиттия	119–420	гиттия	0–454	верховой торф
397–405	глинистая гиттия	350–365	глинистая гиттия	420–424	глинистая гиттия	454–456	темный прослой
405–418	гиттия	365–845	гиттия	424–456	гиттия	456–608	разложившийся торф
418–426	гиттиевая глина	845–1010	глинистая гиттия	456–460	глинистая гиттия	608–614	пневый горизонт
426–460	гиттия	1010–1035	гиттиевая глина	460–664	гиттия	614–660	разложившийся торф
460–472	глинистая гиттия	1035–1075	глинистая гиттия	664–668	глинистая гиттия	660–663	прослой песка
472–636	гиттия	1075–1199	гиттиевая глина	668–772	гиттия	663–698	разложившийся торф
636–640	глинистая гиттия			772–776	глинистая гиттия	698–699	сцементированный прослой
640–649	гиттия			776–868	гиттия	699–719	песок
649–689	глинистая гиттия			868–930	глинистая гиттия	791–740	глина
689–700	гиттия			930–934	гиттиевая глина		
700–704	детритовая гиттия			934–946	глинистая гиттия		
704–742	гиттиевая глина			946–950	гиттия		
				950–960	торф		
				960–962	гиттиевая глина		
				962–965	торф		
				965–983	песок		

бу для транспортировки. В лабораторных условиях проводилось детальное описание, отбор проб, радиоуглеродный анализ и анализ потерь при прокаливании (ППП) по стандартным методикам [12, с. 290–291]. Для определения типа донных отложений была применена классификация по содержанию органического вещества: при ППП менее 2% – глина, 2–6% – гиттиевая глина, 6–20% – глинистая гиттия и более 20% – гиттия [9, с. 3]. Цифровая модель рельефа создана с использованием программ Global Mapper 16 и Golden Software Surfer 13.

Результаты исследования

Литостратиграфия. Визуальное литологическое описание и хронологическая привязка донных отложений озера Камышового и Проточного опубликованы ранее [2, с. 181–183; 3, с. 3; 4, с. 248–250]. Литологическая классификация типов донных отложений, основанная на содержании органического вещества в осадках рассматриваемых озера и визуальное описание вскрытой толщи болота Шомбрух представлены в табл. 1.

Геохронология. Подробная хронологическая привязка осуществлена только для оз. Камышового [2, с. 183]. Для оз. Проточного существует одна радиоуглеродная дата нижнего горизонта, позволяющая установить время начала формирования озерных отложений (табл. 2). Донные отложения озера Чистого пока не датированы, однако сопоставление его литологического строения с литологией отложений оз. Камышового, позволяет утверждать, что они имеют схожие черты (рис. 2), что позволяет сделать предварительный вывод о формировании бассейнов в одно и то же время.

По результатам датирования были рассчитаны средние скорости осадконакопления табл. 2.

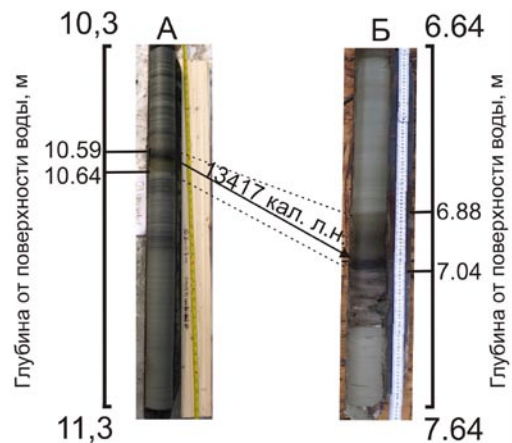

Рис. 2. Фотографии корреляция кернов донных отложений оз. Камышового (А) и оз. Чистого (Б).

Обсуждение результатов

Исследуемые объекты находятся на разных гипсометрических уровнях (табл. 2) в непосредственной близости друг от друга. Расстояние между наиболее удаленными объектами (оз. Проточное и оз. Чистое) не превышает 8 км. Тем не менее, нижние части разрезов донных отложений различаются между собой, что говорит о различии в их формировании. Озера Камышовое и Чистое, расположенные на высоких гипсометрических отметках 192 и 207 соответственно, имеют схожее строение: нижняя часть кернов донных отложений представлена серой гиттиевой глиной, с темно-бурым прослоем гиттии на глубинах 1060–1064 см (оз. Камышовое) и 689–704 см (оз. Чистое). Данный прослой гиттии имеет возраст 13714 кал. л.н. и его формирование соотносится с потеплением аллерёда [6, с. 128], из чего следует, что озера сформировались раньше 14000 л.н., т.е. в раннем дриасе (рис. 3). Исследуемая

Таблица 2

Сводные данные изученных объектов

Объект и координаты точек пробоотбора	Абсолютная высота, м	Мощность отложений, см	Датированный горизонт, см	Лабораторный номер	Возраст, С14 л.н.	Возраст, кал. л.н.	Средняя скорость осадконакопления, мм/год
Оз. Проточное 52° 24 122` N 22° 36 458` E	153	864	831–841	SPb_1223	10300±100	12101	0,71
Оз. Камышовое 54° 22 605` N 22° 42 790` E	192	975	838–839	POZ-60940	11600±60	13417	0,62
Оз. Чистое 54° 38 834` N 22° 72 679` E	207	372	340–344	–	–	13417 ?	0,25 ?
Бол. Шомбрух 54° 24 207` N 22° 40 622` E	187	740	720–730	LU-7260	8620±210	9774	0,71

территория освободилась ото льда порядка 16,5 тыс. кал. л.н. [8, с. 28], что позволяет нам предположить, что начало седиментации началось в период 16,5–14 тыс. л.н.

Однако условия осадконакопления рассматриваемых озер отличаются: позднеледниковые отложения оз. Камышового обогащены гидротроилитом (темные прослои на рис. 2), а отложения озера Чистого обогащены карбонатными включениями. Указанные отличия связаны с различными условиями седиментации: карбонатные отложения, которые можно наблюдать в нижней части керна оз. Чистое, как правило, формируются при слабо щелочных условиях, гидротроилит формируется при низких значениях pH и в анаэробных условиях. Таким образом, озеро Камышовое и озеро Чистое образовались после отступления ледника в понижениях моренных гряд, с момента их возникновения и до наступления аллередского потепления в озерах преобладал аллохтонный тип седиментации, для которого характерно преобладание минерального осадконакопления над органогенным в условиях холодного

климата и перигляциальной растительности. С наступлением аллереда происходит изменение в строении донных отложений с гиттиевой глины на гиттию, что связано с увеличением роли органического вещества в формировании донных отложений. Формирование отложений с большим содержанием органического вещества связывают с улучшениями климатических обстановок. Около 12700 кал. л.н. [6, с. 129] происходит смена в строении отложений с более органогенной гиттии на более минеральную гиттию, что говорит об усилении роли аллохтонного вещества в процессе осадконакопления, связанного с похолоданием позднего дриаса. В начале голоцена (11700–11000 кал. л.н.) в составе донных отложений начинает увеличиваться доля органического вещества и с бореального периода накапливаются преимущественно гиттии.

Оценка скорости осадконакопления в оз. Чистом показала, что она примерно в 2,5–3 раза ниже, чем в оз. Камышовом. Данный факт может быть объяснен следующими причинами: 1) пробоотбор проводился в

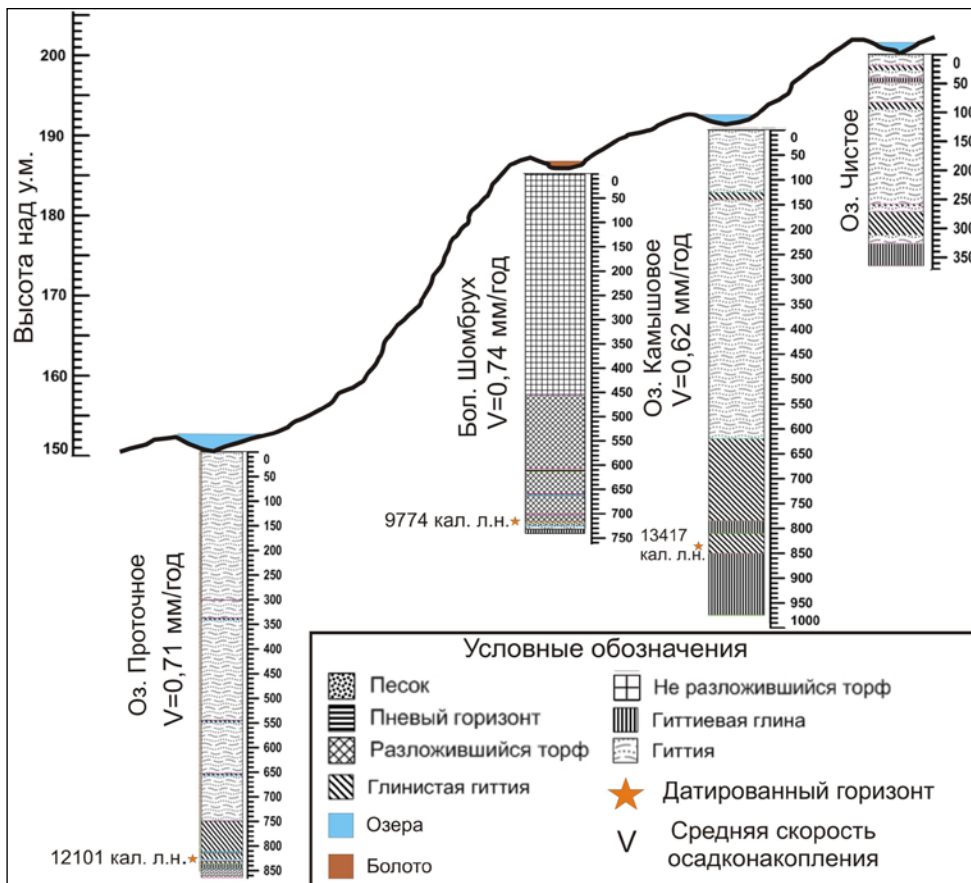

Рис. 3. Литология, хронология и скорость седиментации донных отложений озера Виштынецкой возвышенности.

непосредственной близости от берега, в то время как максимальная мощность отложений, как правило, располагается на максимальных глубинах, на которых по техническим причинам не смогли совершить пробоотбор; 2) с увеличением абсолютной высоты уменьшается площадь водосборного бассейна, вследствие чего происходит уменьшение привнесенного в водоем материала.

Болото Шомбрух расположено в 2 км к западу от оз. Виштынецкое, на высоте 180 м над у.м. Нижняя часть разреза донных отложений болота Шомбрух представлена глиной, что говорит о принадлежности исследуемой котловины к озерно-ледниковому бассейну в позднеледниковье. Учитывая тот факт, что во время формирования глин гипсометрический уровень болота был на 7–8 м ниже современного (если вычесть мощность торфа, накопленного в голоцене), то можно предположить, что котловина болота могла быть затоплена водами пра-

Виштынецкого озера, гипсометрический уровень которого в настоящий момент составляет 172 м над у.м. [1, с. 4], а во время позднеледниковья мог его превышать и достигать отметки более 180 м (рис. 4 Б). Уровень воды Виштынецкого озера мог понизиться около 11690 кал. л.н. во время спуска Балтийского ледникового озера (Jakobsson et al. 2007), после чего в уже изолированном небольшом озере начали формироваться гиттии и торф (рис. 4 В). Прослой песка, залегающий на гиттиях и встречающийся также в нижних торфяных горизонтах, связан с этапами процесса дренирования и изоляции котловины болота от вод Виштынецкого озера. Семиметровая толща торфа, выходящая на дневную поверхность, сформировавшаяся за последние 9500 л.н.

Озеро Проточное расположено на высоте 153 м над у.м. Отложения нижней части разреза представлены торфом, залегающим

на песках с гравием, размерность которого увеличивается с глубиной. Подобная стратиграфия позволяет предположить два сценария образования озера: первый – объект образовался в результате таяния погребенного льда – подобный генезис озер распространен для рассматриваемого региона [10, с. 193], второй – объекты образовались в долине стока вод, образованных в результате таяния погребенного льда. Для рассмотрения второго сценария была создана цифровая модель рельефа (рис. 4), анализ которой позволяет предположить, что депрессия, расположенная южнее озера могла быть занята мертвым льдом (рис. 4, А). Потоки талой воды протекали в северном направлении

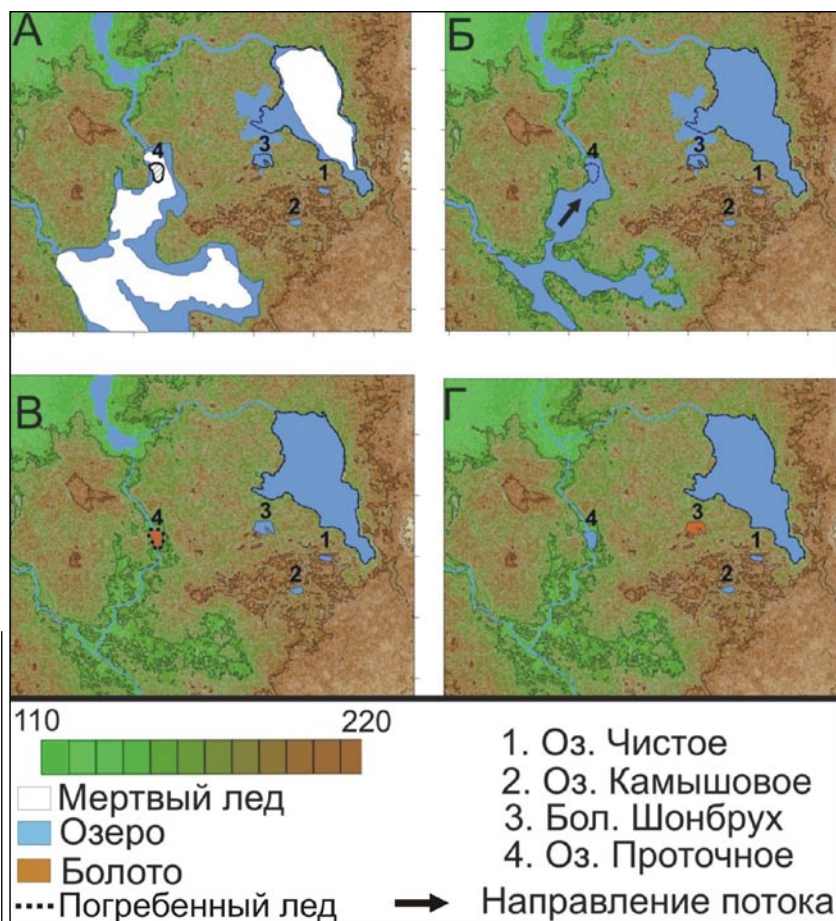

Рис. 4. Реконструкция формирования изученных озер Виштынецкой возвышенности. А – 14000–16000 кал. л.н.; Б – 12700–14000 кал. л.н.; В – 11700–12200; Г – 9774 кал. л.н. – настоящее время.

как раз через котловину озера (рис. 4, Б), так как таяние льда идет от периферии к центру, а озеро расположено как раз на периферии, то можно предположить, что песок с гравием, вскрытый нами, представляет собой аллювиальные отложения. После того, как мертвый лед растаял окончательно, начался постепенный процесс таяния погребенного льда, первая фаза которого обусловила формирование и заболачивание котловины озера (рис. 4, В) около 12101 кал. л.н. (10300 С14 л.н.), то есть на рубеже позднего плейстоцена и голоцена [6, с. 129]. Зная, что мощность торфа составляет всего 15 см, можно предположить, что болото существовала не продолжительное время – приблизительно, не более 50–100 лет. По мере таяния погребенного льда увеличивается глубина водоема, в результате чего происходит смена болотного типа осадконакопления на озерный. Таким образом, подтверждаются оба сценария генезиса озера.

Итак, все рассмотренные объекты Виштынецкой возвышенности возникли в поз-

днеледниковье. По происхождению упомянутые объекты можно разделить на три группы: непосредственно ледниковые озера (образованные в межморенных и межкармовых понижениях в результате их затопления тальми водами); озера, образованные в результате термокарстовых процессов и озера, образованные в долинах палеосток. Озера первой группы расположены на высоком гипсометрическом уровне. Начало седиментогенеза у этой группы озер началось с момента отступления ледника, в осадках раннего дриаса преобладает минеральная фракция – глины и гиттиевые глины. Отличительной особенностью наиболее древних озер является прослой гиттии возраста аллерета, залегающий в толще глин. Объекты, относящиеся ко второй и третьей группе расположены на высотах ниже 170 м, начало озерного седиментогенеза относится к переходу от плейстоцена к голоцену, отложения нижней части вскрытой колонки представлены торфом, залегающим на песках.

Список литературы:

- [1] Виштынецкое озеро: природа, история, экология / Орленок В.В., Барина Г.М., Кучерявый П.П., Ульяшев Г.А. – Калининград: Изд-во КГУ, 2001. – 212 с.
- [2] Кублицкий Ю.А., Субетто Д.А., Дружинина О.А., Арсланов Х.А., Сходнов И.Н.. Палеоклиматическая реконструкция изменений природно-климатических обстановок в конце плейстоцена и голоцене в Юго-Восточной части Балтийского региона по данным литологического анализа и динамике потерь при прокаливании // Общество. Среда. Развитие. – 2014, № 2. – С. 179–184.
- [3] Кублицкий Ю.А., Субетто Д.А., Дружинина О.А., Мастерова Н.Н., Сходнов И.Н. Реконструкция природно-климатических изменений в Юго-Восточной части Балтийского региона в голоцене по результатам исследования донных отложений озера Проточного (Калининградская область) // Электронный журнал Open Bull (Open Scientific Bulletin). – 2014, № 2. – Интернет-ресурс. Режим доступа: <http://openbull.com>
- [4] Кублицкий Ю.А., Субетто Д.А., Дружинина О.А., Арсланов Х.А. Использование модели скорости осадконакопления и данных потерь массы при прокаливании для определения особенностей седиментогенеза озер Виштынецкой возвышенности (Калининградская область) // Геология морей и океанов: материалы XXI Международной научной конференции (школы) по морской геологии. Т.1. – М.: ГЕОС, 2015. – 228 с.
- [5] Субетто Д.А. Донные отложения озер: палеолимнологические реконструкции. – СПб.: РГПУ им. А. И. Герцена, 2009. – 348 с.
- [6] Druzhinina O., Subetto D., Stančikaitė M., Vaikutienė G., Kublitsky J., Arslanov Kh., 2015. Sediment record from the Kamyshovoe Lake : history of vegetation during late Pleistocene and early Holocene (Kaliningrad District, Russia) // Baltica. – Vilnius, 2015, № 28 (2). – P. 121–134.
- [7] Jakobsson M., Björck S.Alm G., Andrén T., Lindeberg G., Svensson N. Reconstructing the Younger Dryas ice dammed lake in the Baltic Basin // Bathymetry, area and volume. Global and Planetary Change. – 2007, № 57. – P. 355–370.
- [8] Hughes A.L.C., Gyllencreutz R., Lohne Ш.С., Mangerud J., Svendsen J. I. The last Eurasian ice sheets – a chronological database and time-slice reconstruction, DATED-1 // Boreas. – Stockholm, 2016, № 45. – P. 1–45.
- [9] Miettinen A., Savelieva L., Subetto D., Dzhinoridze R., Arslanov Kh., Hyvarinen H. Palaeoenvironment of the Karelian Isthmus, the easternmost part of the Gulf of Finland, during the Litorina Sea stage of the Baltic Sea history // Boreas. – Oslo, 2007. – P. 1–18.
- [10] Nalepka D., Jurochnik A. Late Glacial and Holocene plant cover in Węgliń, Lubsza Plain, south-west Poland, based on pollen analysis // Acta Palaeobotanica. – Krakow, 2013. – P. 191–233.
- [11] Raukas A. Wojciech T.J. Stankowski and others, Chronology of the last deglaciation in the Southeastern Baltic region on the basis of recent OSL dates // Geochronometria. – Vilnius, 2010, № 36. – P. 47–54.
- [12] Santisteban, J.I., Mediavilla R., Lypez-Pamo E., Dabrio C. J., Zapata M.B.R., Garcia M.J.G., Castano S., Martinez-Alfaro P.E. Loss on ignition: a qualitative or quantitative method for organic matter and carbonate mineral content in sediments // Journal of Paleolimnology. – 2004, № 32. – P. 287–299.

ОПЫТ ФИНЛЯДИИ В ВОВЛЕЧЕНИИ НАСЕЛЕНИЯ В ГОРОДСКОЕ ПЛАНИРОВАНИЕ

На основе изучения результатов исследований отечественных и зарубежных ученых с использованием исторического, картографического и сравнительно-географического методов исследования рассматриваются лучшие практики и опыт Финляндии в вопросе участия общества в управлении развитием территорий и современные тенденции в пространственном планировании. Выявлены преимущества участия для различных стейкхолдеров, новые методы вовлечения населения, передовые технологии с использованием сети Интернет и интерактивных карт. Анализируется текущая ситуация в России, определяются основные сложности, стоящие на пути к открытой и гибкой системе планирования. Даются рекомендации по совершенствованию методов участия. Сделаны выводы о необходимости развития культуры участия и использовании комплекса различных методов. Далее анализируются набирающие популярность новые неформальные инструменты городского планирования, подходящие на смену старым бюрократическим способам.

Ключевые слова:

градостроительство, гражданское общество, пространственное планирование, Финляндия.

Федулова С.И. Опыт Финляндии в вовлечении населения в городское планирование // Общество. Среда. Развитие. – 2016, № 1. – С. 106–110.

© Федулова Светлана Игоревна – магистр географии, аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург; e-mail: Svetlana.kholiavko@gmail.com

В условиях развития в России демократических процессов и строительства гражданского общества все актуальнее становится участие общественности в принятии государственных решений, касающихся будущего развития территорий и обеспечения комфортной городской среды.

В настоящее время во многих странах происходит переосмысление роли государства и гражданского общества в пространственном планировании и городском развитии. Идеи равенства, социальной справедливости, диалога, широкого участия оказывают влияние на существующее понимание сути и процесса планирования [15].

Считается, что планирование должно исходить из достаточно глубокого понимания разнообразных процессов и обширных знаний в экологической, экономической, технологической и социальной сферах [6; 7]. Возможно, именно здесь наиболее ощутимо преимущество участия большого числа действующих лиц. Необходимость постоянного обсуждения политики планирования, консультаций и переговоров с парт-

нерами по процессу планирования ведет к широкому взаимобмену знаниями, давая возможности всем участникам накапливать новые знания и совершенствовать навыки. Структурная организация знаний, т.е. соединение знаний, получаемых из различных источников, дает новые знания.

Во всех странах ЕС развитие систем пространственного планирования движется в сторону открытости и гибкости, граждане превращаются из пассивных потребителей в активных участников процессов принятия управленческих решений.

Постепенно в роль пространственного планирования входит координация взаимодействий властей, бизнеса и заинтересованных людей путем предоставления площадок для обмена информацией, знаниями и опытом, для общения, переговоров и поиска консенсуса.

Основные преимущества многосторонней коммуникации для всех участников процесса заключаются в повышении качества принимаемых решений и планов развития, соблюдении баланса между обще-

ственными и частными интересами и разрешении конфликтных ситуаций, пока они не приняли критического характера. Городские власти имеют возможность глубже понимать социальный контекст и повысить уровень доверия горожан, их лояльности. Жители реализуют лидерский и творческий потенциал, изменяя свой город к лучшему, получают адекватную систему реагирования на их потребности и проблемы.

При всех очевидных преимуществах множество консультаций, необходимость рассмотрения предложений и замечаний, тщательный анализ полученной информации несут финансовые и временные издержки [11]. Определенные трудности представляет достижение разнообразия участников, их оптимального состава, а также возрастающая сложность и объем работы планировщиков [13].

В целом, в европейских странах на данный момент оптимальной считается система, в которой главным разработчиком стратегий и планов развития являются городские власти, широко привлекаются внешние эксперты и консультанты, представители бизнеса и общественности, а также жители планируемой территории и все остальные заинтересованные лица.

Интерес к странам Европейского Союза [4], и, в частности, к Финляндии, как к источнику «вдохновения» или «лучшей практики» можно объяснить достигнутым ею уровнем экономического развития, развитой инновационной политикой, высоким уровнем жизни населения и экологически благоприятной средой обитания на фоне ведения активной региональной политики, поддерживающей развитие конкурентных преимуществ региона.

Финская система городского планирования достаточно сильно централизована и оставляет не так много возможностей для участия общественности, хотя это и записано в «Законе о землепользовании и строительстве» [10; 14]. Хотя планирование всегда осуществлялось «для» граждан, степень, с которой оно осуществляется «с» гражданами, претерпевает сильные изменения [12]. Восприятие гражданами своей роли в обществе меняется в плане чувства ответственности за то, что происходит в их стране, городе и ближайшем окружении, а также в том, что общество от них ожидает. За последние несколько лет общественная деятельность заметно активизировалась и принимает различные формы: от партизанского садоводства с целью озеленения определенных городских участков и появления уличных ресторанов в обход бюрократических процессов до самостоятельно

выдвинутых инициатив городского планирования и возрождения местного сообщества. Это особенно заметно в крупных городах, в частности, в Хельсинки [9].

В разных городах Финляндии используются разные методы участия. До сих пор во многих городах доступны только публичные слушания и письменные обращения, которые уже считаются неудобными, но формально обязательными [11]. Но даже к ним доступ в некоторых городах ограничен, например, в Вантаа, а в некоторых, например, в Тампере, двери открыты для всех [8]. По большей части это зависит от политической воли глав городов. Получает распространение широкий спектр таких методов, как семинары, мастер-классы, дискуссионные сессии, круглые столы, участие через обучение (лекции), интернет-опросы, краудорсинговые платформы, однако привлечение различных групп участников все же недостаточно. Личное присутствие в определенном месте в определенное время сужает число участников [11].

Весомым критерием в эффективном двустороннем взаимодействии является обеспечение свободного доступа к информации о планировании развития территории. Во многих муниципалитетах Финляндии в каждый дом присылаются красочные буклеты о планируемом развитии территории, содержащие информацию о проектах, времени и месте публичных слушаний. Проекты с целью получения мнений и отзывов также могут выставляться на всеобщее обозрение в помещении департамента городского планирования, в университете, на официальном сайте, а зачастую и в непосредственной близости от планируемой территории, например, в библиотеке [2].

Положительной практикой считается обеспечение участия с самого начала процесса планирования. Лучшие из полученных идей используются в качестве отправной точки для планирования. Другими словами, работа идет не над готовым документом, как это часто бывает в России, а начинается с определения проблем территории и возможных направлений ее развития.

С точки зрения применения передовых практик и технологий, интересен пример разработки Городского плана Хельсинки (Helsinki City Plan), окончание которой запланировано на 2016 г. План продвигает концепцию компактного города в ответ на ожидаемое увеличение численности населения на 250 тыс. чел. к 2050 г. [11]. На начальном этапе утверждается рабочая программа, регламент участия и оценки и концепция развития города до 2050 г. На каждом этапе планирования любые за-

интересованные горожане могут принять участие во время определенных консультационных периодов, в зависимости от этапа используются различные методы участия. Для информирования широкой общественности проводятся тематические семинары, при создании проекта плана наиболее активные и компетентные горожане участвуют в творческих мастерских.

Особую ценность представляет масштабный опрос населения с использованием сети Интернет, с которого начался этап разработки плана. В короткие сроки были охвачены разные возрастные категории населения, в т. ч. молодежь и люди трудоспособного возраста, разные группы по ценностям и интересам, например, автолюбители и собаководы, в целом значительно увеличено число участников по сравнению с традиционными методами. Собранные данные были преобразованы в высококачественную информацию – актуальную, точную и конкретную по размещению на территории.

Жителям предлагалось в течение месяца отмечать на интерактивной карте конкретные площадки и маршруты в соответствии со специально разработанными вопросами, такими как возможность строительства нового жилья и офисов, обязательное сохранение территорий в текущем виде, улучшение состояния рекреационных территорий, разработка пешеходных и велосипедных маршрутов и другие. Воспользовались этой возможностью 3745 жителей, отметили 32989 локаций на карте. Хотя это и меньше 1% населения Хельсинки, значительно расширилось число участников, обычно достигаемое при личном участии. Основные результаты были опубликованы в виде онлайн-отчета и сформировали исходные данные для дальнейшего планирования [11].

Такой подход, с одной стороны, позволил собрать множество мнений по оценке существующей ситуации и по перспективному развитию города, что повысило качество комплексного анализа территории, позволило понять ожидания людей и, возможно, предотвратит конфликтные ситуации на следующих этапах планирования [2]. С другой стороны, он привел к огромной работе по анализу новых данных в условиях еще не развитого для этого программного обеспечения и малого опыта работы проектировщиков с такими данными [11].

Конечно, активные формы гражданства и более широкое участие общественности не ограничиваются Финляндией или Северной Европой, а простираются по всему миру в различных масштабах, на разных скоростях и с разными приоритетами [9].

Рассмотрев современное состояние и тенденции развития в вопросе вовлеченности населения в процессы планирования за рубежом, можно обратиться к российской практике в данной сфере, которая пока еще только зарождается. Москва и Санкт-Петербург тоже развивают электронные способы взаимодействия с горожанами: появляется возможность высказать предложения и посмотреть результаты опросов по поводу разработки стратегий экономического и социального развития, создаются интерактивные карты, на которых можно отметить текущие проблемы благоустройства.

По Градостроительному кодексу РФ, публичные слушания являются единственной обязательной формой участия граждан в планировании развития городов. Существуют и другие возможные, но необязательные формы участия граждан, такие как собрания, конференции и опросы граждан, а также их обращения в органы местного самоуправления, но используются они крайне редко. Главным методом участия в области планирования развития территорий остаются публичные слушания. Однако считается, что сегодня публичные слушания – это управляемая бюрократическая процедура, направленная в основном на отторжение «неудобных» мнений граждан [1].

Большинство проектов по-прежнему делается в интересах кого угодно, только не жителей, то есть ни о каком поиске консенсуса речь не идет. Более того, из-за невозможности населения принять участие до начала планирования или на его ранних стадиях, интересы жителей представляют различные ветви власти, но, как показала практика, видение перспектив развития города у населения и власти, на которую оказывают влияние лоббисты, коррупционеры и застройщики, часто не совпадает. Более того, управленцами советской градостроительной школы оказывается серьезное сопротивление открытости процессов планирования и регулирования, потому что возможности для коррупции в этом случае резко снижаются [1].

Существуют сложности привлечения населения, объясняемые дефицитом доверия к политикам и институтам государства, низкой гражданской активностью, отсутствием интереса к общегородским проблемам, культуры участия [3]. В отличие от европейцев, многие россияне не верят, что чиновники учтут их мнение.

Самым главным препятствием в диалоге между представителями власти и горожанами является закрытость информации и ее сугубо профессиональная направленность и специфика, т.к. в обязательную

экспозицию для публичных слушаний по Градостроительному кодексу РФ не входят ни макеты, ни схемы существующей застройки, ни краткая текстовая информация, написанная доступным языком. Таким образом, рядовой житель не имеет представлений о планируемом будущем города, его интересы при разработке документов не учитываются [5].

Показательным примером является широко известный опыт публичных слушаний по генеральному плану Москвы, когда после пяти лет работы над документом был отведен всего один день на публичные слушания, и было получено 75 тыс. замечаний, из которых только одна треть относилась к рассматриваемым вопросам. Сложный язык документов, огромный объем текста и отсутствие наглядных материалов вкупе с недостаточными знаниями горожан, привели к таким результатам. А увеличение территории Москва в 2,4 раза через 2 года после принятия такого долгосрочного документа вообще поставило под вопрос его актуальность.

Анализ развития вовлеченности населения в процессы планирования в России показал, что, хотя существуют законодательно установленные возможности участия, они не используются в полной мере и реализуются формально, в основном, потому что не развиты демократические традиции и отсутствует культура участия у населения, а также перед заинтересованными гражданами встает множество преград со стороны властей.

Можно дать следующие рекомендации по совершенствованию методов участия в планировании: следует шире информировать людей о предстоящем планировании и вовлекать население в диалог до начала процесса планирования и по его ходу, обеспечить прозрачность планирования, дать возможность широким слоям населения, особенно молодежи, быть услышанными, осуществить поиск и популяризацию новых эффективных каналов коммуникации, таких как социальные опросы, Интернет, мастер-классы, семинары, участие через обучение, проводить публичные слушания на удобной для жителей площадке, используя доступные объяснения и наглядную и доходчивую визуализацию, таким образом, сочетая онлайн-овые и офлайн-овые инструменты.

Речь идет не об одноразовых акциях, а о масштабной планомерной систематической работе, которая требует глубоко продуманных эффективных управленческих решений.

Далее рассмотрим тенденции в развитии практики планирования. В Финлян-

дии предпринимаются попытки развить стратегическое пространственное планирование. Это объясняется тем, что существующая система планирования часто воспринимается как слишком формализованная и недостаточно гибкая для эффективного планирования, в основном, из-за высоких требований к процедуре планирования, а именно, к комплексному обследованию территории и ее оценке, длительных процедур участия, что приводит к высоким финансовым и временным затратам [15]. Всеохватный характер большинства планов землепользования вступает в противоречие со все более ограниченными ресурсами, поэтому процессы планирования оптимизируются посредством создания новых неофициальных инструментов стратегического пространственного планирования, не имеющих таких ограничений, но и не имеющих той законной силы, как законодательно установленные планы [13].

Примерами названий могут быть тематические генеральные планы, мастер-планы, стратегические схемы, схемы развития, структурные планы и другие [13; 15]. При их разработке используются специальные «фабрики мысли» (ad-hoc think tanks), «живые лаборатории» (living labs), расширенные сети взаимодействия ключевых представителей власти и стейкхолдеров, работающих над схемами развития, нанимаются опытные консультанты для координации работ, используются новые способы и методы концептуализации и визуализации городских структур и динамики. Тем самым, обходятся формальности системы законного планирования как в отношении процедуры планирования (кто запускает процесс, какие предполагаются этапы, кто вовлечен и как), так и градостроительной документации (в чем основа планирования, какой подготовительный материал используется, название плана). Однако использование неформальных инструментов планирования не обязательно исключает широкие, открытые и прозрачные процессы планирования. Напротив, иногда они могут быть гораздо более продвинутыми, чем если бы проводились в соответствии с минимальными законными требованиями. Особенность скорее в том, что в неформальных процессах планирования планировщики и представители власти принимают решение о степени и широте участия заинтересованных сторон [13]. Рассмотренные подходы комплексного стратегического пространственного планирования сейчас апробируются при создании Городского плана в Хельсинки, о котором уже шла речь.

В целом, все эти новые инициативы, практики и инструменты в планировании не заменили законную систему, но служат существенным дополнением к ней. Они основываются на государственно-частных партнерствах и часто расцениваются как примеры «нового городского управления», приходящие на смену старым бюрократическим способам [13; 15]. Однако считается, что в какой-то момент они должны войти в законодательно установленную систему планирования [13].

Что касается России, сейчас и москвичам предлагается поучаствовать в создании схожего плана – стратегического мастер-плана Москвы. Обычно в России общие стратегические цели и принципы развития территорий описываются в социально-экономических стратегиях, инструментами реализации которых должны выступать генеральные планы этих территорий. Однако их эффективность многие ставят под сомнение. Мастер-план находится вне этой системы. Московские власти решили создать рамочный, концептуальный документ как политический договор между горожанами и властью, на основе которого будет подготавливаться вся остальная градостроительная документация.

Изучение практики пространственного планирования в Финляндии позволяет нам

сделать вывод, что возможно весьма успешное развитие методов вовлечения населения в процессы планирования, и России следует перенимать положительный зарубежный опыт формирования открытой и гибкой системы пространственного планирования.

Успешность взаимодействия зависит от обеих сторон: готовности властей к диалогу с жителями и инициативы жителей быть равноправными участниками. Необходимо развивать культуру участия и использовать набор различных методов вовлечения населения на разных этапах планирования, чтобы интересы жителей были представлены наиболее полно.

Идеально было бы, чтобы весь цикл планирования, от комплексного анализа территории к видению будущего, проектированию, реализации и оценке, включал в себя официальные и неофициальные инструменты в виде различных планов, цифровые технологии и использование сети Интернет, а жители могли принимать участие с самого начала планировочного процесса.

Изучение, анализ и адаптация лучших мировых практик, тенденций и современных технологий в области пространственного планирования являются необходимым условием эффективного развития системы пространственного планирования и совершенствования ее методов в России.

Список литературы:

- [1] Антонов А.В. Публичные слушания в сфере градостроительного планирования: новый формат // Практика муниципального управления. – 2013, № 3. – С. 44–49.
- [2] Процесс планирования и участия. Отдел городского планирования в Хельсинки // www.hel.fi. – Интернет-ресурс. Режим доступа: <http://www.hel.fi/www/Helsinki/en/housing/planning/process/> (15.11.2015)
- [3] Рябев В.В. К вопросу о перспективах становления гражданского общества современной России // Общество. Среда. Развитие. – 2012, № 1. – С. 163–166.
- [4] Скатерщиков С.В., Чистобаев А.И. Принципы территориального планирования и их реализация в Европейском союзе и Российской Федерации // Балтийский регион. – 2014, № 1. – С. 137–148.
- [5] Трансформация города, или Пределы влияния горожан и власти. – Интернет-ресурс. Режим доступа: <http://urban.hse.ru/news/152695547.html> (14.01.2015)
- [6] Чистобаев А.И., Красовская О.В., Скатерщиков С.В. Территориальное планирование на уровне субъектов России. – СПб.: СПбГУ, НИП «ЭНКО», Издательский дом «Инкери», 2010. – 296 с.
- [7] Экологическая культура населения: взгляд петербуржцев / Под ред. А.И. Чистобаева. – СПб.: СПб НЦ РАН, ВВМ: 2005. – 216 с.
- [8] Bäcklund P., Mäntysalo R. Agonism and institutional ambiguity: Ideas on democracy and the role of participation in the development of planning theory and practice—the case of Finland // Planning Theory. Т. 9. – 2010, № 4. – P. 333–350.
- [9] Botero A. et al. Towards peer-production in public services: Cases from Finland. – 2012.
- [10] Horelli L. et al. When self-organization and urban governance intersect: Two cases from Helsinki // Planning Theory and Practice. Т. 23. – 2015, № 2. – P. 286–302.
- [11] Kahila-Tani M. et al. Let the Citizens Map – Public Participation GIS as a Planning Support System in the Helsinki Master Plan Process // Planning Practice & Research. – 2015. – P. 1–20.
- [12] Kalliomäki H. Reframing strategic spatial planning as a ‘coproductive trading zone’ between state-led and place-based interests: Reflections from Maryland and Finland // Land Use Policy. – 2015, Т. 42. – P. 113–123.
- [13] Mäntysalo R. et al. Legitimacy of Informal Strategic Urban Planning – Observations from Finland, Sweden and Norway // European Planning Studies. Т. 23. – 2015, № 2. – P. 349–366.
- [14] Mäntysalo R., Kangasojä J. K., Kanninen V. The paradox of strategic spatial planning: A theoretical outline with a view on Finland // Planning Theory & Practice. Т. 16. – 2015, № 2. – P. 169–183.
- [15] Mäntysalo R., Saglie I.L., Cars G. Between input legitimacy and output efficiency: Defensive routines and agonistic reflectivity in Nordic land-use planning // European Planning Studies. Т. 19. – 2011, № 12. – P. 2109–2126.

ПРОСТРАНСТВЕННАЯ СИМВОЛИКА КАК АРХЕТИПИЧЕСКОЕ ОСНОВАНИЕ КУЛЬТУРНОГО ЛАНДШАФТА

Статья посвящена исследованию культурного ландшафта с точки зрения анализа его смыслового наполнения, которое предложено трактовать как семантическое «тело» пространства города. Авторы разработали гипотетическую модель процесса определения и визуализации ментального конструкта образа города на основе аксиологической концепции культурного ландшафта и пространственной символики. Структура данной концепции построена на разработанном авторами «аксиологическом модуле», и включает в себя такие базовые образы как эстетический идеал, образ жизни и образ места. Выявление структуры семантического «тела» в данной трактовке представляет собой присвоение аксиологическим образам как доминантам смыслового поля города пространственных характеристик и сведение их в единую систему с архитектурными «каркасом» и «тканью». По мнению авторов, методика анализа градостроительного образования позволяет решить многие научно-исследовательские и проектно-эстетические задачи в области формирования семантического текста городской среды.

Ключевые слова:

аксиологическая концепция, архетип, культурный ландшафт, ментальный конструкт, модуль, образ города, образ жизни, образ места, пространственная символика, система «человек–среда», эстетический идеал.

Забродина Г.Д., Волошинов А.В. Пространственная символика как архетипическое основание культурного ландшафта // Общество. Среда. Развитие. – 2016, № 1. – С. 111–115.

© Забродина Галина Дмитриевна – кандидат культурологии, доцент, Саратовский государственный технический университет имени Ю.А. Гагарина, г. Энгельс; e-mail: galina.vizavi@mail.ru

© Волошинов Александр Викторович – доктор философских наук, профессор, Саратовский государственный технический университет имени Ю.А. Гагарина, г. Энгельс; e-mail: galina.vizavi@mail.ru

Культура как феномен человеческого бытия представляет собой многослойный текст, построенный при помощи множества языков, различных по способам и средствам записи. Всё разнообразие языковых коммуникаций подчинено главной цели – создавать смысловое пространство, где возможна трансляция накопленной человечеством информации. Архетипический уровень этой информации закрепляется в пространственной символике. По утверждению О. Шпенглера, в основе человеческого восприятия лежит определённый способ представления культуры в её пространственной протяжённости. Так, прасимволом египетской культуры является «дорога» – длительный земной путь к вечности, к богу. Античная культура не терпит открытых пространств, не заполненных «телесным», для неё характерен человеческий масштаб и прасимвол – «ограниченное материальное тело». Душа арабской культуры замкнута в себе, её пространство закрыто от внешнего наблюдателя и наполнено тайнами, воплощёнными в прасимволе «мир–пещера». Для западной культуры необходима воля и простор, чистое безграничное пространство, выход за пределы видимого го-

ризонта – в «бесконечность» [9]. Очевидно, что основой этих ментальных конструктов являются архетипы пространства и времени – тех условий бытия, в границах которых существует человечество. Виртуализация современного информационного общества «замещает» реальность иллюзией, вступая в конфликт с архетипическими представлениями о земном бытии и создавая внутреннее напряжение в системе «человек–среда».

В связи с этим изучение пространственной символики не теряет своей значимости, и в условиях постмодерна приобретает особую актуальность. Современный мир, находящийся в состоянии постоянного информационного кризиса и кросс-культурных коммуникаций, всё больше испытывает необходимость в интеграции культурных пространств, что является закономерным результатом процессов глобализации. С одной стороны, эта тенденция способствует взаимопониманию людей разных традиций, духовно обогащая национальные и региональные культуры. С другой, это резко обострило проблему культурной идентичности, что приводит к разрушению традиций, ценностных норм, свойственных национальным культурам.

Оказывается, что вместо расширения культурного диапазона и приобретения разнообразия, окружающий нас культурный ландшафт становится всё более однообразным и чужеродным.

Особенно актуальна эта проблема для городского пространства начала третьего тысячелетия, непрерывно генерирующего и транслирующего информацию, события, смыслы и т.д. Человек, находящийся в ежедневном состоянии «считывания» этой информации, постигает и переживает изменчивое пространство, которое в результате интеграционных процессов глобализации, превращается в пространство анонимной архитектуры «стекла и бетона» и «корпоративного стиля». Учитывая, что «идентичность – это, прежде всего, осознание личностью своей принадлежности к некоторому целому, дискурс собственной легитимации в пространстве символического универсума культуры» [6, с. 91], принадлежности к «своей» социокультурной общности и к соответствующему внешнему окружению, необходимо отметить, что в условиях глобализации процесс культурной идентификации чрезвычайно затруднён. Как следствие, не только в процессах мирового масштаба, но и в рамках создания городской среды, получает распространение регионализм, позволяющий избежать радикальную унификацию в проектировании и сохранить индивидуальные черты культурологического портрета города. Широкий спектр средств регионализма, ориентированный на учёт определённого культурного и географического контекста даёт шанс на разрешение внутреннего кризиса в системе «человек–среда» и сохранение возможности самоидентификации территориальных сообществ.

Снятие противоречий в процессе формирования современной окружающей среды видится нам в восстановлении нарушенного единства естественной и искусственной природы, заключающегося в использовании специфики ментального конструкта «образа Места».

Итак, что необходимо понимать под «образом Места»? Это «устойчивые представления о географическом объекте, локальности, элементе ландшафта, существующие в общественном сознании и/или зафиксированные в художественных произведениях, обозначающиеся как образ места и становящиеся, в свою очередь, неотъемлемой частью культурного ландшафта. Образ места, смысл места (sense of place, в соответствии с принятой в зарубежной науке терминологией) включает в себя ви-

зуальные и эстетические характеристики места, его эмоциональное воздействие, его символику» [3]. Это осмысленное, обжитое пространство и в современном мире, практически, неразрывно связанное с образом города. В данном контексте «образ Места» предстаёт как система представлений не только о самом пространстве, но и о его «духе», в границах которого возник и развивается город как семиотическая структура.

Изучению семиотических текстов посвящен широкий спектр исследований, многие из которых отличаются глубиной и стройностью логического моделирования. Так, известный американский исследователь городского образа Кевин Линч выявил важнейшие особенности общечеловеческого восприятия урбанизированных пространств. В своих трудах он предлагает рассматривать пространство, в котором перемещается человек, с точки зрения конкретного человеческого восприятия в реальных пространственно-временных границах поведения. В таком ракурсе восприятие ориентировано на ключевые точки, пути, границы, районы [4]. Продолжая исследования в этом направлении, Л.Ю. Салмин дополнил структуру образного восприятия города такими значимыми элементами как точки входа-выхода, углы, перекрёстки и т.д. [8, с. 72–77]. Д.С. Лихачёвым описан важнейший элемент в восприятии городского ландшафта «skyline» – «очертание на фоне неба» [5, с. 398]. А.Э. Гутновым выделены в качестве основных структурообразующих элементов образа города «каркас» (архитектурный остов-план) и «ткань» (архитектурная среда) [2]. Некоторые современные учёные в анализе городского пространства оперируют такими понятиями как «знаковая фактура», «плазма города» (световое моделирование). Исследованиям проявленности культурных смыслов в семиосфере при помощи универсалий посвящены исследования А. Пелипенко и И. Яковенко [7], которые представили культуру как систему универсалий, обеспечивающих структурный изоморфизм ментальности и культуры. Благодаря такой трактовке раскрыта глубокая взаимосвязь основ бытия, заложенных в архетипических формах первотекстов и структурного построения образов культурных феноменов. Упомянутые исследования достаточно полно раскрывают суть изучаемых проблем, каждое в своей сфере и с достаточной доказательной базой. Но необходимо заметить, что с позиции современных условий бытия системы «че-

ловек–среда», требуется несколько иная точка зрения на процессы сложения культурного ландшафта, сводящая воедино все рассмотренные научные направления.

Для этого попытаемся взглянуть на обсуждаемую тему несколько «отстранённо», забыв на время о закономерностях культуры и обратившись к образам природы. Достаточно представить семиосферу городского пространства не вакуумом, заключённым в безликую и идеально правильную форму, а «облаком» с вершинами и впадинами, сгущениями и пустотами, границами и причудливой формой. Такое образное представление позволяет не только оценить структуру, но и выявить закономерности её построения во взаимодействии с внешними факторами и внутренними процессами. Следуя этой аналогии, семиосфера обжитого пространства – это сгущение «смысла», информационное облако, обладающее индивидуальными пространственными признаками. Позволив себе опереться на эту метафору, а также на основные положения вышеупомянутых исследований, мы предлагаем рассматривать внутреннее смысловое наполнение градостроительного образования как семантическое «тело», обладающее своей структурной морфологией и пространственными закономерностями бытия. Исходя из этого, возможно структурировать семантическое «тело», визуализируя его пространственную организацию. Это предполагает наличие опорных смысловых конструкторов в ментальном поле. Такие элементы формируются в ценностной сфере и представляют собой базовые аксиологические образы, каковыми являются «эстетический идеал», «образ жизни» и «образ Места». Они, в свою очередь, влияют на развитие смыслового «облака», которое сформировано обжитым пространством.

С данной точки зрения внутренним пространством семантического «тела» города, его смысловым наполнением является информационное облако, доминанты которого сформированы эстетическим идеалом и образом жизни горожан, внешней формой проявленности – предметно-пространственная среда, рождающая «образ Места». С этой позиции синергия аксиологических образов предстаёт как ценностная концепция культурного ландшафта, являясь условным «модулем» для набора универсальных кодов в создании и прочтении семиотических текстов.

В соответствии с этим нами предлагается модель выявления семантического «тела» культурного ландшафта с позиции

структурно-семиотического подхода, с использованием, в качестве инструментария, пространственной символики и разработанного нами в [1] аксиологического модуля. Методология анализа заключается в «переводе» вербальных характеристик семантических признаков смысловых доминант на язык пространственной символики. Смысловые доминанты семантического «тела» определяются с помощью аксиологического модуля, где эстетический идеал и образ жизни формируют «дух» места, а «образ Места» представляет собой визуальный портрет города. Методология визуализации характеристик культурологического портрета, разработанная нами в [1] позволяет перейти к процессу выявления структуры семиотического «тела» культурного ландшафта.

С данной точки зрения, культурный ландшафт города обладает такими структурными элементами, как центр, периферия, оси, граница и т.д. – всеми характеристиками пространственной символики. Это позволяет оценивать объект при помощи основных дуальных оппозиций пространства: «внешнее – внутреннее», «вертикаль – горизонталь», «центр – периферия». Каждая из оппозиций содержит группу характеристик пространственности, свойственных любой геометрической структуре: степень замкнутости или открытости фигуры, характер оппозиционной обозначенности, количество и характер структурообразующих элементов, степень динамики внутреннего пространства и внешней формы, характер выраженности системы координат и взаимодействия с внешним пространством, взаиморасположение кульминационной и главной точек. Следовательно, используя данные пространственные характеристики в качестве критериев оценки, необходимо выявить смысловые доминанты информационного облака и формы их проявленности в структуре градостроительного образования на каждом из этапов семантического пути его развития. Соответственно, результаты каждого исторического периода развития должны включать в себя характеристики эстетического идеала и образа жизни (с соответствующими каждому из них символами проявленности в границах оппозиции «вербальное–визуальное»), и пространственные характеристики структуры семантического «тела» города.

Итак, на первом этапе исследования необходимо выявить характеристики базовых образов аксиологического модуля в границах пространственных оппозиций, где:

1. Характеристики эстетического идеала определяются в границах и масштабе оппозиций «внешнее–внутреннее» («свое–чужое»), «центр–периферия» (характер взаиморасположения «гравитационной» и «кульминационной» точек пространства культуры), «вертикаль–горизонталь» («сакральное–профанное»). Этот образ, являясь ёмким сгущением семантической информации мировоззренческого характера, соответствует такой форме проявленности как архетип. Вербальным символом эстетического идеала города могут быть такие метафоры, как: «город-крепость», «купеческий город», «город студентов», «столица», «город учёных» и т.д.

2. Оценку образа жизни следует осуществлять по более дробным группам внутренних характеристик основных оппозиций. В границах оппозиции «внешнее–внутреннее» характеристики соответствуют степени подверженности влиянию «чужих» стереотипов, норм поведения и т.д. (степень традиционности). Оппозиция «центр–периферия» отражает характер сфер и зон жизнедеятельности, их распределения в ежедневном «жизненном сценарии», «сгущения» «гравитационных» и «кульминационных» точек эстетических предпочтений и нравственных установок (степень мобильности образа жизни). Оппозиция «вертикаль–горизонталь» характеризует соотношение духовного и материального, новаторского и консервативного в образе жизни базовой личности горожанина (степень духовности). Образ жизни приобретает форму проявленности, становления в вербальном коммуникативном канале и закрепляется в семіосфере в соответствующих символах. Он может характеризоваться в виде таких признаков как: традиционность или новаторство, размеренность или мобильность, динамичность или статичность, чёткое зонирование или размытость границ в оппозиции «свое–чужое» и т.д.

3. Определение геометрической структуры семантического «тела» культурного ландшафта или «образа Места», визуализирующего в чувственно-воспринимаемой форме внутреннее содержание непроявленных культурных смыслов, необходимо выполнять с использованием градостроительной структуры («каркаса», по А.Э. Гутнову) и выявленных с помощью эстетического идеала и образа жизни смысловых доминант («ткани»). Эти доминанты обозначают в структуре градостроительного плана смыслообразующие зоны и объекты, имеющие формообразующее зна-

чение для семантического текста городской среды. Например, «город-крепость» предопределяет замкнутую структуру, с семантическим акцентом на защищённости «контуром» от внешнего пространства, чему соответствует компактная и цельная форма. Символ «столица» характеризуется формой, активно взаимодействующей с внешним пространством, с упорядоченным и насыщенным внутренним. В целом – это устойчивая, открытая система, с чётко обозначенным центром и векторами, направленными «во вне».

Образ жизни представляет собой «детализацию» смысла эстетического идеала и характеризует структурную организацию внутреннего пространства семантического тела по степени статичности, упорядоченности, активности, традиционности, сакральности и т.д. Смысловые доминанты образа жизни получают форму проявленности в визуальных формах архитектурной среды (храмы, общественно значимые объекты и пространства). Их расположение и взаимодействие слагают внутреннюю структуру, образующую центр и периферию, кульминационные точки развития и центр тяжести, основные функциональные оси и контур, границу и т.д.

Таким образом, визуализация смысловых доминант в соответствии с градостроительным каркасом и «тканью» архитектурной среды позволяет систематизировать точки локализации семиотической информации в градостроительном ландшафте каждого из этапов семантического пути развития города с «привязкой» к конкретным пространственным условиям. Но для выявления иерархии смысловых значений необходимо третье измерение в градостроительном ландшафте – условное обозначение «высот» смысловых доминант.

В связи с этим на заключительном этапе исследований необходима разработка «семантических шкал» с обозначением иерархии в границах оппозиции «сакральное–профанное». Это позволит визуализировать смысловые доминанты аксиологического модуля в трёхмерных пространственных координатах и обозначить архетипическую прамодель пространства городского ландшафта. Сравнительный анализ полученных результатов всех этапов развития семантического тела города выявляет стабильные и мобильные во времени и пространстве зоны и характер «сгущений» текста. Итоговая визуализация семиотического «тела» города, соответствующая завершающему этапу слож-

ния градостроительной структуры, представляет собой «аксиологическую карту» прамодели пространства. Прамодель и выявленные тенденции её развития отражают процесс формирования «духа» места, но не являются «зеркальным» отражением визуального портрета современного города, где, в результате процессов глобализации и урбанизации, доминируют далеко не сакральные визуальные акценты. Учитывая специфику реально существующего силуэта городского ландшафта («очертание на фоне неба», по Д.С. Лихачёву), необходимо сопоставление итоговой аксиологической карты с фактическим визуальным силуэтом. Это позволит обозначить соотношение сакрального (отражение «души» города) и профанного, прогрессивные и регрессивные процессы, степень внешней и внутренней динамики, характер «конфигурации», потенциал векторов развития градостроительного образования в конкретных пространственно-временных ко-

ординатах. Полученные результаты, представляя собой аксиологическую концепцию города, дают возможность выявить не только структурные признаки прамодели, но и сакральный, символический образ семантического «тела» города в динамике, что может служить культурным кодом при анализе и эстетическом проектировании культурного ландшафта.

Предложенная модель анализа семантического «тела» города при дальнейшей доработке может оказать существенную помощь архитекторам и дизайнерам в формировании культурологического портрета градостроительного образования с сохранением специфических черт и учётом современных тенденций в проектно-эстетической практике. Также методика рассмотрения города с использованием аксиологической концепции культурного ландшафта может быть весьма полезна при обучении студентов архитектурно-дизайнерскому проектированию.

Список литературы:

- [1] Волошинов А.В., Забродина Г.Д., Куличенко Т.В., Черемисова Е.В. Куличенко Т.В., Черемисова Е.В. Методологическая модель анализа культурологического портрета города // Вопросы культурологии. – 2015, № 12. – С. 8–16
- [2] Гутнов А. Э. Эволюция градостроительства. – М.: Стройиздат, 1984. – 256 с.
- [3] Лавренова О.А. Образ места и его значение в культуре провинции //Абашев В., Белоусов А., Цивьян Т. Геопанорама русской культуры. Провинция и её локальные тексты. – 2004. – Интернет-ресурс. Режим доступа: http://www.e-reading.club/chapter.php/137716/62/Abashev_Belousov_Civ'yan_-_Geopanorama_russkoi_kul'tury_Provinciya_i_ee_lokal'nye_teksty.html#n_191
- [4] Линч К. Образ города / Пер. с англ. В.А. Глазычева; сост. А.В. Иконников; под ред. А.В. Иконникова. – М.: Стройиздат, 1982. – 328 с.
- [5] Лихачев Д.С. Книга беспокойств: воспоминания, статьи, беседы / Сост. Г. А. Дубровская. – М.: Новosti, 1991. – 522 с.
- [6] Лысак И.В. Проблема сохранения культурной идентичности в условиях глобализации // Гуманитарные и социально-экономические науки. – 2010, № 4. – С. 91–95
- [7] Пелипенко А. А., Яковенко И. Г. Культура как система. – М.: Языки рус. культуры, 1998. – 371 с.
- [8] Салмин Л.Ю. Моделирование средовой ситуации и городской дизайн / Дисс. ... кандидата искусствоведения. – М.: ВНИИТЭ, 1988. – 153 с.
- [9] Шпенглер О. Закат Европы. – М.: ИНФРА-М, 1993. – 649 с.

НООСФЕРИЗМ КАК НОВАЯ НАУЧНО-МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКАЯ СИСТЕМА В XXI ВЕКЕ (В КОНТЕКСТЕ ИМПЕРАТИВА ВЫЖИВАЕМОСТИ)

© Субетто Александр Иванович – доктор экономических наук, доктор философских наук, заслуженный деятель науки РФ, президент, Ноосферная общественная академия наук, Санкт-Петербург; e-mail: subal1937@yandex.ru

20 февраля 2016 года я по приглашению М.Г. Годарева-Лозовского выступил на заседании Санкт-Петербургского философского клуба – секции Российского философского общества – на базе Российской христианской гуманитарной академии.

Главная цель доклада «Ноосферизм как новая научно-мировоззренческая система в XXI веке (в контексте императива выживаемости)» состояла в ознакомлении участников собрания с научно-мировоззренческой системой Ноосферизма, которую я разрабатываю последние 25 лет, с ее основными положениями, а также предпосылками и базовыми императивами. В собрании приняло участие более 30 человек, в том числе, такие философы и ученые, представители культуры, образования, как С.В. Орлов, Е.М. Лысенко, Г.М. Иманов, В.В. Концевой, Е.Н. Антонович, О.В. Стукова, Э.О. Шульц, В.И. Рябов, Д.А. Кокко, А.Е. Полухин и другие. Председательствовал Э.О. Шульц. После доклада и вопросов развернулась оживленная дискуссия, на которой выступило более 10 человек.

Структура доклада выглядела следующим образом:

Введение.

1. Категории *ноосферы* и *ноосферизма*.

2. *Первая фаза Глобальной Экологической Катастрофы*, в состоянии которой оказалось человечество на рубеже 80–90-х годов XX века. Императив выживаемости и Эпоха Великого Эволюционного Перелома в начале XXI века.

3. *Императив выживаемости* как соединение ноосферного и социалистического императивов.

4. *Кризис бытия и кризис Истории, формой проявления которых является первая фаза Глобальной Экологической Катастрофы и возникающая опасность экологической гибели человечества до середины XXI века. Конец Истории на базе доминирования конкуренции и механизма отбора*, а также институтов и механизмов рынка, частной собственности на средства производства и в целом – капиталистическо-

колонимальной системы хозяйствования и социальной организации жизни. *Начало становления Истории нового качества – Ноосферной Истории как управляемой социоприродной эволюции на базе общественного интеллекта и научно-образовательного общества.*

5. *Эпоха Великого Эволюционного Перелома как Эпоха смены мировоззрения, ценностного отношения к миру. Ноосферизация науки, культуры и образования, духовно-нравственной системы. Роды действительного разума.*

6. *Ноосферный этап в глобальной эволюции Земли и Биосферы и в социальной эволюции человечества – как закономерный этап.* Ноосферная парадигма универсального эволюционизма. Два метазакон любой прогрессивной эволюции – *Метазакон сдвига от доминанты закона конкуренции и механизма естественного отбора к доминанте закона кооперации и механизма интеллекта и метазакон «оразумления» или «интеллектуализации» эволюции.*

7. *Внутренняя Логика Социального развития (ВАСР) и Большая Логика Социоприродной Эволюции (БАСЭ).* Первая фаза Глобальной Экологической Катастрофы как выход на арену Истории БАСЭ.

8. *«Энергетическая революция» XX века, ее несовместимость со стихийной логикой развития, в целом – с рыночно-капиталистической системой.* Биосфера как «субъект» – против капитализма и рынка.

9. *Ноосферизм как теоретическая система:* (1) ноосферная парадигма универсального эволюционизма; (2) теория общественного интеллекта; (3) ноосферная философия истории; (4) принцип управляемости, ноосферно-эволюционный антропный принцип, принцип Большого Эколого-Антропного Дополнения, презумпция всеоживленности Космоса; (5) теория ноосферного экологического духовного социализма; (6) концепция вернадскианской революции в эволюции научного мировоззрения человечества; (7) космо-ноосферная научная картина мира; (8) философия управляющего Разума; (9)

концепция планетарной кооперации народов-этносов; (10) программа ноосферно-ориентированного синтеза всех наук в XXI веке; (11) программа становления ноосферного образования; (12) концепция ноосферного универсализма и ноосферная духовно-нравственная система человека; (13) концепция ноосферной глобалистики и ноосферной экологии.

10. Ноосферная научная школа в России. Эпоха Русского Возрождения и Ноосферно-космический вектор грядущих преобразований.

Особую дискуссию вызвали положения об императиве перехода человечества к Ноосферному Экологическому Духовному социализму, как базовому условию его выживания; о том, что рыночно-капиталистическая система превратилась в «экологического могильщика» человечества; о Родах Действительного Разума, о ноосферном преобразовании науки, образования, культуры, мировоззренческих и нравственно-ценностных ориентиров.

Задаваемые вопросы показали, как трудно людям отказаться от сложившегося эгоцентричного антропоморфизма, осознать, что наш разум должен перейти из состояния «Разума-для-Себя» в состояние «Разум-для-Биосферы, Земли, Космоса». Наблюдалось проявление стереотипов, привитых средствами массовой информации за последние 20 лет, – стереотипов отрицания советского прошлого, социализма. Дискуссия только высветила глубину перестройки сознания не только простых граждан, но даже людей умственного труда, которую предстоит совершить и в России, и в человечестве в целом, чтобы стать Ответственными за Будущее не только себя, людей, но главное – за Будущее всей Системы Жизни на Земле, за сохранение биологического разнообразия, почвы, пресной воды, лесов, чистоты вод мирового океана и рек на материках Земли, за гармонию между живущим на Земле чело-

вечеством и планетой Земля – нашим Космическим Кораблем и нашим Планетным Домом, в котором мы, как коллективное существо и коллективный Разум, и эволюционно «родились».

В дискуссии затрагивались также и растущие угрозы войны глобального империализма, в первую очередь империализма США против России. Меня обвиняли в том, что я вижу в странах – США, Англии и Западной Европы – «врага» России. Я отвечал, что не Россия приклеивает ярлык «врага» к США и странам Западной Европы, а официальные власти США, Пентагон в своих последних генштабовских разработках прямо указывают на Россию как «врага», ищут повод для открытого военного конфликта с Россией. Пришлось напомнить теоретические положения ленинской теории империализма и указать на причины проявления глобального империализма.

Кроме того, напомнил об уроках Великой Отечественной войны, 70-летие Победы которой мы отметили в 2015 году, а также предупреждение адмирала Макарова, которое высечено на памятнике, посвященном ему, в Кронштадте: «Помни о войне».

Россия – миротворческая страна, страна, не раз спасавшая мир и человечество от планетарных агрессий и планетарных амбиций на господство: будь то устремления Чингисхана или Наполеона к мировому господству, или попытка гитлеровского фашизма поставить под «свой сапог» почти весь мир.

Россия в лице Советского государства во главе с Лениным впервые предложила всем государствам «Декрет о мире». Его значение не угасает. В XXI веке войны и насилие как механизмы капиталовластия, борьбы за господство над ресурсами мира только ускоряют процессы первой фазы Глобальной Экологической Катастрофы. Но покончить с миром войн и насилия сможет только Ноосферный Экологический Духовный Социализм.

РОССИЯ В МИРЕ И МИР В РОССИИ

- © Алимов Андрей Алексеевич – кандидат исторических наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет; руководитель, Научная программа «Международное сотрудничество в области окружающей среды и развития», Санкт-Петербург; e-mail: alimovandrey@yandex.ru
- © Немчинова Тамара Сергеевна – кандидат политических наук; начальник Отдела по связям с общественностью по направлениям международные отношения, политология, социология и экономика СПбГУ, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург; e-mail: t.nemchinova@spbu.ru
- © Стецко Елена Владимировна – кандидат философских наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург; e-mail: Ali1814@yandex.ru

В октябре 2015 года в Москве на площадке МГИМО(У) был проведен традиционный, IX Конвент Российской Ассоциации Научных Исследований (РАМИ). Его девизом было само его название – «Многосторонние институты: глобальная эффективность VS. национальные интересы». Вопросы, вынесенные на обсуждение участников Конвента, было настолько много, что, работая в течение двух полных дней (27–28 октября), не все участники этого важного форума смогли достаточно широко представить и обсудить основные проблемные «точки» современных международных отношений и мировой политики.

Современная политическая и экономическая ситуация в мире далека от спокойной, стабильной и устойчивой. Мировая политическая картина в настоящее время отличается, на наш взгляд, не просто высокой сложностью, многоаспектностью, но и многоуровневостью: от локального и регионального до глобального масштаба. Поэтому поиски решений для выхода на спокойные параметры развития более чем семимиллиардного населения мира даются далеко не так просто, как хотелось бы. В настоящее время еще в большей степени, чем ранее, сказывается все расширяющееся разделение мира на «богатых» и «бедных», которые представлены соответственно промышленно развитыми и развивающимися государствами. Поиски компромиссов не всегда дают положительный результат. Это особенно ярко проявляется при рассмотрении новых вызовов и угроз человечеству. Здесь можно привести пример глобальных проблем. К сожалению, вновь укрепила свои позиции проблема «войны и мира», от которой, казалось, удалось отойти в конце последнего десятилетия прошлого, XX века. Возникает опасность развития военных технологий КНДР, которая заявляет даже о возможности нанесения ядерного удара по своему «единокровному» соседу – Республике Корея. Вспыхивают новые конфликты в странах Азии и Африки, что особенно очевидно на региональном примере Ближнего Востока.

Ответ на поставленные в рамках Конвента вопросы может быть один: теоретические поиски новых вариантов принятых решений

с учетом двух, факторов. Первый заключается в понимании того, что внутренняя политика любого государства в значительной степени определяет его внешнеполитическую деятельность. Вторым фактором можно считать все более широкое вовлечение в процесс глобализации промышленно развитых и развивающихся стран. Как говорят экономисты и политологи, мир становится все более тесным, а это создает новое проявление регионального и локального соседства.

Поэтому можно с полным пониманием происходящего сказать, что название IX Конвента РАМИ представляет собой отражение того, что происходит в мире. Этот факт подтверждается высоким уровнем представительства – министра иностранных дел С.В. Лаврова, ректора МГИМО (У) А.В. Торкунова, ректора МГУ им. М.В. Ломоносова В.А. Садовниченко, зам. министра образования и науки РФ А.А. Климова.

В работе Конвента было много инновационных подходов, дискурсов и разработок тех вопросов, которые в той или иной степени затрагивают все современные страны и народы, а также каждого человека в отдельности. В этой связи можно выделить два сюжета:

– Проведение глобального университетского саммита БРИКС, получившего следующее название: «Россия и БРИКС: в поисках общих ответов на глобальные вызовы». Одним из этих вызовов, несомненно, является крайне неблагоприятное состояние окружающей среды на трех уровнях – локального, регионального и глобального. Ухудшение социально-экологической глобальной ситуации, которая стала объективным фактором необходимого разворота в сторону экологизации развития мирового сообщества требует уделения ей специального внимания.

– Появление в повестке дня IX Конвента специального раздела, получившего название «Роль международных институтов в решении проблем природопользования и экологии». Следует, по нашему мнению, сделать специальную оговорку. Как неоднократно писал и говорил академик Н.Н. Моисеев, экология – это часть биологической науки и знаний. Поэтому не может быть «плохой эко-

логии» или «хорошей экологии». В данном случае составители повестки дня Конвента допустили обычно имеющую место ошибку: природопользования должно опираться на научные знания, полученные именно в рамках экологии как науки. Современное определение этой проблемы было сформулировано в материалах Международной конференции ООН по окружающей среде и развитию 1992 года в Рио-де-Жанейро, что отражало реальное положение дел: развитие невозможно без поддержки состояния окружающей среды (в данном случае – биосферы) в благоприятном состоянии, но и сохранение окружающей среды становится невозможным без развития.

К настоящему времени сформировалось много так называемых «законов экологии», которые по сути дела таковыми не являются. Законы экологии, такие как закон минимума, закон максимума и закон оптимума были сформулированы еще на пороге XIX–XX веков и мы не считаем нужным раскрывать их сущность. Но из новых предложений назовем ряд таковых, получивших название «законов Коммонера». Именно этот американский ученый предложил четыре таких закона: «все связано со всем»; «все должно куда-то деваться»; «за все нужно платить» и, наконец, «природа знает лучше». По нашему мнению, четвертый закон направлен на развитие экологии как науки.

Известно также положение, отражаемое в новом направлении формирования международного экологического права. Оно, к сожалению, чрезвычайно мало действенно, потому что его рассматривали на многочисленных международных конференциях, Генеральных Ассамблеях ООН, решения которых являются рекомендательными, а не обязательными. Считается, что развитие современного экологического права задерживается, и тому есть ряд причин. Любая отрасль права нацелена на регулирование отношений между людьми, а экологическое право, как национальное, так и международное, предполагает регулировать отношения между людьми по отношению к природе. Вообще, международное экологическое право отличается еще и тем, что оно стало формироваться в середине 1970-х годов под воздействием документов и принципов развития отношений между государствами. До настоящего времени нет каких-либо положений о возможности наложить даже самые незначительные санкции в рамках экологического международного права.

В этой связи следует отметить постановку такого важного вопроса, как деятельность Международного суда ООН. По этому направлению была проведена широкая дис-

куссия в рамках секции «Международный Суд ООН как главный судебный орган Организации Объединенных Наций: глобальный вклад в прогресс развития международного права и теоретические оценки современных проблем». Известно, что Международный суд ООН является одним из основных отделов этой организации и, по всей видимости, назрела необходимость его «оживить» и «подтолкнуть» в деле решения разносторонних проблем между государствами. Правовые вопросы, возникшие в последнее время, также нашли свое место в работе Конвента. Особой остротой в настоящее время отличаются миграционные процессы. Такого «переселения» народов в рамках «старушки Европы», пожалуй, не было на протяжении многих лет. Считается, что граждане Сирии бежали от ужасов войны, развернувшейся в этой стране, пять лет назад. Однако возникает вопрос: почему среди беженцев появилось большое количество представителей Северной Африки, других стран Ближнего Востока и даже Афганистана и Пакистана?

Как отмечалось в аудиториях Конвента, не только перед странами Европы, оказавшейся буквально «забитой» новыми пришельцами, принесшими с собой свои традиции и культуру, свое отношение к миру, настроенное на получение практически бесплатного питания, каких-либо льгот, стремление получить пристанище в ФРГ, такому миграционному потоку могут быть подвержены и другие страны. Тем более, что из числа прибывших мигрантов многие не казались слишком бедными, очень неплохо одетыми, да и сам переезд для них был делом далеко не дешёвым. Поэтому работала в рамках Конвента специальная секция, получившая название «Деятельность международных институтов в области международной миграции населения: глобальная эффективность или национальные интересы?» Германия, как идеал стремления многих мигрантов из стран Ближнего Востока, Азии и Северной Африки была не случайно конечно целью. Они наверняка знали, что ряд европейских стран уже имели опыт принятия мигрантов, в том числе и в условиях нехватки непрофессиональных рабочих рук. Эти мигранты прибыли из Индии, арабских стран, Пакистана, Ближнего Востока, Северной Африки и даже из современной России.

Роль современной экономики, находящейся в сложном положении, не может не отражаться на разных политических ситуациях. Одно из проявлений финансово-экономических «колебаний» состоит в том, что развивающиеся страны несколько снизили динамику своего развития. Кроме того, произошел спад, отразившийся на всей мировой

экономике, что было связано, как с понижением цен на нефть, так и позицией доллара.

Отдельно упомянем о работе специальной секции «Роль многосторонних организаций в развитии глобальной экономики и позиция России». В данном случае практически рассматривались две составляющие проблемы: во-первых, формирование, развитие и функции международных организаций, а во-вторых, позиции России в середине второй декады XXI века. Надо отметить, что в недавнем прошлом Россия «исчезала» из акторов, влияющих на современную финансово-экономическую ситуацию. Здесь следует, по нашему мнению, отметить прогноз развития мировой ситуации в рамках нарастания темпов глобализации, представленный в докладе Национального разведывательного совета США. Так, в разделе «Новые игроки на глобальном пространстве» России практически не уделено внимания, кроме того, что отмечались проблемные ситуации в нашей стране. Приведем дословный текст, касающийся Российской Федерации. Авторы пишут: «Россия наряду с другими странами обладает потенциалом для увеличения своей международной роли ввиду занимаемой ею позиции крупнейшего экспортера нефти и газа. Однако Россия стоит перед лицом серьезного демографического кризиса, вызванного низкой рождаемостью, упадком здравоохранения и потенциально взрывной ситуацией с распространением СПИДа» [1, с. 13]. В основном Россия представлена в этом докладе как развивающаяся страна с односторонней экономикой и массой проблем.

Поэтому можно сказать, что России предстоит не только произвести перестановку в направлениях своего развития, но и активизировать свою деятельность в различных организациях. Но выбор России не обязательно должен быть направлен только на поиски решения своих проблем, но и на создание новых межрегиональных организаций, в частности БРИКСа. Вообще, БРИКС не является организацией, способной совершить разворот в мирополитической и экономической ситуации. В ряде государств-членов БРИКС в настоящее время сложилась проблемная ситуация, как в экономике, так и в области внутренней политики. Поэтому вопросы развития этого межрегионального фактора современного мира получили специальное подробное рассмотрение в рамках секции «Возможности БРИКС в контексте реализации национальных интересов стран-членов».

Ряд выделенных секций содержал вопросы гуманитарного характера в современной

мировой политике. Назовем такие как «Межкультурная коммуникация», «Функции образования как социального института в развитии международных отношений» и «Проблемы и перспективы развития современного политического дискурса в масс-медиа», «Гуманитарное развитие: роль международных и институтов». Вместе с тем целенаправленно были выделены такие блоки, как вопросы региональной и межрегиональной безопасности, возникновение новых проблемных ситуаций в отдельных регионах и на межрегиональном уровне и масштабе. Назовем из них такие, как «Международная безопасность на Ближнем Востоке в условиях нарастающей нестабильности», «Восточная Европа после украинского кризиса», «Трансформационные процессы в Украине», «Международная безопасность в Восточной Азии», «Ядерная политика, нераспространения и безопасность».

Но в повестке дня IX Конвента стояли вопросы и будущего развития современного мира, как в региональном, так и в глобальном масштабе. Поиски оптимальных вариантов развития мировой экономики были обсуждены на секции «Международные организации и глобальные проблемы современности» (такая постановка вопроса связана и с секциями, уже нами рассмотренными выше), «Европейская интеграция: пути трансформации и вызовы развитию», «Регулирование многосторонними институтами трансграничных инвестиций трансграничных инвестиций». Для более глубокого осмысления сложившейся в мире ситуации на секциях рассматривались и вопросы теоретического характера, например, такие как «Политическая теория и международные отношения: онтология, эпистемология, методология».

Естественно, что большой интерес вызвали обсуждения исторического развития и современного состояния Организации Объединенных Наций в связи ее 70-летием. Вопрос был поставлен следующим образом: «Институты ООН 70 лет спустя – замысел и реальное состояние».

В рамках работы IX Конвента была выделена и историко-политическая секция, получившая интригующее название – «200 лет Венской системе международных отношений: проект и практика европейской дипломатии». Поистине важный принцип: новое – это хорошо забытое старое. Иными словами, знание и понимание прошлого должно служить основой для видения нового. Это касается, как самой проблемы международных отношений, так и новых процессов мировой политики.

Список литературы:

- [1] Россия и мир в 2020 году. – М.: Европа, 2005. – 226 с.

АРКТИЧЕСКАЯ ТЕМАТИКА НА БЕРЕГАХ НЕВЫ

Обзор основных научных мероприятий 2015 г.

- © Алимов Андрей Алексеевич – кандидат исторических наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет; руководитель, Научная программа «Международное сотрудничество в области окружающей среды и развития», Санкт-Петербург; e-mail: alimovandrey@yandex.ru
- © Тулупов Дмитрий Сергеевич – кандидат исторических наук, старший преподаватель, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург; e-mail: toulourov@yandex.ru
- © Лексютина Яна Валерьевна – доктор политических наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург; e-mail: lexuana@ya.ru
- © Стецко Елена Владимировна – кандидат философских наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург; e-mail: Ali1814@yandex.ru

Арктические территории нашей планеты всегда вызвали большой интерес путешественников, географов и исследователей. Один из итальянских путешественников XVIII в., Франческо Альгаротти, авторству которого принадлежит известное выражение «окно в Европу», оставил очень интересное, но малоизвестное высказывание относительно значимости Арктических земель для Российской империи. Он сказал, что Россия – это огромный белый медведь, чьи задние лапы упираются в берег Северного Ледовитого океана, хвост которого погружен в воду, нос притянут к Турции и Персии, а передние лапы раскинуты на восток и запад. Созвучные представления высказывал и М.В. Ломоносов, говоря о том, что русская Арктика представляет собой фасад нашей страны. Известно также и то, что русские поморы еще в XVII в. основали в Арктике город-порт, получивший название Мангазея. Все это свидетельства того, что интерес к Арктике носит долговременный характер, восходящий, по меньшей мере, к XVIII в.

На протяжении последнего десятилетия мы стали свидетелями того, как арктическая тематика уверенно заняла нишу в научном дискурсе России. Без обсуждения вопросов, связанных с Арктикой, сейчас не обходится практически ни одна конференция по международным отношениям или по проблемам окружающей среды. Более того, ежегодно проводится большое количество конференций, семинаров и круглых столов, специально посвященных обсуждению Арктики. Ученые и эксперты из разных сфер в русле различных научных направлений и парадигм занимаются исследованиями арктического региона. Только в 2015 г. на берегах Невы, в Санкт-Петербурге, прошло, по меньшей мере, 8 важнейших научно-практических мероприятий, посвященных изучению Арктики:

1. Международный семинар «Арктическая политика в XXI веке» (24 апреля 2015 г.) – проведен Санкт-Петербургским государственным университетом при поддержке Российского Совета по международным делам;

2. Третье ежегодное заседание Международного экспертного совета по сотрудничеству в Арктике (24 сентября 2015 г.);

3. Круглый стол «Международный диалог в Арктике» (24 сентября 2015 г.) – проведен Санкт-Петербургским государственным университетом совместно с Фондом Горчакова;

4. Девятая научно-практическая конференция «Арктика: геополитические и политико-экономические проблемы освоения» (29–30 сентября 2015 г.) – проведена Русским географическим обществом;

5. Семинар «Арктика – вектор развития и диалога», проведенный в рамках блиц-форума (16 октября 2015 г.) под покровительством Центра политических исследований, Арктической общественной академии наук и Филиала Фонда Розы Люксембург;

6. Научно-практическая конференция «Арктика – регион стратегических интересов России» (24 ноября 2015 г., Морской технический колледж);

7. Третий международный арктический правовой форум «Сохранение и устойчивое развитие Арктики: правовые аспекты» (25–28 ноября 2015 г.) – проведен Институтом законодательного и сравнительного правоведения при Правительстве РФ совместно с Правительством Ямало-Ненецкого автономного округа;

8. V Международный форум «Арктика: настоящее и будущее» (7–9 декабря 2015 г.) – проведен МОО «Ассоциация полярников».

Особо выделим значимость одного из важных и показательных мероприятий, проведенных в форме круглого стола «Международный диалог в Арктике» 24 сентября 2015 г. Санкт-Петербургским государственным университетом совместно с Фондом поддержки публичной дипломатии им. А.М. Горчакова. В этом мероприятии приняли участие ведущие специалисты по Арктике Санкт-Петербургского государственного университета (СПбГУ), АНО «Центр стратегических оценок и прогнозов», Института Европы РАН, Российского государственно-

го гидрометеорологического университета (РГММУ), Морского государственного университета им. адм. Г.И. Невельского и Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова.

В ходе заседания было заслушано три основных доклада известных российских специалистов по арктической проблематике: генерального директора АНО «Центр стратегических оценок и прогнозов», д.т.н. С.Н. Гриняева, доцента СПбГУ, к.и.н., Н.К. Харлампьевой и доцента СПбГУ, к.и.н. А.А. Алимова.

Концептуально значимый доклад С.Н. Гриняева познакомил участников круглого стола с деятельностью созданной в мае 2013 г. по инициативе АНО «Центр стратегических оценок и прогнозов» экспертной площадки для обсуждения вопросов, затрагивающих арктическую тематику и сотрудничество в Арктике в рамках Международного экспертного совета по сотрудничеству в Арктике. Среди прочих результатов работы Совета особо было отмечено расширение географии экспертов, принимающих участие в мероприятиях экспертного Совета (теперь это представители 7 государств – России, США, Канады, Нидерландов, Испании, Франции и Германии – иногда называемых Арктической семеркой). Этот международный институт начал выпуск специального журнала «Арктическое обозрение» как официального издания Международного экспертного совета по сотрудничеству в Арктике. В своем выступлении С.Н. Гриняев особо подчеркнул тот факт, что, невзирая на введенные рядом зарубежных государств в отношении России санкции, равно как и на обострившиеся двусторонние и многосторонние проблемы между Россией и некоторыми Западными государствами, в результате чего многие проводимые в России в настоящее время мероприятия бойкотируются иностранными экспертами, научные мероприятия по арктической проблематике по-прежнему привлекают большое число иностранных специалистов. Участие в III Ежегодном заседании Международного экспертного совета по сотрудничеству в Арктике принимали, как российские, так и зарубежные представители таких стран как Испания, Франция, Германия, а также сотрудники службы обеспечения безопасности Международной морской организации ООН Михаил Гаппоев.

Доцент СПбГУ Н.К. Харлампьева познакомил участников круглого стола с историей становления научной школы арктических исследований на факультете международных отношений СПбГУ. Начавшееся в 1997 г. изучение политических аспектов международ-

ного сотрудничества в Арктике, ставшее на тот момент новаторским научным направлением, привело к формированию на факультете международных отношений СПбГУ мощного научного коллектива, занимающегося арктической проблематикой и успешно реализовавшего целый ряд крупномасштабных проектов. В частности, с 2006 г. стал выпускаться журнал «Арктическая идея» на двух языках, с 2010 г. было налажено сотрудничество с Сингапурским национальным институтом в реализации совместных научных исследований по Арктике. А с 2012 г. совместно с Китайским океанологическим университетом г. Циндао стали на ежегодной основе проводиться круглые столы по Арктике (по стоянию на 2015 г. состоялось 8 таких встреч). В рамках международных программ на базе факультета международных отношений СПбГУ было подготовлено большое количество квалифицированных специалистов-международников в соответствующей предметной отрасли.

Содержательная часть доклада Н.К. Харлампьевой была посвящена выявлению особенностей международного взаимодействия в вопросе становления и развития арктической морской транспортной системы. Как отметила Н.К. Харлампьева, международное сотрудничество в сфере формирования арктической морской транспортной системы началось в конце 1980-х гг. по инициативе ряда государств, включая Россию. За прошедшие десятилетия было проведено большое количество крупных международных научных конференций и осуществлен ряд совместных научно-исследовательских проектов, нацеленных на изучение потенциала создания арктической морской транспортной системы и, в частности, на изучении возможностей коммерческого использования Северного морского пути. В докладе особое внимание было уделено современному состоянию речных и морских портов, а также городов, обслуживающих арктическую зону России.

В заключении доклада было отмечено, что арктическая морская транспортная система становится одним из главных направлений международного взаимодействия, в рамках которого устанавливаются правила современного цивилизованного процесса принятия решений, где России отведена посредническая роль в создании условий ведения международной деятельности в Арктике для встречи европейской международно-правовой инновационной практики и восточной прагматической организации экономического сотрудничества.

Третий докладчик – А.А. Алимов – затронул важные вопросы международного сотруд-

ничества в сфере экологии, а вернее сказать в сфере окружающей среды в Арктике. Свой доклад А.А. Алимов начал с указания на то, что Арктика является очень сложным в экологическом плане регионом, и что именно российские специалисты в области изучения арктических территорий лучше всех знают Арктику с точки зрения окружающей среды. Так, российские ученые, еще с 1937 г. осуществляющие исследование Арктики на дрейфующих станциях, прекрасно знакомы с природными процессами, протекающими ныне в Арктике. Подчеркнув, что Арктика представляет собой консервативную природную среду, относиться к которой нужно с пониманием и уважением, А.А. Алимов отметил, что международное сотрудничество в сфере окружающей среды и развития, пока находится на очень низком уровне. И это при том, что при рассмотрении разнообразных проектов того или иного направления освоения Арктики (например, освоения Северного морского пути) необходимо в обязательном порядке учитывать и оценивать возможные экологические риски – то, что может произойти с экосистемами в Арктике от той или иной хозяйственной деятельности в этом регионе. В этой связи, как заметил А.А. Алимов, целесообразным является проведение экологических исследований Арктики на уровне закрепленного международного сотрудничества. Интеграция наук и знаний является обязательной установкой при освоении Арктики.

Прозвучавшие в ходе круглого стола доклады вызвали оживленную продолжительную дискуссию, в ходе которой был затронут широкий спектр разнообразных вопросов: воздействие освоения Арктики на ее окружающую среду, влияние санкций в отношении России на текущее состояние международного сотрудничества по арктическим вопросам, технологическое отставание России от Запада в части, касающейся освоения Арктики, роль неправительственных организаций в управлении арктическим регионом, междисциплинарность как методологическая основа для развития научного направления изучения Арктики. Так, в частности, эколог, доцент РГММУ, к.б.н. О.Н. Мандрыка выразила свою глубокую озабоченность в связи с регулярно артикулируемыми на самом высоком уровне планами России относительно освоения природных ресурсов (и, в первую очередь, нефтегазовых) арктического региона. Это освоение, хотя и способно принести коммерческие выгоды, однако представляет огромную опасность для устойчивого развития Арктики: природе Арктике может быть нанесен невосполнимый ущерб. Доцент СПбГУ, к.ф.н. Е.В. Стецко в своем емком вы-

ступлении затронула возможности самоуправления в арктическом регионе, отметив, что помимо государств важным актором международного сотрудничества и участником управленческого подхода являются неправительственные организации. Уникальность Арктического региона для международного сотрудничества и международных отношений заключается как раз в том, что его освоение и развитие невозможно в рамках усилий какой-либо одной страны, но только в процессе совместных действий стран данного региона и всего мирового сообщества. Но модель самоуправления включает в себя не только официальное участие государств, но и широкое представительство различных структур гражданского общества: представителей коренных народов, неправительственных организаций разной направленности и социально ориентированного бизнеса. В этой связи Арктический регион можно рассматривать как некий пилотный проект, апробирующий принципы глобального управления и самоуправления в масштабе региона. Руководитель Восточного арктического центра, м.н.с. МГУ им. адм. Г.И. Невельского, к.ф.м.н. Е.Б. Соколова отметила настоятельную необходимость налаживания диалога между различными российскими правительственными ведомствами, научными структурами.

Интересной по содержанию и значимости была IX международная конференция по географии и картографированию океана, проведенная в Русском географическом обществе 29–30 сентября в Санкт-Петербурге. Она прошла под названием: «Арктика: геополитические и политико-экономические проблемы освоения». Практически все доклады были посвящены проблемам изучения и освоения арктических просторов. Обзорный доклад под названием «История возникновения геополитических проблем освоения Арктики. Правовые, политико-социальные и эколого-экономические аспекты» был представлен доцентом СПбГУ Н.К. Харламповой. Этот доклад вызвал серьезный интерес всех участников форума и стал платформой для широкого обсуждения. Далее следует отметить такие доклады, как «Арктический регион в зеркале геополитики» (А.Н. Варакса), а также выступление группы специалистов «Безопасность и устойчивое развитие Арктики». Выступление А.А. Алимова было нацелено на развитие комплексных научных исследований для понимания взаимосвязанности и взаимовоздействия различных факторов, воздействующих на состояние Арктического региона. Подробно изложить все доклады, сделанные в рамках этой конференции, практически невозможно-

но в одной статье. На пленарном заседании прозвучало шесть докладов, а всего, с учетом секционных выступлений и дискуссий более двадцати пяти.

И, наконец, отметим семинар «Арктика – вектор развития и диалога», проведенный в рамках блиц-форума 16 октября 2015 г. под покровительством Центра политических исследований, Арктической общественной академии наук и Филиала Фонда Розы Люксембург. Семинар был интересен тем, что докладов было сравнительно немного. В частности, с докладом выступили доцент СПбГУ А.А. Алимов и ст. преподаватель СПбГУ Д.С.Тулупов. А.А. Алимов говорил о необходимости изучения опыта уже проведенных работ в рамках международного сотрудничества в деле изучения Арктики в рамках окружающей среды и развития, а также о необходимости расширения использования политических механизмов и институтов. Д.С. Тулупов познакомил слушателей с про-

гнозом развития переговоров между Россией, Данией и Канадой относительно определения внешних границ континентального шельфа в центральной части Северного Ледовитого океана.

В 2016 г. также планируется проведение в Санкт-Петербурге значительного количества мероприятий, посвященных проблемам Арктики. В заключение подчеркнем, что Арктика представляет собой уникальный и крайне уязвимый в экологическом плане регион, требующий взвешенного, основанного на тщательном предварительном изучении и исследовании подхода и освоения. В отношении освоения Арктики в полной мере применимо старое и хорошее изречение: «Семь раз отмерь, и один раз отрежь». И это актуализирует значимость проведения различного рода научных мероприятий, открывающих возможность обмена знаниями, экспертизой и опытом ведущих и начинающих исследователей разных областей знаний.

С.С. Акимов

СЕКЦИЯ ИСКУССТВОВЕДЕНИЯ НА 40-х ДОБРОЛЮБОВСКИХ ЧТЕНИЯХ

Международная конференция, Нижний Новгород, 11 февраля 2016 г.

© Акимов Сергей Сергеевич – кандидат искусствоведения, научный сотрудник, Государственный литературно-мемориальный музей Н.А. Добролюбова, Нижний Новгород; e-mail: ss.akimov@mail.ru

10–12 февраля 2016 г. состоялась международная конференция «Добролюбовские чтения», проводимая ежегодно Государственным литературно-мемориальным музеем Н.А. Добролюбова совместно с Нижегородским государственным лингвистическим университетом им. Н.А. Добролюбова. За 40 лет своей истории чтения проделали путь от межвузовской филологической конференции, посвященной знаменитому критику и его окружению, до представительного междисциплинарного научного форума с участием зарубежных. В этой положительной эволюции немалые заслуги принадлежат нынешним научным руководителям чтений заслуженному работнику культуры РФ Г.А. Дмитриевской и профессору В.М. Строгачеву, а также руководству музея (Н.М. Цыганова), департамента культуры городской администрации (Л.Ю. Моторина), лингвистического университета (проф. Б.А. Жигалев). Состоявшаяся в год 180-летия со дня рождения Н.А. Добролюбова юбилейная, сороковая, конференция приобрела особую значимость в социально-культурной и интеллектуальной жизни Нижнего Новгорода и

региона. Общая тема чтений – «Национальное: характер, идея, культура и самоидентификация личности в историческом развитии и творчество Н.А. Добролюбова»

Одним из активно развивающихся тематических направлений Добролюбовских чтений является искусствоведение, хотя основные достижения местных специалистов и в советское время, и сейчас относятся к изучению регионального художественного наследия. Искусствоведческая секция конференции остается единственной в городе площадкой для заинтересованного и высокопрофессионального обсуждения вопросов теории и истории изобразительного искусства.

На секции было заслушано и обсуждено 16 выступлений из заявленных двадцати. Отличительной чертой этого года стало активное участие иногородних специалистов, среди которых сотрудники музеев и вузов Москвы, Владимира, Санкт-Петербурга, Иванова, Арзамаса. В тематике докладов, как и на предыдущих конференциях, преобладает проблематика отечественного искусства XIX–XX вв. Отдельные выступления

были посвящены классическому западноевропейскому искусству и методологическим вопросам его изучения. Каждый доклад повлек за собой оживленную и доброжелательную дискуссию, которая, несомненно, будет способствовать творческому росту авторов – аспирантов и начинающих специалистов. Первая часть заседания секции прошла под руководством нижегородского искусствоведа, художника и педагога Н.В. Квач, вторая – доктора искусствоведения О.В. Калугиной (НИИ Российской Академии художеств, Москва).

В большинстве выступлений рассматривались вопросы истории и современных тенденций в художественной культуре российской провинции. Работа секции открылась докладом Т.Н. Меркуловой (Владимиро-Суздальский музей-заповедник), в котором были подведены итоги изучения портретной галереи из владимирской усадьбы Воронцовых Андреевское (ныне – в собрании музея-заповедника). Своеобразный «энциклопедизм» галереи убедительно связан Т.Н. Меркуловой с просветительскими идеями. В докладе представлены результаты атрибуционных исследований, позволивших отделить оригинальные произведения от копийных, установить имена мастеров.

Типологии планировочных и объемно-пространственных решений классицистических храмов Нижегородской губернии было посвящено выступление Т.В. Туляковой (р. п. Ардатов Нижегородской обл.). В научный оборот введены постройки, ранее не привлекавшие внимания исследователей, однако автор не сделал из анализируемого материала каких-либо выводов: остается непонятно, была ли проведена работа по поиску аналогов, выявлению происхождения того или иного архитектурного решения в контексте вариаций классицизма и использования в провинции типовых и индивидуально-авторских проектов.

И.Н. Седова (Государственная Третьяковская галерея) представила новые результаты проводимого ею изучения творчества Митрофана Сергеевича Рукавишника – скульптора первой половины XX в., уроженца Нижнего Новгорода, ученика С.Т. Коненкова. К настоящему времени усилиями исследователя реконструирована биография Рукавишника, выявлены сохранившиеся его произведения и ряд неизвестных ранее архивных источников. В данном выступлении И.Н. Седова сосредоточилась на анализе работы скульптора над образами волжских грузчиков – эта тема интересовала Рукавишника в 1912–1913 гг., после возвращения из поездки в Европу, сыгравшей (особенно ита-

льянские впечатления) важнейшую роль в творческом формировании мастера. Введенные Седовой в научный оборот материалы позволяют представить незаурядный образ художника, вдохновленного национальной жизнью и классическим наследием Италии и всегда стремившегося идти в ногу с современным для него искусством.

Тему Серебряного века продолжил доклад А.А. Марцева (Нижегородский госуниверситет им. Н.И. Лобачевского), посвященный книге А.М. Васнецова «Художество» (1908) – первому теоретическому труду мастера, в котором тот попытался вывести универсальные критерии оценки художественного произведения и рассмотреть с критической точки зрения современное ему русское и зарубежное искусство. Подробно осветив взгляды А. Васнецова, отмеченные непоследовательностью и противоречиями, А.А. Марцев однако не проанализировал место книги в развитии эстетической и художественно-критической мысли рубежа XIX–XX вв. Хотелось бы обратить внимание исследователя на такой аспект, как очевидная связь ряда идей А. Васнецова с теорией искусства XVI–XVII вв., откуда берут свои истоки и идея создать шкалу универсальных оценочных критериев, и некоторые используемые понятия, вроде «внутреннего образа», заставляющего вспомнить «disegno interior» маньеристов.

Два выступления были посвящены современным художникам Нижегородского региона. Доклад Н.В. Рязановой (Нижний Новгород) о живописце и графике О.М. Вдовине представляет собой пример счастливого совпадения творческой индивидуальности мастера и видения критика, что позволило раскрыть многогранное содержание творчества художника, не боящегося обращаться к «вечным» темам искусства, тесно связанного с традициями романтизма и эстетики Серебряного века. В.С. Соколов (Арзамасский историко-художественный музей) осветил биографию и творчество арзамасского художника-педагога Н.А. Галочкина.

Проблемы современного развития народных художественных промыслов стали объектом анализа в выступлениях М.С. Белова и Н.В. Квач. М.С. Белов (Ивановский государственный энергетический университет) разработал охранно-восстановительную модель развития народного искусства Ивановской области, представляющую собой модель государственно-частного партнерства, направленного на поддержание и возрождение исчезающих видов народного творчества. Большое положительное значение имеют предложенная докладчиком

система социально-экономических, информационных, творческих критериев для оценки состояния промыслов по степени сохранности. Н.В. Квач (Нижегородская организация Союза художников России) рассмотрела историю развития и стилистические особенности современной керамики из Дивеева Нижегородской области как яркий пример возникновения нового народного промысла. Дивеевская мастерская «Параскева» объединяет мастеров и учеников разных возрастов, а изделия – сюжетные декоративные композиции – обладают большим своеобразием с точки зрения сюжетов, эмоционального строя образов, стилистики и техники на основе использования разных сортов глины, дающих после обжига цветовую гамму от красновато-коричневого до почти белого.

Темы выступлений О.Е. Гагиной и С.А. Скрыбиной лежали на границе искусствознания и музееведения. О.Е. Гагина (Владимиро-Суздальский музей заповедник) охарактеризовала хранящиеся в музейном собрании живописные произведения на былинные сюжеты и возможности их использования в экспозиционной практике. С.А. Скрыбина (Арзамасский историко-художественный музей) представила результаты первичной научной обработки музейной коллекции, связанной с именем известного искусствоведа и коллекционера П.Е. Корнилова и включающей его переписку с арзамасскими адресатами и богатое собрание экслибрисов, выполненных для него советскими графиками в 1920–1970-х гг. Доклад дополнил интересными и важными штрихами представления о личности и профессиональной деятельности незаурядного историка искусства, музейного работника, педагога, одного из основоположников исследования художественного наследия российской провинции, чья биография и научное наследие заслуживают самого пристального внимания.

Обзорный характер носили доклады С.В. Рязановой (Нижегородское художественное училище) «К вопросу о роли эстетико-идеологических принципов в развитии пространственной структуры художественного произведения», И.В. Куликовой (Нижний Новгород) «Национальное многообразие в советской живописи» и работа Е.В. Советской о грузинской иконописи.

Как и в предшествующие годы, вопросам западноевропейского искусства были посвящены лишь отдельные выступления. С.В. Кошурина (Нижегородский государ-

ственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова) попыталась дать целостную характеристику специфики испанского Ренессанса, однако отсутствие в докладе строго систематического подхода привело отчасти к повторению общеизвестных и не вызывающих сомнений тезисов, отчасти к логической непоследовательности изложения. Вместе с тем хотелось бы отметить глубокую заинтересованность аспирантки в разрабатываемой ею теме и пожелать успешной работы над задуманным ею комплексным культурологическим исследованием о восприятии античности в Испании эпохи Возрождения.

С интересным докладом «Эжен Фромантен и проблема жанра» выступила Е.Э. Овчарова (Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого), много лет занимающаяся творчеством известного писателя, живописца и искусствоведа.

С.С. Акимов (Государственный музей Н.А. Добролюбова, Нижний Новгород) рассмотрел методологические и конкретно-научные достижения отечественного искусствознания 1970–2010-х гг. в исследовании проблематики художественно-исторического процесса в Европе XVII столетия. Докладчик показал предпосылки и факторы сложения научной школы, вклад в изучение художественной культуры XVII в., сделанный в 1930–1960-х гг. В.Н. Лазаревым и Б.Р. Виппером. Подробно были проанализированы публикации Т.П. Знамеровской, методологический потенциал концепций Е.И. Ротенберга о стиле и эволюции художественной тематики в искусстве XVII в., развитие этих идей в трудах современного московского искусствоведа М.И. Свищерской. Не вызывает сомнений, что в советском искусствознании сложилась значительная научная школа, посвященная культуре XVII столетия, подходы и идеи которой продолжают оставаться актуальными сейчас.

Традиционное для Добролюбовских чтений тематическое многообразие можно только приветствовать, поскольку это дает возможность представить результаты своих исследований специалистам, занимающимся различными вопросами теории и истории пространственных искусств. Радует также достаточно активное участие молодых коллег, для которых конференция может послужить неплохой «стартовой площадкой». Тем самым есть все основания говорить о перспективах успешного развития чтений и искусствоведческой секции в частности.

РЕЛИГИОЗНАЯ СИТУАЦИЯ НА СЕВЕРО-ЗАПАДЕ: ПРОБЛЕМЫ СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ ИДЕНТИЧНОСТЕЙ

Международная научная конференция 9–10 марта 2016 года, г. Санкт-Петербург

© Рушин Дмитрий Александрович – кандидат исторических наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург; e-mail: ruschin@mail.ru

9–10 марта 2016 г. в Санкт-Петербурге состоялась Международная научная конференция «Религиозная ситуация на Северо-Западе: проблемы социокультурных идентичностей». В первый день работы авторитетного международного форума заседания проходили в Таврическом дворце. На ежегодной конференции, проводившейся в городе на Неве уже в пятнадцатый раз, ведущие эксперты в области истории, религиоведения и философии, общественные и религиозные деятели страны обсудили важные вопросы. Основная проблема звучала так: как сделать религиозные воззрения народов России объединяющим, а не разделяющим фактором.

Организаторами конференции выступили: Санкт-Петербургская епархия, комиссия Общественной палаты РФ по гармонизации межнациональных и межрелигиозных отношений, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, Русская христианская гуманитарная академия, Межрегиональный центр духовно-нравственного просвещения и межрелигиозного сотрудничества при РХГА, Северо-Западный филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при президенте РФ, храм святой Екатерины в Санкт-Петербурге (Армянская Апостольская Церковь), АНО «Центр этнорелигиозных исследований» при поддержке отдела по связям с религиозными организациями администрации губернатора Санкт-Петербурга.

Собравшихся приветствовал председатель отдела Санкт-Петербургской епархии по взаимоотношениям Церкви и общества, заместитель председателя Комиссии Общественной палаты Российской Федерации по гармонизации межнациональных и межрелигиозных отношений, протоиерей Александр Пелин.

Генеральный секретарь Совета Межпарламентской Ассамблеи СНГ Алексей Сергеев от имени Председателя Совета МПА поприветствовал участников конференции и пожелал им плодотворной работы. Алексей Сергеев отметил, что «свой вклад в развитие межрелигиозного и межкультурного диалога вносит МПА СНГ. Ассамблея имеет опыт проведения масштабных мероприятий с участием религиозных организаций из различных

регионов мира. А недавно на заседании Межпарламентской Ассамблеи СНГ был принят модельный закон “О свободе совести, вероисповедании и религиозных организациях”».

Первый заместитель председателя Синодального отдела по взаимоотношениям Церкви с обществом и СМИ Александр Щипков огласил приветствие Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Кирилла. В тексте Патриаршего обращения в частности говорится: «Сегодняшний мир стремительно меняется – одни социокультурные парадигмы сменяют другие и приводят к возникновению новых привычных общественных парадигм. Основными причинами этому служат миграционные потоки, цикличность экономических процессов и активизация глобальной конкуренции. Отрадно, что в современной России вопросы социокультурных и этнорелигиозных идентичностей обсуждаются на разных площадках, на государственном уровне апробируются составляющие национальной политики».

С приветственным словом от имени Правительства Санкт-Петербурга к участникам конференции обратился первый заместитель председателя Комитета по межнациональным отношениям и реализации миграционной политики в Санкт-Петербурге Вадим Окрушко. В своём выступлении чиновник отметил необходимость уделять особое, повышенное внимание межнациональным и межрелигиозным отношениям, всемерно поддерживать культуру, обычаи, самобытность народов, проживающих в регионе. При этом, как он полагает, необходимо «действовать на опережение для предупреждения проявлений экстремизма, вместе вести просветительскую работу и создавать условия для укрепления мира и согласия в обществе».

На пленарном заседании председателя оргкомитета представительного форума, профессор кафедры социологии и религиоведения РГПУ им. А.И. Герцена Александр Прилуцкий рассказал о 15-летнем опыте работы данной конференции. Неизменная тема дискуссии – религиозная ситуация в регионе, весь спектр влияния религиозности на социальные институты и отношения. Анализ этой ситуации необходим для нормализации

государственных и конфессиональных отношений, профилактики религиозных конфликтов, экстремизма и ксенофобии.

В докладе члена Совета по межнациональным отношениям при президенте РФ Владимира Зорина, посвященном исламу, было отмечено, что 11 процентов населения страны придерживаются мусульманской культурной традиции. Этнокультурная обстановка в северо-западных регионах России оценивается им как позитивная. Важным ресурсом общества становится взаимодействие исламской и православной культур.

О причинах кризиса российской идентичности рассказал известный религиозный писатель, публицист и философ Александр Щипков. По его словам, национальная и конфессиональная идентичность из узкого этнокультурного феномена превращается в мощный политический фактор и получает право на прямое высказывание. Мир снова становится свидетелем секулярного и религиозного конфликта, пример тому – ситуация с ИГИЛ* или французским еженедельником «Charlie Hebdo». В политическом споре выигрывает тот, чья идентичность прочнее. Кризис идентичности ведет к утрате политических позиций в мире. Идентичность – это попытка осознания своей исторической миссии, ответ на вопросы: кто мы и куда идем. Условие укрепления русской идентичности – синтез историко-культурных кодов, в частности, советских ценностей социальной справедливости и христианских ценностей. Он рассказал о проблеме радикализации общества: «Лозунг десоветизации, объективно говоря, был направлен не на конкретно советское, а на всю российскую идентичность. Огромное население с нечеткой идентичностью, основанной на комплексе неполноценности. Сейчас происходит конфликт традиционной и квазилиберальной идентичности. И придуманные, несуществующие конфликты «красного» и «белого», секулярного и религиозного». То есть, разрушение советского привело к разрушению традиционной идентичности.

Темой доклада заместителя директора исследовательского центра «Религия в современном обществе» Института комплексных социальных исследований РАН, заведующей кафедрой политологии РУДН, профессора Марины Мчедловой стала «Религия и “дебаты об идентичности”: политические контексты современности». Докладчик отметила, что в условиях повышенных рисков современности религиозные идеология и институты становятся актуальными и «ощущаемыми» в повседневной жизни и в межличностных от-

ношениях. Религия включается в жизнь общества не столько как социальный институт, сколько как способ коллективной и индивидуальной идентичности.

Протоиерей Александр Пелин в своем выступлении на тему «Вызов идентичности: христианский ответ постмодерну» отметил, что в эпоху модерна, которая в России выпала на советское время, произошло разрушение традиционной общины, формировавшей личность. В результате секуляризации смысл жизни и ее ценности ушли из общественной жизни, идентичность, в том числе религиозная, стала частным делом. Идеологизированные понятия советского человека и борьба за чистоту нации – лишь робкие попытки выстроить идентичность без божественного начала. Факторы социальной реальности постмодерна – это появление новой медиасреды и формирование глобального общества потребления, в котором личность идентифицируется именно через потребление, а не созидание. В христианской идентичности личность призвана раскрывать себя как образ и подобие Божие. Говоря о новых идентичностях общества постмодерна, А. Пелин отметил: «Сформировалось новое общество потребления, и новая фрагментированная личность определяет и идентифицирует себя через потребление, а не созидание. Человек стремится все больше испытать и ощутить, а не понять и осмыслить».

По мнению заместителя председателя комиссии по гармонизации межнациональных и межрелигиозных отношений Общественной палаты РФ, муфтия Москвы, Центрального региона и Чувашии Альбира Крганова, в современных исторических условиях обществу необходим набор правовых, административных, организационных, социокультурных, медийных и иных инструментов для реализации стоящих задач обеспечения межконфессионального мира и эффективного противодействия религиозному радикализму. Он привел высказывание министра иностранных дел РФ Сергея Лаврова: «против нашей страны сейчас идет беспрецедентная информационная атака». Альбир Крганов подчеркнул, что явно можно заметить элементы чуждой религиозной экспансии. Сейчас религиозных деятелей во всем мире волнует подмена смыслов и понятий священных текстов, которая формирует в сознании обывателей негативный образ религий, в том числе Ислама. Возьмем самый простой пример: слово «шахид» означает «мученик, погибший за веру», а не психопат, убивающий себя и окружающих. Настоящими шахидами были наши сограждане, сражавшиеся в Великой Отечественной войне с нацистской Германией за свою

* Организация запрещена в России.

Родину, а не террористы, осквернившие это понятие. Кстати, призыв к джихаду против фашистов был объявлен тогда главой мусульман России. И настоящий джихад, полагает Альбир Крганов, это в первую очередь борьба со своими пороками и низменными качествами, т.е. работа над своим эго.

Выступление муфтия Москвы поддержал председатель Духовного управления мусульман Санкт-Петербурга и Северо-Западного региона России, муфтий Равиль Панчеев. В своем выступлении он заявил, что всем нам стоит «гордиться историей, жить в стране как верные подданные, а не как временные и чужие. Временным и чужим не нужно знать историю и традиции».

Член Совета по взаимодействию с религиозными объединениями при президенте РФ, заведующая кафедрой философии религии и религиоведения СПбГУ, профессор Марианна Шахнович осветила проблему гармонизации этнорелигиозной ситуации в контексте образования. Проректор по научной работе РХГА, профессор Дмитрий Шмонин продолжил тему религиозного образования. Заведующая кафедрой религиоведения Казанского (Приволжского) Федерального университета, доктор философских наук Светлана Астахова раскрыла тему религиоведческой экспертизы.

О советском принципе дружбы народов, в отличие от навязанной Западом толерантности, говорил в своем выступлении депутат Законодательного Собрания Санкт-Петербурга, заведующий кафедрой социологии и религиоведения РГПУ им. А.И. Герцена, профессор Алексей Воронцов. Он также предложил ряд конкретных мер по предотвращению обострения межнациональной и межрегиональной ситуации. По его мнению, «необходимо принять безотлагательные меры по упорядочиванию процесса миграции в Россию, включая недопущение нелегальной миграции, особенно с учетом “вирусов” экстремизма и терроризма, которые целенаправленно “заносятся” в нашу жизнь многими прибывающими в нашу страну иностранными гражданами».

По словам А. Воронцова, кроме жесткого противодействия нелегальной миграции, «необходимо начать систематическую работу по реальному включению в поле российской культуры и традиционных конфессий как легальных мигрантов, так и российской молодежи».

На секции «Псевдорелигиозный экстремизм и современные мировые вызовы» обсуждались развитие религиозной ситуации на Северо-Западе, роль религиозного фактора в геополитике, проблема псевдорелигиозного терроризма.

На секции «Калейдоскоп идентичностей и мировые процессы глобализации» шла речь о взаимном влиянии религиозной, этнической и гражданской идентичностей, культурном и религиозном измерении этноса.

10 марта 2016 г. в Государственном музее истории религии прошел круглый стол с участием представителей различных религиозных организаций России: «Трехвековой опыт Санкт-Петербурга по мирному сосуществованию и сотрудничеству представителей различных этносов и религиозных традиций» под эгидой Совета по взаимодействию с религиозными объединениями при Президенте Российской Федерации. Целью круглого стола являлось изучение и популяризации модели этно-конфессионального сотрудничества Санкт-Петербурга.

Среди выступивших на круглом столе главный специалист отдела по международным отношениям и координации государственных программ Комитета по международным отношениям и реализации миграционной политики в Санкт-Петербурге Кирилл Сперанский. Он отметил многовековой положительный опыт истории многонационального и многоконфессионального Санкт-Петербурга как яркий пример мирного сосуществования и сотрудничества представителей различных национальностей и религиозных традиций. «Такие примеры прорастают из великой традиции международного и межрелигиозного мира, уходящей в историю нашего Отечества, – пояснил он. – Поэтому нужно не расходиться, не изолироваться и не сливаться, а оставаться самими собой и в рамках единого государства строить отношения, основанные на подлинном уважении, симпатии и способности развивать сотрудничество. Успехи и процветание сотрудничества во многом зависят от способности людей, принадлежащих к разным религиям и культурам, жить и работать вместе».

В этот же день в музее истории религии состоялся творческий вечер публициста и общественного деятеля, первого заместителя председателя Синодального отдела по взаимоотношениям Церкви с обществом и СМИ Александра Щипкова. На встрече были представлены последние работы А.В. Щипкова: книга «Бронзовый век России. Взгляд из Тарусы», сборник статей о русской идентичности «Плаха», книга Святейшего Патриарха Кирилла «Семь слов о русском мире», составителем и автором предисловия которой выступил А. Щипков. На встрече разговор шел о патриотизме и русофобии, о церкви и власти, о политике и религии, о литературе и публицистике.

ОСНОВНЫЕ ТЕАТРАЛЬНЫЕ СОБЫТИЯ ЯНВАРЯ, ФЕВРАЛЯ, МАРТА 2016 ГОДА В МАРИИНСКОМ И АЛЕКСАНДРИНСКОМ ТЕАТРАХ

© Дробышева Марина Николаевна – кандидат искусствоведения, доцент, Санкт-Петербургский государственный институт кино и телевидения, Санкт-Петербург; e-mail: drob.55@mail.ru

С оперной феерией «Рождественская сказка» Родиона Щедрина можно было познаться в январе 2016 г. на Новой сцене Мариинского театра. Либретто композитор создавал по мотивам сказочных историй чешской писательницы Божены Немцовой в переводе Николая Лескова и русского фольклора. Валерия Гергиева привлекла «яркая сверкающая партитура» и, как высказался маэстро, «настоящее музыкальное пиршество, оперный “Щелкунчик”». Режиссер Алексей Степанюк задумал поставить рождественскую историю, где главной героиней стала падчерица – Замарашка, познавшая волшебство двенадцати месяцев и доставившая любимые фиалки российской Царицы, как новогоднее развлекательное шоу, соединив в спектакле элементы сатиры, были и сказочности.

К такому необычному решению Алексей Степанюк прибегает, досконально изучив партитуру и либретто композитора, в которых сочетались кинематографичность сценария и звучания вместе редких инструментов, таких как маримба и клавиесин. Оформили спектакль художники Александр Орлов и Ирина Чередникова. Красива каватина Замарашки в исполнении Пелагеи Куренной под аккомпанемент домры, металлических тарелок и колокольчиков, создающих впечатление волшебного сверкания. Вокализ Царицы – его поет Екатерина Сергеева – сопровождается позвякиванием коровьих колокольцев. Повседневная жизнь врывается в спектакль. На Невском предновогодняя суета, которая передается артистами хора и миманса, празднично наряженными. В начале спектакля двенадцать месяцев появляются в облике великанов на башнях, затем они меняются, приближаясь к зрителю. Партии Января, Марта, Июля, Сентября, Ноября исполняются трепетными девичьими голосами. Постановщики стремились уйти от стереотипов сказки «Морозко». Спектакль завершается фразой из оды Шиллера «К радости», которую использовал Бетховен в финале Девятой симфонии: «Обнимитесь, миллионы» («Seid umschlungen Million»), и словами общего хора: «Доброте споем хвалу и свету, мы споем хвалу любви! С Новым годом, люди всей земли!»

Еще одним событием уже не в первый раз стали присутствующие в репертуаре Ма-

ринского театра концерты, посвященные памяти Йюко Нагаэ Ческины. Им Валерий Гергиев придает особое значение. Ведь благодаря ее поддержке многие зарубежные слушатели смогли узнать и полюбить сочинения русских композиторов. Свой концерт ей посвятила Софья Кипрская, представившая уникальную программу для арфы соло и оркестра таких композиторов, как Сметана, Фалья, Дженкинс, прозвучало и Элегическое концертино для арфы и струнного квартета Эдуарда Кипрского.

Страдивари-ансамбль Мариинского театра (дирижер Лоренц Настурика-Гершовичи) исполнил «Маленькую ночную серенаду», а также Концертную симфонию Моцарта и «Смерть и девушка» Шуберта для струнного квартета в переложении для камерного оркестра. Особый интерес у слушателей вызвала концертная симфония Моцарта для скрипки и альта с оркестром. Моцарт любил играть на альте и поэтому создал это виртуозное сочинение, в котором в исполнении Юрия Афонькина (альт) и Лоренца Настурика-Гершовичи (скрипка) в этот вечер царил абсолютное равенство и скрипки и альта. Нельзя было сказать, какой из инструментов звучал ярче и выразительнее. Музыкантам удалось передать атмосферу праздника, которая достигается только сотворчеством.

В начале февраля в Мариинском театре звучали под управлением Валерия Гергиева произведения итальянского гения Джузеппе Верди: «Реквием» и опера «Симон Бокканegra», постановку которой осуществил Андреа Ди Роза, партию Якопо Фиеско создал выдающийся итальянский бас Берруччо Фурналетто. Композитор обратился к истории XIV века – пьесе Антония Гарсиа Гутьерреса о братоубийственной войне между дожем Генуи Бокканегрой и дожем Венеции, в которой Верди видел намек на современные политические события национально-освободительной борьбы. В опере был очень тонко воссоздан морской пейзаж, трепещущие скрипки передают движение волн, море становится неотъемлемой частью спектакля, его душой. Лаконично подобно графике выполнено декорационное решение. Валерий Гергиев вместе с итальянскими постановщиками, симфоническим оркестром, безукоризненной командой певцов Владиславом Сулимским,

Фурруччо Фурланетто, Ириной Чуриловой, Романом Бурденко, Виталием Янковским, Мариной Марескиной создал уникальное сценическое действие, наполненное игрой оркестровых и певческих тембров.

Для вокальных концертов предназначен зал Мусоргского, названный в честь великого композитора в Мариинском-2. Одним из таких стал концерт «От Баха до Берлиоза», прозвучавший в исполнении группы альтов Мариинского театра (концертмейстер Юрий Афонькин). Британский композитор Йорк Боуэн сочинил пьесу-фантазию для четырех альтов в позднеромантическом стиле. Екатерина Сергеева сумела передать колорит одиннадцати «Народных песен» композитора-авангардиста Берлиоза благодаря исполнению их на языке оригинала. Песни звучали на английском, армянском, азербайджанском, французском, генуэзском диалекте и окситанском языке древних мавров (дирижер Иван Столбов).

Валерий Гергиев год Сергея Прокофьева в Мариинском театре открыл симфонической сказкой «Петя и волк» (партию тещи исполнил драматический артист Евгений Миронов) и «Первой, или классической, симфонией», которую композитор посвятил Борису Асафьеву.

«Вечер тромбона и тубы» вел с истинным артистизмом и должным юмором артист оркестра Мариинского театра, трубач Сергей Крючков. Программа концерта была разнообразной: от «Олимпийской фарнфары» Джона Уильямса, «Скифской сюиты» Сергея Прокофьева, «Винни-Пуха и пчел» Вячеслава Круглика, «Элегии для Миппи» Леонарда Бернстайна до Дмитрия Шостаковича, Джоаккино Россини и Рихарда Вагнера, дирижировал Алексей Репников. В финале концерта прозвучала увертюра к опере «Тангейзер», участвовали в ней не три тромбона, как это было в вагнеровской партитуре, а вся группа тромбонистов Мариинского театра, передавая мощь и силу звучания этого уникального медного старинного инструмента.

Нельзя не упомянуть дирижера Уилсона Эрманто и пианиста Илью Рашевского, выступивших в феврале в Концертном зале Мариинского театра с программой Моцарта вместе с симфоническим оркестром театра.

С 18 по 28 февраля в Александринском театре проходила юбилейная программа «Десять спектаклей Валерия Фокина» в честь 70-летия художественного руководителя театра. За эти дни зрители смогли посетить все созданные Валерием Фокиным спектакли: «Третий выбор», «Литургия Зего», «Двойник», «Ксения. История любви», «Ревизор», «Гамлет», «Ваш Гоголь», «Женитьба», «Мас-

карад» – и премьеру его новой постановки «Сегодня. 2016». На Новой сцене открылась выставка-инсталляция «Сценические миры Валерия Фокина», представившая метафорическое введение образов петербургских спектаклей режиссера. Вне сцены они превращаются в тени и силуэты, становясь знаками существующего мира. Персонажи, воплощенные в силуэтных образах, можно увидеть воочию в фокинских спектаклях. В дни юбилейной декады был показан художественный фильм по мотивам произведения Франца Кафки «Превращение» (2002) Валерия Фокина, обладателя Гран-При кинофестиваля «Литература и кино». В киноверсии новеллы роль Замзы сыграл Евгений Миронов.

22 февраля в Медиацентре Новой сцены прошла презентация книги «Огонь» Кирилла Фокина, сына юбиляра, по которой был поставлен спектакль «Сегодня. 2016». Книга «Огонь» написана в жанре фантастической мистической повести с юмористическим подтекстом и обращена к читателю с призывом уберечь распадающийся мир, передать пульс времени нашей современности. В спектакле «Сегодня. 2016» занят в главной роли Петр Семак. Это первый опыт работы Валерия Фокина на Новой сцене, в числе специальных задач этого важного и в высшей степени экспериментального произведения – подчинение современных технологий сценического пространства художественному замыслу режиссера.

26 февраля в Царском фойе состоялась презентация книги Валерия Фокина «Беседы о национальном театре» (под редакцией А.А. Чепурова), раскрывшая опыт осмысления теории и практики работы режиссера, и в тот же день открылась выставка, подготовленная Санкт-Петербургской Театральной библиотекой к юбилею художественного руководителя Александринского театра.

Завершилась юбилейная декада 28 февраля спектаклем Валерия Фокина «Маскарад. Воспоминания будущего» по драме М.Ю. Лермонтова «Маскарад» и спектаклю Вс. Мейерхольда 1917 г.

Собранные в одну декаду спектакли, от поставленного в 2002 г. «Ревизора» до «Сегодня. 2016», стали своеобразным художественным отчетом театра за более чем десятилетний период и способствовали пониманию пути развития творческой биографии режиссера.

Результатом работы Валерия Фокина на посту художественного руководителя стало присвоение Александринскому театру в августе 2014 г. статуса Национального достояния.

КНИГА О НЕОСУЩЕСТВЛЕННЫХ МЕЧТАХ

Рецензия на книгу В.И. Антонова «Мечты, погребенные в атомном пекле»*

© Бороноев Асалхан Ользонович – доктор философских наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург; e-mail: pavlovasoc@mail.ru

К сожалению, сегодняшний человек уже не следит за художественными книжными новинками, как было лет 25 назад. Тогда мы читали книги, толстые журналы, были в курсе «литературных» событий, обсуждали с друзьями, советовали прочитать...

Увлечение чтением вспомнилось, когда мне подарили книгу рассказов Владимира Антонова, не литератора, а известного сибирского философа и культуролога, которого давно знаю. Представление В. Антонова в образе писателя оказалось мне интересным, я стал читать его рассказы и не мог оторваться.

В рассказах говорится о детях Хиросимы, их семьях, жизни, мечтах, надеждах, о дружбе и любви. Они знают, что идет война, но не знают, какой конец в скором времени их ждет... Впечатление жестокости случившегося, дается на фоне истории семей, их трудной и трудовой жизни, как в них формируются характеры, перспективы японских детей, которые разрушились в один миг. Ни в одном рассказе не говорится о последствиях катастрофы, читатель сам домысливает все ужасы. Это очень страшно и ты воочию начинаешь представлять то, что было 70 лет тому назад.

Автор нашел свою логику взращивания в наших душах осознания бессмысленности действия американцев по уничтожению мирных людей (не людей с оружием) и детей, которые живут мечтами о будущем, борются и готовят себя к этому. Вот 8-летний мальчик, Дзиро мечтает стать спортсменом-лыжником, восходящим на небеса и парящим над белыми облаками. Герои рассказа «Сестры Сато» 12 и 7 лет Есико и Тиэко ищут себя – старшая в живописи, а младшая в фигурном катании. Автором тонко показаны душевные движения героинь, появление чувства обреченности, безысходности и ностальгии у старшей сестры и непонимание того, что происходит с ней – младшей.

Гимпей и его друзья, в рассказе «Божественный ветер» играют в разведчиков, диверсантов и патрульных, мечтая стать летчиками-камикадзе... Они играли в августе 1945 г. и «казалось, что не будет конца беззаботной ребячьей игре под густой листвой сливовых деревьев». Но оно оборвалось 6 августа 1945 г.

В рассказе «Маленький банкир» в семье Такусиро Ито, банковского служащего, растет

сын. Он мечтает пойти по пути отца в надежде искоренить бедность. Мелкий банковский служащий счастлив работой, верит в прекрасное «завтра» для семьи и сына, который в будущем осуществит свою мечту, и это навеивает на мужчину прилив радости и светлой грусти. У читателя, который понимает, что надежда на счастье у семьи Такусито Ито скоро прервется, вызывает сильное эмоциональное негодование. Герой другого рассказа – хиросимский мальчик Кэндзи Кобаяси увлечен хокку, традиционными японскими трехстишиями, занимается в поэтическом кружке, где учили составлению образов-набросков буквально из одного-двух штрихов как у Басе:

Внимательно смотришь!
Увидишь цветущую назуну
Около изгороди.

В день рождения он вопрошает себя: «Мне уже 15 лет! Неужели мне целых 15 лет?», и говорит, что до возраста Басе целых 35 лет. «Как много еще мне удастся написать хокку!» Не удалось. Наступил август...

В рассказе «Икебана» 14-летний Хироси учится понимать смысл цветов, поиску их красоты, их языка и символического содержания.

Через это он начинает воспринимать красоту природы, выраженную в цветах, и значение своего выбора, делающего красоту природы доступной для других. Увлечение Хироси не суждено было осуществиться...

В рассказе «Маленький архитектор подводного города» маленький Масао любит строить, конструировать, собирать разный материал, чем радуется своих близких. По мере опыта начинает делать сложные модели, (модель Замка Хиросима) и придуманную конструкцию подводного города. Во время радости за удачную конструкцию, которая прошла испытание «...Яркая, ослепительной белизны вспышка над городом моментально испепелила мальчиков...».

Воспроизвести сюжеты невозможно, надо прочитать. Начав читать, оторваться от этой книги трудно. Книга о жестокости, ее бессмысленности, о несостоявшихся мечтах и судьбах жителей (детей) Хиросимы. Автор прекрасно показывает как завязываются судьбы детей, как могли бы их увлечения

* Антонов В.И. Мечты, погребенные в атомном пекле. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2015. – 107 с. (1000 экз.).

стать линией взрослой жизни. К сожалению, у детей Хиросимы 70 лет назад это не осуществилось.

Приятно, что в рассказах В. Антонова нет ужасов катастрофы, они показаны в соотношении – жизнь, ее планы, перспективы и 6 августа 1945 г., как конец всех исканий, радо-

стей. Эта книга художественное произведение и в тоже время напоминание о варварстве одной из «цивилизованных» стран, что требует недопущения в будущем и постоянной памяти. Поэтому книжка имеет эпиграф: «Будущим поколениям, чтобы помнили». Хочется, чтобы эту книгу прочитали многие.

А.А. Мельникова

ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ ПРАКТИКА: КЕЙС-СТАДИ В АНАЛИЗЕ КОНФЛИКТОВ

Рецензия на коллективную монографию «Психология конфликта. Компендиум кейсов»

© Мельникова Алла Александровна – доктор культурологии, профессор, Санкт-Петербургский гуманитарный университет профсоюзов, Санкт-Петербург; e-mail: 88alla88@mail.ru

Изучение конфликтов, понимание их психологии, владение способами и методами их разрешения – эти направления научной мысли особенно актуальны в настоящее время. Развивающийся экономический кризис провоцирующий конфликтные ситуации в разных социальных сферах, и этнические конфликты становятся объектом пристального внимания – как в контексте международной ситуации, так и в контексте усиливающегося миграционного потока в России. Решить эти проблемы призваны новая дисциплина – «Конфликтология» и новое одноименное направление подготовки специалистов.

Если классическое образование было ориентировано на традиционализм, нормативность, завершенность, стабильность, с получением на выходе знаний, то у формирующегося постклассического образования акцентны стоят на инновациях, творчестве, непрерывности, неустойчивости, с получением в качестве результата образования компетентности, умения самостоятельно решать профессиональные задачи. Соответственно у формирующейся новой образовательной парадигмы возникли потребности в методах обучения, способствующих решению ее задач. К одним из таких интерактивных методов и относятся кейс-стади, при которых усвоение материала происходит не в форме классических семинаров с подготовкой определенных вопросов, а в форме анализа реально происходивших случаев («case» по-английски и означает случай).

Вышедшая коллективная монография «Психология конфликта. Компендиум кейсов» (под ред. Т.И. Короткиной. Изд-во СПбГУП, 2015, 116 с.), соединив эти два актуальных запроса, дает возможность изучить теорию вопроса, разбирая сущность, типы, динамику и модели разрешения конфликта, а также подробно разбирая существующие технологии анализа конфликта. Кроме того, в монографии излагается метод кейс-стади, дается классификация и структура кейсов, принци-

пы и этапы работы с ними. Наряду с теорией в сборник входит компендиум кейсов – собрание различных реально произошедших конфликтных ситуаций. Таким образом, монография представляет собой пример удачного соединения теории с практикой, при которой обучающийся не только имеет возможность рассмотреть, как в реальности происходит разворачивание описанных в теории типов конфликта, но и подобрать из изложенных технологий анализа и урегулирования именно ту, которая более продуктивно позволит разрешить данную ситуацию.

Использование кейсов в обучении способствует формированию активной позиции студента, при которой профессиональные навыки развиваются за счет практической переработки полученного знания, а не абстрактного запоминания теоретических положений. Кроме того, кейс-стади стимулируют дивергентное, творческое мышление, которое ориентировано на поиск множества решений одной и той же проблемы, в противоположность существовавшей ранее установке на формирование типа мышления, при котором решение было основано на нормативном следовании единственному выученному алгоритму. Именно наличие развитого дивергентного мышления необходимо профессионалу в современной социально-экономической ситуации с высоким индексом неопределенности, оно поможет находить оптимальные решения при неясности обстоятельств и неясности условий и состояний.

Таким образом, вышедшая в свет монография «Психология конфликта. Компендиум кейсов» – своевременный ответ на запросы практической деятельности, нужная литература как для студента, так и для преподавателя. В качестве пожеланий авторскому коллективу – чтобы публикации кейсовых компендиумов были продолжены, возможно – по разным дисциплинам, с систематизированными кейсовыми блоками по различным аспектам изучаемого материала.

ЧТО БУДЕМ ДЕЛАТЬ И КАК БУДЕМ ЖИТЬ?

Рецензия на книгу С. Викторова «Экологическая безопасность в Балтийском регионе в контексте морской деятельности» (2014)

© Алимов Андрей Алексеевич – кандидат исторических наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет; руководитель, Научная программа «Международное сотрудничество в области окружающей среды и развития, Санкт-Петербург; e-mail: alimovandrey@yandex.ru

В контексте принятой в 1992 г. на конференции в Рио-де-Жанейро Концепции (концепта) Устойчивого Развития (далее КУР) в наше время следует учитывать не только социально-экономические аспекты развития общества, но и экологические. На той же Конференции был принят документ «Наше общее будущее», в котором были обозначены основные направления деятельности ученых, специалистов, политиков и представителей гражданского общества.

Социально-экологическая проблема имеет не только свою «горизонталь», но и «вертикаль», которая проходит по следующим уровням – глобальному, региональному и локальному. Региональный уровень ставит более серьезные задачи, решение которых возможно только при понимании необходимости и важности международного сотрудничества в этой сфере. Здесь возникает действие так называемого принципа субсидиарности. Он заключается в том, что на региональном уровне суверенные и независимые государства должны отдавать часть своего суверенитета для успешного решения любой проблемы, в том числе и социально-экологической.

В рецензируемой работе С.В. Викторова видна актуальность и важность научных сочинений, посвященных подробному исследованию региональной проблемы Балтийского региона. Работа посвящена анализу среднесрочного плана действий в Балтийском регионе. В выходе к Балтийскому морю были заинтересованы многие государства и государственные деятели, в частности, Петр Великий, чья внешняя политика, направленная на выход к Балтике, говоря современным языком, была проявлением геополитического интереса России в первой четверти XVIII века. Отметим, что, во-первых, теория геополитики в Советском Союзе практически была «вне идеологического законодательства», поскольку ученые, выдвинувшие такой подход (в частности – Хаусхоффер) заложили, как считалось, основу нацизма, нацеленного на расширение территории своих интересов, которая была в свое время использована немецким нацизмом. Во-вторых, в период петровских реформ было проведено много географических экспедиций, в ходе которых

изучались отдельные регионы, прилегавшие к границам Российской Империи, в том числе и в регионе Балтийского моря. Конечно, сегодня постоянное изучение балтийскими странами этого региона базируется не только на торгово-экономических интересах, но и на понимании необходимости поддержания экологической безопасности.

В этом плане работа С.В. Викторова отличается обращением не только к работам других российских и зарубежных ученых, но, что особенно важно – к документам, в том числе «Плану действий ХЕЛКОМ по Балтийскому морю (2007–2020 годов)».

Рецензируемая работа С.В. Викторова построена на классической парадигме исследования регионального социально-экологического и экономического характера. Но автор смог создать структуру своей монографии так, что ему удалось совместить два важных подхода – анализ исследовательских изданий и подробное рассмотрение документов. Поэтому работа в определенной степени носит новаторский характер, и автор следовал выбранной им структуре монографии. Он подробно осветил вопросы изучения Морской доктрины Российской Федерации, спроецировав ее на проблемы Балтийского моря, и связал с анализом стратегии морской деятельности в нашей страны до 2030 г. Важно отметить еще и то, что автор представленной монографии сам участвовал в разработке целого ряда принципиально значимых сюжетов и поэтому он глубоко «вошел» в понимание рассматриваемых вопросов.

В работе дана объективная картина деятельности ХЕЛКОМА, включая и такие положения, как отсутствие понимания между российскими исследователями и практиками по отдельным вопросам, имеющим серьезное значение. Поскольку автор монографии видел все коллизии, что называется, изнутри, то описанные им разногласия и недопонимания следует воспринимать всерьез, а проблема становления процесса совместного сотрудничества всех стран в районе Балтики требует незамедлительного решения.

Остается пожелать С.В. Викторovu дальнейших исследований важной темы сохранения Балтийского моря.

SOCIETY-ENVIRONMENT-DEVELOPMENT

SOCIETY

Article
Summary &
References

Efficient Management

Gladkiy Y.N., Gladkiy I.Y., Mahova I.P. On the spatial costs of the market urbanization in Russia ..... 4 / 137

Solomin V.P., Sultanov K.V., Vosresensky A.A. Conceptology of economic knowledge: the problem of basics ..... 10 / 138

Globalization: Polemic of Civilizations

Weissman M.G., Alimov A.A. Time of Troubles: Smutnoe Vremia ..... 14 / 138

Myasnikov S.V., An Yanhui. Sino-Russian economic and political partnership. The forest policy of Russia..... 26 / 139

Social Phenomena

Boronoev A.O., Zaharova E.M. Fifty years of the Research Institute for Complex Social Research (NIIKSI).Roundtable on scientific conference – X Kovalevskys readings, November, 13–15, 2015 ..... 31 / 139

Thakahov V.H. P.G. Mizhuev – sociologist-urbanist ..... 35 / 140

Kharitonova E.G. The features of the “Third Sector” creation in Russia: the professionalization of the NGO-staff ..... 38 / 140

Languages of Culture

Kisilenko A.P. Specific feathers of the symbolic approach to the study of urban cultural landscape..... 42 / 141

Orlova N.K. Travel notes on Norway: texts and contexts ..... 47 / 141

World of Art Culture

Zabrodina G.D., Sazina I.V. From the symbol to the artistic image: structural and semiotics approach to the design and aesthetic perspective ..... 51 / 142

Fedotova A.V. Marketing in Art..... 60 / 143

Cultural Heritage

Khlevov A.A. Ship in the Nordic Bronze Age Culture: geographical aspect ..... 65 / 144

Pravdin K.G. Heuristics and cataloguing of an ex-libris in the collection of the State Memorial Museum of A.V. Suvorov ..... 70 / 144

Axiological Experience

Sultanov K.V., Fedorin S.E. The socio-cultural and ideological identity of the young specialist: horizons of manipulative influence ..... 77 / 145

ENVIRONMENT

Understanding the Noosphere

Malofeevskaja N.A. Socioeconomic status as a factor forming malignancies (review of foreign studies)..... 82 / 146

Nikitchuk K.L. Options of introducing traditional ecological knowledge of indigenous ethnic groups into the practice of environmental and natural resource management ..... 87 / 147

Global Ecological Crisis: Myths and Reality

Kondratyev S.A., Shmakova M.V., Brykhanov A.Yu., Chichkova E.F., Markova E.G. Assessment of possible nutrient loading decrease in river basins by the implementation of the best available agricultural technologies..... 92 / 148

Natural Environment

Kublitsky I.A., Kharin G.S., Subetto D.A., Arslanov K.A. Reconstruction of origin and sedimentary processes of lakesand swamps of Vishtynetskaya highland (Kaliningrad region)..... 100 / 149

Urban Environment

Fedulova S.I. Finnish experience in citizen involvement in urban planning..... 106 / 150

Zabrodina G.D., Voloshinov A.V. Spatial symbolism as archetypical foundation of the cultural landscape ..... 111 / 151

NEWS

Subetto A.I. Noospherism as New Scientific and World Outlook System in the 21st Century (in the Context of a Survival Imperative)..... 116 / –

Alimov A.A., Nemchinova T.S., Stetsko E.V. Russia in the World and the World in Russia..... 118 / –

Alimov A.A., Tulupov D.S., Leksyulina Ya.V., Stetsko E.V. The Arctic Subject on the Bank of Neva River. Review of the main scientific actions of 2015..... 121 / –

Akimov S.S. Art Criticism Section at 40 Readings in Honor of Dobroliubov. February, 11, 2016, Nizhny Novgorod ..... 124 / –

Ruschin D.A. International scholar conference «Religious situation in the North-West of Russia: Problems of social and cultural identities», March, 9–10, 2016, St. Petersburg ..... 127 / –

Drobysheva M.N. The main theatrical events of January, February, March, 2016 in Mariinsky and Aleksandrinsky theaters ..... 130 / –

Boronoyev A.O. The book about unrealized dreams. The review of V.I. Antonov's book “The dream buried in a nuclear scorching heat” ..... 132 / –

Mel'nikova A.A. Educational Practice: Case-Study in the Analysis of the Conflicts. The Review of the Book “Conflict Psychology. Compendium of Cases” ..... 133 / –

Alimov A.A. What will We do and as We will live? The Review of S. Viktorov's Book “Ecological Safety in the Baltic Region in the Context of Sea Activity” ..... 134 / –

SUMMARY & REFERENCES

SOCIETY

EFFICIENT MANAGEMENT

Y.N. Gladkiy,

doctor of geographical sciences, professor, member-correspondent of the Russian academy of education,
head of department of economic geography, the Herzen State Pedagogical University of Russia;
e-mail: Gladky43@rambler.ru

I. Y. Gladkiy,

doctor of geographical sciences, docent, the Herzen State Pedagogical University of Russia;
e-mail: Gladkiy68@rambler.ru

I.P. Mahova,

candidate of pedagogical sciences, docent, the Herzen State Pedagogical University of Russia;
e-mail: alphaspb@mail.ru

ON THE SPATIAL COSTS OF THE MARKET URBANIZATION IN RUSSIA

The process of housing construction in Russia, associating the Moscow, St. Petersburg and major cities is critically interpreted. Expressed concern about the decrease in population density in the peripheral regions. Celebrated an extremely small role in the process of housing local government, which is contrary to the experience of developed countries. Residents should have the opportunity to create their own space, to adapt the city.

Key words: housing, expansion of Moscow and St. Petersburg, sleeping area, municipalities, local government reform.

References:

- [1] On measures to ensure Russian citizens with affordable and comfortable housing and improve the quality of housing and communal services. Decree of the President of the Russian Federation of May 7, 2012, № 600 [O merakh po obespecheniyu grazhdan Rossiyskoy Federatsii dostupnym i komfortnym zhil'em i povysheniyu kachestva zhilishchno-kommunal'nykh uslug. Ukaz Prezidenta Rossiyskoy Federatsii ot 7 maya 2012 g., № 600]
- [2] Strategy of development of mortgage housing crediting in the Russian Federation until 2020 [Strategiya razvitiya ipotechnogo zhilishchnogo kreditovaniya v Rossiyskoy Federatsii do 2020 goda] / Approved by resolution of the Government of the Russian Federation from November 8, 2014, № 2242-R [Utv. rasporyazheniem Pravitel'stva Rossiyskoy Federatsii ot 8 noyabrya 2014 g., № 2242-r.]
- [3] The Provision of affordable and comfortable housing and communal services of citizens of the Russian Federation. The program of the Russian Federation, approved by decree of the Government of the Russian Federation of 15 April 2014, № 323 [Obespechenie dostupnym i komfortnym zhil'em i kommunal'nymi uslugami grazhdan Rossiyskoy Federatsii. Programma Rossiyskoy Federatsii, utverzhdannaya postanovleniem Pravitel'stva Rossiyskoy Federatsii ot 15 aprelya 2014 g., № 323]
- [4] The miracle of Belgorod: low-rise construction as a way of housing reform [Belgorodskoe chudo: maloetazhnoe stroitel'stvo kak put' zhilishchnoy reformy] // Federal construction market [Federal'nyy stroitel'nyy rynek]. 2006, № 49, pp. 3–11.
- [5] Gladkiy Yu. N. About optimization of the interregional proportions in Russia [Ob optimizatsii mezhregional'nykh proporsiy v Rossii] // Society. Environment. Development [Obshchestvo. Sreda. Razvitiye]. 2014, № 2, pp. 169–173.
- [6] Gladkiy Yu. N. The role of rent Metropolitan status in the strengthening of regional disparity [Rol' renty stolichnogo statusa v usilenii mezhregional'nogo neravenstva] // Journal of Zabaikal State University [Vestnik ZabGU]. 2014, № 10, pp. 107–115.
- [7] Gladkiy Yu. N. Environmental determinants of territorial expansion of Moscow and St. Petersburg [Ekologicheskie determinanty territorial'noy ekspansii Moskvy i Sankt-Peterburga] / Ecological balance: problems of development of the territory [Ekologicheskoe ravnovesie: problemy razvitiya territorii]. Pushkin, ed. LGU by A.S. Pushkin. 2014, pp. 15–19.
- [8] We don't need Nanobug. St. Petersburg residents against the construction of South town [Nam ne nuzhen Nanobug. Peterburzhtsy protiv vozvedeniya Yuzhnogo]. URL: <http://www.spb.aif.ru/society/science/950397>
- [9] The EXPOCENTER. Media monitoring [EKSPOTsENTR. Monitoring SMI]. 19.06.201. URL: <http://www.tpp-inform.ru/userdata/2013/1371622809>
- [10] Gladkiy Yu.N. Moskow in the Mirror the Regional Pathologies // Donish Journal of Geography and Regional Planning (an international online, open access and peer reviewed journal). 2015.

Doctor of pedagogical Sciences, Professor, Honored worker of higher school of Russia,
Honorary worker of science and technology of the Russian Federation, rector,
the Herzen State Pedagogical University of Russia, Saint-Petersburg;
e-mail: rector@herzen.spb.ru

Doctor of Philosophy, Honored worker of science of the Russian Federation,
the Herzen State Pedagogical University of Russia, Saint-Petersburg;
e-mail: child2000@bk.ru

PhD in Philosophy science, Assistant lecturer, the Herzen State Pedagogical University of
Saint-Petersburg;
e-mail: voscres@gmail.com

CONCEPTOLOGY OF ECONOMIC KNOWLEDGE: THE PROBLEM OF BASICS

The article analyzes the phenomenon of economic knowledge, which are the basis for the economy and society based on knowledge. It should be noted that within the framework of socio-economic approaches economic knowledge is not regarded as an independent phenomenon, having distinct base.

Key words: knowledge-based economy, economic knowledge, the informal economy, the knowledge-power of Michel Foucault, an economic model, the paradigm of social development, the crisis of economic man.

References:

- [1] Bourdieu P. Capital Form [Formy kapitala] // Economic sociology. Vol. 3 [Ekonomicheskaya sotsiologiya. T. 3]. № 5, 2005, pp. 60–74.
- [2] Inozemtsev V.L., Krichevsky N.A. Economics of common sense. Moscow, Exmo. 2009, 238 p.
- [3] Korchagin Y. Russian human capital loses its quality is degraded, devalued and requires increased investment and priority [Rossiyskiy chelovecheskiy kapital teryaet kachestvo, degradiruet, obestsennivaetsya i trebuets povyshennykh i prioritnykh investitsiy]. Voronezh. CRRE. 2010. URL: <http://www.lerc.ru/?part=articles&art=1&page=70>
- [4] Coleman J. Social and human capital [Kapital sotsial'nyy i chelovecheskiy] // Social studies and the present [Obshchestvennye nauki i sovremennost']. № 3, 2001, pp. 120–139.
- [5] Leontiev D.A. Psychology of meaning: the nature, structure and dynamics of the sense of reality [Psikhologiya smysla: priroda, stroenie i dinamika smyslovy real'nosti]. Moscow, Sense, 2007, 280 p.
- [6] Ukusova E. "Ideeprovod" as the basis of the economy [«Ideeprovod» kak osnova ekonomiki] // Science and Technology RF [Nauka i tekhnologii RF]. URL: http://www.strf.ru/organization.aspx?CatalogId=221&d_no=26234
- [7] Foucault's M. Archaeology of Knowledge [Arkheologiya znaniya]. Kiev. 1996, 238 p.

GLOBALIZATION: POLEMIC OF CIVILIZATIONS

PhD, professor, University of Colorado, Colorado Springs, Colorado, USA;
e-mail: mweissman22@g.com

PhD, Associate Professor, St. Petersburg State University; Head, Master program "International Relations in the field of Environment and Development", St. Petersburg;
e-mail: alimovandrey@yandex.ru

TIME OF TROUBLES: SMUTNOE VREMIA

The article covers the main characteristics of political and socio-economic position of Russia at the edge of XVI–XVII centuries. Special attention is paid to the "Times of Troubles" – "Smutnoe Vremia" in Russian language, when according estimations of many historians a real large scale civil war supported by foreign invasion aimed at getting the Russian throne happened. When writing this article authors used English language and Russian language sources, thus reflecting mutual interests of American and Russian historians towards understanding history of both countries.

Key words: history, civil war, foreign invaders, Russian throne, the boyars, the Cossacks, plot, tsar, false tsars, the poles, the swedes, Landed Assembly, Oprichniks.

References:

- [1] Barsukov A. Rod Sheremetsevykh. Russia, St. Petersburg Press, 1882, II.
- [2] Crummey R. The Formation of Muscovy 1304–1613. London, Longman, 1987.
- [3] Dunning Ch.S.L. Russias First Civil War, The Time of Troubles and the Founding of the Romanov Dynasty. – Pennsylvania: Pennsylvania University Press, 2001.
- [4] Kluchevsky V.O. A History of Russia / Transl. by C.J. Hogarth. New York, Russell and Russell, 1960, III.
- [5] Perrie M. Pretenders and Popular Monarchism in Early Modern Russia. Cambridge, Cambridge University Press, 1995.
- [6] Platonov S.F. Boris Godunov / Transl. by L. Rex Pyles. America, Academic International Press, 1973.

- [7] Platonov S.F. *The Time of Troubles* / Transl. by J.T. Alexander. Kansas, University Press of Kansas, 1970.
 [8] Skrinnikov R.G. *The Time of Troubles, Russia in Crisis 1604–1618* / Ed. and transl. by H. Graham. America, Academic International Press, 1988.

S.V. Myasnikov,

candidate of historical sciences, teacher,
 St. Petersburg College construction industry and municipal economy, St. Petersburg;
 e-mail: myasnikovs68@mail.ru

An Yanhui,

graduate of the Department of International Management,
 St. Petersburg State University of Economics, St. Petersburg;
 e-mail: myasnikovs68@mail.ru

SINO-RUSSIAN ECONOMIC AND POLITICAL PARTNERSHIP. THE FOREST POLICY OF RUSSIA

Finding strong partners in Russia is a key strategy in the international arena. Russia has considerable untapped forest resources. Between Russia and China will open new prospects of cooperation. Russia today a serious alternative to the West. China the leader in economic development. China today is also under pressure from the West. Forest business can unite Russia and China. China is a potential investor for Russia. Russia may cooperate with China in addressing environmental problems. Russia and China may jointly implement the projects “green economy”.

Key words: economic and political partnership, forest resources, prospects of cooperation, Chinese investment, green economy.

References:

- [1] Burov A. China has invested 50 billion in a pulp and paper mill in Tomsk [Kitay vložil 50 mlrd v tsellyulozno-bumazhnyy kombinat pod Tomskom]. URL: m. rg.ru (08.05.2015).
- [2] Wang Nana. Prospects of development of economic cooperation in Henan Province and the Irkutsk region [Perspektivy razvitiya ekonomicheskogo sotrudnichestva provintsii Khenan' i Irkutskoy oblasti] / Proceedings of the Irkutsk State Economic Academy [Izvestiya irkutskoy gosudarstvennoy ekonomicheskoy akademii]. V. 25, 2015, № 3, pp. 512–513.
- [3] Greshnevnikov A.N. Save the Russian forest. Chronicle of the forest policy of the Russian Federation. The end of XX – the beginning of the XXI century [Spasem russkiy les. Khronika lesnoy politiki Rossiyskoy Federatsii. Konets XX – nachalo XXI veka]. Moscow, Book World, 2011, 288 p.
- [4] Greshnevnikov A.N. The execution of Russian forests [Kazn' russkogo lesa]. Moscow, Capital, 2013, 218 p.
- [5] Deripaska has found a partner for the development of the Yenisei Pulp and Paper Mill in China [Deripaska nashel partnerya dlya razvitiya Eniseyskogo TsBK v Kitae]. URL: m.vedomosti.ru (09.12.2015).
- [6] Zubkov I. Return of capital. Chinese investors are seeking to start their own business in Russia [Vozvrashchenie kapitala. Kitayskie investory stremyatsya otkryt' svoy biznes v Rossii] / Breath of China [Dykhanie Kitaya]. 2015, № 242, 18 p.
- [7] Merékin A. Forest resources in China [Lesnye resursy Kitaya]. Internet resource. Access: www.lesindustry.ru/issues/li_n20/Lesnie_resursi_Kitaya_140/ (09.12.2015).
- [8] Pisarenko A.I., Strakhov V.V. About Forest Policy Russia [O lesnoy politike Rossii] / Moscow, Publishing House “Jurisprudence” [ID «Yurisprudentsiya»], 2012, 600 p.
- [9] Titarenko M., Lomanov A. Political and cultural aspects of China's strategy of becoming a great power [Politicheskie i kulturnye aspekty strategii stanovleniya Kitaya kak velikoj derzhavy]. Problems of the Far East. 2015. № 3. P. 17.
- [10] Sustainability: New Challenges: A Textbook for high schools [Ustoychivoe razvitie: Novye vyzovy: Uchebnik dlya vuzov]. Under total. Ed V.I. Danilova-Danilyan, N.A. Piskulova. Moscow, Aspect Press, 2015, 336 p.
- [11] Schepin K. Beijing lifts restrictions [Pekin snimaet ogranicheniya] // Breath of China [Dykhanie Kitaya]. 2015. № 242, 21 p.
- [12] 100 issues on the Russian-Chinese Law: Summary of comparative legal research civil and commercial law [100 voprosov o rossiysko-kitayskom prave: Kratkoe sravnitel'no-pravovoe issledovanie grazhdanskogo i torgovogo prava]. Ed. S.A. Stepanov, Yu. Feytao. Moscow, Prospect, Yekaterinburg, Institute of Private Law [Institut chastnogo prava], 2014, 512 p.

SOCIAL PHENOMENA

A.O. Boronoev,

Doctor of Philosophy, Professor, St. Petersburg State University, St. Petersburg;
 e-mail: pavlovasoc@mail.ru

E.M. Zaharova,

Junior Researcher, St. Petersburg State University, St. Petersburg;
 e-mail: zem377@mail.ru

FIFTY YEARS OF THE RESEARCH INSTITUTE FOR COMPLEX SOCIAL RESEARCH (NIIKSI).

ROUNDTABLE ON SCIENTIFIC CONFERENCE – X KOVALEVSKYS READINGS 13–15 NOVEMBER 2015

The article is devoted to the history and activities of the first in the Soviet Union of the Institute for Complex Social Research (NIIKSI) Leningrad (St. Petersburg) State University, established in 1965. The article describes

the background of the Institute, called the names of its organizers. It is emphasized that the establishment of such an institution was need of the hour, the urgency for the time research topics of the Institute. The results of studies conducted by the Research Institute of Comprehensive Social Studies and their role in the development of sociology in the country. Materials of "Round Table" held on the 50th anniversary of the St. Petersburg State University NIIKSI. Given by participants of the Round Table, devoted to the analysis NIIKSI contribution to science. This contribution includes a comprehensive approach to social research, the study of large public facilities, combining in one study of fundamental and applied problems, the interaction of specialists from various fields of science.

Key words: Institute of Sociology, NIIKSI Alexandrov A.D., areas of research, "round table".

References:

- [1] Alexandrov A.D. [Vystuplenie na Obshchem sobranii AN SSSR, prokhodivshem 19-20 oktyabrya 1962 g.] // Bulletin of Academy of Sciences of the USSR [Vestnik Akademii nauk SSSR]. 1962, № 12, pp. 22–23.
- [2] Boronoev S.A. Academician Aleksandrov and his program for the development of the sociology [Akademik A.D. Aleksandrov i ego programma razvitiya otechestvennoy sotsiologii] // Sociology of Science and Technology [Sotsiologiya nauki i tekhnologii, Tom 5]. Saint Petersburg, 2014, Vol. 5, № 2, pp. 92-96.
- [3] Sharov A.N. On the history of the Research Institute of Comprehensive Social Studies SPbGU [K istorii Nauchno-issledovatel'skogo instituta kompleksnykh sotsial'nykh issledovaniy SPbGU] // Boronoev A.O. Sociology and sociological education at the St. Petersburg State University [Boronoev A.O. Sotsiologiya i sotsiologicheskoe obrazovanie v Sankt-Peterburgskom gosudarstvennom universitete]. Saint Petersburg: Publishing House of the Saint Petersburg State University [Izd-vo SPbGU], 2014.

V.H. Thakahov,

Doctor of sociological Sciences, Professor, St. Petersburg State University, St. Petersburg;

e-mail: atalik7@yandex.ru

P.G. MIZHUEV – SOCIOLOGIST-URBANIST

The article presents the author's position, due to the revision of the traditional attitude to scientific work of P.G. Mizhuev as primarily pedagogical and historical. In summary the study offers arguments justifying sociological contribution P.G. Mizhuev in Russian social thought. For example urbanistica work demonstrates the practical and intellectual relevance of social studies P.G. Mizhuev; his role in popularizing ideas of the garden city and alternative urbanism in Russia.

Key words: Mizhuev P.G., urban sociology, garden-city, housing question, house-barracks, alternative urbanism.

References:

- [1] Howand Ebenezer. Cities of the future. [Goroda budushchego]. Saint Petersburg, "Public benefit" [Tip. t-va «Obshchestv. pol'za»], 1911, 177 p.
- [2] Mizhuev P.G. Sociological studies. [Sotsiologicheskie etyudy]. Saint Petersburg., C. Crize, 1904, 343 p.
- [3] Mizhuev P.G. Herbert Spenser – the founder of the modern sociology. [Gerbert Spenser – osnovatel' noveyshyey sotsiologii]. Saint Petersburg, G.F. Leon, 1906, 123 p.
- [4] Mizhuev P.G. The Rights of man and citizen. [Prava cheloveka i grazhdanina]. Saint Petersburg, Printing House of Altschuler, 115 p.
- [5] Mizhuev P.G. Woman's Equality (woman's Rights and its obligations). [Ravnopravie zhenshchin. Prava zhenshchin i ee obyazannosti]. Saint Petersburg, Printing House of O.L. Somova, 1917, 54 p.
- [6] Mizhuev P.G. Garden-cities and the housing question in England. [Sady-goroda i zhilishchnyy vopros v Anglii]. Printing House of A.S. Suvorin "New Time" [Izdanie T-va A.S. Suvorina «Novoe vremya»], 1916, 496 p.
- [7] Mizhuev P.G. Model Workers' Settlements in England and America. [Obraztsovye rabochie poselki v Anglii i Amerike]. Leningrad, Time [Vremya], 1925, 102 p.
- [8] Rubel A.N. The dwellings of the poor of St. Petersburg. [Zhilishcha bednogo naseleniya g. Sankt-Peterburga]. Saint Petersburg, Printing house of the Ministry of foreign Affairs, 1899, 22 p.
- [9] Sveshnikov N.I. Petersburg Vyazma slums and their inhabitants. Original sketch from nature, written by N. Sveshnikov [Peterburgskie Vyazemskie trushchoby i ikh obitateli. Original'nyy ocherk s natury, napisanny N. Sveshnikovym]. Saint Petersburg, E.A. Ivanov, 1900, 84 p.
- [10] Swiatlowski V.V. Dwelling factory worker in Ruthenia and in Privislyansky Kray. [Zhilishche fabrichnogo rabochego v Malorossii i v Privislyanskom krae]. Chernigov, 1889, 38 p.
- [11] Engels F. Condition of the working class in England [Polozhenie rabochego klassa v Anglii] // Marx K., Engels F. Complete works, vol. 2 [Marks K., Engel's F. Sobr. soch., T. 2]. pp. 231–517.

E.G. Kharitonova,

PhD in History, Associate professor, The State Professional and pedagogical university, Nizhniy Tagil;

e-mail: putilovaelena2011@mail.ru

THE FEATURES OF THE "THIRD SECTOR" CREATION IN RUSSIA: THE PROFESSIONALIZATION OF THE NGO-STAFF

The article gives to us analyze of the human's age, who come to work in the "third sector". The analyze based on the materials of the biography interview with the workers of Russian's NKO/NGO, and also, used the information about persons from the opened sources.

The research show us, that at the different periods of the developing NKO/NGO sphere in Russia (1980-s, 1990-s, 2000-s), we can see here people of the different age, level of education and reasons. All of this allows us to speak about the more flexible of NKO/NGO sphere then other.

Key words: the civil society, the un-governmental and un-commercial organizations (NGO/NKO), "the third sector".

References:

- [1] Mersiyanova I.V. The drawing in the un-former practices of the civil society and NGO work: the region aspect [Vovlechenost' naseleniya v neformal'nye praktiki grazhdanskogo obshchestva i deyatel'nost' NKO: regional'noe izmerenie]. Moscow, NIU VSHE, 2011, 196 p.
- [2] Yarugina T., Shalganova I. The social policy in Russia. The third sector in Russia [Sotsial'naya politika v Rossii. Tretiy sektor v Rossii]. The social policy in Russia [Sotsial'naya politika v Rossii], 1999, № 2 (37), pp. 1–34.

LANGUAGES OF CULTURE**A.P. Kisilenko,**applicant, Belgorod state Institute of arts and culture, Belgorod;
e-mail: koketka3@rambler.ru**SPECIFIC FEATHERS OF THE SYMBOLIC APPROACH TO THE STUDY OF URBAN CULTURAL LANDSCAPE**

This article analyzes the specifics semiotic approach in the study of the cultural landscape of the city. The author examines a number of concepts that have emerged in the western tradition of research that apply to the study of the cultural landscape as a system of symbols. The article provides a classification of cultural landscapes K. Norberg-Schulz, who as a criterion singled symbolic confrontation of heaven and earth as part of the landscape. In conclusion, the author presents a number of disadvantages of the symbolic approach, which can be noted when it is used in the study of the cultural landscape. First, focusing on specific, expressive, distinctive aspects of the landscape runs the risk of neglect "normal" landscapes. Secondly, representatives of semiotic traditions often lose sight of the value of experience in the interpretation of the cultural landscape. Third, as part of a symbolic approach attaches great importance to communication of meaning and ideology. The author believes that no less promising in regard to the study of the cultural landscape of the city can be a phenomenological approach that avoids these problems.

Key words: cultural landscape, symbolism, semiotic, urban architecture, symbol.**References:**

- [1] Buttimer A. Grasping the Dynamism of the Lifeworld // *Annals of the Association of American Geographers*. 1976, pp. 277–292.
- [2] Daniels S., Cosgrove D. Introduction: Iconography and Landscape // *The Iconography of Landscape*. Cambridge: Cambridge University Press. 1988, pp. 43–82.
- [3] Drexler D. Landscape Perceptions – The Symbolic Meaning of Landscape and Its Role in Mental Wellbeing. URL: www.openspace.eca.ac.uk/conferenceproceeding/summary/Drexler.htm
- [4] Hodder I. Economic and Social Stress and Material Patterning // *American Antiquity*. 1979, vol. 44, pp. 446–454.
- [5] Norberg-Schulz C. *Architecture: Presence, Language and Place*. Milan, Skira, 2000, 372 p.
- [6] Norberg-Schulz C. *Genius Loci, Towards a Phenomenology of Architecture*. New York, Rizzoli, 1980, 216 p.
- [7] Norberg-Schulz C. *Nightlands: Nordic Building*. Cambridge, MA, MIT Press, 1996, 224 p.
- [8] Rowntree L.B., Conkey M.W. Symbolism and Cultural landscape // *Annals of the Association of American Geographers*. V. 7, 1980, Issue 4, pp. 459–474.
- [9] Schatzki T.R. Subject, Body, Place // *Annals of the Association of American Geographers*. Vol. 91. 2001, № 4, pp. 698–702.

N.K. Orlova,Doctor of Philosophy, Professor, Saint-Petersburg State University, Saint-Petersburg;
e-mail: nadinor@mail.ru**TRAVEL NOTES ON NORWAY: TEXTS AND CONTEXTS**

This shows that culture and scientific changes are integrated in the fate of the professional and educational interests. Although they are under influence of the politics and ideologies they still have good potential, also in a long term. The contents of travel notes of Russian scientists and writers are used. They show that intercultural communications are defined not only by the global interstate relations, but by the human opportunity and ability to be in culture exchange. Reading the traveler notes and learning the scientist's expedition we can explore how the Norwegian culture and literature was open in Russian literature. We can follow what had the influence on that opening – occasional or regular events.

Key words: Norwegian literature, culture communications, travel notes, Alexander Hellan, Konstantin Simonov, Yakov Grot.**References:**

- [1] Arnold I. One Month in Norway (Travel Impressions). Essay. [Mesyats v Norvegii (Iz putevykh vpechatleniy). Ocherk]. Saint Petersburg, Printing House of Charity for poor young [Tipografiya Doma Prizreniya maloletnikh bednykh], 1904, 60 p.
- [2] Groth J.C. Note on the trip to Sweden and Norway. [Zapiska o puteshestvii v Shvetsiyu i Norvegiyu [letom 1873 goda]]. Saint Petersburg, Printing Imperial Academy of Science [tip. Imp. Akad. Nauk], 1874, 33 p.
- [3] Grot Y.K. On the stay of Swedish prisoners in Russia in time of Peter the Great [O prebyvanii plennykh shvedov v Rossii pri Petre Velikom]. [SPb., 1853]. 60 p.

- [4] Groth J.C. Travelling across Finland from Ladoga Lake to the Tornio River: Travel notes after Jacob Groth [Perezdyy po Finlyandii ot Ladozhskogo ozera do reki Torneo: Putevye zametki Yakova Grota]. Saint Petersburg, Printing Book House of P. Krashennikov and K° [tip. kn. mag. P. Krashennikova i K°], 1847, 241 p.
- [5] Norwegian Novella of XIX–XX Centuries [Norvezhskaya novella XIX–XX vekov] / Translate from Norway, orig., foreword and certificate of author V. Berkova. Leningrad, 1974. 447 p. URL: http://www.e-reading.by/bookreader.php/1038089/Norvezhskaya_novella_XIX-XX_vekov.html (accessed 20.01.2016).
- [6] Simonov K. Norwegian Diary [Norvezhskiy dnevnik]. Moscow, Soviet writer [Sovetskiy pisatel’]. 1956, 113 p.
- [7] Stralenberg F.I. Notes of Captain Philipp Johann Stralenberg About the History and Geography of the Peter the Great’s Russian Empire: the North. and East. A part of Europe and Asia [Zapiski kapitana Filippa Ioganna Stralenberga ob istorii i geografii Rossiyskoy imperii Petra Velikogo: Sev. i Vost. chast’ Evropy i Azii]. Moscow-Leningrad, Institute of the USSR History [In-t istorii SSSR], 1985, 220 p.
- [8] Killand A. Ball; Withered Leaves: Story: The Sketch [Bal; Uvyadshie list’ya: Rasskaz: Eskiz] / Translated by M. Malyh. Saint Petersburg, M. Malyh [1907]. 13 p.
- [9] Killand A. The Waterloo Battle; Raven; “The Color of Emerald Hope “...: [Short Stories] [Bitva pri Vaterloo; Voron; «Tsvet nadezhdy izumrudnyy»...: [Novelly]] / Transl. S. Marina. Saint Petersburg, M.G. Kornfeld, 1911, 64 p.
- [10] Killand A. Small novel [Malen’kie novelly] / Translate from Norw. James Segal. Moscow, “The Benefit” by Antik V. and C° [«Pol’za» V. Antik i K], [1909], 112 p.
- [11] Killand A. Novel [Novelly] / Translated from Ital. L. Planansky-Bastovoi. Saint Petersburg, Print. F. Weisberg and P. Gershuny [tip. F. Vaysberga i P. Gershunina], 1908, 103 p.
- [12] Killand A. Poison; Fortune: Two novels [Yad; Fortuna: Dva romana] / Translated by E.A. Rusakova. M., Intermediary, 1895. 324 p.
- [13] Helland A. Selected Works [Izbrannye proizvedeniya] / Translated from Norw., orig. and Preface article L. Z. Lungina. Moscow, Goslitizdat, 1958, 780 p.
- [14] Veldt A.A. K.M. Simonov’s “Norwegian Diary” as a Source of Soviet Society Ideas about the Norwegian Organizational Culture [«Norvezhskiy dnevnik» K.M. Simonova kak istochnik po predstavleniyam v sovetskom obshchestve ob organizatsionnoy kul’ture norvezhtsev]. URL: <http://history-nso.ucoz.ru/pub/> (accessed 20.01.2016).

WORLD OF ART CULTURE

G.D. Zabrodina,

Candidate culturologists, Associate Professor, Yuri Gagarin State Technical University of Saratov;
e-mail: galina.vizavi@mail.ru

I.V. Sazina,

Candidate of philosophical Sciences, Saratov;
e-mail: galina.vizavi@mail.ru

FROM THE SYMBOL TO THE ARTISTIC IMAGE: STRUCTURAL AND SEMIOTICS APPROACH TO THE DESIGN AND AESTHETIC PERSPECTIVE

In the article in terms of structural-semiotic approach considered design and aesthetic perspective subject-spatial environment, where as a solution to the project objectives, it is proposed to model glossary» pervotektonov. This allows you to create an aesthetic design with conceptual basis embracing the aesthetics of perception and the semantics of the visual sign archetype level. With the help of the «glossary» which is created on the basis of the matrix of initia-tectonic symbols, worked out by the authors, a data base is formed for the program of artistic designing ensuring optimal conditions of «sense» and «shape» synergy. Therefore described «glossary» is destined for modeling of the general artistic-and-aesthetic concept of the created semantic construct at the pre-designed stage. In general, the model “glossary” and suggested its use in pragmatics form pervotekton language communication. According to the authors, if you create a software model “glossary”, the proposed method of artistic and aesthetic design will not only optimize the design process, but also greatly expand opportunities for harmonization of the system «men- environment».

Key words: symbols of culture, visualization, semantic constructs, pervotektony, glossary, aesthetic concept, language of communication.

References:

- [1] Barabanov A. Human and architecture: semantics of relationship [Chelovek i arkhitektura: Cemantika ot-nosheniy]. URL <http://www.gnozis.info/?q=node/3748> / (Date of Reference: 22.12.2015).
- [2] Voloshinov A.V. The Union of aesthetics and mathematics in the history of culture [O soyuze estetiki i matematiki v istorii kul’tury] / Observatory of culture [Observatoriya kul’tury]. 2006, № 6, pp. 100–109.
- [3] Voloshinov A.V., Zabrodina G.D., Kulichenko T.V., Cheremisova E.V. Methodological analysis model cultural portrait of the city [Metodologicheskaya model’ analiza kul’turologicheskogo portreta goroda] // Cultural Issues [Voprosy kul’turologii], 2015, № 12, pp. 8–16.
- [4] Zabrodina G.D. Visualization of cultural symbols in the “man-environment” [Vizualizatsiya simvolov kul’tury v sisteme «chelovek-sreda»] // Historical, philosophical, political and law Sciences, culturology and study of art. Questions of theory and practice [Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul’turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki]. Tambov, 2013, № 9, part 1, pp. 50–53.
- [5] Zabrodina G.D., Cheremisova E.V., Sukhorukova T.A. “Axiological” module in the space of culture: design and aesthetic perspective [«Aksiologicheskii modul’» v prostranstve kul’tury: proektno-esteticheskaya problematika] // Scientific review [Nauchnoe obozrenie]. Moscow, Science education, 2015, № 8, pp. 413–419.

- [6] Kozlova T.V., Ilichyova E.V. Style in costume of the 20th century [Stil' v kostyume XX veka] // Textbook for high schools [Uch. pos. dlya VUZov]. Moscow, Univ MSTU A.N. Kosygin, 2003, 160 p.
- [7] Leibniz G.W. *Dissertatio de arte combinatoria*, 1666, *Sämtliche Schriften und Briefe. A VI I*. Berlin: Akademie Verlag, 1923, p. 163.
- [8] Pelipenko A.A., Yakovenko I.G. The Culture as a System [Kul'tura kak sistema]. Moscow, Languages of Russian culture [Yazyki russ. kul'tury], 1998, 371 p.
- [9] Ponomaryova G.P., Zabrodina G.D. Creation of a geometrical formline for creation of symbolics of an artistic image [Postroenie geometricheskogo formoryada dlya sozdaniya simvoliki khudozhestvennogo obraza] // Bulletin of the Saratov state technical university [Vestnik Saratovskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta], 2006, № 4 (17), rel. 2, pp. 82–86.
- [10] Filatova N.A. Build harmonic matrix fashion different periods of the 20th century [Postroenie garmonicheskoy matritsy mody razlichnykh periodov XX veka] // Diss... Cand. Tech. Sciences [Diss. ... kand. tekhn. nauk]. Moscow, 2003, 302 p.
- [11] Florenskii P. Works in 4 vol. V. 2 [Sochineniya. V 4 t. T.2] / A.S. Trubachev, P.V. Florenskii, M.S. Trubachev (Publ.). Moscow, Thought [Mysl']. 1996, 877 p.
- [12] Chertov L. Sign's Prism. Articles on Spatial Semiotics [Znakovaya prizma. Stat'i po obshchey i prostranstvennoy semiotike]. URL: <https://books.google.ru/books/reader?id=vLaUCgAAQBAJ&num=9&hl=ru&printsec=frontcover&output=reader&pg=GBS.PT72/> (Date of Reference: 20.12.2015).

A.V. Fedotova,

PhD Cultural Studies, Docent, Murmansk Academy of Economics and Management, Murmansk;
e-mail: berkana.avf@rambler.ru

MARKETING IN ART

The role of art in socio-cultural development of modern society, intensification of social and economic development of the state, the role of marketing in promotion of cultural heritage, formation and development of art market, the specifics of segmentation, pricing, communications are analyzed in this article. Marketing has become ever more integral to the process of making and disseminating art despite the inherent tension between the aesthetic and commercial imperative. However, currently, marketing in this sector is used haphazardly in the vast majority. The relevant mechanisms of the last century are dominated. There is no total strategy of integration of artistic products in the current socio-cultural space.

Key words: culture, cultural policy, marketing, art market, segmentation, pricing, communications.

References:

- [1] Barabanov, E. Art Market or art Market [Iskusstvo na rynke ili rynek iskusstva] // Art Magazine [Khudozhestvennyy zhurnal]. 2002, № 46, pp. 12–18.
- [2] Golman I.A. Art as a Commodity: Paradoxes and Patterns [Iskusstvo kak tovar: paradoksy i zakonmernosti] // Knowledge. Understanding. Ability [Znanie. Ponimanie. Umenie]. 2013, № 2, pp. 205–212.
- [3] Golman I. A. The Russian Art Market for Contemporary art From the Perspective of the Marketer [Rossiskiy art-rynok sovremennogo iskusstva s tochki zreniya marketologa] // Knowledge. Understanding. Ability [Znanie. Ponimanie. Umenie]. 2013, № 4, pp. 195–201.
- [4] Zhidkov V.S., Sokolov K.B. Cultural policy of Russia: theory and history: manual for higher education institutions [Kul'turnaya politika Rossii: teoriya i istoriya: ucheb. posobie dlya vuzov]. Moscow, Academic Project [Akademicheskii Proekt], 2001, 592 p.
- [5] Kagan M. S. Philosophy of Culture [Filosofiya kul'tury]. Saint Petersburg, "Petropolis", 1996, 416 p.
- [6] Colbert F., Evrard I. Art-Management – Science of the Third Millennium [Art-menedzhment – nauka tret'ego tysyacheletiya] / A. Kuznetsova. URL: <http://www.artmanager.ru/>
- [7] Colbert F. Marketing Culture and the Arts / translated from English. L. Molchanov, ed. by M. Naimark. – SPb.: Publisher Vasin A. I., 2004. – 256 p.
- [8] Kotler F., Schiff D. All Tickets are Sold. Strategies for Marketing the Performing of Services [Vse bilety prodany. Strategii marketinga ispolnitel'skikh uslug]. Moscow, Classic XXI Century, 2004, 688 p.
- [9] Medinsky V. R. Who Does not Feed his Own Culture, will Feed a Foreign Army [Kto ne kormit svoju kul'turu, budet kormit' chuzhuyu armiyu]. URL: <http://izvestia.ru/news/587771>
- [10] Novatorov E.V. Socio-Ethical Concept of Marketing in the Sphere of Art and Culture [Sotsial'no-eticheskaya kontsepsiya marketinga v sfere kul'tury i iskusstva] // Culture and Education [Kul'tura i obrazovanie], 2009, № 1 (5), pp. 16–21.
- [11] Hangeldieva I.G. Specificity of the Art of Marketing: Key Features [Spetsifika art-marketinga: klyucheveye osobennosti] // Sociology of Power [Sotsiologiya vlasti]. 2012, № 3, pp. 117–127.
- [12] Art Market: Theory, History, Methodology [Khudozhestvennyy rynek: voprosy teorii, istorii, metodologii]. Saint Petersburg. SPbGUP, 2004, 346 p.
- [13] Chmyshenko E.G. Peculiarities of the Market of Visual Arts and Their Influence on the Formation of Marketing [Osobennosti rynka izobrazitel'nogo iskusstva i ikh vliyanie na formirovanie modeli marketinga] // Bulletin RPI [Vestnik OGU]. 2012, №13 (149), pp. 413–417.
- [14] Kolb B.M. Marketing Cultural Organisations: New Strategies for Attracting Audiences to Classical Music, Dance, Museums, Theatre and Opera. Dublin, Oak Tree Press, 2000.
- [15] Lee H.-K. Rethinking Arts Marketing in a Changing Cultural Policy Context // International Journal of Nonprofit and Voluntary Sector Marketing. 2005, № 10(3), pp. 151–165.
- [16] Muga G., Worpole K. Saturday Night or Sunday Morning?: From Arts to Industry – New Forms of Cultural Policy. London, Comedia, 1986.

A.A. Khlevov,

Ph.D., Professor, V.I. Vernadsky Crimean Federal University, St.-Petersburg;

e-mail: hlevov@mail.ru

SHIP IN THE NORDIC BRONZE AGE CULTURE: GEOGRAPHICAL ASPECT

The article analyzes the geographical distribution of the three main categories of archaeological sites in Northern Europe, related to the shipbuilding tradition. These are rock carvings of ships, engraving in the form of a ship on the bronze razors and stone masonry in the shape of a ship ("stone ships"). At that time, as petroglyphs are located in the coastal zone of the Scandinavian Peninsula, razors found predominantly in the burials of Denmark and Skene. Stone ships, in turn, distributed on the southeast coast of Sweden, the Baltic Sea islands, coasts and islands of the Baltic States, Finland and Poland. It is concluded that the stone masonry are archaeological evidence emerging culture sailors mastering the Baltic Sea and an outline of the future path of the East (Austrvegr). Thus, these monuments – the first step of forming the Baltic subcontinental civilization.

Key words: stone ships, shipbuilding, Late Bronze Age, Northern Europe, Baltic sea, Baltic sub-continental civilization, Austrvegr, cultural genesis, politogenesis.

References:

- [1] Lebedev G.S. Baltic sub-continental early medieval civilization [Baltiiskaya subkontinental'naya tsivilizatsiya rannego srednevekov'ya] // Abstracts of X All-Union Conference on the study of history, economics, literature and language of the Scandinavian countries and Finland [Tezisy X Vsesoyuznoi konferentsii po izucheniyu istorii, ekonomiki, literatury i yazyka Skandinavskikh stran i Finlyandii]. Moscow, 1986, Part I, pp. 158–160.
- [2] Lebedev G.S. The Viking Age in Northern Europe and in Russia [Epokha vikingov v Severnoi Evrope i na Rusi]. Saint Petersburg, Eurasia, 2005, 640 p.
- [3] Fircks J. fon. Viking ships [Suda vikingov]. Leningrad, Shipbuilding, 1982, 104 p.
- [4] Khlevov A.A. Baltic civilization and European unity early Middle Ages [Baltiiskaya tsivilizatsiya i evropeiskoe edinstvo rannego srednevekov'ya] // Divinets Staroladozhskiy: Interdisciplinary Studies [Divinets staroladozhskii: Mezhdistsiplinarnye issledovaniya]. Saint Petersburg, Publishing House of the St. Petersburg State University [Izd-vo SPbGU], 1997, pp. 125–130.
- [5] Khlevov A.A. Historical and cultural phenomenon in Northern Europe I-VIII centuries [Istoriko-kul'turnyy fenomen Severnoy Evropy I-VIII vv.]. Dissertation for the degree of Doctor of Philosophy. Saint Petersburg, 2002, 434 p.
- [6] Khlevov A. A. A Brief History of the Middle Ages: the era, the state of the battle, people [Kratkaya istoriya srednikh vekov: epokha, gosudarstva, srazheniya, lyudi]. Saint Petersburg, Amfora, 2008, 384 p.
- [7] Bradley R. Danish razors and Swedish rocks. Cosmology and the Bronze Age landscape // *Antiquity*. 2006, № 80, pp. 372–389.
- [8] Burenhult G. Götalands hällristningar (utom Göteborgs och Bohus län samt Dalsland). Lund, 1973.
- [9] Capelle T. Schiffsetzungen // *Praehistorische Zeitschrift*. Heft 1. 1986, № 61.
- [10] Crumlin-Pedersen O., Trakadas A. Hjortspring: a Pre-Roman Iron-Age warship in context // *Ships and Boats of the North*. Vol. 5. Viking Ship Museum, 2003.
- [11] Kaul F. Ships on bronzes // *A study in Bronze Age religion and iconography*. Copenhagen, 1998, Vol. 3:2.
- [12] Kristiansen K. Rock art and religion: The sun journey in Indo-European mythology and Bronze Age rock art // Fredell E., Kristiansen K., Criado Boado F. (ed.) // *Representations and communications: creating an archaeological matrix of late prehistoric rock art*. Oxford: Oxbow books, 2010, pp. 93–115.
- [13] Randsborg K. Kivik: archaeology and iconography. København: Munksgaard, 1993.
- [14] Sprockhoff E. Nordische bronzezeit und frühes griechentum // *Jahrbuchdes Römisch-germanischen Zentralmuseums*. Mainz, 1954, № 1, pp. 28–110.
- [15] Wehlin J. Östersjöns Skeppssättningar: Monument och mötesplatser under yngre bronselder. Göteborg, 2013.

K.G. Pravdin,

Custodian of stocks, A.V. Suvorov State Memorial Museum, Saint-Petersburg;

e-mail: kliment_pravdin@mail.ru

HEURISTICS AND CATALOGUING OF AN EX-LIBRIS IN THE COLLECTION OF THE STATE MEMORIAL MUSEUM OF A.V. SUVOROV

The article is written to study a collection of ex-libris which is stored «in situ» and «ex situ». The author investigates the collection «Rare Printing Editions» of the State Memorial Museum of A.V. Suvorov. The contents of the terms "in situ" and "ex situ" in relation to an ex-libris are opened. The author analyses an experience in searching of an ex-libris of in situ and creates recommendations about identification of the hidden ex-libris. The author provides statistical data on the found ex-libris (on existence or absence on the rare book; types; methods to describe bookplate; form of ownership of the owner of a sign); a number of difficulties were raised while the statistical analyses of ex-libris were designated. Based on the description of the scheme of the museum's object, a method of describing bookplates according to U.G. Ivask was developed by the author. Among the advantages of the developed method of combining tradition with museum describing developments, conducted outside the museum field.

Key words: ex-libris, bookmark, in situ, ex situ, book fund, formula of description. methods to describe bookplate.

References:

- [1] Bogomolov S.I. Russian ex-libris [Rossiyskiy knizhnyy znak], 1700–1918. Moscow, Past [Minuvshee.], 2010, 959 p.
- [2] Grebenyuk T.V. Bookplates in the Collections of the Department of Rare Books (Book Museum), the Russian State Library [Vladel'cheskie knizhnye znaki v fondakh ot dela redkikh knig (Muzeya knigi) Rossiyskoy gosudarstvennoy biblioteki] // Proc. all-russian scientific-practical conf. «Bookplate: Past and Present» [Knizhnyy znak: istoriya i sovremennost': Materialy Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii]. Moscow, MSK Publ., 2006, pp. 63–68.
- [3] Ivask U.G. Description of the Russian bookplates (Ex-libris). Vol. I. [Opisanie russkikh knizhnykh znakov (Ex-libris). Vyp. I.]. Moscow, Publ M.Ya. Paradelova [Izd. M.Ya. Paradelova], 1905, 348 p.
- [4] Keeping and storage instructins of the museum values for public museums in the USSR [Instruktsiya po uchetu i khraneniyu muzeynykh tsennostey, nakhodyashchikhsya v gosudarstvennykh muzeyakh SSSR]. Moscow, 1984, 151 p.
- [5] Lasunskiy O.G. Bookplate. Some aspects of research and usage [Knizhnyy znak. Nekotorye problemy izucheniya i ispol'zovaniya]. Voronezh, Publ. Voronezh. Univ. [Izd-vo Voronezhskogo un-ta], 1967, 167 p.
- [6] Loburev V.V. Ex-libris Museum of the International Union of Book Lovers [Muzey ekslibrisa Mezhdunarodnogo soyuza knigolyubov]. Russian ex-libris journal [Rossiyskiy ekslibrisniy zhurnal], 2004, rel. 1, pp. 75–78.
- [7] Minaev E.N. Ex-libris [Ekslibris]. Moscow, Soviet artist [Sov. Hudozhnik], 1968, 119 p.
- [8] Morozova N.G. Ex-libris in the Literature of the Silver Age. Based on the materials of the collection of P.D. Ettinger from the fund of the Pushkin State Museum of Fine Arts [Ekslibris v khudozhestvennoy literature Serebryanogo veka. Po materialam kollektsii P.D. Ettingera iz sobraniya GMII im. A.S. Pushkina] / Dissertation ... PhD. Moscow, 2011, 164 p.
- [9] Muhin S.A. The Fate of One Library [Sud'ba odnoy biblioteki]. Leningrad, 1929, 60 p.
- [10] Pravdin K.G. Bookplates in the fund «Rare Editions» of Suvorov memorial museum: experience of description for publication [Knizhnye znaki v fonde «Redkie pechatnye izdaniya» Gosudarstvennogo memorial'nogo muzeya A.V. Suvorova: opyt opisaniya i podgotovki k publikatsii] // Historical, Philosophical, Political and Law Sciences, Culturology and Study of Art. Issues of Theory and Practice [Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki. Chast' II], 2015, № 7 (57), part II, pp. 137–141.
- [11] Pravdin K.G. Ex-libris «ex situ» and «in situ»: methods of resolving problems and prospects of development [Ekslibris «ex situ» i «in situ»: puti resheniya problemy, perspektivy razvitiya] // Youth bulletin of St. Petersburg State University of culture and arts [Molodezhnyy vestnik Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv], 2013. № 1 (2), pp. 168–170.
- [12] Rachko M.G. Salvaged Treasures (about the collection of rare editions of A.V. Suvorov State Memorial Museum) [Spasennye sokrovishcha (o fonde redkikh izdaniy Gosudarstvennogo memorial'nogo muzeya A.V.Suvorova)] // «In the century» [«Na veka»], 2004, № 3, pp. 23 – 25.

AXIOLOGICAL EXPERIENCE**K.V. Sultanov,**

Doctor of Philosophy, Honored worker of science of the Russian Federation, the Herzen State Pedagogical University of Russia;
e-mail: child2000@bk.ru

S.E. Fedorin,

PhD in Philosophy science, Associate Professor, the Herzen State Pedagogical University of Russia, Saint-Petersburg,
e-mail: fedorinstanislav@yandex.ru

**THE SOCIO-CULTURAL AND IDEOLOGICAL IDENTITY OF THE YOUNG SPECIALIST:
HORIZONS OF MANIPULATIVE INFLUENCE**

We consider two basic understanding of ideology – as an expression of attitude and a false consciousness. Liberalism, recognizing the pluralism of values, claims the role of a meta-ideology. Marxism has made a decisive contribution to the understanding of ideology as false consciousness. Lack of this approach resulted as criticism and improvement. It has been revealed the importance of ideological illusions. The desire for unattainable ideals is a formal solution of insoluble contradictions and maintaining social homeostasis. However, the article argues that the theoretical basis of political action is not necessarily an ideology.

Key words: the youth, ideology, values, realpolitik, liberalism, identity, Marxism, patriotism, false consciousness.

References:

- [1] Althusser L. Ideology and ideological state apparatuses [Ideologiya i ideologicheskie apparaty gosudarstva] // Emergency ration [Neprikosnovennyy zapas]. 2011, № 3 (77), pp. 3–15.
- [2] Barsukov E.N., Romanenko I.B. The socio-cultural identity and national mentality: urbandropologicheskyy approach [Sotsiokul'turnaya identichnost' i natsional'nyy mentalitet: urbandropologicheskii podkhod] // Society. Wednesday. Development. [Obshchestvo. Sreda. Razvitie]. 2012, № 4 (25), pp. 193–196.
- [3] Berdyayev N. The meaning of creativity [Smysl tvorchestva]. Moscow, However, 1989, 607 p.
- [4] Windelband V. Favorites: The spirit and history [Izbrannoe: Dukh i istoriya]. Moscow, Lawyer [Yurist], 1995, 687 p.

- [5] Gapanovich S.O. Urbanization and anthropogenesis: the child in the light of environmental problems [Urbanizatsiya i antropogenez: rebenok v svete problem informatsionnoy ekologii] // An information Territory childhood educational practices and manipulative techniques. Collection of scientific papers [Territoriya detstva: obrazovatel'nye praktiki i manipulyativnye tekhnologii. Sbornik nauchnykh trudov]. Editor in Chief K.V. Sultanov. St. Petersburg, 2015, pp. 120–123.
- [6] Jameson F. Marxism and the Interpretation of Culture [Marksizm i interpretatsiya kul'tury]. Moscow-Ekaterinburg, Room scientist [Kabinetnyy uchenyy], 2014, 414 p.
- [7] Zizek S. Sublime Object of Ideology [Vozvysheennyy ob'ekt ideologii]. Moscow, "Art Magazine" Publisher [Izdatel'stvo «Khudozhestvennyy zhurnal»], 1999, 236 p.
- [8] Max Frye. A book for people like me [Kniga dlya takikh, kak ya]. Saint Petersburg, Amfora, 2002, 452 p.
- [9] Marx K., Engels F. Works. Ed. 2, Vol. 37 [Sochineniya. Izd. 2, t. 37]. Moscow, Politizdat, 1965, 599 p.
- [10] Marx K., Engels F. Works. Ed. 2, Vol. 39 [Sochineniya. Izd. 2, t. 39]. Moscow, Politizdat, 1966, 713 p.
- [11] Smelser N. Sociology [Sociologiya]. Moscow, Phoenix [Feniks], 1994, 688 p.
- [12] Fukuyama F. The End of History? [Konets istorii?] // Problems of Philosophy [Voprosy filosofii]. 1990, № 3, pp. 134–148.

ENVIRONMENT

UNDERSTANDING THE NOOSPHERE

N.A. Malofeevskaja,

graduate student, the Herzen State Pedagogical University of Russia, Saint-Petersburg;
e-mail: smishich@rambler.ru

SOCIOECONOMIC STATUS AS A FACTOR FORMING MALIGNANCIES (REVIEW OF FOREIGN STUDIES)

The purpose of paper is to analyze modern approaches to the influence of socioeconomic status depending on a residence region on the development of human cancers, presented in a foreign research literature. The study used the subject-object and systematic approach, comparative analysis, synthesis and logic synthesis. As a result, the author summarizes the experience of regional medical studies of various cancer determinants and its localization. Analysis of the conceptual approach existing in foreign sources and literature will allow to generalize and systematize the indicators of favorable territory, as well as the key elements of social status that impact on malignant tumors growth. Results of the study develop the theory and practice of domestic economic geography. The findings may be taken into account in the development of cancer prevention programs, as well as the assessment of their effectiveness.

Key words: socio-economic status, elements of socio-economic inequality, malignant neoplasms, localization, indicators of territory well-being, prevention.

References:

- [1] Albrecht J., Ramasubramanian L. The moving target: A geographic index of relative wellbeing // Journal of Medical Systems. 2004, № 28, pp. 371–384.
- [2] Bauer S.E., Wagner S.E., Burch J., Bayakly R., Vena J.E. A case-referent study: light at night and breast cancer risk in Georgia // International Journal of Health Geographics. 2013, № 12. URL: <http://www.ij-healthgeographics.com/content/12/1/33> (19.11.2014)
- [3] Philips B.U. Jr., Gong G., Hargrave K.A., Belasco E., Lyford C.P. Correlation of the ratio of metastatic to nonmetastatic cancer cases with the degree of socioeconomic deprivation among Texas counties // International Journal of Health Geographics. 2011, № 10. URL: <http://www.ij-healthgeographics.com/content/10/1/12> (19.11.2014)
- [4] Cheng M.Y., Atkinson P.M., Shahani A.K. Elucidating the spatially varying relation between cervical cancer and socio-economic conditions in England // International Journal of Health Geographics. 2011, № 10. URL: <http://www.ij-healthgeographics.com/content/10/1/51> (21.11.2014)
- [5] Cinzano P., Falchi F., Elvidge C.D. The first world atlas of the artificial night sky brightness // Monthly Notices of the Royal Astronomical Society. 2001, № 328(3), pp. 689–707.
- [6] Comber A.J., Brunson C., Radburn R. A spatial analysis of variations in health access: linking geography, socio-economic status and access perceptions // International Journal of Health Geographics. 2011, № 10. URL: <http://www.ij-healthgeographics.com/content/10/1/44> (19.11.2014)
- [7] Dejardin O., Remontet L., Bouvier A. M., Danzon A., Trétarre B., Delafosse P., Molinié F., Maarouf N., Velten M., Sauleau A., Bourdon-Raverdy N., Grosclaude P., Boutreux S., De Pourville G., Launoy G. Socioeconomic and geographic determinants of survival of patients with digestive cancer in France // British Journal of Cancer. 2006, № 95, pp. 944–949.
- [8] Falchi F. Limiting the impact of light pollution on human health, environment and stellar visibility // Journal of Environmental Management. 2011, № 92(10), pp. 2714–2722.
- [9] Merletti F., Galassi C., Spadea T. The socioeconomic determinants of cancer // International Journal of Health Geographics. 2011, № 11. URL: <http://www.ij-healthgeographics.com/content/10/1/57> (22.11.2014)
- [10] Galobardes B., Shaw M., Lawlor D.A., Lynch J.W., Davey Smith G. Indicators of socioeconomic position. Part 1 // Journal of Epidemiology and Community Health. 2006, № 60, pp. 7–12.
- [11] Huisman M., Kunst A.E., Bopp M., Borgan J.K., Borrell C., Costa G., Deboosere P., Gadeyne S., Glickman M., Marinacci C., Minder C., Regidor E., Valkonen T., Mackenbach J.P. Educational inequalities in cause-

- specific mortality in middle-aged and older men and women in eight western European populations // *Lancet*. 2005, № 65, pp. 493–500.
- [12] Kabagambe E.K., Judd S.E., Howard V.J., Zakai N.A., Jenny N.S., Hsieh M., Warnock D.G., Cushman M. Inflammation biomarkers and risk of all-cause mortality in the reasons for geographic and racial differences in stroke cohort // *American Journal of Epidemiology*. 2011, № 174(3), pp. 284–292.
- [13] Kogevinas M., Pearce N., Susser M., Boffetta P. *Social inequalities and cancer*. Lyon, IARC, IARC Scientific Publications, 1997, 138 p.
- [14] Kune S. Stressful life events and cancer // *Epidemiology*. 1993, № 4, pp. 395–397.
- [15] Lean M., Schootman M., Doubeni C.A., Park Y., Major J.M., Torres A. Stone R., Laiyemo A. O., Hollenbeck A. R., Graubard B. I., Schatzkin A. Geographic variation in colorectal cancer survival and the role of small-area socioeconomic deprivation: a multilevel survival analysis of the NIH-AARP diet and health study cohort // *American Journal of Epidemiology*. 2011, № 174(7), pp. 828–838.
- [16] Pamies R.J.P., Nsiah-Kumi P.A. Addressing health disparities in the 21st century. In *Cultural proficiency in addressing health disparities*. Sudbury: Jones and Battlett Publishers, 2008, 275 p.
- [17] Puigpinos-Riera R. et al. Cancer mortality inequalities in urban areas: a Bayesian small area analysis in Spanish cities // *International Journal of Health Geographics*. 2011, № 16. URL: <http://www.ij-healthgeographics.com/content/10/1/6> (05.12.2014)
- [18] Singh G.K., Williams Sh.D., Siahpush M., Mulhollen A. Socioeconomic, rural-urban, and racial inequalities in US cancer mortality: part I – all cancers and lung cancer and part II – colorectal, prostate, breast and cervical cancers // *Journal of Cancer Epidemiology*. 2011, № 2011. URL: <http://www.hindawi.com/journals/jce/2011/107497/> (06.12.2014)
- [19] Stevens R. Light-at-night and breast cancer: Assessment of existing evidence // *International Journal of Epidemiology*. 2009, № 38(4), pp. 963–970.
- [20] Tian N., Wilson J.G., Zhan F.B. Spatial association of racial/ethnic disparities between late-stage diagnosis and mortality for female breast cancer: where to intervene? // *International Journal of Health Geographics*. 2011, № 24. URL: <http://www.ij-healthgeographics.com/content/10/1/24> (14.12.2014)
- [21] Towne S.D., Smith Jr. M.L., Ory M.G. Geographic variations in access and utilization of cancer screening services: examining disparities among American Indian and Alaska Native Elders // *International Journal of Health Geographics*. 2014, № 18. URL: <http://www.ij-healthgeographics.com/content/13/1/18> (15.12.2014)
- [22] Yu X.Q., Luo Q., Smith D.P., O'Connell D.L., Baade P.D. Geographic variation in prostate cancer survival in New South Wales // *Medical Journal of Australia*. 2014, № 200(10), pp. 586–590.

K.L. Nikitchuk,

senior teacher, Tomsk state university, Tomsk;

e-mail: k.nikitchuk@yandex.ru

OPTIONS OF INTRODUCING TRADITIONAL ECOLOGICAL KNOWLEDGE OF INDIGENOUS ETHNIC GROUPS INTO THE PRACTICE OF ENVIRONMENTAL AND NATURAL RESOURCE MANAGEMENT

The article suggests an interaction between society and nature from a point of view adopted from traditional environmental management by indigenous ethnic groups. Options of introducing traditional ecological knowledge as a major tool for environmental management and environment protection are presented. Such options include: environmental monitoring and examination, preservation of a specific variety in protected nature reserves, ecological education and enlightenment, tourism. The mechanism of adopting traditional ecological knowledge of indigenous ethnic groups for management decisions in environmental management is investigated.

Key words: traditional ecological knowledge, environmental protection, efficient environmental management.

References:

- [1] Boreyko V.E. Break in ecological ethics [Proryv v ekologicheskuyu etiku] / 3rd prod. Kiev, Publishing house Kiev ecology-cultural center [Izd-vo Kievskiy ekologo-kul'turnyy tsentr], 2003, 228 p.
- [2] Gumilev L.N. Etnogenez and biosphere of Earth [Etnogenez i biosfera Zemli]. Leningrad, Gidrometeoizdat, 1990, 33 p.
- [3] Convection about biological diversity [Konventsia o biologicheskomo raznoobrazii]. 1992. URL: http://www.lesozavod2.ru/downloads/fsc/konv_o_biolog_raznoobr.pdf
- [4] Murashko O.A. Importance of traditional knowledge for a sustainable development of the radical people: a grant on collecting, documenting and application of traditional knowledge for the organizations of indigenous people [Znachenie traditsionnykh znaniy dlya ustoychivogo razvitiya korennykh narodov: posobie po sboru, dokumentirovaniyu i primeneniyu traditsionnykh znaniy dlya organizatsiy korennykh narodov]. Moscow, 2007. 60 p.
- [5] Nikitchuk K.L. Traditional ecological knowledge of indigenous ethnic groups in the context of koevolutsionny development of society and the nature [Traditsionnye ekologicheskie znaniya korennykh malochislennykh narodov v kontekste koevolutsionnogo razvitiya obshchestva i prirody] // *Problems of regional ecology [Problemy regional'noy ekologii]*. 2015, № 1, pp. 99–101.
- [6] The PROON/GEF project "Preservation and steady use of a biodiversity in the territory of the Taimyr Peninsula, Russia: maintenance of interrelation of landscapes" [Proekt PROON/GEF «Sokhranenie i ustoychivoe ispol'zovanie bioraznoobraziya na territorii poluoostrova Taymyr, Rossiya: podderzhanie vzaimosvyazi landshaftov»]. URL: <http://www.ethnoexpert.ru/ru/undp-taimyr.html>.
- [7] Rudsky V.V., Sturman V.I. Environmental management bases: manual for students of higher education institutions [Osnovy prirodopol'zovaniya: uchebnoe posobie dlya studentov vuzov]. Moscow, Aspect Press, 2007, 271 p.
- [8] Antweiler Ch., Mersmann Ch. Local Knowledge and Cultural Skills as Resources for Sustainable Forest Development. Eschborn, BNZ, Germany, 1996, 50 p.

S.A. Kondratyev,Dr.Sc., Institute of Limnology of the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg;
e-mail: kondratyev@limno.org.ru**M.V. Shmakova,**PhD, Institute of Limnology of the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg;
e-mail: m-shmakova@yandex.ru**A.Yu. Brykhanov,**PhD, Institute of agroengineering and environmental problems of agricultural production, St. Petersburg;
e-mail: sznii@yandex.ru**E.F. Chichkova,**PhD, Robotics and Technical Cybernetics Institute, St. Petersburg;
e-mail: chichkova@rtc.ru**E.G. Markova,**Researcher, Institute of Limnology of the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg;
e-mail: adelmonamour@mail.ru**ASSESSMENT OF POSSIBLE NUTRIENT LOADING DECREASE IN RIVER BASINS BY THE IMPLEMENTATION OF THE BEST AVAILABLE AGRICULTURAL TECHNOLOGIES**

A model of the nutrient load in the catchment area, taking into account the contribution of both point and non-point (diffuse) sources of natural and anthropogenic origin is developed. The calculation of present nutrient load on the Gulf of Finland from the river Luga catchment area is done. The estimation of a possible load reduction as a result of implementation of the best available technologies for organic and mineral fertilizers using in the agricultural production is presented.

Key words: nutrient load, mathematical model, best available technologies.

References:

- [1] Alyabina G.A., Sorokin I.N. Phosphorus and Organic Matter Migration in "Watershed-Waterbody" system [Migratsiya fosfora i organicheskogo veshchestva v sisteme «vodoem–vodосbornaya ploshchad'»] // Ecological Chemistry [Ekologicheskaya khimiya], 1997, 6 (3), pp. 166–171.
- [2] Alyabina G.A., Sorokin I.N. Features of External Load on Water Bodies in Urban Landscapes [Osobennosti formirovaniya vneshney nagruzki na vodnye ob"ekty v urbanizirovannykh landshaftakh] // Proc. Of Russian Geographical Society (Izv. RGO) [Izv. RGO]. 2001, 133 (1), pp. 81–87.
- [3] Bryukhanov A.Yu., Shalavina E.V., Vasilyev E.V. Method of Enlarged Assessment of the Daily and Annual Output of Manure [Metodika ukрупnennoy otsenki sutochnogo i godovogo vykhoda navoza/pomet] // Dairy Farming Herald (Molochnohozyaystvennyy vestnik), 2014, № 1 (13), p. 78–85. (In Russian)
- [4] Kondratyev S.A. External Load on Water Bodies: Problems of Modelling [Formirovanie vneshney nagruzki na vodoemy: problemy modelirovaniya]. Saint Petersburg, Science [Nauka], 2007, 253 p.
- [5] Kondratyev S.A., Kazmina M.V., Shmakova M.V., Markova E.G. Method of Nutrient Load Calculation [Metod rascheta biogennoy nagruzki na vodnye ob"ekty] // Regional Ecology [Regional'naya ekologiya]. 2011, № 3–4, pp. 50–59.
- [6] Kondratyev S.A., Shmakova M.V., Ulichev V.I. Deterministic-Stochastic Modeling of Runoff and Nutrient Load on Water Bodies. Gulf of Finland of the Baltic Sea as a Case Study [Determinirovano-stokhasticheskoe modelirovanie stoka i biogennoy nagruzki na vodnye ob"ekty (na primere Finskogo zaliva Baltiyskogo moray)]. Saint Petersburg, Nestor-History, 2013, 36 p.
- [7] Development of the Methodology of Calculation of the Diffusion Load of Nitrogen and Phosphorus on Catchment Area in the Management of Agricultural Activities and Assessment of Its Potential Reduction by Using BAT in Agriculture [Razrabotat' metodiku i vypolnit' raschet diffuznoy nagruzki azota, fosfora na vodosbor pri vedenii sel'skokhozyaystvennoy deyatel'nosti i potentsiala ee snizheniya pri ispol'zovanii NDT v sel'skom khozyaystve] / Sc. Report, Institute of agroengineering and environmental problems of agricultural production [Otchet o NIR], 2015, 22 p.
- [8] Behrendt H., Dannowski R. Nutrients and heavy metals in the Odra River system. Weissensee Verlag Publ., Germany, 2007, 337 p.
- [9] Behrendt H., Opitz D. Retention of nutrients in river systems: dependence on specific runoff and hydraulic load // Hydrobiologia. 1999, № 410, pp. 111–122.
- [10] Guidelines for the compilation of waterborne pollution to the Baltic Sea (PLC-water). Helsinki, HELCOM, 2005, 80 p
- [11] Rekolainen S. Phosphorus and nitrogen load from forest and agricultural areas in Finland // Aqua Fennica. 1989, № 19 (2), pp. 95–107.

I.A. Kublitsky,

assistant, the Herzen State Pedagogical University of Russia, St-Petersburg;
e-mail: uriy_87@mail.ru

G.S. Kharin,

Dr., Professor, Chief Researcher of the Atlantic Branch, P.P.Shirshov Institute of Oceanology, Kaliningrad,
e-mail: kharings@mail.ru

D.A. Subetto,

Dr., Professor, Head for Department of Physical Geography and Nature, the Herzen State Pedagogical
University of Russia, St-Petersburg; Director, Northern Water Problems Institute of
Karelian Research Centre of Russian Academy of Sciences, Petrozavodsk;
e-mail: subetto@mail.ru

K.A. Arslanov,

Dr., Professor, Head of Laboratory for geochronology, St-Petersburg state university, St-Petersburg;
e-mail: arslanovkh@mail.ru

RECONSTRUCTION OF ORIGIN AND SEDIMENTARY PROCESSES OF LAKES AND SWAMPS OF VISHTYNetskAYA HIGHLAND (KALININGRAD REGION)

This article presents the reconstruction of the history of lakes, located on the Vistytis hills and sedimentation processes. For the reconstruction it was used a digital elevation model and results of lithological analysis and radiocarbon dating of bottom sediments of lakes Chistoe, Protochnoe, Kamishovoe and the peat-bog Shombbrukh. All natural objects divided into 3 groups according to its origin: lakes formed at intermoraine or interkame depressions as a result of flooding of melt water; lakes formed as a result of thermokarst processes, and lakes formed in paleo stream valleys. Lake of the first group located at the elevation above 190 m, second and third groups – located below 190 m. Probably, during Late Pleistocene paleolake Vistytis had larger area than now.

Key words: Lake Bottom deposits, Ice Lake, genesis of lakes, Vishtynetskaya hills, Kaliningrad region, sedimentation, Late Glacial, Late Pleistocene, Holocene.

References:

- [1] Lake Vishtineckoe: nature, history, ecology. [Vishtynetskoe ozero: priroda, istoriya, ekologiya] / Orlenok V.V., Barinova G.M., Kucheryaviy P.P., Ul'yashev G.L. Kaliningrad:KGU. 2001, 212 p.
- [2] Kublitskiy I.A., Subetto D.A., Druzhinina O.A., Arslanov Kh.A., Skhodnov I.N. Paleoclimatic reconstruction of climate and environmental changes during late Pleistocene and Holocene in the South-East Baltic region based on lithological analysis and loss on ignition. [Paleoklimaticheskaya rekonstruktsiya izmeneniy prirodno-klimaticheskikh obstanovok v kontse pleystotsena i golotsene v Yugo-Vostochnoy chasti Baltiyskogo regiona po dannym litologicheskogo analiza i dinamike poter' pri prokalivaniy] // Society. Environment. Development [Obshchestvo. Sreda. Razvitiye]. 2014, № 2 (31), pp. 179–184 p.
- [3] Kublitskiy I.A., Subetto D.A., Druzhinina O.A., Masteriva N.N. Skhodnov I.N. Dynamic of nature-climatic changes in holocene by result of loI analys of bottom sediment of Protochnoe lake, SE Baltic region. [Rekonstruktsiya prirodno-klimaticheskikh izmeneniy v Yugo-Vostochnoy chasti Baltiyskogo regiona v golotsene po rezul'tatam issledovaniya donnykh otlozheniy ozera Protochnogo (Kaliningradskaya oblast')] // Open Bull (Open Scientific Bulletin) [Elektronnyy zhurnal Open Bull (Open Scientific Bulletin)]. 2014, №2. URL: <http://openbull.com>
- [4] Kublitskiy I.A., Subetto D.A., Druzhinina O.A., Arslanov Kh.A. Using the model of sedimentation rate of and LOI data for determination of the features of sedimentogenesis of Vishtynetskaya hiland lakes (Kaliningrad area) [Ispol'zovanie modeli skorosti osadkonakopleniya i dannykh poter' massy pri prokalivaniy dlya opredeleniya osobennostey sedimentogeneza ozer Vishtynetskoy vozvyshnosti (Kaliningradskaya oblast')] // Geology of the oceans and seas: Proceedings of the XI International scientific conference (School) on marine geology. Vol. I [Geologiya morey i okeanov: materialy XXI Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii (shkoly) po morskoy geologii. T.I] Moscow, GEOS, 2015, 228 p.
- [5] Subetto D.A. The sediments of lakes: paleolimnological reconstruction. [Donnye otlozheniya ozer: paleolimnologicheskie rekonstruktsii]. Saint-Petersburg: Herzen State Pedagogical University of Russia, 2009, 348 p.
- [6] Druzhinina O., Subetto D., Stančikaitė M., Vaikutienė G., Kublitskiy J., Arslanov Kh., 2015. Sediment record from the Kamyshovoe Lake: history of vegetation during late Pleistocene and early Holocene (Kaliningrad District, Russia) // Baltica. Vilnius, 2015, № 28 (2), pp. 121–134.
- [7] Jakobsson M., Björck S.Alm G., Andrén T., Lindeberg G., Svensson N. Reconstructing the Younger Dryas ice dammed lake in the Baltic Basin // Bathymetry, area and volume. Global and Planetary Change. 2007, № 57, pp. 355–370.
- [8] Hughes A.L.C., Gyllencreutz R., Lohne Ø.S., Mangerud J., Svendsen J. I. The last Eurasian ice sheets – a chronological database and time-slice reconstruction, DATED-1 // Boreas. Stockholm, 2016, № 45, pp. 1–45.
- [9] Miettinen A., Savelieva L., Subetto D., Dzhinoridze R., Arslanov Kh., Hyvarinen H. Palaeoenvironment of the Karelian Isthmus, the easternmost part of the Gulf of Finland, during the Litorina Sea stage of the Baltic Sea history // Boreas. Oslo, 2007, pp. 1–18.
- [10] Nalepka D., Jurochnik A. Late Glacial and Holocene plant cover in Węgliny, Lubsza Plain, south-west Poland, based on pollen analysis // Acta Palaeobotanica. Krakow, 2013, pp. 191–233.

- [11] Raukas A. Wojciech T.J. Stankowski and others, Chronology of the last deglaciation in the Southeastern Baltic region on the basis of recent OSL dates // *Geochronometria*. Vilnius, 2010, № 36, pp. 47–54.
- [12] Santisteban, J.I., Mediavilla R., Lypez-Pamo E., Dabrio C. J., Zapata M.B.R., Garcia M.J.G., Castano S., Martinez-Alfaro P.E. Loss on ignition: a qualitative or quantitative method for organic matter and carbonate mineral content in sediments // *Journal of Paleolimnology*. 2004, № 32, pp. 287–299.

URBAN ENVIRONMENT

S.I. Fedulova,

Master in Geography, PhD student, Saint-Petersburg State University, Saint-Petersburg;
e-mail: Svetlana.kholiavko@gmail.com

FINNISH EXPERIENCE IN CITIZEN INVOLVEMENT IN URBAN PLANNING

On the basis of comparative planning and best practices of public involvement in territorial development and current trends in spatial planning in Finland are analysed. The advantages of participation of various stakeholders, new public participation methods, advanced technologies with the use of the Internet and interactive maps are provided. The current situation of public participation in Russia is described, the main difficulties standing in the way to the open and flexible planning system are uncovered. Recommendations for participation methods improvement are given. The results point out that development of participation culture and a handpicked set of different participation methods chosen accordingly to different planning stages can overcome the existing burdens to open and flexible spatial planning system. Further we analyze new informal instruments in spatial planning that are becoming increasingly popular.

Key words: Spatial planning, Finland, civil society, urban planning.

References:

- [1] Antonov A.V. Public hearings in the field of urban planning: the new format [Publichnye slushaniya v sfere gradostroitel'nogo planirovaniya: novyy format] // Practice of municipal management [Praktika munitsipal'nogo upravleniya], 2013, № 3, pp. 44–49.
- [2] Planning process and participation. City Planning Department, Helsinki [Protsess planirovaniya i uchastiya. Otdel gorodskogo planirovaniya v Khel'sinki] URL: <http://www.hel.fi/www/Helsinki/en/housing/planning/process/> (15.11.2015)
- [3] Ryabev V.V. To the question about the prospects civil society development in modern Russia [K voprosu o perspektivakh stanovleniya grazhdanskogo obshchestva sovremennoy Rossii]. Society. Environment. Development [Obshchestvo. Sreda. Razvitie], 2012, № 1, pp. 163–166.
- [4] Skatershchikov S.V., Chistobaev A.I. The principles of territorial planning and their implementation in the European Union and the Russian Federation [Printsipy territorial'nogo planirovaniya i ikh realizatsiya v Evropeiskom soyuze i Rossiiskoi Federatsii]. The Baltic region [Baltiiskii region], 2014, № 1, pp. 137–148.
- [5] The city transformation or influence redivision of the citizens and the government [electronic resource]. [Transformatsiya goroda, ili Predely vliyaniya gorozhan i vlasti]. URL: <http://urban.hse.ru/news/152695547.html> (14.01.2015)
- [6] Chistobaev A.I., Krasovskaya O.V., Skatershchikov S.V. Spatial planning on the regional level in Russia: monograph. [Territorial'noe planirovanie na urovne sub'ektov Rossii: monografiya]. Saint Petersburg, 2010, 296 p.
- [7] Environmental awareness: a view from St. Petersburg's citizens [Ekologicheskaya kul'tura naseleniya: vzglyad peterburzhtsev] / Monograph. Ed. A.I. Chistobaev St. Petersburg, St. Petersburg Academy of Sciences NTS, DBM [SPb, SPb NTS RAN, VVM], 2005, 216 p.
- [8] Bäcklund P., Mäntysalo R. Agonism and institutional ambiguity: Ideas on democracy and the role of participation in the development of planning theory and practice—the case of Finland // *Planning Theory*. Vol. 9, 2010, №. 4, pp. 333–350.
- [9] Botero A. et al. Towards peer-production in public services: Cases from Finland. 2012.
- [10] Horelli L. et al. When self-organization and urban governance intersect: Two cases from Helsinki // *Planning Theory and Practice*. Vol. 23, 2015, № 2, pp. 286–302.
- [11] Kahila-Tani M. et al. Let the Citizens Map-Public Participation GIS as a Planning Support System in the Helsinki Master Plan Process // *Planning Practice & Research*. 2015, pp. 1–20.
- [12] Kalliomäki H. Reframing strategic spatial planning as a 'coproductive trading zone' between state-led and place-based interests: Reflections from Maryland and Finland // *Land Use Policy*. 2015, Vol. 42, pp. 113–123.
- [13] Mäntysalo R. et al. Legitimacy of Informal Strategic Urban Planning – Observations from Finland, Sweden and Norway // *European Planning Studies*. Vol. 23, 2015, № 2, pp. 349–366.
- [14] Mäntysalo R., Kangasojä J. K., Kanninen V. The paradox of strategic spatial planning: A theoretical outline with a view on Finland // *Planning Theory & Practice*. Vol. 16, 2015, № 2, pp. 169–183.
- [15] Mäntysalo R., Saglie I.L., Cars G. Between input legitimacy and output efficiency: Defensive routines and agonistic reflectivity in Nordic land-use planning // *European Planning Studies*. Vol. 19, 2011, № 12, pp. 2109–2126.

Candidate culturologists, Associate Professor,
Yuri Gagarin State Technical University of Saratov, Saratov, Engels city;
e-mail: galina.vizavi@mail.ru

A.V. Voloshinov,

PhD, Professor of philosophy, Yuri Gagarin State Technical University of Saratov, Saratov, Engels city;
e-mail: galina.vizavi@mail.ru

SPATIAL SYMBOLISM AS ARCHETYPICAL FOUNDATION OF THE CULTURAL LANDSCAPE

The article investigates the cultural landscape in terms of the analysis of its semantic content which is to be treated as a semantic 'body' of the city space. The authors developed a hypothetical model of the process of determination and visualization of the mental construct of the city image on the basis of the axiological concept of the cultural landscape and spatial symbology. 'Axiological concept that was developed by authors is a base of the model structure, and contains such basic fictions as 'aesthetic ideal', 'lifestyle' and 'image of the location'. In accord to this approach, the determination of a structure of the semantic 'body' implies that an axiological images (as a dominants of semantic fields of the city) have spatial characteristics that are summarized into a single system with architecture's 'frame' and 'texture'. According to the authors, the method of analysis of town-planning education can solve many scientific research, design and aesthetic problems in the formation of semantic context urban environment.

Key words: «man-environment» system, axiological concept, module, spatial symbology, mental construct, archetype, city image, lifestyle, image of the location, aesthetic ideal, cultural landscape.

References:

- [1] Voloshinov A.V., Zabrodina G.D., Kulichenko T.V., Cheremisova E.V. Methodological analysis model cultural portrait of the City [Metodologicheskaya model' analiza kul'turologicheskogo portreta goroda] // Cultural Issues [Voprosy kul'turologii]. 2015, № 12, pp. 8–16.
- [2] Gutnov A.E. Evolution of urbanism [Jevoljucija gradostroitel'stva]. Moscow, Stroiizdat, 1984, 256 p.
- [3] Lavrenova O.A. Image space and its significance in the culture of the province of [Obraz mesta i ego znachenie v kul'ture provintsii] // Abashev V., Belousov A., Tsivjan T. Geopanorama of Russian culture. The province and its local texts [Geopanorama russkoy kul'tury. Provintsiya i ee lokal'nye teksty]. 2004. URL: http://www.e-reading.club/chapter.php/137716/62/Abashev,_Belousov,_Civ'yan_-_Geopanorama_russkoi_kul'tury__Provinciya_i_ee_lokal'nye_teksty.html#n_191
- [4] Lynch K. An image of the city [Obraz goroda] / Translation from English V.L. Glazychev; under the editorship of A.V. Ikonnikov. Moscow, Stroyizdat, 1982, 328 p.
- [5] Likhachev D.S. Book worries: memories, articles, interviews [Kniga bespokoystv: vospominaniya, stat'i, besedy] / compl. G.A. Dubrovskaya. Moscow, News, 1991, 522 p.
- [6] Lysak I.V. Problem of preservation of cultural identity in the context of globalization [Problema sokhraneniya kul'turnoy identichnosti v usloviyakh globalizatsii] // Humanitarian and socio-economic sciences [Gumanitarnye i sotsial'no-ekonomicheskie nauki]. 2010, № 4, pp. 91–95.
- [7] Pelypenko A. A., Yakovenko I. G. Culture as a system. [Kul'tura kak sistema] Moscow, Languages rus. culture, 1998, 371 p.
- [8] Salmin L.Yu. Modeling environmental situation and urban design: DIS. candidate of art criticism [Modelirovanie sredovoy situatsii i gorodskoy dizayn] / VNIITE. Moscow, 1988, 153 p.
- [9] Spengler O. The Decline in Europe [Zakat Evropy]. Moscow, INFRA-M, 1993, 649 p.

ПРАВИЛА НАПРАВЛЕНИЯ, РЕЦЕНЗИРОВАНИЯ И ОПУБЛИКОВАНИЯ НАУЧНЫХ СТАТЕЙ

Общие условия направления статей

1. Автор предоставляет в редакцию результаты оригинального исследования и гарантирует, что представленный текст не был ранее опубликован.
2. К рассмотрению принимаются статьи, сопровождаемые Заявкой* на публикацию.
3. Материалы к публикации представляются в электронном виде в редакцию (191015, Санкт-Петербург, а/я 83, Суворовский пр., 61, ЦНИТ «Астерион») или по электронной почте: terrahumana@asterion.ru, terrahumana@terrahumana.ru.
4. Объем принимаемых к публикации статей – 0,5 авторского листа (20 000 тыс. знаков), включая ссылки и сноски. Схемы, иллюстрации и таблицы, необходимые для раскрытия темы, не должны увеличивать объём статьи более чем на 0,1 авторского листа.
5. Аспиранты и соискатели учёной степени кандидата наук должны предоставить рецензию или отзыв научного руководителя на статью, заверенные печатью факультета, администрации вуза или отдела кадров вуза.
6. Все поданные к публикации материалы проходят внутреннее рецензирование. По итогам рецензирования статья может быть возвращена на доработку или отклонена.
7. Автор несет ответственность за достоверность предоставляемых сведений, фактов, цитат, статистических и социологических данных, имен собственных, географических названий и прочих сведений.
8. Подавая материал к публикации, автор соглашается с тем, что редакция имеет право редактировать текст, при условии, что правка не меняет смысла и основных выводов представленной статьи.
9. Подавая материал к публикации, автор соглашается с тем, что редакция имеет право размещать текст в сети Интернет в режиме Open Access, а также размещать статью и метаданные автора в базах данных на безгонорарной основе.
10. В одном номере журнала может быть опубликована только одна статья одного автора (исключением могут быть коллективные статьи при разном составе соавторов).

Требования к содержанию

11. К публикации принимаются научные статьи (теоретические, практические, обзорные статьи; рецензии и пр.) на русском и иностранных языках, соответствующие тематике журнала.
12. Структура научной статьи должна быть следующей**: 1) название, 2) аннотация, 3) ключевые слова, 4) введение, 5) материалы и методы, 6) результаты и выводы, 7) благодарности, 8) список использованной литературы.
13. Аннотация должна содержать: а) цели исследования; б) описание методов; в) главные выводы. Кроме того, она должна быть информативной (не содержать общих слов), содержательной (отражать основное содержание статьи и результаты исследований), структурированной (следовать логике описания результатов в статье). Англоязычные аннотации *не должны быть* калькой русскоязычной аннотации.

Правила оформления

14. Текст должен быть представлен в файле формата Microsoft Word (.doc или .rtf).
15. Текст не должен содержать двойные и более пробелы, табуляции, разбиение на колонки.
16. Кавычки оформляются так: «... ...»; кавычки внутри цитат: «... “...” ...».
17. Таблицы, формулы, схемы, графики, рисунки и др. иллюстрации должны быть пронумерованы в порядке их упоминания в тексте.
18. Иллюстрации предоставляются отдельно в виде файлов с расширением jpg, tif, bmp, png. (рисунки, как правило, помещаются на одной странице, т.е. чем больше рисунков приложено, тем меньший размер у них окажется в итоге.) Надписи на рисунках даются на языке статьи.

* Бланк заявки можно скачать на сайте www.terrahumana.ru.

** Как написать и опубликовать статью в международном научном журнале: метод. рекомендации / Сост. И.В. Сви́дерская, В.А. Кра́тасюк. – Красноярск: Сиб. федерал. ун-т, 2011. – 52 с.

19. Рисунки и другие иллюстрации должны быть подписаны. Каждая таблица должна иметь тематический заголовок.

20. Статья должна быть снабжена индексами УДК и ББК.

21. Статью должны сопровождать на русском языке: аннотация (100–250 слов), список ключевых слов (5–7).

22. Статью должны сопровождать на английском языке: название, аннотация (100–250 слов), список ключевых слов (5–7).

23. Статья должна иметь Список литературы (References) (рекомендуется 10–15 источников, включая иностранные) в двух формах: А) на русском языке (и/или языке оригинала), Б) латиницей – в транслитерированном виде и в переводе на английский язык. Правила оформления приведены на сайте журнала: <http://www.tergahumana.ru>; см. примеры оформления на с. 262–263.

24. Ссылки на источники оформляются в квадратных скобках двумя числами. Первое указывает порядковый номер издания в списке литературы, второе – номер страницы. Например, «[4, с. 25; 8, с. 48–49]». Все поясняющие примечания даются в затекстовых сносках на последней странице текста статьи.

25. Сведения об авторе статьи предоставляются на русском и английском языках и включают:

- фамилию, имя, отчество полностью;
- ученое звание / ученую степень;
- название и шифр специальности, если планируется защита диссертации;
- должность и место работы / учебы / соискательства;
- город проживания / работы;
- контактные телефоны, e-mail.

Порядок рецензирования и опубликования рукописей, поступающих в редакцию журнала

26. Рукопись принимается к рассмотрению при условии, что она соответствует требованиям к авторским оригиналам статей (материалов), принятым в журнале «Общество. Среда. Развитие».

27. Рукопись, не соответствующая научному профилю и/или редакционной политике журнала, может быть отвергнута главным редактором и/или редакционным советом без рассмотрения ее рецензентами.

28. Рукописи, поступившие в редакцию журнала, главный редактор направляет на рецензирование двум экспертам, имеющим близкую к теме статьи научную специализацию и опубликованные статьи по той области науки, к которой относится присланный материал.

29. Рецензентами выступают члены редакционного совета журнала и привлеченные эксперты.

30. В журнале принято двойное «слепое» рецензирование (рецензент не знает, кто автор статьи, автор не знает, кто рецензент). Непосредственное взаимодействие автора и рецензента исключено. Редакция не откликается на просьбы дать координаты рецензента, чтобы автор мог ему объяснить спорные положения своей статьи.

31. Все статьи проверяются рецензентом на плагиат с помощью имеющихся в его распоряжении инструментов (<http://www.antiplagiat.ru>, <http://text.ru/antiplagiat>, программа «EtXt Антиплагиат», поисковые системы и др.). В случае большого количества некорректных заимствований рецензент вправе дать отрицательное заключение без дальнейшего чтения и анализа текста рукописи.

32. Отзыв рецензента о рукописи должен быть объективным и сформулирован в соответствии с принятыми в редакции параметрами оценивания (см. п.33). Личная критика автора неуместна. Рецензенты обязаны выражать свои взгляды четко и аргументированно.

33. При вынесении заключения рецензент оценивает следующие параметры: отвечает ли статья профилю журнала; присутствует ли в статье актуальность и новизна; сформулированы ли цель и задачи; описана ли методология исследования; есть ли историографический анализ по исследуемой проблеме; присутствует ли описание эксперимента и насколько оно четкое; все ли используемые термины и дефиниции обоснованы и определены; есть ли выво-

154 | ды по статье, и пр. Наличие, отсутствие или неполное соответствие этим критериям служит основанием для выработки рекомендаций о судьбе статьи.

34. Рецензия на статью пишется в свободной форме, но обязательно должна содержать оценку указанных в п. 33 параметров.

35. Сроки рецензирования определяются ответственным секретарем редакции с учетом создания условий для максимально оперативной публикации статей, но не более 45 дней.

36. Рецензент не имеет права передавать рукопись на рецензирование другому лицу без согласования с редакцией.

37. Рецензенты, а также сотрудники редакционного совета и редакции не имеют права использовать в своих собственных интересах, частично или полностью, содержащиеся в рукописи сведения и выводы до ее опубликования. Рукописи являются интеллектуальной собственностью авторов.

38. В случае конфликта интересов (конкурентных отношений, сотрудничества или других отношений) рецензента и автора, компании или учреждения, связанных с представленной рукописью, редактор передает рукопись для рассмотрения другому рецензенту.

39. Рецензент, который считает, что не обладает достаточной квалификацией для оценки статьи, либо если присутствует конфликт интересов, должен уведомить об этом редакцию и отказаться от участия в рецензировании данной рукописи.

40. Редакция оперативно информирует авторов о принятом решении и направляет авторам копии рецензий.

41. После получения положительной рецензии редакция информирует авторов о принятии статьи к печати с указанием сроков публикации.

42. При получении отрицательной рецензии редакционный совет либо отклоняет рукопись, либо направляет предложения по доработке статьи в соответствии с замечаниями рецензента. Доработанная (переработанная) статья повторно направляется на рецензирование вместе с ее первоначальным вариантом.

43. В случае несогласия с заключениями рецензентов автор статьи имеет право предоставить аргументированный ответ в редакцию журнала, на основании которого может быть принято решение о дополнительном рецензировании. Спорные случаи выносятся на специальное рассмотрение редакционного совета, решение принимается большинством голосов.

44. Рецензии на рукописи статей хранятся в редакции журнала в течение пяти лет со дня поступления рецензии и могут быть по запросу предоставлены соответствующему экспертному совету Высшей аттестационной комиссии (ВАК) РФ.

Пример списка литературы на русском языке:

1. Хачатуров К.А. Латиноамериканские уроки для России = Latinoamericanas para Rusia. – М.: Междунар. отношения, 1999. – 394 с.
2. Загуренко А.Г., Коротовских В.А., Колесников А.А., Тимонов А.В., Кардымон Д.В. Технико-экономическая оптимизация дизайна гидроразрыва пласта // Нефтяное хозяйство. – 2008. – № 11. – С. 54–57.
3. Каневская Р.Д. Математическое моделирование гидродинамических процессов разработки месторождений углеводородов. – Ижевск, 2002. – 140 с.
4. Цыпкин Ю.А. Агрорынок и консталтинг: учебное пособие для вузов. – М.: ЮНИТИ ДАНА, 2000. – 637 с.
5. Ненашев М.Ф. Последнее правительство СССР. – М.: Кром, 1993. – 221 с.
6. От катастрофы к возрождению: причины и последствия разрушения СССР. – М.: Былина, 1999. – 319 с.
7. Усманов Т.С., Гусманов А.А., Муллагалин И.З., Мухаметшина Р.Ю., Червякова А.Н., Свешников А.В. Особенности проектирования разработки месторождений с применением гидроразрыва пласта // Новые ресурсосберегающие технологии недропользования и повышения нефтегазоотдачи: Труды VI Междунар. симпозиума. – М., 2007. – С. 267–272.
8. Лермонтов М.Ю. Собрание сочинений. В 4 т. Т. 2. Поэмы. – 2-е изд., испр. и доп. – СПб.: Наука, 1999. – 575 с.

1. Hachaturov K.A. Latin American Lessons for Russia [Latinoamericanskie Uroki dlya Rossii] = Latinoamericanas para Rusia. M., Intern. relations [Mezhdunar. otnosheniya], 1999, 394 p.
2. Zagurenko A.G., Korotovskikh V.A., Kolesnikov A.A., Timonov A.V., Kardymon D.V. Techno-economic optimization of the design of hydraulic fracturing [Tekhniko-ekonomicheskaya optimizatsiya dizaina gidrorazryva plasta]. Oil Industry [Neftyanoe khozyaistvo], 2008, no.11, pp. 54–57.
3. Kanevskaya R.D. Mathematical modeling of hydrodynamic processes of hydrocarbon deposit development [Matematicheskoe modelirovanie gidrodinamicheskikh protsessov razrabotki mestorozhdenii uglevodorodov]. Izhevsk, 2002, 140 p.
4. Zipkin Y.A. Agromarketing and konstalting: textbook for High Schools [Agromarketing i konstalting: uchebnoe posobie dlya vuzov]. M.: Dana, 2000, 637 p.
5. Nenashev M.F. Last government of the USSR [Poslednee pravitel'stvo SSSR]. Moscow, Krom Publ., 1993, 221 p.
6. From disaster to rebirth: the causes and consequences of the destruction of the Soviet Union [Ot katastrofy k vrozozhdeniju: prichiny i posledstviya razrusheniya SSSR]. Moscow, Bylina, 1999, 319 p.
7. Usmanov T.S., Gusmanov A.A., Mullagalina I.Z., Muhametshina R.Ju., Chervyakova A.N., Sveshnikov A.V. Features of the design of field development with the use of hydraulic fracturing [Osobennosti proektirovaniya razrabotki mestorozhdeniy s primeneniem gidrorazryva plasta]. Proc. 6th Int. Technol. Symp. "New energy saving subsoil technologies and the increasing of the oil and gas impact" [Trudy 6 Mezhdunarodnogo Simpoziuma "Novye resursoberegayushchie tekhnologii nedropol'zovaniya i povysheniya neftegazootdachi"]. Moscow, 2007, pp. 267–272.
8. Lermontov M.Y. Works [Sochineniya]. In 4 t. T. 2. Poems. [V 4 t. T. 2. Poemi]. – 2nd ed., Rev. and add [2-e izd., ispr. i dop]. SPb.: Nauka [SPb.: Nauka], 1999, 575 p.

РЕДАКЦИОННАЯ ЭТИКА

1. Стремясь к повышению качества научной периодики, издаваемой в России, редакция журнала «Общество. Среда. Развитие» следует публикационной этике, принятой в издательском мире. Основные нормы и правила взаимоотношений между авторами, рецензентами и редакторами строятся на основе рекомендаций, разработанных «Комитетом по этике научных публикаций»* (Committee of Publication Ethics) (COPE) и НП «Комитет по этике научных публикаций»**.

2. Редакция журнала «Общество. Среда. Развитие» в целях научного и методологического обеспечения устойчивого развития общества и гармоничного сосуществования социальной и природной среды реализует концепцию создания условий для креативного диалога между учеными гуманитарных и естественных наук.

3. Учитывая важность взаимного обмена мнениями между учеными, необходимость развития междисциплинарного дискурса, особенно между гуманитарными и естественными науками, редакция журнала «Общество. Среда. Развитие» полагает полезным увеличение количества своих авторов и читателей. В связи с этим предпочтение при рассмотрении материалов отдается подписчикам журнала.

4. Все поданные в журнал «Общество. Среда. Развитие» материалы проходят «двойное слепое» рецензирование.

5. Ответственность за некорректное заимствование лежит на авторе. Редакция журнала «Общество. Среда. Развитие» осуществляет проверку подаваемых материалов на плагиат. К сожалению, ни один из имеющихся методов проверки не гарантирует 100% выявления плагиата.

6. Редакционный совет рассматривает журнал как открытую площадку для научной дискуссии, а саму дискуссию необходимым условием для развития общества, поэтому в журнале могут быть опубликованы материалы, содержащие тезисы, не поддерживаемые редакцией.

* <http://publicationethics.org/resources/international-standards>

** <http://publicet.org>

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

- В.В. Никифоров (председатель ред. совета), кандидат технических наук, директор Центра научно-информационных технологий «Астерион», Санкт-Петербург.
- К.Г. Исупов (главный редактор), доктор философских наук, профессор, профессор кафедры эстетики и этики Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена, Санкт-Петербург.
- Н.А. Кривич (зам. главного редактора), кандидат культурологии, главный редактор издательства «Астерион», Санкт-Петербург.
- А.А. Алимов, кандидат исторических наук, доцент Санкт-Петербургского государственного университета, заведующий кафедрой социально-гуманитарных наук Российского государственного гидрометеорологического университета, Санкт-Петербург.
- А.О. Бороноев, доктор философских наук, профессор, Санкт-Петербургского государственного университета, заслуженный деятель науки РФ, Санкт-Петербург.
- Ванг Цзе, профессор, декан Института гуманитарных наук Шанхайского университета транспорта (Цзяо Тун), Шанхай, КНР.
- Ю.Н.Гладкий, доктор географических наук, профессор, член-корреспондент Российской академии образования, заведующий кафедрой экономической географии Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена, Санкт-Петербург.
- А.А. Збрицкий, доктор экономических наук, профессор, директор Института дополнительного профессионального образования ГАСИС НИУ ВШЭ, заслуженный деятель науки РФ, Москва.
- Я. Кеневич, доктор исторических наук, профессор, факультет «Artes Liberales» Варшавского университета, директор Лаборатории интердисциплинарных исследований «Artes Liberales», Варшава, Польша.
- Н.В. Ловелиус, доктор биологических наук, профессор кафедры физической географии и природопользования Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена, Санкт-Петербург.
- В.Н. Малинин, доктор географических наук, профессор Российского государственного гидрометеорологического университета, Санкт-Петербург.
- Л.В. Никифорова, доктор культурологии, профессор Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена, Санкт-Петербург.
- А.В. Петров, доктор социологических наук, доцент кафедры экономической социологии факультета социологии СПбГУ, исполнительный директор Российско-Китайского Центра сравнительных социальных, экономических и политических исследований факультета социологии СПбГУ, Санкт-Петербург.
- В.А. Румянцев, академик Российской академии наук, доктор географических наук, профессор, научный руководитель Института озераедения Российской академии наук, Санкт-Петербург.
- А.И. Субетто, доктор философских наук, доктор экономических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, Санкт-Петербург.
- И.Я. Фроянов, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры истории России с древнейших времен до XX века исторического факультета Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербург.
- Ю Кепин, профессор, директор Центра инноваций в сфере государственного управления КНР, Пекинский университет, Пекин, КНР.

УЧРЕДИТЕЛЬ:

ООО «Центр научно-информационных технологий «Астерион». 191015, Санкт-Петербург, а/я 83, (812) 685-73-00, 663-53-92, 970-35-70. E-mail: asterion@asterion.ru

---

Дизайн обложки – Е.Ю. Абдушукурова
Подготовка оригинал-макета – ЦНИТ «Астерион»

ЦНИТ «Астерион»

Заказ № 043. Подписано в печать 25.03.2016. Бумага офсетная. Формат 70×100¹/₁₆. Объем 13,5 п.л. Тираж 800 экз.
Санкт-Петербург, 191015, а/я 83, (812) 685-73-00, 970-35-70,
E-mail: asterion@asterion.ru, <http://www.terrahumana.ru>